СОДЕРЖАНИЕ

Исправления, которые следует внести в № 5—6 (75—76) журнала „Историк-марксист“ за 1939 г.

	Напечатано:	Должно быть:
В статье Р. Раимова «Экономическое положение Башкирии накануне революции 1905 г.»		
на стр. 224, левая колонка, строка 19 снизу:	О пролетариате Башкирии.	О башкирском пролетариате.
на стр. 226, правая колонка, строка 3—4 снизу:	свое двадцатипятилетие,	свое двадцатилетие,
В статье «Две неопубликованные статьи академика В. В. Бартольда о раннем исламе»		
на стр. 229, правая колонка, строка 5 сверху:	в квадратные скобки,	в квадратные скобки, а на стр. 230 и 232 в круглые скобки.
на стр. 232, левая колонка, в сноске:	Керз	Очевидно, «ссуду». (Сноска эта относится не к слову «богу», как указано в тексте, а к слову «кредит»).

Уполномоченный Главлита № А-24403 Изд. № 182. Заказ 4300. Тираж 35000.
Материал сдан в набор 2 I 1940 г. Подписано к печати 20 II 1940 г. 11 п. л. 68 000 зн. в печатном листе
Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

И. СТАЛИН

КАК ПОНИМАЕТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС?

Перевод с грузинского.

I.

Все изменяется... Изменяется общественная жизнь и вместе с нею изменяется и «национальный вопрос». В разные времена различные классы выступают на арену борьбы,—и каждый класс по своему понимает «национальный вопрос». Ясно, что «национальный вопрос» в разные времена *служит различным интересам*, принимает различные оттенки в зависимости от того, *какой* класс и *когда* выдвигает его.

Существовал, например, у нас так называемый *дворянский «национальный вопрос»*, когда—после «присоединения Грузии к России» — грузинское дворянство почувствовало как невыгодно было для него потерять старые привилегии и могущество, которые оно имело при грузинских царях, и, считая «простое подданство» умалением своего достоинства, пожелало «*освобождения Грузии*». *Этим оно хотело поставить во главе «Грузии» грузинских царей и дворянство и передать им*, таким образом, *судьбу грузинского народа!* Это был *феодально-монархический «национализм»*. Это «движение» не оставило никакого заметного следа в жизни грузин, не стяжало себе славы ни одним фактом, если не иметь в виду отдельные заговоры грузинских дворян против русских правителей на Кавказе. Достаточно было событиям общественной жизни слегка коснуться этого и без того слабого «движения», чтобы разрушить его до основания. И, действительно, развитие товарного производства, отмена крепостничества, основание дворянского банка, усиление классового антагонизма в городе и в деревне, усилившееся движение деревенской бедноты и т. п. — все это нанесло смертельный удар грузинскому дворянству и, вместе с ним, «*феодально-монархическому национализму*». Грузинское дворянство раскололось на две группы. Одна из них отказалась от всякого «национализма» и протянула руку русскому самодержавию с тем, чтобы взамен этого получить от него теплые местечки, дешевый кредит и сельскохозяйственные орудия, чтобы правительство обеспечило ее от сельских «бунтовщиков» и т. п. Другая же, более слабая, группа грузинского дворянства подружилась с грузинскими епископами и архимандритами и, таким образом, укрыла гонимый жизнью «национализм» под крылышко клерика-

лизма. Эта группа с большим увлечением занимается восстановлением разрушенных грузинских церквей (это является главной статьей ее «программы»!) — «памятников былого величия»—и благоговейно ждет чуда, призванного осуществить ее крепостническо-монархические «желания».

Таким образом, феодально-монархический национализм в последние минуты своей жизни принял клерикальную форму.

Вместе с тем современная жизнь выдвинула у нас национальный вопрос буржуазии. Когда молодая грузинская буржуазия почувствовала, насколько трудна для нее свободная конкуренция с «иностранными» капиталистами, она устами грузинских национал-демократов начала лепетать о независимой Грузии. Грузинская буржуазия хотела оградить грузинский рынок таможенным кордоном, силой изгнать с этого рынка «иностранную» буржуазию, искусственно поднять цены на товары и такими «патриотическими» проделками добиться успеха на арене обогащения.

Такой была и остается цель национализма грузинской буржуазии. Нечего и говорить, что для осуществления этой цели нужна была сила, а сила—в пролетариате. Только пролетариат мог вдохнуть жизнь выхолощенному «патриотизму» буржуазии. Необходимо было привлечь на свою сторону пролетариат и, вот, на сцену выходят «национал-демократы». Много пороху потратили они для опровержения научного социализма, много хулили они социал-демократов и советовали грузинским пролетариям отойти от них, восхваляли грузинский пролетариат и уговаривали его «в интересах самих же рабочих» усилить как-нибудь грузинскую буржуазию. Они неотступно умоляли грузинских пролетариев: не губите «Грузию» (или грузинскую буржуазию?!), забудьте «внутренние разногласия», подружитесь с грузинской буржуазией и т. п. Но тщетно! Слащавые сказки буржуазных публицистов не могли усыпить грузинский пролетариат! Беспощадные атаки грузинских марксистов, в особенности же мощное классовое столкновение, превратившее в один социалистический отряд русских, армянских, грузинских и других пролетариев,—нанесли нашим буржуазным националистам сокрушительный удар и изгнали их с поля борьбы.

«Для восстановления посрамленного имени» нашим сбежавшим патриотам необходимо было «изменить хотя бы окраску», хотя бы облечься в социалистический наряд, если они и не могли усвоить социалистических мыслей. И, действительно, на сцену вынырнул нелегальный... буржуазно-националистический — с позволения сказать — «социалистический» орган «Сакартвело»! Так хотели соблазнить грузинских рабочих! Но было уже поздно! Грузинские рабочие научились различать черное от белого, они легко догадались, что буржуазные националисты «изменили только окраску», а не существо своих взглядов, что у «Сакартвело» одно лишь название социалистическое. Да, поняли это и подняли на смех «спасителей» Грузии! Не оправдались надежды донкихотов из «Сакартвело»!

С другой стороны, наше экономическое развитие постепенно прокладывает мост между передовыми кругами грузинской буржуазии и «Россией», экономически и политически связывает эти круги с «Россией», и тем самым расшатывает почву и без того расшатанного буржуазного национализма. И это второй удар по нашему буржуазному национализму!

На арену борьбы выступил новый класс, пролетариат,—и вместе с ним возник новый «национальный вопрос», «национальный вопрос» пролетариата. Насколько отличается пролетариат от дворянства и буржуазии, настолько же отличается выдвинутый пролетариатом «национальный вопрос» от «национального вопроса» дворянства и буржуазии.

Теперь поговорим об этом «национализме».

Как понимает социал-демократия «национальный вопрос»? Российский пролетариат давно заговорил о борьбе. Как известно, целью всякой борьбы является победа. Но для победы пролетариата необходимо объединение всех рабочих без различия национальности. Ясно, что разрушение национальных перегородок и тесное сплочение русских, грузинских, армянских, польских, еврейских и проч. пролетариев является необходимым условием победы российского пролетариата. Таковы интересы российского пролетариата.

Но российское самодержавие, как злейший враг российского пролетариата, постоянно оказывает сопротивление делу объединения пролетариев. Оно разбойнически преследует национальную культуру, язык, обычаи и учреждения «чужих» национальностей России; самодержавие лишает их необходимых гражданских прав, притесняет со всех сторон, фарисейски сеет между ними недоверие и вражду, подстрекает их к кровопролитным столкновениям, показывая этим, что единственная цель русского самодержавия заключается в том, чтобы рассорить нации, населяющие Россию, обострить между ними национальную рознь, укрепить национальные перегородки и тем самым с бо́льшим успехом разъединить пролетариев, с бо́льшим успехом распылить весь российский пролетариат на мелкие национальные группы и таким путем вырыть могилу классовому самосознанию рабочих, их классовому объединению.

Таковы интересы русской реакции, такова политика русского самодержавия.

Ясно, что интересы российского пролетариата, рано или поздно, неизбежно должны были столкнуться с реакционной политикой царского самодержавия. Так и произошло, и именно на этой почве возник в социал-демократии «национальный вопрос».

Как разрушить национальные перегородки, воздвигнутые между нациями, как уничтожить национальную замкнутость, чтобы лучше сблизить друг с другом российских пролетариев, чтобы теснее сплотить их?

Таково содержание «национального вопроса» в социал-демократии. Разделиться на отдельные национальные партии и создать из них «свободный союз», — отвечают федералисты-социал-демократы.

То же самое твердит «социал-демократическая организация армянских рабочих».

Как видите, нам советуют не объединиться в одну российскую партию с единым центром во главе, а разделиться на несколько партий с несколькими руководящими центрами, и все это для усиления классового единства! Мы хотим сблизить друг с другом пролетариев разных наций. Что же мы должны предпринять?—Отдалите друг от друга пролетариев и достигнете цели! — отвечают федералисты-социал-демократы. Мы хотим пролетариев объединить в одну партию. Что же мы должны предпринять? — Распылите российский пролетариат на отдельные партии и вы достигнете цели!—отвечают федералисты-социал-демократы. Мы хотим уничтожить национальные перегородки. Какие меры предпринять? — Укрепите национальные перегородки организационными перегородками и достигнете цели! — отвечают они. И все это советуют нам, российским пролетариям, ведущим борьбу в одинаковых политических условиях, имеющим одного и того же общего врага! Одним словом, нам говорят: действуйте на радость врагам и похороните вашу святую цель вашими же руками!

Но согласимся на минуту с федералистами-социал-демократами и последуем за ними, — посмотрим, куда они нас приведут! Сказано: преследуй лжеца до порога лжи.

Допустим, что мы послушались наших федералистов и основали отдельные национальные партии. Какие последуют за этим результаты?

Это не трудно понять. Если до настоящего времени, пока мы были централистами, главное внимание обращали на общие условия

положения пролетариев, на **единство** их интересов, а об их «национальных различиях» говорили лишь постольку, поскольку это не противоречило их **общим** интересам,—если до настоящего времени первейшим вопросом для нас был вопрос о том,—в чем сходятся между собой пролетарии национальностей России, что общего между ними, — чтобы на почве этих общих интересов построить одну централистскую партию рабочих всей России,—в настоящее время, когда «мы» стали федералистами, наше внимание привлекает новый главнейший вопрос: чем отличаются друг от друга пролетарии национальностей России, каково различие между ними, чтобы на почве «национального различия» построить отдельные национальные партии. Таким образом второстепенные для централиста «национальные различия» становятся для федералиста фундаментом национальных партий.

Если мы будем следовать по этому пути, то рано или поздно вынуждены будем заключить, что «национальные» и еще какие-либо иные «различия», например, армянского пролетария таковы же, как и армянской буржуазии, что у армянского пролетария и армянского буржуа одинаковые обычаи и характер, что они составляют один народ, одну неделимую «нацию» *). Отсюда недалеко до «почвы совместного действия», на которую должны стать и буржуа и пролетарии и протянуть друг другу руки, как члены одной и той же «нации». Фарисейская политика самодержавного царя может показаться «новым» доказательством такой дружбы. А разговоры о классовом антагонизме покажутся «неуместным

---

*) «Социал-демократическая организация армянских рабочих» только что сделала этот похвальный шаг. Она в своем «манифесте» решительно заявляет, что «пролетариат (армянский, **И. С.**) нельзя отделить от общества (армянского, **И. С.**): объединенный (армянский) пролетариат должен быть самым разумным и сильным органом армянского народа», что «армянский пролетариат, объединенный в социалистическую партию, должен стремиться к определению армянской общественной мысли, что армянский пролетариат будет родным сыном своего племени» и проч. (см. ст. 3 Манифеста «Социал-демократической организации армянских рабочих»).

Во-первых, непонятно: почему «нельзя отделить армянский пролетариат от армянского общества», если это «отделение» происходит на каждом шагу? Разве объединенный армянский пролетариат не «отделился» от армянского общества, когда он в 1900 году (в Тифлисе) объявил войну армянской буржуазии и буржуазно-мыслящим армянам?! Что же представляет собой «Социал-демократическая организация армянских рабочих», если не классовую организацию пролетариев армян, которые «отделились» от других классов армянского общества? Или, быть может, «Социал-демократическая организация армянских рабочих» является организацией всех классов!? Ну, а может ли борющийся армянский пролетариат ограничиться «определением армянской общественной мысли», не обязан ли он итти вперед, объявить борьбу этой — до мозга костей буржуазной «общественной мысли» и вдохнуть в нее революционный дух? Факты говорят, что он обязан. Но если это так, то само собой ясно, что «Манифест» должен был обратить внимание читателя не на «определение общественной мысли», а на борьбу с этой мыслью, на необходимость ее революционизирования: этим он лучше охарактеризовал бы обязанности «социалистического пролетариата». И, наконец, разве армянский пролетариат может быть «родным сыном своего племени», когда одна часть этого племени — армянская буржуазия — как паук сосет его кровь, а другая часть — армянское духовенство — помимо того, что сосет кровь рабочих, систематически развращает его сознание? Все эти вопросы просты и неизбежны, если смотреть на дело с точки зрения классовой борьбы, но авторы «Манифеста» не замечают этих вопросов, потому что они смотрят на дело с федералистически-националистической точки зрения, перенятой ими у Бунда (еврейский рабочий союз). И вообще, авторы «Манифеста» как бы поставили себе целью — во всем подражать Бунду. В свой «Манифест» они внесли и вторую статью резолюции V съезда Бунда «О положении Бунда в партии». Они называют «Социал-демократическую организацию армянских рабочих» единственной защитницей интересов армянского пролетариата (см. ст. 3 указанного «Манифеста»). Авторы «Манифеста» забыли, что кавказские комитеты нашей партии вот уже несколько лет считаются представителями армянских (и других) пролетариев на Кавказе, что они развивают в них классовое самосознание путем устной и печатной пропаганды и агитации на армянском языке, руководят ими во время борьбы и проч., тогда как «Социал-демократическая организация армянских рабочих» родилась лишь позавчера. Все это они забыли, и, надо надеяться, многое еще позабудут, лишь бы в точности перенять организационные и политические взгляды Бунда.

доктринерством». А там еще чья-либо поэтическая рука «смелее» коснется узко-национальных струн, пока еще существующих среди пролетариев национальностей России, и заставит их зазвучать на соответствующий лад. Шовинистическому шарлатанству откроется кредит (доверие), друзья покажутся врагами, враги друзьями — произойдет переполох, измельчает классовое самосознание российского пролетариата! Вместо того, чтобы разрушить национальные перегородки, мы, по милости федералистов, еще больше укрепим их организационными перегородками; вместо того, чтобы двинуть вперед классовое самосознание пролетариата, мы отбросим его назад и подвергнем опасным испытаниям. И «возрадуется сердце» самодержавного царя, ибо ему никогда не удалось бы заполучить подобных нам даровых помощников.

Неужели это было нашей целью?!

И, наконец, в то время, когда нам необходима единая, гибкая, централизованная партия, Центральный Комитет которой сможет вмиг поставить на ноги рабочих всей России и повести их на решительный штурм самодержавия и буржуазии,—нам суют в руки уродливый, распыленный на отдельные партии «федералистический союз»! Вместо острого оружия нам дают заржавленное и уверяют: этим вы, дескать, скорее покончите с вашими кровными врагами!

Вот куда ведут нас федералисты-социал-демократы!

Но так как мы добиваемся не «укрепления национальных перегородок», а их разрушения, так как нам необходимо не заржавленное, а острое оружие, чтобы с корнем вырвать нынешнюю несправедливость; так как мы хотим доставить врагу не радость, а горечь, хотим сравнять его с землею, ясно, что наша священная обязанность—отвернуться от федералистов и найти лучший ответ для решения «национального вопроса».

II.

До сих пор мы говорили о том, как не следует решать «национальный вопрос». Теперь поговорим о том, как надо решать этот вопрос, т. е. как разрешила его социал-демократическая рабочая партия *).

Прежде всего необходимо помнить, что действующая в России социал-демократическая партия назвала себя Российской (а не русской). Очевидно, этим она хотела нам показать, что она под своим знаменем будет собирать не только русских пролетариев, но и пролетариев всех национальностей России и, следовательно, она примет все меры для уничтожения воздвигнутых между ними национальных перегородок.

Далее, наша партия очистила «национальный вопрос» от окутывающего его тумана, придававшего ему таинственный вид, расчленила этот вопрос на отдельные элементы, придала каждому из них характер классового требования и изложила их в программе в виде отдельных статей. Этим она ясно нам показала, что взятые сами по себе так называемые «национальные интересы» и «национальные требования» не имеют никакой цены, что эти «интересы» и «требования» достойны внимания лишь настолько, насколько они двигают вперед или могут двинуть вперед классовое самосознание пролетариата, его классовое развитие.

Всем этим Российская социал-демократическая рабочая партия ясно наметила тот путь, на который она встала, и ту позицию, которую она заняла при решении «национального вопроса».

Из каких частей состоит «национальный вопрос», чего требуют г.г. федералисты-социал-демократы?

---

*) Не лишним будет заметить, что нижеследующее является комментарием к статьям нашей партийной программы, относящимся к национальному вопросу.

1) «Гражданское равенство для национальностей России»?

Вас волнует господствующее в России гражданское неравенство? Вы хотите вернуть национальностям России отнятые правительством гражданские права и поэтому требуете для этих национальностей гражданского равенства? А мы разве против этого требования? Мы прекрасно понимаем, какое большое значение имеют гражданские права для пролетариев. Гражданские права — это оружие борьбы; отнять эти права — значит отнять оружие; а кто не знает, что безоружные пролетарии не могут хорошо бороться? Для российского пролетариата же необходимо, чтобы пролетарии всех национальностей России боролись хорошо, ибо чем лучше будут бороться эти пролетарии, тем больше у них будет классового самосознания, а чем больше будет у них классового самосознания, тем теснее будет классовое единство российского пролетариата. Да, все это нам известно и потому всеми нашими силами мы боремся и будем бороться за гражданское равенство национальностей России! Прочтите 7-ю статью нашей партийной программы, где партия говорит о «полном равноправии всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности», — и вы увидите, что Российская социал-демократическая рабочая партия принимает на себя осуществление этих требований.

Чего еще требуют федералисты-социал-демократы?

2) «Свободы языка для национальностей России»?

Вас волнует тот факт, что пролетариям «чужих» национальностей России почти воспрещено учиться на родном языке, говорить на родном языке в общественных, государственных и других учреждениях? Действительно, есть отчего волноваться! Язык—орудие развития и борьбы. У разных наций — разные языки. Интересы российского пролетариата требуют, чтобы пролетарии национальностей России имели полное право пользоваться тем языком, на котором они могут более свободно получить образование, на котором лучше могут бороться с врагами на собраниях, в общественных, государственных и др. учреждениях. Таким языком признан родной язык. Пролетариев «чужих» национальностей лишают родного языка, и разве мы можем молчать, — говорят они. Ну, а как отвечает на это российскому пролетариату наша партийная программа? Прочтите 8-ю статью нашей партийной программы, в силу которой наша партия требует: «Права населения получать образование на родном языке, обеспечиваемого созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; права каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введения родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях», — прочтите все это и убедитесь, что Российская социал-демократическая рабочая партия принимает на себя осуществление и этого требования.

Еще чего требуют федералисты-социал-демократы?

3) «Самоуправления для национальностей России»?

Вы хотите этим сказать, что одни и те же законы нельзя одинаково применять к различным местностям российского государства, отличающимся друг от друга своеобразными бытовыми условиями и составом населения? Вы хотите, чтобы указанным местностям было предоставлено право приспособить общие государственные законы к их своеобразным условиям? Если это так, если таково содержание вашего требования,— то необходимо придать ему и соответствующую форму, нужно отбросить националистическую туманность, путаницу и назвать вещи своими именами. И если вы последуете этому совету, то вы убедитесь, что мы ничего не имеем против такого требования. Для нас само собой ясно, что различные местности российского государства, отличающиеся друг от

друга своеобразными бытовыми условиями и составом населения, не могут однообразно применять государственную конституцию, что необходимо таким местностям предоставить право осуществлять общую государственную конституцию в той форме, в которой они извлекут бóльшую пользу, в которой они полнее разовьют имеющиеся в народе политические силы. Этого требуют классовые интересы российского пролетариата. И если вы перечитаете 3-ю статью нашей партийной программы, где наша партия требует «широкого местного самоуправления; областного самоуправления для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения»,— то вы увидите, что Российская социал-демократическая рабочая партия сначала очистила это требование от националистического тумана, и затем — взяла на себя его осуществление.

4) Вы указываете нам на царское самодержавие, которое зверски преследует «национальную культуру» «чужих» национальностей России, которое разбойнически вмешивается в их внутреннюю жизнь и притесняет их со всех сторон, которое варварски разрушило (и продолжает разрушать) культурные учреждения финляндцев, разбойнически захватило армянское национальное имущество и т. д.? Вы требуете гарантии от разбойничьих насилий самодержавия? Но разве мы не видим насилий царского самодержавия, и разве мы не боролись постоянно против этих насилий?! В настоящее время для всякого очевидно, как притесняет и душит нынешнее российское правительство «чужие» национальности России. Не подлежит также сомнению, что подобная политика правительства изо дня в день развращает и подвергает опасным испытаниям классовое самосознание российского пролетариата. Следовательно, мы всегда и везде будем бороться против развращающей политики царского правительства. Следовательно, мы всегда и везде будем защищать от полицейских насилий самодержавия не только полезные, но даже бесполезные учреждения этих национальностей, так как интересы российского пролетариата подсказывают нам, что только сами национальности имеют право уничтожать или развивать те или другие стороны своей национальной культуры. Но читайте 9-ю статью нашей программы. Разве не об этом идет речь в 9-й статье нашей партийной программы, — которая, кстати сказать, вызвала много пересудов как среди наших врагов, так и среди друзей.

Но здесь прерывают нас и советуют прекратить разговоры о 9-й статье. Но почему? спрашиваем мы. «Потому», отвечают они, что эта статья нашей программы «коренным образом противоречит» 3-й, 7-й и 8-й статьям той же программы, что, если национальностям предоставляются права по своей воле устраивать все свои национальные дела (см. ст. 9), то тогда в упомянутой программе не должно быть никакого места статьям 3-й, 7-й и 8-й,—и, наоборот, если эти статьи остаются в программе, то тогда несомненно должна быть исключена из программы статья 9-я. Несомненно, нечто подобное говорит «Сакартвело» *), когда со свойственным ему легкомыслием спрашивает: «что за логика — сказать нации: я предоставляю тебе областное самоуправление,—и в то же самое время напомнить ей, что она имеет право по своему усмотрению устраивать все свои национальные дела?» (см. «Сакартвело» № 9). «Видно» в программу вкралось логическое противоречие, «видно» для устранения этого противоречия необходимо исключить из программы какую-либо одну или несколько статей! Да, «безусловно» нужно исключить, а то как же, смотрите, сама логика протестует устами нелогичного «Сакартвело».

---

*) Мы здесь касаемся «Сакартвело» лишь для того, чтобы лучше выяснить содержание 9-й статьи. Целью настоящей статьи является критика федералистов-социал-демократов, а не «сакартвелоистов», коренным образом отличающихся от первых (см. главу I).

Вспоминается одно древнее сказание. Жил когда-то «мудрец-анатом». В его распоряжении было «все необходимое» для «настоящего» анатома: диплом, помещение, инструменты, непомерные претензии. Нехватало ему лишь малого — знания анатомии. Однажды к нему обратились с просьбой объяснить, какая существует связь между частями скелета, которые были разбросаны им на анатомическом столе. Таким образом, нашему «прославленному мудрецу» представился случай отличиться. «Мудрец» с большой помпой и торжественностью приступил к «делу»! Но вот беда! — «Мудрец» ни аза не понимал в анатомии, он не знал, какую часть к чему приставить, чтобы в результате получить целый скелет! Долго возился бедняга, много потел, но тщетно! Наконец, когда у него все перепуталось и ничего не вышло, он схватил несколько частей скелета, отшвырнул их далеко от себя и при этом философски обругал «злонамеренных» лиц, якобы положивших на его стол не настоящие части скелета. Зрители, конечно, подняли на-смех «мудреца-анатома».

Подобное «приключение» произошло и с «Сакартвело». Ему вздумалось разобрать нашу партийную программу, но оно, оказывается, не знало, что же представляет собой наша программа и как ее следует разбирать, не поняло, какая существует связь между отдельными статьями этой программы и что представляет собой каждая статья в отдельности, — и вот «философски» советует нам: так как я не мог понять таких-то и таких-то статей вашей программы, то поэтому (?!) необходимо выбросить их вон из программы.

Но я не хочу поднимать на-смех и без того смешного «Сакартвело»,— говорят: лежачего не бьют! Наоборот, я готов даже оказать ему помощь в деле разъяснения нашей программы, но при условии, чтобы оно 1) собственными устами признало свое кричащее невежество; 2) внимательно слушало меня и 3) было бы в ладу с логикой *).

Дело вот в чем. 3-я, 7-я и 8-я статьи нашей программы возникли на почве п о л и т и ч е с к о г о ц е н т р а л и з м а. Когда Российская социал-демократическая рабочая партия вносила эти статьи в свою программу, она руководствовалась тем соображением, что так называемое «окончательное» решение «национального вопроса», т. е. «освобождение» «чужих» национальностей России, вообще говоря, невозможно до тех пор пока политическое господство находится в руках буржуазии. Это имеет двоякую причину: во-первых, нынешнее экономическое развитие постепенно прокладывает мост между «чужими национальностями» и «Россией», устанавливает все большую и большую связь их друг с другом и тем самым порождает дружеские чувства в руководящих кругах буржуазии этих национальностей, что лишает почвы их «национально-освободительные» устремления; и во-вторых, в о о б щ е г о в о р я, пролетариат не будет поддерживать так называемое «национально-освободительное» движение, так как до настоящего времени всякое т а к о е движение совершалось в пользу буржуазии, развращало и калечило классовое самосознание пролетариата. Это общее убеждение породило идею п о л и т и ч е с к о г о ц е н т р а л и з м а и обусловленные ею 3-ю, 7-ю и 8-ю статьи нашей партийной программы.

Но это, как сказано выше, является о б щ и м взглядом.

Могут создаться такие экономические и политические условия, при которых передовые круги буржуазии «чужих» национальностей захотят «национального освобождения».

Может случиться также, что такое движение окажется выгодным для развития классового самосознания пролетариата.

Как должна поступить тогда наша партия?

---

*) Считаю необходимым сообщить читателю, что «Сакартвело» с первых же номеров объявило войну логике, как оковам, с которыми необходимо бороться. Не следует обращать внимания на то обстоятельство, что «Сакартвело» часто говорит от имени логики, оно поступает так по свойственным ему легкомыслию и забывчивости.

Вот, именно, для таких возможных случаев и включена в нашу программу 9-я статья, именно в предвидении таких возможных обстоятельств предоставляется национальностям право, в силу которого они будут стараться устроить свои национальные дела согласно своим желаниям (например, вовсе «освободиться»).

Наша партия, партия, ставящая своей целью быть руководителем борющегося пролетариата всей России,—должна встретить подготовленной такие возможные случаи в жизни пролетариата и потому она должна была внести соответствующую статью в свою программу. Так должна поступать всякая предусмотрительная, дальновидная партия.

Однако, оказывается, «мудрецов» из «Сакартвело», а также некоторых федералистов-социал-демократов не удовлетворяет подобный смысл 9-й статьи. Они требуют «решительного», «прямого» ответа на вопрос: выгодна или невыгодна пролетариату «национальная независимость»? *).

Я вспоминаю русских метафизиков 50-х годов прошлого столетия, которые назойливо спрашивали тогдашних диалектиков: полезен или вреден дождь для урожая, и требовали от них «решительного» ответа. Диалектикам не трудно было доказать, что такая постановка вопроса совершенно не научна, что в разное время различно следует отвечать на такие вопросы, что во время засухи дождь — полезен, а в дождливое время — бесполезен, и даже вреден, что, следовательно, требование «решительного» ответа на такой вопрос является явной глупостью.

Но подобные примеры «Сакартвело» не пошли впрок!

Такого же «решительного» ответа требовали от марксистов последователи Бернштейна на вопрос: полезны или вредны для пролетариата кооперативы (т. е. потребительско-производственные товарищества)? Марксистам не трудно было доказать бессодержательность подобной постановки вопроса, они очень просто разъяснили, что все зависит от времени и места, что там, где классовое самосознание пролетариата достигло должного уровня развития, где пролетарии объединены в одну крепкую политическую партию,—там кооперативы могут принести большую пользу пролетариату, если за их создание и руководство возьмется сама партия, там же, где этих условий нет — кооперативы являются вредными для пролетариата, так как они порождают у рабочих мелко-торгашеские тенденции и цеховую замкнутость и таким образом искажают их классовое самосознание.

Но и этот пример «сакартвелоистам» не пошел впрок. Они еще настойчивее спрашивают: полезна или вредна для пролетариата национальная независимость? Дайте решительный ответ!

Но мы видим, что тех обстоятельств, которые могут породить и развить «национально-освободительное» движение среди буржуазии «чужих» национальностей,— этих обстоятельств пока не существует и они не так-то уж неизбежны в будущем,— они допущены нами лишь как возможные обстоятельства. Кроме того, ведь пока и невозможно знать, на какой ступени развития будет тогда классовое самосознание пролетариата, насколько полезно или вредно будет это движение для пролетариата! Спрашивается, на какой же почве строить **) «решительный» ответ на этот вопрос, откуда вывести его? И разве не глупо требовать «решительного» ответа при таком положении вещей?

Ясно, что разрешение этого вопроса нужно предоставить самим «чужим» национальностям, а мы должны завоевать им право решения этого вопроса. Пусть сами национальности решают, когда это потребуется от них, полезна или вредна для них «национальная независимость» и если

---

*) См. статью «Старого (т. е. устаревшего!) революционера» в № 9 «Сакартвело».

**) Г.г. «сакартвелоисты» всегда строят свои требования на песке и не представляют себе существование людей, которые могут найти более прочную почву своим требованиям!

полезна — то в какой форме следует осуществить ее? Лишь они могут решить этот вопрос! Таким образом, в силу 9-й статьи «чужим» национальностям предоставлено право устраивать свои национальные дела соответственно своим желаниям. А мы, в силу той же статьи, обязаны добиваться того, чтобы желания этих национальностей были подлинно социал-демократическими, чтобы эти желания исходили из классовых интересов пролетариата. А для этого необходимо в социал-демократическом духе просвещать пролетариев этих национальностей, подвергнуть суровой социал-демократической критике некоторые реакционные «национальные» нравы, обычаи и учреждения, что вовсе не помешает нам защищать эти же нравы, обычаи и учреждения от полицейского насилия.

Такова основная мысль 9-й статьи.

Легко заметить, какую глубокую логическую связь имеет эта статья нашей программы с принципами пролетарской классовой борьбы. И так как вся наша программа построена на этом принципе, само собой ясна логическая связь статьи 9-й со всеми остальными статьями нашей партийной программы.

Тупоумное «Сакартвело» потому и называется «мудрым» органом печати, что оно не переваривает таких простых мыслей.

Что-же еще осталось от «национального вопроса»?

5) «Защита национального духа и его свойств»?

Но что же такое этот «национальный дух и его свойства»? Наука устами диалектического материализма давно доказала, что никакого «национального духа» не существует и существовать не может. Опроверг ли кто-нибудь этот взгляд диалектического материализма? История говорит нам, что никто не опроверг. Следовательно, мы обязаны согласиться с указанным взглядом науки, обязаны вместе с наукой повторить, что никакого «национального духа» не существует и существовать не может. И если это так, если никакого «национального духа» не существует,— то само собой ясно, что всякая защита того, что не существует, является логической глупостью, которая неизбежно повлечет за собой соответствующие исторические (не желательные) последствия. Говорить о таких «философских» глупостях к лицу разве только «Сакартвело» — «органу революционной партии грузинских социал-федералистов» (см. «Сакартвело» № 9) *)

---

*) Что же представляет собой так странно именующая себя «партия»? «Сакартвело» повествует (см. приложение первое к № 10 «Сакартвело»), что «весной текущего года за границей собрались грузинские революционеры: грузинские анархисты, сторонники «Сакартвело», грузинские социал-революционеры и... объединились... в «партию» грузинских социалистов-федералистов»... Да, именно анархисты, которые всем сердцем и душой презирают всякую политику, социал-революционеры, которые обожают политику, «сакартвелоисты», которые отрицают всякие террористические и анархические мероприятия,— вот этакая пестрая и взаимно-отрицающая друг друга публика, оказывается, объединилась... в «партию»! Идеальная разношерстность, какую только когда-либо может себе представить человек! Вот где человеку не будет скучно! Ошибаются те организаторы, которые утверждают, что для объединения людей в партию необходима общность принципов! Не общность принципов, говорит нам эта пестрая публика, а отсутствие принципов является той почвой, на которой должна быть построена «партия»! Прочь от нас «теория», принципы — эти рабские оковы! Чем скорее мы освободимся от них, тем лучше,— философствует эта пестрая публика. И, действительно, как только эти люди освободились от принципов, они тотчас же одним взмахом построили... карточный домик — виноват — «партию грузинских социал-федералистов». Оказывается, «семь с половиной человек» в любое время могут создать «партию», когда они соберутся вместе! И как тут не посмеяться, когда эти невежды, «офицеры» без армии предаются философствованию: Российская социал-демократическая рабочая партия «является антисоциалистической, реакционной» и проч.; русские социал-демократы — «шовинисты», Кавказский союз нашей партии «рабски» подчиняется Централь-

«Национальный вопрос» исчерпан! Наша партия расчленила его на отдельные части, извлекла из него жизненные соки, разлила их по венам своей программы и всем этим показала как следует решать «национальный вопрос» в социал-демократии, чтобы до основания разрушить национальные перегородки, ни на минуту не отдаляясь от дорогих нам принципов.

Для чего нужны — спрашивается — отдельные национальные партии? Или где же тот социал-демократический «базис», на котором должны быть построены организационные и политические воззрения федералистов-социал-демократов? Такого «базиса» не видно, его не существует. Федералисты-социал-демократы висят в воздухе.

Из такого неудобного положения они могут выйти двояким путем. Либо они должны окончательно отойти от точки зрения революционного пролетариата и принять принцип укрепления национальных перегородок (оппортунизм в федералистической форме); либо они должны отказаться от всякого федерализма в партийной организации, смело поднять знамя уничтожения национальных перегородок и сплотиться в лагере Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Газета «Пролетариатис брдзола» («Борьба пролетариата») № 7. 1(14) сентября 1904 г.

ному Комитету партии **) и т. д. (см. резолюции первой конференции грузинских революционеров). Лучшего и не следовало ожидать от археологических остатков времен Бакунина: каковы деревья — таковы и плоды, каковы фабрики — таковы и товары. Такова вкратце буржуазно-националистическая партия пестрой публики.

**) Должен отметить, что согласованные действия отдельных частей партии некоторым ненормальным «индивидам» показались «рабским подчинением». Это все от слабости нервов — говорят врачи.

И. СТАЛИН

КЛАСС ПРОЛЕТАРИЕВ И ПАРТИЯ ПРОЛЕТАРИЕВ

(По поводу первого пункта устава партии)

Перевод с грузинского.

Прошло то время, когда смело провозглашали: «единая и неделимая Россия». Теперь и ребенок знает, что «единой и неделимой» России не существует, что она давно разделилась на два противоположных класса: на буржуазию и пролетариат. Теперь ни для кого не является тайной, что борьба между этими двумя классами превратилась в ту ось, вокруг которой вращается наша современная жизнь.

Да, теперь это ни для кого уже не составляет тайны.

Тем не менее до настоящего времени все это трудно было заметить, — и это потому, что до сих пор мы видели на арене борьбы лишь отдельные группы, ибо боролись лишь отдельные группы в отдельных городах и уголках, а пролетариата и буржуазии, как классов, не было видно, их трудно было заметить. Но, вот, объединились города и районы, различные группы пролетариата протянули друг другу руку, вспыхнули общие забастовки и демонстрации, — и перед нами открылась величественная картина борьбы между двумя Россиями, Россией буржуазной и Россией пролетарской. На арену борьбы выступили две большие армии: армия пролетариев и армия буржуа, и борьба между этими двумя армиями охватила всю нашу современную историю.

Так как армия не может действовать без руководителей и так как каждая армия имеет свой передовой отряд, который идет впереди нее и освещает ей путь, — то ясно, что вместе с этими армиями должны были выступить и соответствующие группы руководителей, соответствующие партии, как говорят обычно.

Итак, картина приняла следующий вид: на одной стороне армия буржуа во главе с либеральной партией, а на другой — армия пролетариев во главе с социал-демократической партией,— каждой армией в ее классовой борьбе руководит собственная партия *).

Мы коснулись всего этого для того, чтобы сравнить партию пролетариев с классом пролетариев и тем самым выяснить вкратце ее общую физиономию.

Сказанное в достаточной мере выяснило, что партия пролетариев, как боевая группа руководителей, во-первых, должна быть гораздо меньше класса пролетариев по количеству своих членов; во-вторых, должна стоять выше класса пролетариев по своей сознательности и по своему

*) Мы ничего не говорим о других партиях в России, так как для выяснения разбираемых нами вопросов нет никакой необходимости говорить о них.

опыту; и, в-третьих, должна представлять из себя сплоченную организацию.

Сказанное, по нашему мнению, не нуждается в доказательствах, так как само собой понятно, что пока существует капиталистический порядок, который неизменно сопровождается нищетой и отсталостью народных масс, — весь пролетариат не сможет подняться до желательной сознательности, что, стало быть, необходима группа сознательных руководителей, которая социалистически просвещает армию пролетариата, объединяет ее и руководит ею во время борьбы. Ясно также и то, что партия, которая поставила своей целью руководить борющимся пролетариатом, должна представлять не случайное скопление одиночек, а сплоченную централизованную организацию, чтобы можно было направлять ее работу по единому плану.

Такова, вкратце, общая физиономия нашей партии.

Запомним все это и перейдем к нашему главному вопросу: кого мы можем назвать членом партии? Первый пункт партийного Устава, по поводу которого написана эта статья, касается именно этого вопроса. Итак, рассмотрим этот вопрос.

Кого же, стало быть, мы можем назвать членом Росс. Соц. Дем. Рабочей Партии, т. е. каковы обязанности члена партии?

Партия наша — социал-демократическая. Это значит, что она имеет свою собственную программу (ближайшие и конечные цели движения), свою собственную тактику (способы борьбы) и свой собственный организационный принцип (форму объединения). Единство программных, тактических и организационных взглядов является той почвой, на которой строится наша партия. Лишь единство этих взглядов может объединить членов партии в одну централизованную партию. Рушится единство взглядов — рушится и партия. Следовательно, членом партии можно назвать лишь того, кто полностью принимает партийную программу, тактику и организационный принцип. Лишь тот, кто достаточно изучил и полностью принял программные, тактические и организационные взгляды нашей партии, может быть в рядах нашей партии и вместе с тем в рядах руководителей армии пролетариев.

Но достаточно ли для члена партии только принятия партийной программы, тактики и организационных взглядов? Можно ли назвать такого человека подлинным руководителем армии пролетариев? Конечно, нет! Во-первых, всем известно, что на свете существует не мало болтунов, которые с удовольствием «примут» партийную программу, тактику и организационные взгляды, но ни на что, кроме болтовни, не способны. Было бы осквернением святая-святых партии назвать такого болтуна членом партии (т. е. руководителем армии пролетариев)! Да к тому же, наша партия ведь не философская школа, или религиозная секта. Разве наша партия не есть партия борьбы? И если это так, разве не ясно само собой, что нашу партию не удовлетворит платоническое принятие ее программы, тактики и организационных взглядов, что она несомненно потребует от своего члена осуществления принятых взглядов? Значит, кто хочет быть членом нашей партии, тот не может довольствоваться принятием программных, тактических и организационных взглядов нашей партии и должен взяться за осуществление этих взглядов, за проведение их в жизнь.

Но что значит для члена партии осуществление партийных взглядов? Когда он может осуществить эти взгляды? Лишь тогда, когда он борется, когда он вместе со всей партией идет впереди армии пролетариата. Возможна ли борьба в одиночку, вразброд? Конечно, нет! Наоборот, люди сначала объединяются, сначала организуются и потом уже идут в бой. Без этого бесплодна всякая борьба. Ясно, что и члены партии только тогда смогут бороться и, стало быть, осуществлять партийные взгляды, когда они объединятся в сплоченную организацию. Ясно

также, что чем в более сплоченную организацию объединятся члены партии, тем лучше они будут бороться, стало быть, тем полнее осуществят программу, тактику и организационные взгляды партии. Не даром говорят, что наша партия есть организация руководителей, а не скопление одиночек. А если наша партия есть организация руководителей, то ясно, что членом этой партии, этой организации можно считать лишь того, кто работает в этой организации, кто, стало быть, считает своей обязанностью слить свои желания с желаниями партии и действовать вместе с партией.

Значит для членства в партии необходимо осуществление программы, тактики и организационных взглядов партии; для осуществления взглядов партии необходима борьба за эти взгляды; для борьбы за эти взгляды необходима работа в партийной организации и работа вместе с партией. Ясно, что для членства в партии необходимо вступление в одну из партийных организаций *). Лишь тогда, когда мы вступим в одну из партийных организаций и, таким образом, наши личные интересы сольем с интересами партии, — лишь тогда мы сможем стать членами партии и вместе с тем настоящими руководителями армии пролетариев.

Если наша партия не есть сброд одиночек-болтунов, а организация руководителей, которая при посредстве Центрального Комитета достойно ведет вперед армию пролетариев, то тогда все сказанное выше ясно само собой.

Необходимо заметить еще вот что.

До сегодняшнего дня наша партия была похожа на гостеприимную патриархальную семью, которая готова принять всех сочувствующих. Но после того, как наша партия превратилась в централизованную организацию, она сбросила с себя патриархальный облик и полностью уподобилась крепости, двери которой откроются лишь для достойных. А это имеет для нас большое значение. В то время как самодержавие старается развратить классовое самосознание пролетариата «тредъюнионизмом», национализмом, клерикализмом и т. п., когда, с другой стороны, либеральная интеллигенция упорно старается убить политическую самодеятельность пролетариата и добиться опеки над ним, — в это время мы должны быть крайне бдительными и не должны забывать, что наша партия есть крепость, двери которой открываются лишь для достойных.

Мы выяснили два необходимых условия (принятие программы и работа в партийной организации) членства в партии. Если к этому прибавим и третье условие, которое обязывает члена партии оказывать ей материальную помощь, — тогда у нас будут налицо все те условия, которые дают право носить звание члена партии.

Значит, членом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии может быть назван тот, кто принимает программу этой партии, оказывает партии материальную помощь и принимает участие в одной из партийных организаций.

Таково определение первого пункта партийного устава, данное тов. Лениным **).

Это определение, как видите, всецело вытекает из того взгляда, по которому наша партия есть централизованная организация, а не сброд одиночек.

---

*) Как всякий сложный организм состоит из бесчисленного количества простейших организмов, так и наша партия, как сложная и общая организация, состоит из множества районных, местных организаций, которые называются партийными организациями, если они утверждены партийным съездом или Центральным Комитетом. Как видите, партийной организацией называются не только комитеты. Для направления работы этих организаций по единому плану существует Центральный Комитет, при посредстве которого эти местные партийные организации составляют одну большую централизованную организацию.

**) Ленин — выдающийся теоретик и практик революционной социал-демократии.

В этом величайшее достоинство этого определения.

Но вот нашлись некоторые товарищи, которые бракуют ленинское определение, как «узкое» и «неудобное», и предлагают свое определение, которое, надо думать, — не будет ни «узким», ни «неудобным». Мы говорим об определении Мартова *), к разбору которого мы сейчас приступим. По определению Мартова — «членом РСДРП считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций».

Как видите, в этом определении выпущено третье необходимое условие членства партии, по которому члены партии обязаны участвовать в одной из партийных организаций. Это определенное и необходимое условие Мартов, оказывается, нашел излишним и взамен его внес в свое определение туманное и сомнительное «личное содействие под руководством одной из партийных организаций». Выходит, что можно быть членом партии, не входя в какую-либо партийную организацию (вот так «партия»!) и не считая себя обязанным подчиняться воле партии (вот так «партийная дисциплина»!)! Ну, а как же партия может «регулярно» руководить теми лицами, которые не входят ни в одну партийную организацию и, которые, следовательно, не считают себя безусловно обязанными подчиняться партийной дисциплине?

Вот вопрос, о который разбивается определение первого пункта партийного устава, данное Мартовым и который получает мастерское разрешение в определении Ленина, поскольку оно определенно признает участие в одной из партийных организаций, как третье и необходимое условие для членства в партии.

Нам остается лишь выбросить из определения Мартова его туманную и лишенную смысла «личную помощь под руководством одной из партийных организаций». Без этого же условия в определении Мартова остаются лишь два условия (принятие программы и материальная помощь), которые сами по себе не имеют никакой цены, так как всякий болтун может «принять» партийную программу и оказать партии материальную помощь, что вовсе не дает ему права быть членом партии.

Вот вам и «удобное» определение!

Мы говорим, что настоящие члены партии ни в коем случае не должны довольствоваться лишь принятием партийной программы, что они обязательно должны стараться осуществить принятую программу. Мартов отвечает: крайне строго поступаете, так как для члена партии не так то уж необходимо осуществление принятой программы, если он не отказывается от материальной помощи партии и тому подобное. Мартов как бы жалеет некоторых болтунов — «социал-демократов» и не хочет закрыть им двери в партию.

Мы говорим, далее, что так как для осуществления программы необходима борьба, а для борьбы — объединение, то поэтому долг будущего члена партии — войти в одну из организаций, слить свои желания с желаниями партии и вместе с партией руководить боевой армией пролетариев, т. е. организоваться в стройные отряды централизованной партии. Мартов отвечает: не так то уж необходимо для членов партии организовываться в стройные отряды, объединяться в организации, можно обойтись и борьбой в одиночку.

Так что же такое наша партия, спрашиваем мы?—случайное скопление одиночек или сплоченная организация руководителей? И если она— организация руководителей, можно ли членом этой организации считать того, кто в нее не входит, кто, стало быть, не считает своей необходимой обязанностью подчиняться ее дисциплине? Мартов отвечает, что пар-

*) Мартов — один из редакторов «Искры».

тия не есть организация, или вернее, партия есть неорганизованная организация (вот вам и «централизм»!)!

Как видно, по мнению Мартова, наша партия не есть централизованная организация, а сброд, скопление местных организаций и «социал-демократических» одиночек, которые приняли нашу партийную программу и т. д. Но если наша партия не есть централизованная организация, то она не будет представлять крепости, двери которой могут открываться лишь для достойных. И в самом деле, для Мартова, как это видно из его определения, партия не крепость, а — банкет, куда свободен доступ для всякого сочувствующего. Немножко знаний, столько же сочувствия, немного материальной помощи и дело в шляпе, вы имеете полное право числиться членом партии. Не слушайте,—подбадривает Мартов перепуганных «членов партии»,— не слушайте некоторых людей, по мнению которых член партии обязан войти в одну из партийных организаций и, таким образом, подчинить свои желания желаниям партии. Во-первых, трудно человеку согласиться на эти условия, ведь не шутка подчинить свои желания желаниям партии? А во-вторых, я уже отметил в своем разъяснении, что мнение этих некоторых людей ошибочно. Так милости просим, господа, пожалуйте... на банкет!

Мартов как бы жалеет некоторых профессоров и гимназистов, которые не решаются подчинить свои желания желаниям партии, партийной дисциплине, и таким образом пробивает брешь в крепости нашей партии, через которую могут пролезть контрабандой в нашу партию эти уважаемые господа. Он открывает двери оппортунизму и это в то время, когда на классовое самосознание пролетариата напирают тысячи врагов!

Но это не все. Дело в том, что благодаря сомнительному определению Мартова возможность оппортунизма в нашей партии возникает и с другой стороны.

В определении Мартова, как мы знаем, речь идет лишь о принятии программы, о тактике же и организации — ни звука, в то время как для единства партии единство организационных и тактических взглядов необходимо в такой же мере, как и единство их программных взглядов. Нам скажут, что об этом не говорится и в определении тов. Ленина. Правильно! Но ведь в определении тов. Ленина и нет надобности говорить об этом! Разве не ясно само собой, что тот, кто работает в одной из партийных организаций и, стало быть, борется вместе с партией, подчиняется партийной дисциплине, не может следовать какой-либо другой тактике и другим организационным принципам, кроме тактики партии и организационных принципов партии. Но что вы скажете о том «члене партии», который принял партийную программу, но не состоит ни в одной партийной организации? Какая гарантия, что у этого «члена» тактика и организационные взгляды будут партийные, а не иные! Вот чего не может объяснить нам определение Мартова! И как результат определения Мартова, у нас в руках должна остаться странная «партия», «члены» которой имеют одинаковую программу (это еще вопрос!), а тактические и организационные взгляды — различные! Идеальное разнообразие! Чем же наша партия не будет походить на банкет?

Об одном лишь надо спросить: куда выбросить тот идейный и практический централизм, которые завещал нам второй партийный съезд и которому в корне противоречит определение Мартова? Без сомнения, если дело дойдет до выбора, то правильнее было бы выбросить вон определение Мартова.

Вот какое нелепое определение преподносит нам Мартов в противовес определению тов. Ленина!

Мы считаем результатом недомыслия решение второго партийного съезда, который (съезд) принял определение Мартова, и выражаем надежду, что третий партийный съезд несомненно исправит ошибку второго и примет определение тов. Ленина.

Повторим вкратце сказанное. На арену борьбы выступила армия пролетариев. Если всякая армия нуждается в своем передовом отряде, то и этой армии должен был понадобиться такой отряд. Отсюда появление группы пролетарских руководителей — Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Как передовой отряд определенной армии, эта партия, во-первых, должна быть вооружена своей собственной программой, тактикой и организационным принципом и, во-вторых, должна представлять сплоченную организацию. Если спросим: кого мы должны назвать членом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, то эта партия может дать лишь один ответ: того кто принимает программу партии, материально помогает партии и работает в одной из партийных организаций.

Эту именно очевидную истину и выразил тов. Ленин в своем замечательном определении.

Газета «Пролетариатис брдзола» («Борьба пролетариата»)
№ 8, 1 (14) января 1905 г.

НАЧАЛО ПЕРВОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

А. Сидоров

I

В текущем году исполняется 35-летие первой буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. в России. Начало этой революции положил героический пролетариат Петербурга 9 января 1905 года. В этот день улицы и площади столицы были обильно политы кровью петербургских рабочих и работниц, вышедших безоружными с петицией к царю. Трагические события, разыгравшиеся 9 января в Петербурге, вошли в историю под названием «кровавого воскресенья»; они послужили в 1905 г. началом штурма самодержавия рабочим классом и крестьянством под руководством партии Ленина—Сталина.

В какой обстановке началась первая русская буржуазно-демократическая революция? Страна переживала затяжной экономический кризис еще с конца 1899 г.; кризис привел к сокращению производства, особенно в тяжелой промышленности, к краху многочисленных банков и предприятий, к росту безработицы и страшному обнищанию рабочих и крестьян. Ленин еще в 1901 г. отмечал, что «в России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране» [1]. Этот кризис, тянувшийся из года в год, вскрыл глубокие противоречия между быстро растущей при участии иностранных капиталов промышленностью и отсталым сельским хозяйством. Деревня, обнищавшая, голодная, задавленная гнетом крепостника-помещика, земского начальника и кулака-ростовщика, не создавала условий для быстрого роста промышленности. Витте — наиболее умный и дальновидный представитель правящей клики, «всесильный» тогда министр финансов — недаром переносит свое внимание на деревню. Он создает бюрократические комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности, надеясь путем мелких казенных реформ и отмены некоторых феодальных пут поднять сельское хозяйство, расширить рынок, уничтожить кризис в промышленности.

Начавшаяся в 1904 г. русско-японская война не привела российский капитализм к новому мощному подъему, на что рассчитывали буржуазия и правительственные круги.

Экономический кризис ускорил концентрацию промышленности, сращивание ее с банковским капиталом, образование крупнейших монополий. Российский капитализм совершал переход в стадию монополистического капитализма — империализма.

В рабочем и революционном движении накануне революции происходит ряд серьезнейших изменений. Ширятся экономические забастовки рабочих. В отличие от экономических стачек 90-х годов рабочий класс

---

[1] Ленин. Соч. Т. IV, стр. 167.

в то же время переходит с 1901—1902 гг. к политическим демонстрациям рабочих и студентов, все чаще заканчивающимся столкновениями с войсками правительства. Под влиянием рабочего класса крестьянство пробуждается от спячки: в 1902 г. начинается сильное крестьянское движение в Харьковской, Полтавской, Саратовской и других губерниях. На протяжении 1901—1904 гг. крестьянское движение возрастает. За эти годы оно проявляется в 42 губерниях, т. е. в 84% губерний Европейской России [1]. Во главе всего освободительного движения стоит пролетариат, который от политических демонстраций переходит к массовым политическим стачкам.

Батумская стачка в марте 1902 г., организованная товарищем Сталиным, открывает полосу упорных политических стачек рабочих, руководимых революционной социал-демократией. Вслед за батумской стачкой происходят: осенью того же 1902 г. политическая стачка в Ростове, летом 1903 г. стачки в ряде городов юга России и, наконец, в декабре 1904 г. выступление бакинского пролетариата под руководством товарища Сталина, закончившееся невиданной победой бакинских рабочих-нефтяников. 19 декабря 1904 г. комиссия нефтепромышленников пошла на уступки рабочим. В результате соглашения рабочих с промышленниками рабочий день был установлен в 9½ часов, а накануне праздников — 8 часов; отменены были сверхурочные работы; для рабочих, получающих помесячное жалованье, устанавливалось освобождение от работы четыре раза в месяц на 24 часа кряду; ночная работа была ограничена 8 часами; был установлен минимум заработной платы для некоторых категорий рабочих; лечение рабочих принималось на счет предпринимателей; в случае болезни предприниматели обязывались квартирные деньги платить полностью за все время болезни, а заработную плату — за первый месяц болезни. Предприниматели обязались оплачивать рабочим простои по вине администрации, расчет с рабочими производить два раза в месяц, выдавать квартирные деньги, снабжать бесплатно контрамарками в бани, устраивать бесплатные школы, библиотеки, читальни, дешовые столовые и оплатить за все дни стачки. Это была крупнейшая победа рабочих [2].

«Уступчивость» бакинских промышленников вызвала недовольство министра финансов и царя, о чем и было доведено до сведения начальства на Кавказе. Министр боялся, что пример Баку может послужить образцом для аналогичных требований рабочих и в других районах. Получив директиву свыше, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе «напал» на бакинского губернатора, которому было указано «на нежелательность уступок рабочим, идущих во вред предприятиям, особенно еще и потому, что бакинская стачка, как первая в текущем году, несомненно, послужит примером для рабочих других городов предъявить такие же требования», в то же время депутации от нефтепромышленников главноначальствующий указал «на допущенную ими ошибку — удовлетворение рабочих платой за время забастовки» [3]. На будущее время промышленники обязаны были получать от губернатора одобрение их проектов соглашений с рабочими.

Бакинская забастовка вызвала широкий отклик в рабочем классе всей страны. Большевики Петербурга в конце декабря обратились к рабочему классу с листовкой, призывавшей к материальной поддержке стачечников Баку и к подготовке всеобщей стачки. По мнению петербургских большевиков, эта стачка, даже если она ограничится лишь одним Баку, явится исполинской демонстрацией энергии и настойчивости пролетариата в достижении поставленных задач. Листовка заканчивалась словами: «Собирайтесь же теснее, товарищи, под знамена социал-демократии, и

---

[1] Мороховец Е. «Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции», стр. 8.

[2] «1905 год». Материалы и документы, стр. 24—27. Составила Панкратова.

[3] Там же, стр. 21.

пусть смелое выступление бакинских рабочих найдет себе горячий отклик в сердцах их петербургских собратьев, удесятерим же свою энергию в нашей повседневной революционной работе, будем всюду и везде выяснять смысл происходящих на юге событий, будем собирать деньги на поддержку стачечников, будем подготовлять почву для такой же грандиозной стачки здесь, в Петербурге. Как могучий удар тарана, она снесет последние твердыни самодержавия, она может обратиться в последнюю и решительную схватку русского народа с русским самодержавием. Долой самодержавие! Да здравствует всеобщая стачка! Искренний привет бакинским товарищам»[1].

Призыв большевиков дошел до питерских пролетариев и сыграл свою роль в развертывании январской забастовки в Петербурге. Последняя почти сливается во времени с борьбой бакинских рабочих и как бы является ее продолжением.

«Бакинская стачка явилась началом революционного подъема в Закавказьи и в ряде районов России. «Бакинская стачка послужила сигналом славных январско-февральских выступлений по всей России» (Сталин). Эта стачка была как бы предгрозовой молнией накануне великой революционной бури»[2].

Победа бакинских рабочих — результат организованности пролетариата и руководства борьбой со стороны бакинских большевиков, со стороны товарища Сталина.

Рабочий класс подходил к революции как самый организованный класс, притом имевший своим руководителем большевиков. Раскол социал-демократии на II съезде на большевиков и меньшевиков, предательская деятельность меньшевиков ослабляли сплоченность рабочего класса, дезорганизовывали его. Большевики во главе с Лениным были наиболее сплочены, организованы, выступали с выработанной программой партии, революционной стратегией и тактикой, чего не имели другие партии. Деятельность Ленина — Сталина вооружала партию и рабочий класс идейно и организационно и подготовляла рабочий класс к выполнению его исторической роли в качестве класса-гегемона в общедемократической борьбе против самодержавия и к дальнейшей борьбе за социализм. Эти задачи были сформулированы и обоснованы Лениным еще в 1894 г. в работе «Что такое «друзья народа»?» В 1902 г. в книге «Что делать?», написанной против экономистов, Ленин перед русским пролетариатом выдвинул задачу — стать авангардом международного революционного пролетариата. «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания»[3].

Русский либерализм в предреволюционные годы трусливо выступал с программой соглашения с царизмом в надежде на получение конституции. Союз «Освобождения», идейным вождем которого был Петр Струве, и земские съезды наглядно демонстрировали царистский и антидемократический характер либералов, огрызавшихся на левые партии как на «внутренних врагов» (Ленин). Либералы собирались «воевать» с царизмом лишь на банкетах. Струве, Петрункевич, Милюков и другие представители российского либерализма не успели к тому времени создать свою политическую партию. Можно было с уверенностью сказать, что

[1] «Листовки петербургских большевиков 1902—1917 гг.». Т. I, стр. 147. 1939.
[2] «История ВКП(б)», Краткий курс, стр. 54. 1938.
[3] Ленин. Соч. Т. IV, стр. 382.

либералы бросятся в объятия самодержавия при первой же схватке пролетариата с царизмом.

Сравнивая позицию русской буржуазии в революции 1905 г. с революциями 1789, 1848 и 1871 гг., Ленин указывал, что антагонизм пролетариата и буржуазии у нас гораздо глубже чем в европейских революциях, поэтому «буржуазия будет больше бояться пролетарской революции и скорее бросится в объятия реакции» [1]. Контрреволюционный характер либеральной буржуазии отмечал и И. В. Сталин: «У нас в России, в 1905 г., революция шла против буржуазии, против либеральной буржуазии, несмотря на то, что революция была буржуазно-демократической. Почему? Потому, что либеральная буржуазия империалистической страны не может не быть контрреволюционной» [2].

Либеральная буржуазия царской России рассчитывала добиться осуществления своих целей не путем уничтожения самодержавия, а путем полюбовного соглашения с ним. Либеральная буржуазия и помещики выступали против самодержавия не во имя интересов демократии и большинства населения, а во имя интересов меньшинства, поэтому буржуазия решительно выступала против идеи народовластия.

Назначение после убийства Плеве, осенью 1904 г., министром внутренних дел князя Святополк-Мирского было расценено либералами как наступление «новой эры». Либеральные журналисты возвестили о наступлении «правительственной весны», возлагались надежды на серьезные внутренние реформы, на конституцию.

Большевики разоблачали как правительство Мирского с его программой, так и либералов и их подпевал — меньшевиков. В ноябре 1904 г. Петербургский комитет выпустил специальную листовку по поводу политической программы Святополк-Мирского, за ней последовала листовка в связи с предстоявшим съездом земцев; в этой листовке большевики призывали к борьбе против самодержавия. Меньшевики проповедовали тактику блока с либералами, тактику воздействия и давления на либералов. Большевики же разоблачали торг правительства и либералов о взаимных уступках, они призывали рабочих полным голосом заявить о своих требованиях; эти требования должны были слышать и в залах земских заседаний и совещаний: «Долой самодержавие! Долой войну! Мы требуем созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права. Да здравствует социализм!» [3].

Правильность позиции большевиков была подтверждена самой жизнью. Разрешив сначала съезд земцев, Святополк-Мирский вскоре начал разгонять собрания либералов. Нечего говорить, что в отношении к рабочим и революционным организациям князь Мирский продолжал старую, испытанную Сипягиным и Плеве систему террора, расстрелов, арестов и разгрома революционных организаций. Да и как могло быть иначе? Не стало Плеве, но сохранилась вся старая система. Был жив самодержавный порядок, выступавший, как и раньше, во всеоружии на борьбу с революцией.

«Либеральный» курс политики Мирского получил свое выражение в указе царя 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» [4]. История этого указа такова. Ввиду роста революционного настроения в стране царь созвал под своим председательством совещание для обсуждения вопроса, «какие меры надлежит принять в смысле удовлетворения желаний умеренного и благоразумного общества» [5]. Идя навстречу пожеланиям либералов, совещание решило провести некоторые административные и законодательные изме-

---

[1] Ленин. Соч. Т. VII, стр. 182.
[2] И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 175. 1937.
[3] «Листовки петербургских большевиков». Т. I, стр. 134.
[4] См. «Законодательные акты переходного времени (1904—1906 гг.)», стр. 5—8.
[5] Витте «Воспоминания». Т. I. стр. 271.

нения. Проект изменений был выработан Витте и опубликован в форме указа царя. В нем подчеркивалась незыблемость основных законов империи и весьма туманно и неопределенно говорилось об изменении законов о крестьянах; указывалось на необходимость «достижения правосудия», пересмотра правил об усиленной охране. Более определенно в указе была выражена мысль о расширении прав земских и городских учреждений в разрешении вопросов местного благоустройства; обещано было пересмотреть ограничения прав «инородцев» и раскольников, озаботиться о введении государственного страхования рабочих, отменить некоторые «излишние стеснения» над печатью. Комитету министров поручалось — причем в неопределенный срок — разработать соответствующие законы для реализации этих туманных и ничего не значащих обещаний. В указе отсутствовал даже намек на долгожданную либералами конституцию. Витте рассказывает, что первоначально предполагалось привлечь общественных деятелей, т. е. представителей буржуазии и помещиков, к участию в законодательной деятельности в Государственном совете; в этом духе и был разработан Витте проект указа. Но спустя несколько дней царь передумал; выслушав мнения своих советников: Витте и московского генерал-губернатора великого князя Сергея, которые были в тот момент оба против конституции и вообще ограничения в какой бы то ни было форме самодержавия,— царь сказал: «Да, я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне богом народа, и поэтому я последую вашему совету и пункт этот вычеркну»[1]. И соответствующий пункт указа оказался вычеркнутым. По этому либералы не нашли в указе 12 декабря того, чего они прежде всего ждали.

Против этой новой попытки обмана со стороны самодержавия выступили большевики. В специальной листовке по поводу указа 12 декабря большевики разоблачали шулерские проделки царского правительства, направленные к сохранению и укреплению самодержавия. Большевики еще раз заявляли, что социал-демократическая партия стоит во главе освободительного движения народа в его борьбе с самодержавием, что партия и народ не ждут от самодержавия никаких реформ, улучшающих положение народа. Большевики призывали народ к борьбе с царизмом, к борьбе за осуществление программы социал-демократии, за революционный созыв Учредительного собрания, за действительную свободу, которую народ может получить, только свергнув царизм.

Таким образом, накануне революции, когда буржуазия и буржуазные помещики торговались с царизмом из-за уступок и реформ, рабочий класс под руководством большевиков выступал гегемоном общедемократической борьбы против царизма, разоблачая либералов, сохраняя свою классовую самостоятельность, воспитывая и сплачивая вокруг себя крестьянство и демократические слои интеллигенции.

Развитие политического кризиса в стране шло очень быстро. Следует иметь в виду, что почти целый год шла война с Японией. Затеяна она была в интересах кучки помещиков и знати, верхушки буржуазии, царской бюрократии и генералитета. Помимо непосредственно экономических интересов российского империализма военная авантюра была продиктована и соображениями политическими. Военные победы должны были отвлечь внимание от вопросов революции, поднять шовинизм в стране, крепче привязать буржуазию к самодержавию. Под военный шумок легче было расправиться с революцией, раздавить ее. Об этом мечтал тогда Плеве, цинично признававшийся Витте, что небольшая победоносная война необходима для сохранения самодержавия. Расчеты правящей клики не оправдались. Война была ненавистна населению, армии, рабочим и крестьянам. Вместо ожидавшихся побед приходили с театра

[1] Витте «Воспоминания». Т. I, стр. 274.

военных действий одно за другим сообщения о военных поражениях. Поражения в 1904 г. на реке Ялу, у Вафангоу, под Ляояном вскрыли гнилость всей правительственной машины царизма, бездарность генералов, плохое вооружение армии, воровство и мародерство в тылу. Ни на суше, ни на море царские войска не одержали ни одной победы. Представления об огромной боевой мощи царизма оказались мифом. Война заставила царское правительство пойти на поклон к иностранным банкирам, заключать новые кабальные займы.

Военные поражения расшатывали всю бюрократическую систему российского самодержавия, подрывали доверие к нему внутри страны и заграницей. Ход войны лишний раз подчеркивал всю архаичность и отсталость государственной машины и, в частности, военного ведомства. Тихоокеанская эскадра, боевой мощью которой бахвалился адмирал Алексеев, была фактически уничтожена еще до сдачи Порт-Артура. Военные поражения царизма вызывали растерянность и развал в правительственных рядах; правительство пыталось заигрывать с либералами и снова применять зубатовские методы по отношению к петербургским рабочим. Между тем война готовила новые сюрпризы. Порт-Артур был накануне сдачи. Поведение генералов Стесселя и Гриппенберга, а в дальнейшем адмиралов Рождественского и Небогатова было не просто нарушением дисциплины, а прямой изменой и особенно ярко демонстрировало моральный упадок столпов трона.

В предреволюционной обстановке лишь большевики указывали народу единственно правильный и ясный путь. Они предсказывали неизбежность дальнейшего и полного разгрома самодержавия в войне и связывали с этим разгромом нарастание политического и революционного кризиса в стране.

Накануне сдачи Порт-Артура Ленин писал: «Самодержавная Россия разбита уже конституционной Японией, и всякая оттяжка только усилит и обострит поражение. Лучшая часть русского флота уже истреблена, положение Порт-Артура безнадежно, идущая к нему на помощь эскадра не имеет ни малейших шансов не то что на успех, но даже на то, чтобы дойти до места назначения, главная армия с Куропаткиным во главе потеряла более 200 000 человек, обессилена и стоит беспомощно перед неприятелем, который неминуемо раздавит ее после взятия Порт-Артура. Военный крах неизбежен, а вместе с ним неизбежно и удесятерение недовольства, брожения и возмущения.

К этому моменту должны мы готовиться со всей энергией. В этот момент одна из тех вспышек, которые все чаще повторяются то здесь, то там, поведет к громадному народному движению. В этот момент пролетариат поднимется во главе восстания, чтобы отвоевать свободу всему народу, чтобы обеспечить рабочему классу возможность открытой, широкой, обогащенной всем опытом Европы борьбы за социализм» [1].

Этот гениальный прогноз Ленина блестяще оправдался как в части развития военных операций, так и в общеполитической. 20 декабря 1904 г. Порт-Артур пал. Крепость была изменнически сдана врагу ее комендантом генералом Стесселем, не исчерпав всех средств обороны, вопреки решению военного совета. Падение Порт-Артура было крупнейшим фактом не только в ходе войны, но и в подготовке начала русской революции.

В. И. Ленин написал специальную статью—«Падение Порт-Артура». В этой статье дан блестящий анализ причин поражений царизма. Ленин подчеркнул, что военный крах царизма не мог не явиться началом «глубокого политического кризиса». Ленин, однако, решительно отделял военные поражения самодержавия от поражения русского народа. Падение Порт-Артура не было поражением народа, враждебно относивше-

[1] Ленин. Соч. Т. VII, стр. 33—34.

гося к военной авантюре царя. «Русский народ выиграл от поражения самодержавия»,— писал Ленин. Поражение самодержавия приближало наступление революции, начало войны народа за свободу, против царизма. Сдача Порт-Артура подняла веру в революцию. «Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции» [1].

Большевики в своей политической работе широко использовали сдачу Порт-Артура. Был издан целый ряд соответствующих листовок. Петербургский комитет большевиков в специальной листовке к населению разъяснял причины поражения царизма и задачи рабочего класса в связи с этим. Содержание листовки совпадает с основными мыслями указанной выше статьи Ленина [2]. Аналогичная листовка была издана и Бакинским комитетом большевиков. Все это показывает, как внимательно следили большевики за ходом войны, какое большое значение они придавали военному поражению царизма, как умело они использовали это поражение в интересах революции. Совершенно ясно, что декабрь 1904 г., наполненный крупнейшими событиями в тылу и на фронте, является кануном революционной бури 1905 года.

Петербургские события 9 января своими истоками уходят к декабрю 1904 года. Только в обстановке революционной ситуации и напряженного политического кризиса обычные стачки путиловцев могли стать причиной революционного взрыва и нового массового подъема революционной борьбы.

II

3 января 1905 г.[3] на Путиловском заводе началась стачка. В декабре 1904 г. мастер уволил четырех рабочих завода, принадлежавших к зубатовской организации, созданной попом Гапоном. Организация называлась «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга». «Собрание» было организовано охранкой и полицией еще в 1903 г. с целью отвлечь рабочих от революционной деятельности. Поп Гапон был агентом охранки. «Собрание», как говорилось в его уставе, было основано: «а) для трезвого и разумного провождения членами «Собрания» свободного от работ времени с действительной для них пользой как в духовно-нравственном, так и материальном отношениях; б) для возбуждения и укрепления в среде членов рабочих русского национального самосознания; в) для образования и развития в них разумных взглядов на обязанности и права рабочих и, наконец, г) для проявления членами «Собрания» самодеятельности, способствующей законному улучшению условий труда и жизни рабочих» [4].

Членами «Собрания» могли быть рабочие обоего пола, «но непременно русского происхождения и христианского вероисповедания». Деятельность «Собрания» должна была происходить под контролем петербургского градоначальника и полиции. К началу 1905 г. «Собрание» имело 11 отделов по районам Петербурга и 12-й отдел в Сестрорецке.

Уволенные в декабре 1904 г. с Путиловского завода рабочие обратились за помощью в «Собрание». Рабочие, члены «Собрания», решили поддержать своих товарищей. Гапон пытался уладить конфликт путем обращения к директору завода Смирнову, к градоначальнику Фулону и к фабричному инспектору. Для этой цели были выбраны три рабочие делегации, в одну из них входил большевик Буянов. Когда переговоры не увенчались успехом и директор завода Смирнов ответил отказом на требование рабочих, Гапон высказался за забастовку из боязни потерять

---

[1] Ленин. Соч. Т. VII, стр. 49—50.

[2] См. «Листовки петербургских большевиков». Т. I, стр. 147—150; «1905 год в Петербурге», стр. 1—4

[3] Все даты по старому стилю.

[4] «1905 год». Документы профессионального движения, стр. 90.

влияние на рабочих. Он рассчитывал, что угроза забастовки сделает директора завода более уступчивым.

2 января 1905 г. было собрано совещание в трактире «Старый Ташкент», на нем присутствовало около 600 рабочих. Кроме путиловцев были рабочие Семянниковского завода, резиновой мануфактуры и других предприятий города. Председателем был избран рабочий-путиловец Вл. Иноземцев. На собрании присутствовали большевики — Василий Шелгунов, Полетаев и другие. Слепой Шелгунов обратился с речью к рабочим, она захватила собравшихся. Выступали и другие ораторы. Рабочие охотно слушали ораторов, но просили их в речах не трогать царя и не касаться политики. После долгих прений было решено 3 января к работе не приступать и в последний раз предъявить директору свои требования.

Одним из главных пунктов требований был созыв совещания представителей рабочих с представителями администрации для разрешения всех спорных вопросов. Кроме того рабочие требовали: членам депутации должна быть обеспечена неприкосновенность; за время забастовки рабочим должно быть заплачено; на Путиловском заводе должна быть выбрана постоянная комиссия из рабочих, чтобы совместно с администрацией разбирать все претензии рабочих; увольнение рабочих возможно только по постановлению этой комиссии. Но и эти скромные и расплывчатые требования администрация отказалась принять. Тогда 3 января завод забастовал.

Забастовка со стихийной силой распространилась на целый ряд других предприятий. Гапон должен был пересмотреть требования, так как они уже не удовлетворяли рабочих. 4 января были выработаны новые требования: 1) введение 8-часового рабочего дня; 2) трехсменная работа; 3) отмена сверхурочных работ; 4) повышение заработной платы чернорабочим — мужчинам и женщинам; 5) улучшение санитарной части на заводе и 6) оказание бесплатной врачебной помощи заболевшим рабочим. Эти требования рабочих директор Путиловского завода Смирнов также отклонил.

Между тем забастовка продолжала распространяться, захватывая все новые предприятия. 4 января забастовал Франко-Русский механический завод с 2 тысячами рабочих; 5-го — Невская и Екатерининская бумагопрядильни, Семянниковский завод — 6500 рабочих; 6 и 7 января забастовали обуховцы и александровцы. 7 января забастовка стала всеобщей: она охватила все крупные предприятия столицы и часть мелких. Наивысшего подъема забастовка достигла 8 января. В этот день, кроме «Правительственного вестника» и «Ведомостей С.-Петербургского градоначальника», не вышла ни одна газета. Количество бастовавших дошло до 150 тыс. человек. Данные эти в общем подтверждаются в записках министра финансов Коковцева, посылавшихся им царю[1].

В записке от 5 января, изложив ход забастовки и требования рабочих, Коковцев высказывается против удовлетворения предъявленных рабочими требований, считая их незаконными: «Рабочие не могут требовать сокращения рабочего времени до 8 часов, так как закон предоставляет заводчику право занимать рабочих до 11½ часов днем и до 10 часов ночью... для Путиловского завода, выполняющего экстренные и ответственные заказы для надобностей манчжурской армии, установление 8-часового рабочего дня и по техническим условиям едва ли допустимо. Несомненно также, что рабочим никаким образом не может быть предоставлено право устанавливать для самих себя размер заработной платы и решать вопросы о правильности увольнения от службы тех или иных рабочих, ибо в таком случае рабочие сделаются хозяевами предприятия, а владельцы заводов, несущие на себе весь риск производства, лишились

[1] См. «Красный архив». Т. XI—XII за 1925 год.

бы законного права распоряжаться своим собственным делом. Наконец, не может быть признано за рабочими и право требовать вознаграждения за время забастовки уже по одному тому, что при забастовке рабочих промышленник вследствие самовольного прекращения рабочими действия завода, несет большие убытки, притом же выплата заработка за прогульное время послужила бы для рабочих только поощрением к устройству стачек в будущем» [1].

Николай II, прочитав записку Коковцева, согласился со взглядом своего министра. Коковцев 6 января собрал промышленников и проинструктировал их в соответствующем духе.

Между тем стихийное движение рабочих, начавшись как столкновение труда с капиталом, быстро принимало политический характер. В ходе борьбы рабочий класс неизбежно сталкивался с самодержавием, охранявшим привилегии капиталистов. Движение быстро перехлестнуло и рамки зубатовских организаций. Оно, по существу, направляется против самодержавия, становится «взрывом пролетарской классовой борьбы» (Ленин).

Большевистская организация Петербурга 5 января обращается с призывом к рабочим всех фабрик и заводов присоединиться к путиловцам. 6 января выпускается листок к рабочим и работницам Шлиссельбургского района с призывом присоединиться к забастовке. В этом листке конкретные требования связываются с общеполитическим требованием — бороться за такое правительство, которое бы служило «нашим интересам». Выдвигается требование республики. Эти же лозунги провозглашаются и в листках, обращенных к обуховцам. Меньшевики в своих листовках, наоборот, делали упор на частичные требования рабочих.

Отделы «Собрания» в эти дни живут напряженной и бурной жизнью. Надо было указать выход развернувшемуся со стихийной силой движению. Гапон выдвинул мысль пойти с петицией к царю. Это был провокационный план. Гапон решил использовать стихийную веру в царя, которая была у части отсталых и наименее сознательных рабочих. В течение трех дней во всех отделах «Собрания» обсуждалась петиция, текст которой был предложен Гапоном.

В процессе ее обсуждения по отделам рабочими, по предложению большевиков вносились в петицию поправки и дополнения. Первая часть петиции рисует тяжелое экономическое положение рабочих, их нищету, невежество и произвол со стороны властей и капиталистов.

В петиции было выдвинуто требование ограничить рабочий день 8 часами, установить минимум заработной платы, отменить сверхурочные работы, улучшить охрану труда. Далее выдвигалось требование созыва Учредительного собрания на основе всеобщих и равных выборов при тайной подаче голосов. «Это — самая главная наша просьба, в ней и на ней зиждится все». Дальше следовали требования «против невежества и бесправия народа»: политические свободы, общее и обязательное образование за счет казны, ответственность министров перед народом. В разделе «Меры против нищеты народа» выставлено было требование постепенной передачи земли народу и др.

Несмотря на наивную веру в царя, содержание петиции, несомненно, революционно. В ней сказывается влияние социал-демократической программы-минимум. Петиция заканчивается грозным заявлением о безвыходности положения рабочих и о готовности принести свою жизнь в жертву за эти требования: «Нам не жалко этой жертвы, мы охотно принесем ее». Демонстрация и вручение петиции были назначены на

---

[1] «Красный архив». Т. XI—XII, стр. 3—4

9 января, в воскресенье. Рабочие должны были собираться по районам и оттуда двигаться к Зимнему дворцу для встречи с царем.

8 января петиция была вручена царю через министра внутренних дел. В час ночи Гапон получил сообщение, что царь не будет разговаривать с рабочими, и что в Зимнем дворце царя не будет. Гапон знал также о военных приготовлениях правительства, но все это скрыл от рабочих.

На собраниях рабочих большевики указывали на бессмысленность хождения к царю, говорили, что свободу надо завоевывать, а не выпрашивать у царя, вместе с тем они предупреждали о возможности расстрела. Однако им не удалось убедить рабочих. Движение охватило широкие массы. Петербургский комитет большевиков выпустил 8 января две листовки: одну — к солдатам, другую — ко всем петербургским рабочим. В первой листовке солдат призывали отказываться стрелять в стачечников и предлагали не слушаться офицеров и переходить на сторону народа.

В листовке к рабочим большевистский комитет приветствовал рабочих, понявших необходимость политической свободы. Одновременно большевики разъясняли рабочим, что требование избранного народом парламента и политических свобод означает конец самодержавия, низвержение самодержавия. Но путем петиции свободу получить нельзя. «Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях» [1]. На следующий день питерские рабочие убедились на деле в справедливости этого предупреждения большевиков.

Слухи о подготовляемом царем расстреле ползли по городу. К Витте обратилась 8 января делегация общественных деятелей, в состав которой входил и М. Горький. Делегация просила Витте воздействовать на остальных министров, чтобы обеспечить мирное течение демонстрации, чтобы дело не дошло до расстрела. Витте отказался что-либо сделать под предлогом, что обязанность сохранять порядок возложена на министра внутренних дел. Вечером 8 января у Святополк-Мирского состоялось совещание, на котором была окончательно утверждена боевая диспозиция войск. Еще 7 января у градоначальника был выработан план совместных действий войск и полиции. Город был разделен на восемь районов, в каждый из них был назначен отряд войск под командованием генерала. Резерв помещался на площади Зимнего дворца. «Ввиду недостаточности для этой цели наличных войск в Петербурге решено было распоряжением штаба войск гвардии и Петербургского военного округа немедленно вызвать конные и пешие части из Петергофа, Пскова и Ревеля». Видимо, вечером 8 января правительство еще раз обсуждало план кровавой бойни. Витте решил умыть руки и не пошел на совещание. В том, что 9 января расстрел был произведен вполне сознательно и преднамеренно, сейчас не может быть никаких сомнений [2].

Во главе частей войск, распределенных по восьми районам, правительство поставило следующих генералов: на Васильевском острове — генерал-майора Самгина; в Петербургской части — генерал-майора Рагозина; в Выборгской части — генерал-майора Белова; в Коломенской и Нарвской частях — генерал-майора Рудановского; в Александро-Невской, Рождественской частях и на Шлиссельбургском участке — генерал-майора Ширма; в Московской части — генерал-майора Лангофа; в Казанской, Спасской и Литейной частях — генерал-майора Гадона; в Адмиралтейской части — генерал-майора Щербачева.

---

[1] «Листовки петербургских большевиков». Т. I, стр. 157—158.

[2] В XXXVIII томе «Красного архива» за 1930 г. опубликовано описание действий войсковых частей 9 января. Там же опубликована диспозиция войсковых частей по районам на 9, 10 и 11 января.

9 января во всех районах было стянуто 20 батальонов пехоты, 23 с половиной эскадрона и 8 сотен[1].

Правительство готовилось по всем правилам военного искусства к расстрелу мирной и безоружной демонстрации питерских рабочих.

Ночь на 9 января прошла тревожно и напряженно. Улицы были заняты войсками, которым был дан приказ не пропускать рабочих в центр города, к Зимнему дворцу. Утром рабочие стали собираться по районам. Многие прощались с родными, но большинство еще не верило, что войско будет стрелять в безоружную демонстрацию, идущую с иконами, хоругвями и царскими портретами.

Гапон шел с Нарвским районом. «Крестясь, рабочие начали выстраиваться на Петергофском шоссе. Около двенадцати часов шествие тронулось. Впереди шел старый пильщик деревообделочной мастерской Прокофий Лаврентьев. Благоговейно нес он в руках царский портрет в широкой раме. Несколько стариков помогали ему, поддерживая тяжелый портрет за углы. Рядом юноша нес икону Николая чудотворца. Колыхались золотые и серебряные хоругви, блестели образа. Степан Мельников, гордый и серьезный, нес икону. Впереди него, между первым и вторым рядом, шествовал Гапон. В вытянутой руке он держал крест. Во внутреннем кармане его широкой поповской шубы лежали доверенность от рабочих и петиция, которую он должен был вручить царю. Рядом с ним, поддерживая его под руку, шагал Васильев»[2].

Большевики не оставили рабочих. Небольшая группа путиловских большевиков шла в первом ряду огромной демонстрации. К демонстрации присоединялись женщины и дети. Шли медленно, торжественно. В морозном воздухе гулко раздавались слова молитвы. Даже полиция—и та растерялась: пристав расчищал дорогу, а сбоку ехал отряд казаков. По другим районам демонстрация представляла примерно такую же картину. По всем районам на улицу вышло не менее 150 тыс. человек. Когда демонстрация подходила к Нарвским воротам, впереди показались солдаты. Это были солдаты Иркутского полка, только что прибывшие из Пскова. Когда демонстрация оказалась на расстоянии нескольких сот шагов от воинской части, прозвучала команда, раздался залп, другой. Люди стали падать, улица обагрилась кровью. Толпа в ужасе бросилась бежать. Такие же расстрелы произошли в других частях города. Павловцы, семеновцы, преображенцы стреляли в толпу. Казаков посылали в атаку, и те избивали и рубили демонстрантов шашками. Особенно велики были жертвы на площади перед Зимним дворцом. Рабочий класс в этот день потерял до 3 тыс. человек убитыми и ранеными. Многие семьи не досчитались своих отцов, матерей и детей. Погибли многие большевики. Так царское правительство зверски расправилось с доверчивыми рабочими. Но оно расправилось тем самым и с верой в царя. Расстрел вызвал огромный перелом в настроении рабочих. Толпа демонстрантов, несколько часов тому назад верившая в царя, стихийно принялась строить баррикады и переходила к вооруженной борьбе с полицией и войсками. Рабочий класс получил урок, поднявший движение на высшую ступень. В течение трех дней город походил на осажденный лагерь.

Получив известия о петербургских событиях, Ленин написал статью «Начало революции в России». Обобщая уроки движения, он писал: «Да, урок был великий! Русский пролетариат не забудет этого урока. Самые неподготовленные, самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя и искренно желавшие мирно передать «самому царю» просьбы измученного народа, все они получили урок от военной силы, руководимой царем или дядей царя, великим князем Владимиром. Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание

---

[1] «Красный архив». Т. XXXVIII, стр. 4—19.

[2] «История Путиловского завода», стр. 204. М. и Л. 1939.

пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни» [1]. Статья заканчивается призывом вооружаться для борьбы с самодержавием.

Известия о кровавых событиях в Петербурге охватили всю страну, попали заграницу. Рабочий класс России, полный ненависти и негодования, поднялся против самодержавия. В Саратове, Москве, Баку, Лодзи, Варшаве происходили забастовки, баррикадные бои, вооруженные столкновения с войсками и полицией. С 10 по 20 января бастовали рабочие Москвы. 14 января, по официальным данным, в Москве бастовало 30 тыс. человек. Всюду в забастовках на первый план выставлялись политические требования. Наиболее сильное движение было в Варшаве, Лодзи, Риге, Ревеле, Либаве, Митаве. С 14 по 21 января в Варшаве проходила политическая забастовка, которая сопровождалась вооруженными столкновениями с войсками. По неполным сведениям, в Варшаве было 90 убитых и 170 раненых, арестовано и сослано 773 человека. В 123 городах страны произошли забастовки рабочих в знак протеста против зверств царизма в Петербурге.

После расстрела 9 января в Петербурге несколько дней еще продолжалась всеобщая забастовка, с 14 января рабочие отдельных предприятий стали приступать к работе. К понедельнику, 17 января, еще не работали 43 тыс. рабочих, в том числе рабочие Путиловского завода, инициаторы январской борьбы. Наиболее упорное сопротивление оказывали рабочие Выборгской стороны. Крупные предприятия держались дольше других.

Январская стачечная борьба рабочих приобрела огромный размах по всей стране. В январе, по официальной статистике, бастовало 444 тыс. человек, что превосходит количество забастовщиков за все предшествующие десять лет. В действительности политическая стачка охватила до 1 млн. человек. Если в среднем за 1905 год по темпам развития борьбы один месяц мог быть приравнен году, то в январе процесс развития политического движения и воспитания масс идет еще быстрее. Всего за первую четверть 1905 г. Ленин насчитывал, по официальной статистике, 810 тыс. стачечников, из них 604 тыс. человек—участники экономических стачек и 206 тыс. человек приходится на политические стачки [2].

Огромное значение в революционной борьбе в январе 1905 г. сыграли металлисты Петербурга и других городов. На борьбу поднялись и другие слои рабочих, которые начинали с экономических стачек и втягивались в общее движение, объединяясь и сплачиваясь под руководством большевиков. Большевистские организации в стране росли и крепли. От имени «Бюро комитетов большинства» в феврале 1905 г. было напечатано извещение о созыве III съезда партии. В извещении говорилось о неизбежности новой волны подъема революции. Перед съездом выдвигались на первый план вопросы революционной тактики. Из тактических вопросов большевиками на первый план выдвигался вопрос о всеобщих политических стачках, о вооружении масс, об организации вооруженного восстания, о революционном воздействии на армию и крестьянство и т. д.

Между тем правительство также не дремало. Сразу же после «кровавого воскресенья» Николай II дал отставку Святополк-Мирскому. 11 января было создано генерал-губернаторство в Петербурге. Генерал-губернатором был назначен генерал-майор Трепов, являвшийся фактическим диктатором Петербурга. По его рекомендации министром внутренних дел был назначен Булыгин. Трепов сделал попытку продемонстрировать царю преданность рабочих, для чего его агенты совместно с директорами предприятий подобрали 34 «благонамеренных» рабочих, кото-

[1] Ленин. Соч. Т. VII, стр. 79.
[2] Ленин. Соч. Т. XV, стр. 40.

рые и были доставлены к царю 18 января. Однако эта комедия никого не могла обмануть.

Январские события заставили царское правительство «заинтересоваться» рабочим вопросом. 29 января был опубликован указ царя об организации комиссии «для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в г. С.-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем». В эту комиссию должны были входить представители промышленников и рабочих; председателем ее был назначен сенатор Шидловский, опубликовавший условия выборов представителей рабочих в эту комиссию. Рабочие сначала должны были избрать по предприятиям выборщиков, которые разбивались на девять групп по принципу родственных предприятий. На собраниях этих групп и выбирались в комиссию представители рабочих в количестве 50 человек. Выборщиками могли быть рабочие не моложе 25 лет, не менее года проработавшие на предприятии. В целях демагогии Шидловский заявил, что представители заводской администрации не должны присутствовать при выборах рабочих. Большевики справедливо оценили комиссию Шидловского как комиссию государственных фокусов, предназначенную для одурачивания рабочих. Меньшевики высказались за участие в этой комиссии, рассматривая ее как крупную победу пролетариата. Большевики использовали представившиеся возможности для развертывания революционной агитации, стараясь на рабочих собраниях проводить большевистскую линию. 16 и 17 февраля представители девяти групп рабочих, собравшиеся накануне в Народном доме, предъявили Шидловскому ряд требований, при удовлетворении которых они соглашались принять участие в работе комиссии. Среди этих требований было требование гласности в работе комиссии, свободы слова для рабочих, неприкосновенности жилищ и личной неприкосновенности рабочих, освобождения арестованных рабочих и т. д. Рабочие ряда предприятий Петербурга стачками поддерживали требования своих выборщиков.

18 февраля должны были происходить выборы членов комиссии. Сенатор Шидловский, как и следовало ожидать, отказался удовлетворить требования рабочих, после чего выборщики семи групп из девяти отказались от производства выборов. Так комиссия бесславно закончила свое существование 20 февраля.

Следует отметить, что в связи с выделением выборщиков по предприятиям выросло количество стачек. Одновременно с мертворожденной комиссией Шидловского комитетом министров была организована комиссия под председательством министра Коковцева для разработки законопроекта о сокращении рабочего дня, об изменении закона о стачках, об улучшении быта рабочих и под председательством товарища министра Тимирязева — комиссия по разработке проекта закона о государственном страховании рабочих. Комиссия Коковцева существовала до мая 1905 г., была ликвидирована, ничего не сделав. Промышленники выступили решительными противниками изменения существовавшего законодательства. Так эти маневры царя еще раз показали, что только свержение самодержавия могло дать решительное улучшение экономического, правового и политического положения рабочих.

События 9 января и последовавший за ними подъем рабочего движения всколыхнули крестьянство. Начиная с февраля 1905 г. развертывается крестьянское движение, охватывающее в январе — апреле 1905 г. около 85 уездов, что составляет почти одну седьмую часть всех уездов Европейской России. Это движение достигло весной особой силы на Кавказе, а летом 1905 г. усиливается и по всей стране. «Уже весной этого года мы наблюдаем пробуждение первого крупного, не только экономического, но и политического крестьянского движения в России»[1],— писал Ленин.

[1] Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 343.

Рост крестьянского движения поставил перед партией вопрос об отношении пролетариата к этому движению. Большевики в отличие от меньшевиков видели в революционном крестьянстве своего союзника в борьбе с царизмом и поддержали крестьянские требования о передаче всей барской земли крестьянам. В феврале царские генералы потерпели под Мукденом очередное поражение, которое еще более подняло недовольство в тылу. В обстановке поражений на фронте и развития русской революции царское самодержавие вынуждено было в феврале сделать уступку либеральной буржуазии.

18 февраля 1905 г. в рескрипте на имя министра внутренних дел Булыгина царь торжественно заявил о своем намерении привлечь «достойнейших» представителей народа к разработке и обсуждению законодательных предположений. Булыгину поручалось разработать конкретный проект. Речь шла, по существу, о совещательной думе. Однако никаких сроков и принципов для разработки этого законопроекта не указывалось. В тот же день был опубликован царский манифест, который по своему содержанию резко отличается от рескрипта на имя Булыгина. В манифесте царь призывал руководителей всех ведомств к бдительности и твердости в борьбе с крамолой, к сплочению «благомыслящих людей» для борьбы с врагом внешним и внутренним. В этом манифесте нет и намека на уступки. Только российскими самодержавными порядками можно объяснить появление в один и тот же день двух взаимноисключающих документов. Указ Булыгину не удовлетворил даже либералов, рассчитывавших на уступку царя — дарование законодательной думы. В качестве практического результата указа 18 февраля был издан в августе 1905 г. закон о созыве так называемой совещательной «булыгинской» Думы, сметенной рабочим классом.

Русская буржуазно-демократическая революция даже в самом ее начале получила огромный международный резонанс[1]. Любопытны в этом отношении донесения царских дипломатических агентов из-за границы.

В ответ на расстрелы 9 января почти повсюду заграницей проводятся враждебные царизму демонстрации. Гирс сообщал из Брюсселя, что там перед зданием миссии прошла шумная манифестация, которая кричала: «Убийцы, убийцы!» Либеральные органы печати открыли подписку в пользу жертв царизма. В Триесте перед зданием консульства толпа в количестве свыше 500 человек кричала: «Долой самодержавие, да здравствует пролетариат, да здравствует социализм!»

Крупенский из Рима сообщал о сильном впечатлении от петербургских событий. Республиканский депутат итальянского парламента Мирабелли предложил на заседании парламента послать приветствие русскому народу. Этот же депутат употребил по адресу царя такое выражение, что дипломат не нашел возможным повторить эти слова в своей депеше. Особенно взбесило Крупенского, что ни председатель палаты, ни представитель правительства не остановили оратора. В Германии вся либеральная печать подняла кампанию за освобождение Горького, арестованного в связи с событиями 9 января.

Во Франции имели место выступления против царизма в парламенте, вне парламента происходили митинги. Под председательством Жореса состоялся митинг, на котором было принято постановление о борьбе с русским царизмом. Печать Франции, как и Германии, широко обсуждает обстоятельства, вызвавшие арест М. Горького. Везде собираются сходки и митинги, принимаются враждебные русскому правительству резолюции, которые посылаются русскому послу. Посол в Париже Нелидов утешает министра тем, что он эти резолюции решительно возвращает.

---

[1] «Красный архив». Т. IX.

Петербургские события вызвали даже в странах Южной Америки «враждебное императорскому правительству движение»[1]. Таким образом, можно сказать, что в странах Европы и Америки среди рабочих и демократических слоев населения русская революция вызвала широкую общественную поддержку и солидарность с революционной борьбой пролетариата. Это лишний раз подчеркивает, какую реакционную силу представляло русское самодержавие, являвшееся опорой мировой реакции.

III

Январско-февральские события в России послужили началом буржуазно-демократической революции. Особенности этих событий, характерные и для всей революции 1905—1907 гг., с гениальной ясностью были вскрыты Лениным. По социально-экономическому содержанию революция являлась буржуазной. Эта революция развертывалась в период империализма, когда капитализм идет под гору, а не по восходящей линии своего развития. Поэтому в отличие от западноевропейских революций, где гегемоном движения была либеральная буржуазия, а крестьянство представляло «резерв буржуазии» (Сталин), в русской революции на первый план выдвинулся пролетариат, ставший самостоятельной силой. Этого не признавали меньшевики. Определение содержания русской революции и ее движущих сил, данное большевиками, коренным образом отличается от меньшевистского определения. Большевики установили, что «победа буржуазной революции у нас невозможна, как победа буржуазии. Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (на половину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата,—все эти обстоятельства придают нашей буржуазной революции особый характер»[2].

Следовательно, буржуазия не только не могла явиться гегемоном революции, но она выступала в этой революции как контрреволюционная сила, готовая в любой момент переметнуться в лагерь самодержавия и выступить против революции. Проводя исторические аналогии, но отнюдь не отожествляя русскую революцию с другими революциями, Ленин указывал, что русская революция по своему типу подходит к революции 1789 г., когда «крестьянство играло выдающуюся революционную роль».

Сравнивая русскую революцию с революциями 1789 и 1848 гг., Ленин указывал на следующие характерные черты, которые подтверждали, что у нас всего вероятнее развитие революции по французскому типу. «За I говорит (1) несравненно больший запас озлобления, революционности в русских низших классах, чем в Германии 1848 г. У нас перелом круче, у нас между самодержавием и политической свободой не было и нет никаких промежуточных ступеней (земство не в счет), у нас деспотизм азиатски девственен. (2) У нас несчастная война делает еще более вероятным резкий крах, ибо она запутывает царское правительство до конца. (3) У нас международная конъюнктура выгоднее, ибо пролетарская Европа сделает помощь русской монархии со стороны монархов европейских невозможной. (4) У нас развитие сознательно-революционных партий, литературы и организации их во много раз выше, чем в 1789, 1848 и 1871 годах. (5) У нас целый ряд угнетенных царизмом народностей, поляки, финляндцы и т. д., делают натиск на самодержавие особенно энергичным. (6) У нас крестьянство особенно разорено; обнищало невероятно и ему уже абсолютно терять нечего»[3].

---

[1] «Красный архив». Т. IX, стр. 41.
[2] Ленин. Соч. Т. XII, стр. 209.
[3] Ленин. Соч. Т. VII, стр. 181—182.

Особенность русской буржуазно-демократической революции заключалась в том, что это была крестьянская буржуазная революция, крестьянство играло в ней революционную роль. Разногласие в оценке роли крестьянства в революции — один из коренных пунктов разногласий большевиков с меньшевиками. Большевики не только декларировали революционность крестьянства, но они вскрыли и экономически обосновали неизбежность борьбы крестьянства против самодержавия. Они показали, что именно аграрный вопрос «обусловливает собой национальную особенность этой революции»[1] и что именно он является гвоздем русской революции. Удары русской буржуазно-демократической революции направлены были в первую очередь против крепостнического землевладения и связанного с ним самодержавия. Ленин показал, что 10,5 млн. разоренных крестьянских хозяйств владеют таким же количеством земли, что и 30 тыс. крупнейших помещиков. Этот ленинский анализ с исключительной простотой и вместе с тем глубиной вскрывал основу революционности крестьянства, показывая одновременно экономический базис российской монархии. Подчеркивая революционность крестьянства, большевики во главе с Лениным указывали, что пролетариат является классом, который своей борьбой пробуждает и втягивает в революцию крестьянство, возглавляет его и организует, «ибо без инициативы и руководства пролетариата крестьянство — ничто»[2].

Русская буржуазно-демократическая революция, которую Ленин часто называл народной революцией, «по средствам борьбы была пролетарской»[3]. Русская революция должна была на первом своем этапе разрешить те задачи, которые почти целиком были разрешены французской буржуазной революцией в 1792—1793 годах. Это подчеркивание большевиками пролетарских методов борьбы русской революции ничего общего не имело с тем содержанием, которое потом вкладывал в определение характера русской революции 1905—1907 гг. М. Н. Покровский, называя ее пролетарской революцией. У Покровского совершенно стираются грани между буржуазно-демократической и социалистической революциями. В своей работе «Начало пролетарской революции в России», опубликованной в «Красном архиве», кн. XI—XII, Покровский не видит разницы между декабрем 1905 г. и февралем 1917 г. и октябрем 1917 г. Такое понимание революции 1905 г. ничего общего не имеет с ленинизмом. Ленин не смешивает революцию буржуазно-демократическую с социалистической. Он создал учение о возможности перерастания первой во вторую. Поэтому, указывая на пролетарские методы борьбы в революции 1905 года, Ленин подчеркивает здесь две стороны революции: первое, что пролетариат являлся руководящей силой, авангардом движения и гегемоном революции, и второе, «что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий»[4]. Массовая политическая стачка представляет грандиозное и новое явление. Одной стачкой дело не ограничивается. Ленин и большевики указывали на совершенную необходимость вооруженного восстания, которое также входит в арсенал пролетарских методов борьбы.

Подводя итоги событий 9 января, Ленин указывал, что растущее движение пролетариата подходит «все ближе и ближе на практике к всенародному вооруженному восстанию, о котором давно говорила революционная социал-демократия»[5], в частности о приближающемся вооруженном восстании народа Ленин говорил в «Что делать?»

---

[1] Ленин. Соч. Т. XI, стр. 492.
[2] Ленин. Соч. Т. XII, стр. 211.
[3] Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 345.
[4] Там же.
[5] Ленин. Соч. Т. VII, стр. 106.

Большевики отстаивали идею союза пролетариата с крестьянством при гегемонии пролетариата. Из того, что русская революция была буржуазно-демократической, вовсе не следовало, что пролетариат должен отстраниться от борьбы, предоставив поле действий буржуазии. Наоборот, пролетариат должен был самым решительным образом вмешаться в борьбу, возглавить ее, стать руководителем общедемократического фронта в борьбе с самодержавием. «Только в такой работе, полной демократической ломки старого, полукрепостного, общества, пролетариат может вполне окрепнуть, как самостоятельный класс, вполне выделить свои особые, т. е. социалистические задачи из общих «всему бесправному народу» демократических задач и обеспечить себе наилучшие условия наиболее свободной, широкой и усиленной борьбы за социализм» [1]. Только при гегемонии пролетариата русская народная революция имела шансы окончиться решительной победой над самодержавием, очистить страну от многовековых остатков феодализма и крепостничества, создать условия для перерастания в революцию социалистическую, на что ориентировалась большевистская партия, возглавляемая великими стратегами революции — Лениным и Сталиным. Идея перерастания была разработана Лениным уже в 1905 году. Это прекрасно доказано в работах товарища Сталина. Уже в гениальной работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин писал: «Во главе всего народа и в особенности крестьянства — за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику! Во главе всех трудящихся и эксплуатируемых — за социализм! Такова должна быть на деле политика революционного пролетариата, таков классовый лозунг, который должен проникать и определять собой решение каждого тактического вопроса, каждый практический шаг рабочей партии во время революции» [2]. Та же мысль развита в работе об отношении социал-демократии к крестьянскому движению [3].

Но чтобы практически подойти к задачам социалистической революции, пролетариат в союзе с крестьянством должен был довести буржуазно-демократическую революцию до победного конца. Начавшаяся буржуазно-демократическая революция в России еще больше углубила разногласия между большевиками и оппортунистами-меньшевиками. К организационным разногласиям прибавились тактические разногласия по всем коренным вопросам русской революции. Большинство социал-демократических организаций сплотилось на ленинских позициях вокруг Ленина и Сталина.

«Большевики держали курс на развертывание революции, на свержение царизма путем вооруженного восстания, на гегемонию рабочего класса, на изоляцию кадетской буржуазии, на союз с крестьянством, на создание временного революционного правительства из представителей рабочих и крестьян, на доведение революции до победного конца. Меньшевики, наоборот, держали курс на свертывание революции. Вместо свержения царизма путем восстания они предлагали его реформирование и «улучшение», вместо гегемонии пролетариата — гегемонию либеральной буржуазии, вместо союза с крестьянством — союз с кадетской буржуазией, вместо временного революционного правительства — Государственную думу, как центр «революционных сил» страны.

Так меньшевики скатились в болото соглашательства, став проводниками буржуазного влияния на рабочий класс, став на деле агентами буржуазии в рабочем классе.

Большевики оказались единственной революционно-марксистской силой в партии и стране» [4].

---

[1] Ленин. Соч. Т. XI, стр. 153.
[2] Ленин. Соч. Т. VIII. стр. 105.
[3] Там же, стр. 186.
[4] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 90.

СТАТЬИ

СТАЛИН И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

С. Черномордик.

I

Вопрос о приобщении десятков миллионов крестьян, мелких товаропроизводителей, к строительству социалистического общества был одним из самых сложных вопросов, практически вставших перед партией на другой день после Октябрьской социалистической революции. Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы немедленно перевести мелкие, раздробленные крестьянские хозяйства на социалистический путь, объединить их в крупные общественные хозяйства. Понадобилось 12 лет огромной работы, чтобы подготовить условия для такого подлинно социалистического переворота в деревне.

В результате Октябрьской революции, как известно, крестьяне получили 150 млн. га земли, экспроприированной у помещиков, крупных капиталистов, монастырей и царской фамилии.

Конфискация помещичьих земель и передача их трудовому крестьянству, являясь величайшим историческим актом, отвечали вековым чаяниям многомиллионного крестьянства России, стонавшего от малоземелья. Декрет о земле, принятый II всероссийским съездом советов, закрепил поддержку рабочего класса и бедноты со стороны широких масс середняцкого крестьянства, убедившегося, что только победа пролетарской революции является гарантией от возвращения помещика. Об этой поддержке крестьянством рабочего класса в пролетарской революции свидетельствует активная роль крестьянства в гражданской войне, его борьба против помещиков, капиталистов и иностранных интервентов.

Ликвидация помещичьего землевладения и передача помещичьей земли крестьянам была лишь началом, необходимой предпосылкой для разрешения аграрного вопроса в духе социализма. Благодаря наличию миллионов единоличных мелких, технически отсталых крестьянских хозяйств, этого тяжелого наследия помещичье-капиталистической России, трудности, стоявшие перед социалистическим пролетариатом, особенно увеличивались. Мелкие, технически отсталые крестьянские хозяйства не могли дать достаточно хлеба для рабочих, для Красной Армии; не могли дать они и достаточно сырья для социалистической промышленности. В то же время эта масса единоличных мелкотоварных крестьянских хозяйств представляла собой источник, который «р о ж д а е т капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» [1].

Партия большевиков, закаленная в огне революционной борьбы, вооруженная марксизмом-ленинизмом, была подготовлена к тому, чтобы во всеоружии встретить эти трудности и повести борьбу за их преодоление. Проблема взаимоотношений рабочего класса и крестьянства, проблема переделки массы мелких крестьянских единоличных хозяйств в крупное социалистическое были одними из основных проблем пролетарской революции в такой крестьянской стране, как Россия. В. И. Ленин,

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 173.

уделявший исключительное внимание разработке этих вопросов, в своих классических трудах дал ключ к разрешению этой сложнейшей проблемы.

Известна та борьба, которую по вопросу о крестьянстве и путях развития сельского хозяйства В. И. Ленин вел против народников, буржуазных экономистов и социал-демократических оппортунистов. Народники утверждали, что мелкое крестьянское хозяйство является идеальным типом сельского хозяйства, что при условии сохранения и укрепления общинного землевладения мелкие крестьянские хозяйства устойчивее крупного, недоступны проникновению в него капитализма и представляют собой зародыш социализма. Буржуазные экономисты, как то: Брентано, Булгаков, Туган-Барановский, Струве и примыкающий к ним меньшевик Маслов, — утверждали, что будто бы существует «незыблемый» закон убывающего плодородия почвы, закон, ограничивающий возможности развития для крупного хозяйства в земледелии и ставящий мелкое хозяйство в более благоприятные условия развития. Отсюда они делали вывод, что промышленность и сельское хозяйство развиваются в противоположных направлениях. Оппортунисты из германской социал-демократии: Герц, Давид, примыкающий к ним эсеровский «теоретик» Чернов— утверждали, что в отличие от промышленности в сельском хозяйстве по самой его природе будто бы крайне ограничено применение машин. Из этого ложного утверждения эти «теоретики» делали вывод об ограниченности пределов развития крупного сельского хозяйства и об устойчивости мелкого крестьянского хозяйства.

При всем различии теоретических направлений у всех названных авторов есть одно общее — это попытка установить «абсолютный» закон устойчивости и превосходства мелкого крестьянского хозяйства, попытка увековечить крестьянскую отсталость. Это делалось неспроста: общественно-политический смысл их «теоретических» изысканий заключался в стремлении доказать тщетность революционного пролетарского движения, невозможность социалистической революции. Умысел буржуазных врагов социализма и их мелкобуржуазных союзников из оппортунистической социал-демократии был в том, чтобы доказать неизбежность крушения диктатуры пролетариата в результате сопротивления, по их мнению сплошь реакционной, массы мелкобуржуазного крестьянства, которое по своей экономической природе является абсолютно устойчивым.

В. И. Ленин вдребезги разбил все эти буржуазные и мелкобуржуазные теории. Он камня на камне не оставил от так называемых «абсолютных» законов «убывающего плодородия почвы», «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства. Ленин разоблачил классовую природу этих теорий, направленных против революционных стремлений рабочего класса. «Теории» оппортуниста Давида Ленин заклеймил как «ламентации мещанина, возлагающего свои надежды на отсталость техники, на медленность развития капитализма. Правый кадет и «христианский» ренегат г. Булгаков теоретически вполне равен оппортунисту с.-д. Давиду»[1], — такую оценку дает В. И. Ленин.

В. И. Ленин доказал, что «устойчивость» мелкого крестьянского хозяйства кажущаяся, что она в значительной мере искусственно поддерживается нуждающимися в рабочей силе крупными землевладельцами. Так называемая «устойчивость» мелкого крестьянского хозяйства — одно из отрицательных явлений капиталистического земледелия. «Недостаток рабочих — вследствие ухода населения из деревень,— говорит Ленин,— заставляет крупных хозяев стремиться к наделению рабочих землей, к созданию мелкого крестьянства, которое поставляет рабочие силы помещикам... Когда мелкое производство слишком сильно вытесняется, — крупные хозяева стремятся укрепить или возродить его посредством продажи или отдачи в аренду земли...

[1] Ленин. Соч. Т. XI, стр. 292.

В пределах капиталистического способа производства невозможно рассчитывать на полное вытеснение мелкого производства в земледелии, ибо сами капиталисты и аграрии стремятся возродить его, когда разорение крестьянства зашло чересчур далеко»[1]. Такой же вывод был сделан К. Марксом еще в 1850 г.: «Пока существует вообще буржуазный строй, земледелие должно постоянно вращаться в этом круге из концентрации и раздробления»[2].

Таким образом, не особенности развития сельского хозяйства вообще, а особенности развития капиталистического сельского хозяйства вызывают дробление земельной собственности и плодят мелкие крестьянские хозяйства. «Нетрудно понять, что такая «устойчивость» хуже всякой неустойчивости. Нетрудно понять, что эта антимарксистская теория имеет своей целью лишь одно: восхваление и упрочение капиталистических порядков»,— говорил товарищ Сталин[3].

В результате этой капиталистической «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства пролетариату после победоносной пролетарской революции приходится иметь дело с миллионами мелких крестьянских хозяйств, экономически слабых и технически отсталых, обладатели которых насквозь проникнуты навыками и предрассудками мелкого товарного производителя.

О том, как перевести мелкие крестьянские хозяйства на рельсы крупного, коллективного хозяйства, наши учители Маркс и Энгельс высказывали гениальные мысли. Так, в письме к Ф. Энгельсу 14 августа 1851 г. К. Маркс писал: «Я убеждаюсь, что реформа агрикультуры и основанного на ней собственнического свинства должна стать альфой и омегой будущего переворота»[4]. Ту же мысль Маркс высказывает в своей работе «Классовая борьба во Франции»: «Только падение капитала может поднять крестьян, только антикапиталистическое, пролетарское правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации»[5].

Ф. Энгельс в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» дает целую программу действий пролетарского правительства после захвата государственной власти: «Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или без него), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частное владение перевести в товарищеское, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели»[6].

Партия Ленина—Сталина пошла по пути, указанному нашими учителями. Классические теоретические работы Ленина и Сталина, гениальная политика партии в крестьянском вопросе и в области социалистической переделки крестьянского хозяйства, проводившаяся под руководством Ленина и Сталина, окончательно опрокинули все хитроумные буржуазные и оппортунистические теории и показали трудящимся всего мира, что только ставший у власти рабочий класс, ликвидировавший капиталистов и помещиков, в состоянии по-настоящему разрешить так называемый аграрный вопрос и вывести массы крестьянства из беспросветной нищеты

---

[1] Ленин. Соч. Т. II, стр. 453.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 316.

[3] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 280. 11-е изд. В дальнейшем все цитаты из «Вопросов ленинизма» по 11-му изданию, за исключением особо оговоренных случаев.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 249.

[5] К. Маркс. Избранные произведения в двух томах. Т. II, стр. 207. 1937.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 454—455.

и невежества, на что они обречены при капитализме, на путь счастливой, зажиточной жизни в крупном, коллективизированном хозяйстве, основанном на применении передовой техники и всех достижений агрономии.

II

Незадолго до Октябрьской социалистической революции, на I всероссийском съезде крестьянских депутатов (4 июня 1917 г.), Ленин сказал: «Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель... Это — трудное дело, но необходимо перейти к общей обработке (земли.— *С. Ч.)* в крупных образцовых хозяйствах» [1].

После Октябрьской революции вопрос об отношении к крестьянству, о путях его социалистической переделки для партии и советского правительства был вопросом исключительного значения. Отсталое и вдобавок разрушенное четырехлетней империалистической войной крестьянское земледелие не в состоянии было дать населению достаточно хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Население городов и промышленных центров сидело на голодном пайке. Злейший и самый заклятый враг советской власти и социализма — кулак — пытался задушить голодом молодое советское государство. Советская власть, опираясь на деревенскую бедноту и при поддержке середняка, повела самую решительную борьбу с кулачеством.

Однако эта борьба на данном этапе не могла привести к полной ликвидации кулачества как класса. Пока не было произведено социалистическое переустройство единоличных крестьянских хозяйств на современной технической базе, борьба советской власти с кулачеством неизбежно должна была ограничиваться борьбой за изъятие кулацкого хлеба, за ограничение кулацкой эксплоатации, за политическую изоляцию кулака в деревне. Основная проблема заключалась, таким образом, в поднятии производительных сил крестьянского хозяйства, находившегося в состоянии истощения и разрухи, посредством перевода его на рельсы крупного, обобществленного хозяйства. Трудность решения этой проблемы заключалась в том, что все это приходилось выполнять в условиях гражданской войны и развала всего народного хозяйства.

В. И. Ленин в своей речи на съезде комитетов бедноты Московской области (8 ноября 1918 г.) так поставил вопрос: «Дележка хороша была только для начала. Она должна была показать, что земля отходит от помещиков, что она переходит к крестьянам. Но этого недостаточно. Выход только в общественной обработке земли.

Этого сознания у нас не было, но жизнь сама приводит нас к этому убеждению. Коммуны, артельная обработка, товарищества крестьян—вот где спасение от невыгод мелкого хозяйства, вот в чем средство поднятия и улучшения хозяйства, экономия сил и борьбы с кулачеством, тунеядством и эксплуатацией» [2].

В. И. Ленин постоянно указывал на трудности, которые сопряжены с переходом единоличных мелких крестьянских хозяйств на коллективную обработку земли, особенно в такой крестьянской стране, как Россия. Он неоднократно указывал на чрезвычайный вред торопливости в этом деле. «Само собой понятно, — говорил Ленин на I всероссийском съезде земельных отделов (11 декабря 1918 г.), — что такого рода переворот, переход от мелких единичных крестьянских хозяйств к общественной обработке земли — требует долгого времени, что он ни в коем случае не может быть совершен сразу... Мы прекрасно знаем, что такие величайшие перевороты в жизни десятков миллионов людей, касающиеся наиболее

[1] Ленин. Соч. Т. XX, стр. 417—418.
[2] Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 282.

глубоких основ жизни и быта, как переход от мелкого единичного крестьянского хозяйства к общей обработке земли, могут быть созданы только длительным трудом, что они вообще осуществимы лишь тогда, когда необходимость заставляет людей переделать свою жизнь»[1].

«Мы имеем, — говорит в другом месте Ленин, — миллионы разбросанных, распыленных в глуши деревень, отдельных хозяйств. Переделать эти хозяйства каким-нибудь быстрым способом, каким-нибудь приказом, воздействием извне, со стороны, было бы мыслью совершенно нелепой... Лишь когда практически, на опыте близком для крестьян, будет доказано, что переход к товарищескому, артельному земледелию необходим и возможен, лишь тогда мы вправе будем сказать, что в такой громадной крестьянской стране, как Россия, по пути социалистического земледелия сделан серьезный шаг»[2].

Ленин считал, что показать середняку преимущества коллективного крупного хозяйства перед единоличным можно только снабдив достаточным количеством усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и первосортных семян середняцкие хозяйства, уже решившиеся перейти на коллективную обработку земли. Поворот крестьянских масс в сторону коллективизации обусловливался, таким образом, материальной помощью советского государства.

Общеизвестны слова Ленина на VIII съезде партии: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т. е. за коммунизм)». Народное хозяйство Советской страны в то время (1918—1919 гг.) находилось в таком состоянии упадка, что о серьезной производственной помощи середняцкому хозяйству нельзя было и думать. Говоря о ста тысячах тракторов, Ленин добавил, что для этого «надо сначала победить международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы, или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их доставить. Только так будет верно поставлен этот вопрос»[3].

В годы гражданской войны советское государство при всех экономических трудностях и несмотря на сложность политической обстановки уделяло значительные финансовые средства для оказания помощи середняцким хозяйствам, в особенности для объединения их в коллективные хозяйства. Декретом СНК от 2 ноября 1918 г. был ассигнован 1 млрд. рублей для создания специального фонда «в целях улучшения и развития сельского хозяйства и скорейшего переустройства его на социалистических началах». Пособия и ссуды из этого фонда выдавались сельскохозяйственным коммунам и трудовым товариществам, сельским обществам или группам при условии перехода их от единоличной к общей обработке и уборке полей. В соответствии с решениями VIII съезда партии правительство предприняло ряд мер организационного характера для объединения колхозного движения. Так, в конце 1919 г. состоялся съезд земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей, на котором был организован Всероссийский союз сельскохозяйственных коммун и артелей.

Все эти мероприятия имели большое политическое и пропагандистское значение. Они помогали убедить середняка в преимуществах коллективного труда. Большую роль в смысле показа преимуществ крупного машинизированного сельского хозяйства сыграли совхозы. Однако коллективизация тогда делала лишь первые, робкие шаги и носила опытный характер. Колхозы были небольшими островками в безбрежном море еди-

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 423.
[2] Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 579—580.
[3] Там же, стр. 170.

ноличных середняцких и бедняцких хозяйств. Из десятков миллионов крестьянских хозяйств в колхозы были объединены лишь сотни и тысячи. Производительные силы народного хозяйства Советского Союза были в то время на столь низком уровне, что не могли создать необходимую техническую базу для сельского хозяйства. А без такой базы нельзя было рассчитывать на то, что колхозное движение примет широкий размах.

Эту зависимость социалистического переустройства крестьянского хозяйства от состояния технической базы В. И. Ленин подчеркивает в ряде своих выступлений. Исключительный по своей четкости план строительства социализма В. И. Ленин дал в докладе по аграрному вопросу на II конгрессе Коминтерна: «Победу социализма над капитализмом, упрочение социализма можно считать обеспеченными лишь тогда, когда пролетарская государственная власть, окончательно подавив всякое сопротивление эксплуататоров и обеспечив себе совершенную устойчивость и полное подчинение, реорганизует всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего хозяйства основанной) технической базы. Только это даст возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом отсталой и распыленной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда, побуждая тем мелких земледельцев силой примера и ради их собственной выгоды переходить к крупному, коллективному, машинному земледелию» [1].

Эту же мысль о необходимости подведения современной технической базы как об основном условии социалистической переделки единоличных крестьянских хозяйств В. И. Ленин высказывает и на X съезде партии и в своей знаменитой статье «О кооперации».

Эти указания В. И. Ленина легли в основу всей последующей политики партии и правительства в деле укрепления союза рабочего класса и середняка и подготовки технической базы для коллективизации сельского хозяйства. Духом ленинизма проникнута генеральная линия партии на индустриализацию нашей страны, на создание в первую очередь тяжелой промышленности, на техническое перевооружение всей нашей промышленности и сельского хозяйства.

По ленинскому пути индустриализации и технической реконструкции всего народного хозяйства повел рабочий класс Советского Союза гениальный ученик и соратник Ленина, вождь большевистской партии товарищ Сталин. Под руководством товарища Сталина наша партия достигла на этом пути в короткое время блестящих успехов. Под гениальным руководством товарища Сталина наша партия при громадном трудовом энтузиазме рабочего класса в течение всего лишь одного десятилетия после смерти В. И. Ленина добилась коренной технической реконструкции промышленности и на ее основе — социалистической реконструкции сельского хозяйства.

III

В соответствии с изменившейся экономической и политической обстановкой товарищ Сталин по-новому поставил вопрос о социалистической переделке мелкого крестьянского хозяйства.

Взятый партией со времени XIV съезда курс на индустриализацию страны, на развитие тяжелой промышленности в короткие сроки дал блестящие результаты. Были построены новые и реконструированы старые предприятия. Оживлялись старые рабочие центры, рабочий класс численно вырос. Но от бурного роста промышленности серьезно отста-

[1] Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 276.

вало сельское хозяйство. Ко времени XV съезда особенно остро стало сказываться несоответствие между быстрыми темпами роста промышленности и медленными темпами развития сельского хозяйства. Это несоответствие представляло серьезную угрозу для дальнейшего развития индустриализации страны. Бурные темпы социалистической индустриализации и отставание сельского хозяйства обнаружили противоречие двух основ, на которых базировалась до сих пор экономика страны.

«Можно ли,— говорил товарищ Сталин,— в продолжение более или менее долгого периода времени базировать Советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства»[1].

Одновременно обнаружились серьезные затруднения на «хлебном фронте». В то время как продукция промышленности в 1926—1927 гг. перевалила за довоенный уровень, товарного хлеба сельское хозяйство давало вдвое меньше чем до войны. В беседе со студентами Института красной профессуры 28 мая 1928 г. товарищ Сталин дал объяснение этому явлению: «Ликвидация помещичьего (крупного) хозяйства, сокращение кулацкого (крупного) хозяйства более чем втрое и переход к мелкому крестьянскому хозяйству, представляющему лишь 11% товарности, при отсутствии сколько-нибудь развитого крупного общественного хозяйства в области хлебного производства (колхозы, совхозы) должны были привести и действительно привели к резкому сокращению производства товарного хлеба по сравнению с довоенным временем. Это факт, что мы имеем теперь вдвое меньше товарного хлеба, несмотря на довоенную норму валовой продукции хлеба»[2].

Всестороннее укрепление советской власти и индустриализация создали возможности для радикального переворота в деревне. Социалистическое государство могло теперь двинуть в деревню машины, финансировать революционное переустройство сельского хозяйства, дать деревне в помощь тысячи организаторов и руководителей из рабочего класса.

Таким образом наметились все условия для решения одной из сложных задач революции — проблемы революционного переустройства сельского хозяйства. И товарищ Сталин, дав гениальный анализ обстановки, наметил четкую и ясную программу этого революционного переустройства. «Выход в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой высшей техники. Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения, объединять в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли, с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия. Других выходов нет»[3]. На XV съезде партии, вошедшем в историю как съезд коллективизации, товарищ Сталин поставил перед партией в качестве очередной практической задачи нашего строительства в деревне «постепенный перевод распыленных крестьянских хозяйств на рельсы объединенных, крупных хозяйств, на общественную, коллективную обработку земли на основе интенсификации и машинизации земледелия в расчете, что такой путь развития является важнейшим средством уско-

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 277—278.
[2] Там же, стр. 186—187.
[3] «Ленин и Сталин». Сборник произведений. Т. III, стр. 235.

рения темпа развития сельского хозяйства и преодоления капиталистических элементов в деревне»[1].

Следуя по ленинскому пути, товарищ Сталин подвел трудящихся нашей страны к практическому разрешению самого трудного исторического вопроса—коллективизации десятков миллионов мелких, распыленных, технически отсталых крестьянских хозяйств. Время, когда необходимо было немедля приступить к разрешению этой великой исторической задачи, наступило. Задача эта разрешалась тем легче и быстрее, чем выше были темпы развития нашей тяжелой промышленности, то есть чем быстрее подготовлялась техническая база для социалистической реконструкции сельского хозяйства. Вопрос об ускорении темпов развития тяжелой промышленности приобретал, таким образом, первостепенное, политическое значение.

Вот почему товарищ Сталин и партия так страстно обрушились на правых уклонистов, на буржуазных перерожденцев, выступивших против политики индустриализации, за замедление темпов развития промышленности.

Троцкистско-бухаринские враги партии и народа пытались использовать затруднения, вызванные противоречием между развитием промышленности и сельского хозяйства, для срыва политики индустриализации страны, для ослабления позиций социализма и для укрепления капиталистических элементов в стране. Они призывали партию к ослаблению темпов роста промышленности, к производству ситца вместо чугуна, стали и машин, к отказу от поддержки среднего крестьянства, к отказу от строительства колхозов и совхозов, звали к укреплению кулацкого хозяйства. Троцкистско-бухаринские враги народа хотели использовать хлебные затруднения для подготовки реставрации капитализма.

Товарищ Сталин беспощадно разоблачил эти планы врага. «Есть люди,— говорил Сталин,— которые усматривают выход из положения в возврате к кулацкому хозяйству, в развитии и развертывании кулацкого хозяйства... Эти люди полагают, что Советская власть могла бы опереться сразу на два противоположных класса,— на класс кулаков, хозяйственным принципом которых является эксплоатация рабочего класса, и на класс рабочих, хозяйственным принципом которых является уничтожение всякой эксплоатации. Фокус, достойный реакционеров. Не стоит и доказывать, что эти реакционные «планы» не имеют ничего общего с интересами рабочего класса, с принципами марксизма, с задачами ленинизма»[2].

Товарищ Сталин разоблачил «планы» Бухарина, клонившиеся к замедлению темпов роста социалистической промышленности. «Где выход для сельского хозяйства? — говорил товарищ Сталин на XV съезде партии.— Может быть, в замедлении темпа развития нашей промышленности вообще, нашей национализированной промышленности в частности? Ни в коем случае! Это было бы реакционнейшей, антипролетарской утопией. Национализированная промышленность должна и будет развиваться ускоренным темпом. В этом гарантия нашего продвижения к социализму. В этом гарантия того, что будет, наконец, индустриализировано само сельское хозяйство»[3].

Разоблачая этих капитулянтов и вражеских лазутчиков, товарищ Сталин мобилизовал партию и массы трудящихся на разрешение всемирно-исторической задачи — построения социализма в нашей стране.

Величайшая заслуга гениального революционного стратега товарища Сталина состоит в том, что под его руководством партия правильно, безошибочно установила время, когда можно и необходимо перейти к социалистическому наступлению по всему фронту. Разгромив троцкистов

[1] «Ленин и Сталин». Сборник произведений. Т. III, стр. 237.
[2] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 187.
[3] «Ленин и Сталин». Сборник произведений. Т. III, стр. 235.

и правых, утверждавших, что социалистическое наступление будто бы противоречит нэпу, товарищ Сталин на XVI съезде партии ставит вопрос: «Наступило ли уже время для такого ускорения движения, для ускорения темпа нашего развития, правильно ли выбрали мы момент, перейдя в решительное наступление по всему фронту во второй половине 1929 года?» И отвечает: «Да, такой момент уже наступил. Да, партия правильно выбрала момент, перейдя в наступление по всему фронту» [1].

Первый пятилетний план развития народного хозяйства, вдохновителем которого являлся товарищ Сталин, был естественным дальнейшим шагом вперед в индустриализации страны. Принятые XV съездом партии «Директивы к составлению пятилетнего плана» и утвержденный вслед за тем партией и правительством пятилетний план были программой коренной технической реконструкции всего народного хозяйства. Осуществление первой пятилетки должно было заложить фундамент социализма в нашей стране.

Первый пятилетний план предусматривал коллективизацию к концу пятилетия крестьянских хозяйств 22—24 млн. га, т. е. одной пятой крестьянских посевных площадей. В этих скромных наметках сказался ленинско-сталинский принцип осмотрительности и неторопливости в решении такой сложнейшей проблемы. Однако практика колхозного движения превзошла все ожидания. Уже весной 1930 г. было коллективизировано крестьянских хозяйств на 36 млн. га посевных площадей. Это было торжество ленинско-сталинской генеральной линии партии.

В своей известной статье «Год великого перелома» товарищ Сталин дает блестящий анализ причин, вызвавших массовое вступление крестьян в колхозы. «В чем состоит **новое** в нынешнем колхозном движении? Новое и решающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами. А что это значит? Это значит, что **в колхозы пошел середняк**. В этом основа того коренного перелома в развитии сельского хозяйства, который составляет важнейшее достижение Советской власти за истекший год» [2]. Наступил долгожданный момент, когда середняк окончательно повернул в сторону социализма. Произошел «глубочайший революционный переворот», о котором мечтали Маркс, Энгельс, Ленин. Этот переворот совершили рабочие и крестьяне нашей страны под гениальным руководством товарища Сталина.

«Рушится и превращается в прах последняя надежда капиталистов всех стран, мечтающих о восстановлении капитализма в СССР,— «священный принцип частной собственности». Крестьяне, рассматриваемые ими как материал, унаваживающий почву для капитализма, массами покидают хваленое знамя «частной собственности» и переходят на рельсы коллективизма, на рельсы социализма. Рушится последняя надежда на восстановление капитализма» [3].

Эта величайшая победа на колхозном фронте была достигнута под гениальным руководством товарища Сталина в результате последовательного проведения кооперативного плана Ленина, последовательного и решительного проведения политики индустриализации страны.

Для пропаганды колхозного движения партия двинула в деревню десятки тысяч передовых рабочих. Исключительную роль в пропаганде преимуществ социалистического земледелия сыграли совхозы с их высокой техникой и культурой. Но самым главным, что решило успехи колхозного движения, было то, что экономически окрепшее и индустриализирующееся советское государство смогло оказать колхозам реальную тех-

---

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 389. 10-е изд.
[2] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 272.
[3] Там же, стр. 273.

ническую и экономическую помощь. Весной 1930 г. на колхозных и совхозных полях было уже свыше 60 тыс. тракторов. Для обслуживания колхозов были организованы сотни, а потом и тысячи машинно-тракторных станций. Это был прямой результат сталинской политики индустриализации и технической реконструкции народного хозяйства страны. Товарищ Сталин в статье «Год великого перелома» писал: «Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую «рассейскую» отсталость. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, — пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией»[1].

Уже первый год массового колхозного движения дал ключ к разрешению зерновой проблемы. Правые капитулянты «пугали» партию тем, что организация колхозов и наступление на кулачество могут оставить страну без хлеба. Итоги первого же года массового колхозного движения разбили вдребезги и эти «предсказания» кулацких агентов. В 1930 г. товарная продукция колхозов составила более 500 млн. пудов, совхозов — 370 млн. пудов. Колхозы дали более 50% всей товарной продукции зерна в стране. За 3 года колхозного движения товарная продукция зерновых увеличилась более чем в 40 раз.

Таким образом, быстрая коллективизация сопровождалась оттеснением кулака как производителя товарного хлеба. Кулак как производитель товарного хлеба явно становился ненужной фигурой в деревне. Бурное колхозное движение сметало кулака, этого векового жесточайшего эксплоататора трудовых крестьянских масс. Страна вплотную подошла к вопросу о ликвидации кулачества как класса.

На этом вопросе товарищ Сталин подробно останавливается в речи на конференции аграрников-марксистов (27 декабря 1929 г.). Отметив, что в 1929 г. колхозы и совхозы уже дали 130 млн. пудов товарного хлеба, т. е. больше чем кулак в 1927 году, а в 1930 г. совхозы и колхозы должны дать не менее 400 млн. пудов, т. е. в 3 раза больше чем кулак в 1927 г., товарищ Сталин говорит: «Теперь у нас имеется, как видите, материальная база для того, чтобы заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Вот почему наше наступление на кулачество имеет теперь несомненный успех... Вот почему мы перешли в последнее время от политики ограничения эксплоататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса»[2].

Далее товарищ Сталин указывает, что то немедленное наступление на кулака, которое когда-то предлагала троцкистско-зиновьевская оппозиция, было недопустимой демагогией, так как тогда кулак еще был видной фигурой как производитель товарного хлеба, тогда еще не было массового движения середняка в колхозы, и партия тогда вынуждена была проводить политику ограничения эксплоататорских тенденций кулачества, — теперь же, в условиях развернувшегося массового колхозного движения, ликвидация кулачества необходима и неизбежна: «Теперь — другое дело. Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов. Теперь раскулачивание производится самими бедняцко-середняцкими массами, осуществляющими сплошную коллективизацию. Теперь раскулачивание в районах сплошной коллективизации не есть уже простая административная мера. Теперь раскулачивание представляет там составную часть образования и развития колхозов»[3].

---

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 274.
[2] Там же, стр. 292.
[3] Там же, стр. 293.

Мудрая политика партии во главе с гениальным Сталиным создала материальную основу для разрешения великой исторической задачи — ликвидации последнего, самого многочисленного, самого жестокого эксплоататорского класса — кулачества — на базе сплошной коллективизации, на базе социалистической переделки миллионов единоличных, мелких крестьянских хозяйств. Темпы коллективизации превзошли всякие ожидания. В 4—5 лет была достигнута в основном сплошная коллективизация, и последний эксплоататорский класс — кулачество — был выброшен в мусорный ящик истории.

Тем, что это великое историческое дело было совершено в такие короткие сроки, наша страна обязана гениальному вождю товарищу Сталину, повседневно руководившему колхозным движением.

Борьба партии за сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса встретила жестокое сопротивление со стороны кулачества и его агентуры, сопровождавшееся рядом вражеских актов замаскировавшихся врагов народа: троцкистов, бухаринцев и буржуазных националистов, — рассчитывавших сорвать колхозное движение. С другой стороны, проведение сплошной коллективизации осложнялось рядом ошибок и промахов со стороны части местных работников. В погоне за «большими процентами» коллективизации в ряде районов и областей имела место антипартийная, антиленинская практика, выражавшаяся в принудительном вовлечении середняка в колхозы, в перескакивании через артель к коммуне с обобществлением жилых построек, мелкого домашнего скота, птицы, в подмене самодеятельности крестьянских масс голым администрированием. Эти «левые» перегибы вызывали серьезное недовольство у середняка, грозили нарушить союз рабочего класса с середняком, чем пользовался кулак для укрепления своих позиций. Раскулачивание «левые» перегибщики проводили в ряде мест в недопустимой форме: бедняки и середняки вовсе не вовлекались в борьбу с кулачеством, что приводило к ущемлению интересов середняка. В то же время правые оппортунисты, проводившие линию предателя Бухарина, относились либерально к кулаку, недооценивая его как эксплоататорский класс, враждебный интересам трудящихся и делу социализма. Немало было случаев, когда кулаков при содействии районных руководителей принимали в колхозы под тем предлогом, что это, дескать, старательные работники и они будут полезны для колхоза. Правые оппортунисты вообще считали ошибочной партийную политику ликвидации кулачества.

«Без кулака, — говорили эти кулацкие агенты, — нам не обойтись». Такая «практика» и «левых» перегибщиков и правых оппортунистов грозила в случае ее распространения сорвать дело коллективизации. Эта «практика» вызвала отлив из колхозов середняка и даже распад части колхозов.

Величайшая заслуга товарища Сталина состоит в том, что он вовремя вскрыл корни этих ошибок и выправил положение.

В своих знаменитых статьях «Головокружение от успехов» (2 марта 1930 г.) и «Ответ товарищам колхозникам» (3 апреля 1930 г.) товарищ Сталин дал классический образец марксистско-ленинской теоретической и практической разработки вопросов колхозного движения.

«Дразнить крестьянина-колхозника «обобществлением» жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема еще не разрешена, когда артельная форма колхозов еще не закреплена, — разве не ясно, что такая «политика» может быть угодной и выгодной лишь нашим заклятым врагам?.. Что это — политика руководства колхозом или политика его разложения и дискредитации?»[1].

---

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 303.

В статье «Ответ товарищам колхозникам» товарищ Сталин вскрыл корень ошибок в крестьянском вопросе, который заключался «в неправильном подходе к середняку. В допущении насилия в области хозяйственных отношений с середняком. В забвении того, что хозяйственная смычка с середняцкими массами должна строиться не на основе насильственных мер, а на основе соглашения с середняком, на основе союза с середняком. В забвении того, что основой колхозного движения в данный момент является союз рабочего класса и бедноты с середняком против капитализма вообще, против кулачества в особенности» [1].

Товарищ Сталин показал, что ошибки привели к тому, что в ряде мест наступление на кулака стало искривляться, «единый фронт с середняком стал подрываться, и, ясное дело, кулак получил возможность попытаться вновь стать на ноги» [2].

На процессах троцкистских, бухаринских, буржуазно-националистических врагов партии и народа установлено, что наряду с «головокружением от успехов» искривления линии партии в области коллективизации во многих случаях были вполне сознательными вредительскими актами со стороны врагов народа, пробравшихся в партию. «Головотяпы» на местах оказались удобным оружием в руках этих врагов.

Товарищ Сталин глубоко вскрыл неразрывную связь, существовавшую между «левыми» загибщиками, троцкизмом и правым уклонизмом. «Что из себя представляют «левые» загибы, имевшие место в партии в области колхозного движения? Они представляют некоторую, правда бессознательную, попытку возродить у нас традиции троцкизма на практике, возродить троцкистское отношение к среднему крестьянству» [3]. С правыми капитулянтами «левых» загибщиков роднила их общая работа по усилению позиций кулака, капитализма. «Ошибки «левых» загибщиков в области колхозного движения, — говорит Сталин, — являются такими ошибками, которые создают благоприятную обстановку для усиления и укрепления правого уклона в партии. Почему? Потому, что эти ошибки изображают линию партии в превратном свете, — стало быть, они облегчают дело дискредитации партии, — следовательно, они облегчают борьбу правых элементов против руководства партии... Поэтому, чтобы бороться с успехом с правым оппортунизмом, надо преодолеть ошибки «левых» оппортунистов. «Левые» загибщики являются объективно союзниками правых уклонистов.

Такова своеобразная связь между «левым» оппортунизмом и правым уклонизмом.

Этой связью и нужно объяснить тот факт, что некоторые «левые» частенько поговаривают о блоке с правыми» [4].

Чтобы успешно проводить политику индустриализации и технической реконструкции промышленности и коллективизации сельского хозяйства необходимо было, таким образом, покончить и с троцкизмом и с правым уклонизмом.

Мобилизовав всю партию на борьбу с троцкистами, бухаринцами и их агентурой в колхозном движении — «левыми» загибщиками и правыми оппортунистами, — ЦК партии во главе с товарищем Сталиным выровнял линию борьбы на колхозном фронте и поставил перед колхозными работниками новые задачи. Вместо погони за бумажными успехами, за высокими цифрами коллективизации товарищ Сталин поставил задачу закрепления колхозов, организационного оформления колхозов, организации деловой работы в колхозах, привлечения середняка к руководящей работе в колхозах. Товарищ Сталин указал на недопустимость увлечения коммунами. «Для сельскохозяйственных коммун, как преобладаю-

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 305.
[2] Там же, стр. 306.
[3] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 419. 10-е изд.
[4] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 314—315.

щей формы, где обобществлено не только все производство, но и распределение, условия еще не назрели.

Основное звено колхозного движения, его преобладающую форму в данный момент, за которую надо теперь ухватиться, представляет сельскохозяйственная артель»[1]. Именно артель является той формой, в которой правильно сочетаются личные интересы колхозника с интересами социалистического хозяйства.

Гениальный вождь, стратег и теоретик, товарищ Сталин неустанно следит за ходом великой борьбы за социализм, пристально осматривает поле битвы, постоянно подводит итоги пройденному пути и на каждом этапе борьбы ставит все новые и новые задачи для дальнейшего успешного продвижения вперед.

С трибуны XVI съезда партии товарищ Сталин, подводя итоги двух лет массового колхозного движения, указал: «Судьбу сельского хозяйства и его основных проблем будут отныне определять не индивидуальные крестьянские хозяйства, а колхозы и совхозы... процесс ликвидации кулачества как класса идет у нас вперед на всех парах... нам удалось повернуть деревню на новый путь, на путь коллективизации, обеспечив тем самым успешное строительство социализма не только в городе, но и в деревне»[2]. На Пленуме ЦК и ЦКК 7 января 1933 г. товарищ Сталин подводит итоги первой пятилетки. В части своего доклада, касающейся сельского хозяйства и колхозного движения, товарищ Сталин устанавливает: «Колхозы объединяют теперь свыше 60% крестьянских хозяйств с охватом свыше 70% всех крестьянских площадей, что означает перевыполнение пятилетки в три раза»[3]. «Кулачество как класс разгромлено, хотя и не добито еще, трудовое крестьянство освобождено от кулацкой кабалы и эксплоатации и под Советскую власть подведена прочная экономическая база в деревне, база коллективного хозяйства»[4]. «СССР уже преобразован из страны мелкокрестьянского хозяйства в страну самого крупного сельского хозяйства в мире»[5].

«Колхозы закреплены, — говорил товарищ Сталин, — и путь к старому, единоличному хозяйству закрыт окончательно». Товарищ Сталин ставит перед партией задачу: «Укрепить колхозы организационно, вышибить оттуда вредительские элементы, подобрать настоящие, проверенные большевистские кадры для колхозов и сделать колхозы действительно большевистскими»[6]. Как очередную задачу товарищ Сталин ставит перед партией усиление и укрепление организационного руководства колхозами. «Пока в деревне, — говорит Сталин, — преобладал единоличный хозяин, партия могла ограничивать свое вмешательство в дело развития сельского хозяйства отдельными актами помощи, совета или предупреждения. Тогда единоличник сам должен был заботиться о своем хозяйстве... Теперь крестьяне требуют заботы о хозяйстве и разумного ведения дела не от самих себя, а от руководства колхоза, или, вернее, не столько от самих себя, сколько от руководства колхоза»[7].

Отсюда ответственность партии за организацию руководства колхозами умножается. От того, в чьих руках окажется руководство колхозами, зависит и судьба сельского хозяйства и судьба самого колхозного движения. «Колхоз, — говорит товарищ Сталин, — есть социалистическая форма хозяйственной организации так же, как Советы являются социалистической формой политической организации... Все зависит от того, какое содержание будет влито в эту форму... Колхозы, как

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 302.
[2] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 377—378. 10-е изд.
[3] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 381.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 384—385.
[7] Там же, стр. 402.

социалистическая форма организации хозяйства, могут показать чудеса хозяйственного строительства, если во главе их стоят действительные революционеры, большевики, коммунисты. И наоборот — колхозы могут превратиться на известный период в прикрытие всякого рода контрреволюционных деяний, если в колхозах будут заправлять эсеры и меньшевики, петлюровские офицеры и прочие белогвардейцы, бывшие деникинцы и колчаковцы» [1].

В своем историческом выступлении на январском Пленуме ЦК и ЦКК в 1933 г. товарищ Сталин поставил перед партией задачу — мобилизовать все силы для превращения колхозов в большевистские для обеспечения большевистского руководства колхозами в борьбе с последними остатками кулачества, пробравшимися во многих случаях к руководству колхозами. Этой задаче служили созданные при совхозах и МТС политотделы.

Спустя месяц после январского Пленума товарищ Сталин в своей исторической речи на первом съезде колхозников-ударников (19 февраля 1933 г.) ставит перед колхозниками новую задачу — сделать всех колхозников зажиточными. Указав на гигантские достижения колхозного движения, выразившиеся в ликвидации бедности среди крестьянства, ликвидации кулачества и эксплоатации в деревне, товарищ Сталин говорит, что это лишь первый шаг, первое достижение. Второй шаг — это сделать всех колхозников зажиточными. «Чтобы стать колхозникам зажиточными, — сказал товарищ Сталин, — для этого требуется теперь только одно — работать в колхозе честно, правильно использовать тракторы и машины, правильно использовать рабочий скот, правильно обрабатывать землю, беречь колхозную собственность» [2].

Известно, какой громадный трудовой подъем среди колхозного крестьянства вызвала речь товарища Сталина на первом съезде колхозников-ударников. Колхозная деревня быстрыми шагами стала приближаться к счастливой и зажиточной жизни.

О блестящих победах колхозного движения говорил товарищ Сталин на XVII съезде партии, вошедшем в историю как съезд победителей. Ко времени XVII съезда было коллективизировано 65% крестьянских хозяйств, у колхозов было 73,9% всей посевной площади в стране, у единоличников — 15,5%. Посевная площадь совхозов и колхозов составляла 84,5%. Колхозные и совхозные поля бороздили 204 тысячи тракторов и обслуживали 25 тысяч комбайнов. За период 1929—1933 гг. колхозники и единоличники поменялись местами в отношении размеров посевных площадей и в отношении сдачи хлеба государству. По сдаче хлеба государству удельный вес единоличных хозяйств равнялся теперь всего 10%.

Подводя итоги происшедшим изменениям в сельском хозяйстве, товарищ Сталин констатировал: «Колхозы победили окончательно и бесповоротно... колхозы стали за это время господствующей силой сельского хозяйства... трудовое крестьянство, наше советское крестьянство окончательно и бесповоротно стало под красное знамя социализма» [3].

Это был триумф ленинско-сталинской политики индустриализации страны и коллективизации миллионов крестьянских хозяйств. Отныне был воздвигнут несокрушимый фундамент социализма ввиде передовой, технически реконструированной, одной из первых в мире по мощности социалистической промышленности и самого крупного в мире, реконструированного на основе передовой техники социалистического земледелия. Отсталое мелкое крестьянское хозяйство отходило в прошлое. Отныне все народное хозяйство имело одну социалистическую базу. Отныне коллек-

---

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 404—405.
[2] Там же, стр. 418.
[3] Там же, стр. 450.

тивизированное, крупное сельское хозяйство было доступно социалистическому планированию как и социалистическая промышленность. Крестьянство, бывшее в течение многих веков объектом для эксплоатации со стороны крепостников-помещиков, навозом для удобрения капитализма, становилось субъектом истории, вступило в ряды строителей социалистического общества. Разбитыми оказались надежды врагов социализма на «устойчивость» мелкого крестьянского хозяйства, на сопротивление середняка делу строительства социализма. Победило учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, победила ленинско-сталинская политика сохранения и укрепления союза рабочего класса и середняка на всех этапах социалистической революции. Победила мудрая политика партии Ленина — Сталина в историческом вопросе о социалистической переделке десятков миллионов мелких единоличных крестьянских хозяйств.

Эта победа привела к полному уничтожению эксплоататорских классов в нашей стране, к уничтожению всякой эксплоатации. Она привела к коренному изменению классовой структуры нашей страны. «Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 г.» [1].

Об этой всемирноисторической победе на весь мир прозвучали слова вождя народа с трибуны Чрезвычайного VIII всесоюзного съезда советов: «В области сельского хозяйства вместо океана мелких единоличных крестьянских хозяйств с их слабой техникой и засилием кулака мы имеем теперь самое крупное в мире машинизированное, вооруженное новой техникой производство в виде всеобъемлющей системы колхозов и совхозов. Всем известно, что кулачество в сельском хозяйстве ликвидировано, а сектор мелких единоличных крестьянских хозяйств с его отсталой средневековой техникой занимает теперь незначительное место» [2].

Следствием такого коренного экономического переворота в сельском хозяйстве явились глубокие социальные изменения в деревне и во всей стране. «Обычно принято говорить, что крестьянство — это такой класс мелких производителей, члены которого атомизированы, разбросаны по лицу всей страны, копаются в одиночку в своих мелких хозяйствах с их отсталой техникой, являются рабами частной собственности и безнаказанно эксплоатируются помещиками, кулаками, купцами, спекулянтами, ростовщиками и т. п. И действительно, крестьянство в капиталистических странах, если иметь в виду его основную массу, является таким именно классом. Можно ли сказать, что наше современное крестьянство, советское крестьянство, в своей массе похоже на подобное крестьянство? Нет, нельзя этого сказать. Такого крестьянства у нас уже нет. Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством... наше крестьянство есть освобожденное от эксплоатации крестьянство... наше советское крестьянство в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство» [3].

Волею народа и его великого вождя исчезла навсегда в нашей стране существовавшая в течение многих столетий знакомая фигура нищего, забитого, придавленного, униженного, темного, жестоко эксплоатируемого «мужика», находившегося под властью не только паразитов, тунеядцев, больших и малых эксплоататоров, но и под самой страшной властью, под властью своего клочка земли. Сотни лет этот клочок земли держал его в своих цепких руках и обрекал его на рабство. Не стало Антона Горемыки. Сплошная коллективизация вызвала к жизни новый тип советского крестьянина. Это свободный гражданин самой свободной в мире Совет-

---

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 291. 1938.
[2] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 509.
[3] Там же, стр. 511.

ской страны, это гордый, сознающий свое человеческое достоинство строитель нового, социалистического общества. Освобожденное от эксплоатации и кабалы, отказавшееся от «своего» клочка земли, перешедшее к крупному машинизированному, коллективному хозяйству, колхозное крестьянство все больше приближается по своему социальному облику к «городскому человеку». Грани между крестьянством и рабочим классом стираются. Наряду с рабочим классом колхозное крестьянство показывает образцы трудового героизма. На колхозных полях работают сотни тысяч стахановцев, продемонстрировавших свои великолепные достижения на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. За хорошую работу тысячи стахановцев колхозного земледелия награждены орденами Советского Союза. Дети колхозников обучаются в вузах, пополняют ряды советской интеллигенции и занимают командные посты во всех областях социалистического строительства.

Таков колхозный крестьянин. Такова глубина социально-экономического переворота, происшедшего в результате осуществления сталинских пятилеток, в результате проведения сплошной коллективизации.

Но партия большевиков никогда не успокаивалась на достигнутом. Дальнейшие мероприятия партии и правительства содействовали еще большему расцвету сельского хозяйства.

Сталинский устав сельскохозяйственной артели дал колхозникам такую организационную форму, которая ускорила продвижение вперед, поднятие на высшую ступень сельского хозяйства. Проведение сталинского принципа сочетания личных интересов колхозника с общественными интересами поднятия сельского хозяйства способствовало выдвижению тысяч мастеров колхозных полей и животноводства. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и крупные достижения колхозного земледелия позволили товарищу Сталину на XVIII съезде партии поставить новые задачи в области дальнейшего развития сельского хозяйства. «Развернуть дальше подъем нашего земледелия и животноводства с тем, чтобы в течение ближайших 3—4 лет добиться ежегодного производства зерна 8 миллиардов пудов со средней урожайностью на гектар в 12—13 центнеров, увеличить производство по техническим культурам на 30—35 процентов в среднем, увеличить поголовье овец и свиней вдвое, поголовье крупного рогатого скота—процентов на 40, поголовье лошадей—процентов на 35» [1]. Выполнение этой программы сделает СССР страной изобилия сельскохозяйственных продуктов и ускорит переход от социализма к коммунизму.

С гениальной проницательностью товарищ Сталин своевременно заметил среди некоторой части колхозников антиколхозные тенденции, выражавшиеся в том, что эти колхозники в ущерб общим интересам колхоза отдавали почти все свое время и труд личному хозяйству на своем приусадебном участке. Эти приусадебные участки приняли размеры, нарушавшие устав сельскохозяйственной артели и далеко превышавшие потребности личного хозяйства колхозника. Обнаружилось, что некоторые колхозники в колхозах вырабатывают всего 35—50 трудодней в год, а остальное время работают в своем личном хозяйстве, которое превращалось для них благодаря этому в основной источник дохода. Своим вмешательством товарищ Сталин положил конец этим вредным, антисоциалистическим явлениям. Правительство издало известное постановление о борьбе с разбазариванием общественных земель.

*

«Глубочайший революционный переворот», произведенный трудящимися СССР под руководством товарища Сталина, имеет величайшее всемирноисторическое значение. О нем будет помнить, о нем будет говорить

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 591.

в течение тысячелетий освобожденное человечество. Слово «колхоз» понятно и близко трудящимся, говорящим на разных языках и наречиях, так же как и имя Сталина. Перевод в СССР около 25 миллионов мелких крестьянских, единоличных хозяйств на рельсы социализма, объединение их в крупные, социалистические хозяйства практически на деле разрешило «крестьянскую» проблему, занимавшую умы основоположников марксизма, вызывавшую немало теоретических споров на протяжении столетия.

Практикой колхозного движения в СССР окончательно погребены все антимарксистские, буржуазные, кулацкие аграрные «теории». Сталинская политика индустриализации и коллективизации, победа колхозного строя окончательно и на деле доказала возможность победы социализма в одной стране, окончательно и на деле доказала всю несостоятельность и предательскую сущность троцкистской «теории» невозможности победы социализма в одной стране якобы вследствие реакционности и враждебности социализму крестьянства. А какими смешными, жалкими козявками кажутся на фоне величайшего исторического переворота, который произошел в СССР в период 1930—1934 гг., все эти Чаяновы и Кондратьевы с их «теорией» «оптимального» кулацкого размера сельского хозяйства.

Аграрная проблема была разрешена товарищем Сталиным, поведшим трудящихся СССР по пути, намеченному еще в гениальных набросках Маркса и Энгельса, начертанному в кооперативном плане Ленина. Под руководством продолжателя их дела, товарища Сталина, обогатившего теорию марксизма-ленинизма, трудящиеся СССР в короткие сроки одержали блестящую победу над последними остатками капиталистических классов; под руководством товарища Сталина крестьянство превратилось в несокрушимый оплот социализма.

На опыте СССР трудящиеся крестьяне всего мира убеждаются в преимуществах колхозного строя перед единоличным хозяйством. После победы социалистической революции в капиталистических странах будет легче убедить трудовое крестьянство в преимуществах крупного колхозного земледелия. Опыт СССР их достаточно в этом убеждает. Сопоставление счастливой, зажиточной, культурной жизни колхозников Советского Союза с унылой, убогой, каторжной жизнью крестьянина на «своем» клочке земли быстро положит конец колебаниям крестьянства капиталистических стран.

Сплошная коллективизация миллионов единоличных крестьянских хозяйств, достигнутая в СССР,— это величайшее историческое дело обрело бессмертие.

Бессмертен вдохновитель, вождь, творец этого величайшего исторического дела, гений человечества Иосиф Виссарионович Сталин.

АНГЛИЯ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (1917—1918) *

С. Захаров

IV. ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ У ВЛАСТИ

Уход Асквита не был обычной сменой одного парламентского правительства другим. Это был своего рода «государственный переворот», поставивший у власти самые агрессивные, империалистические элементы буржуазии. Их лозунгом был ллойд-джорджевский «knock-out blow» («сокрушительный удар»). Правительство Ллойд-Джорджа с настойчивостью и уменьем осуществляло эту цель. Общая обстановка в 1917 и 1918 гг. была сложнее и труднее чем в предшествующие годы. Русская армия выбыла из рядов сражающихся; французская армия с весны 1917 г. временно потеряла боеспособность; Германия с 1 февраля 1917 г. перешла к беспощадной подводной войне. В связи с громадными потерями английского торгового флота в Англии резко ухудшилось продовольственное положение.

1917 г. отмечен большой активностью в военном отношении. В целях уничтожения баз германских подводных лодок на бельгийском побережье, в Остендэ, Зеебрюгге и др., английское командование на западном фронте делало попытки продвинуться к северу. Весной (апрель — май) англичане ведут большое наступление на Аррас и Мессин, в июле — упорные бои за дугу Вичет. Эти сражения стоили им 335 928 человек[1]. В августе — декабре развернулось громадное сражение, известное под названием битвы в Пашендельских болотах, в ноябре — декабре — короткое (20 дней), но кровопролитное сражение при Камбрэ. В этих двух наступлениях англичане потеряли еще 394 645 человек. Английские наступления стоили сотен тысяч жизней, они измотали и истощили английскую армию, но дали совершенно ничтожные стратегические результаты. Очень активным было английское командование и на Востоке, где к началу 1917 г. существовало три довольно крупных фронта: салоникский, палестинский, месопотамский. Уже весной 1917 г. союзники имели на салоникском фронте 676 тыс. штыков, из них британских было 240 тысяч. В Палестине к концу 1917 г. было 432 тыс. англо-индусских солдат. В 1917 г. восточные фронты потребовали около одного миллиона британских солдат. К тому же пришлось в конце 1917 г. выручать и итальянцев, разбитых под Капоретто (ноябрь 1917 г.), послав туда несколько английских дивизий и сотни орудий. Положение стало еще более напряженным весной и летом 1918 г., когда германцы, собрав свои последние резервы, прорвались в июле 1918 г., как и в сентябре 1914 г., к Марне и подходили снова к Парижу. Необходимы были большие по-

---

* Окончание. Начало статьи С. Захарова, см. № 5—6 «Историка-марксиста» за 1939 год.

[1] Churchill W. «World crisis 1916—1918». Vol. I, p. 52.

полнения людьми и амуницией. Между тем усталость от войны чувствовалась в Англии очень сильно. Мужское население, способное воевать, было почти поголовно взято уже в 1917 г., оставались лишь совершенно незаменимые рабочие на военных заводах. Ко всему этому присоединилось воздействие громадного фактора, не входившего в расчеты английской буржуазии,— влияние на Англию русских революций — февральской и Великой Октябрьской. Уже февральская революция сильно подтолкнула классовую борьбу в Англии, усилила влияние левых в рабочем классе. Еще более мощным было влияние Великой Октябрьской революции. 1917 г. является подлинно переломным годом в истории английского рабочего класса.

В таких условиях правительству Ллойд-Джорджа пришлось продумать и проводить новый большой план разнообразных мероприятий, имевших целью выиграть войну. Именно теперь демагогический талант Ллойд-Джорджа был нужен английской буржуазии как никогда. 19 декабря 1916 г. Ллойд-Джордж выступил в палате впервые в роли главы правительства с программной речью. Его речь была посвящена целиком войне. Он решительно отверг мирные предложения, сделанные незадолго до того Германией. «Английскими условиями мира, — сказал он, — должно быть возвращение всего захваченного Германией, возмещение за все разрушенное и гарантии против повторения того, что произошло»[1]. Для достижения победы, говорил он, нужна мобилизация всех ресурсов империи: вся нация будет мобилизована путем организации Всеобщей национальной службы. Судоходство и копи будут взяты под контроль правительства. Продовольственное положение серьезно. Жертвы нужны от богатых и от бедных. Несправедливое обогащение во время войны будет прекращено. Будет созвана имперская конференция, чтобы совместно с доминионами обсудить положение дел. Это была программа жертв, которые требовались от масс для достижения победы.

Но Ллойд-Джордж понимал, что этих мер недостаточно, чтобы выиграть войну. Надо было дать массам хоть надежду на улучшение их положения после войны. С этой целью была пущена в ход программа реформ, объединенная словом «реконструкция». Это слово вошло в политический язык с конца 1916 г., когда была создана особая комиссия по реконструкции, превратившаяся в июле 1917 г. в особое министерство реконструкции. Министерство реконструкции само по себе имело задачей координацию действий разных ведомств по восстановлению «нормального» состояния после войны. В порядке подготовки такой реконструкции была создана известная комиссия под председательством лорда Бальфура по выяснению причин отставания Англии в конкурентной борьбе ее с Германией. Комиссия Бальфура подготовила отчет, подводивший к необходимости введения в Англии протекционизма. Но идея реконструкции, как ее понимал Ллойд-Джордж, включала не только эти задачи, но также политические и социальные уступки народным массам как средство противодействия революционному влиянию, шедшему из России. Из мероприятий последней категории были намечены следующие: введение нового избирательного закона, который должен был расширить избирательное право; закон о народном образовании, который расширил бы бесплатное обязательное обучение, сократил бы размеры детского труда на фабриках и заводах и ввел бы систему физического оздоровления детей и юношества; план постройки 300 тыс. новых жилищ для рабочих. Венцом мер, имевших целью создать «социальную реконструкцию», был план введения «промышленной демократии». Разработка этого последнего плана была поручена особой подкомиссии под председательством члена палаты—либерала Уитли.

---

[1] The Annual Register. 1916.

Такова была программа Ллойд-Джорджа — программа войны до победного конца. В то время как военная программа, требовавшая больших жертв от масс, стала осуществляться немедленно и беспощадно, программа социально-политических реформ была только приманкой вплоть до окончания войны. Ллойд-Джордж очень расчетливо позволял парламенту обсуждать эти реформы в течение почти двух лет, чтобы создать у английского народа впечатление заботливости правительства о его нуждах.

Германия, вторично начиная беспощадную подводную войну, рассчитывала таким путем «поставить Англию на колени» в течение полугода. С начала войны до ноября 1916 г. Англия потеряла от подводной войны судов торгового флота в общей сложности водоизмещением свыше 2 млн. тонн, а с ноября 1916 г. по январь 1918 г., т. е. в самый острый период подводной войны, она потеряла судов торгового флота водоизмещением около 4 500 000 тонн; за один только апрель 1917 г. она потеряла судов торгового флота, пущенных ко дну, водоизмещением свыше 545 262 тонн, подорванных минами и торпедами, водоизмещением 127 587 тонн [1]. Эти потери ставили под сильнейшую угрозу не только питание населения Англии и работу военной промышленности, но и снабжение фронтов. Если бы потери от подводной войны удержались на том же уровне во второй половине 1917 г., то германцы достигли бы своей цели. Посол США в Англии У. Пэдж сообщал своему правительству в мае 1918 г.: «То, при чем мы присутствуем, является поражением Британии» [2].

Деятельность морского министерства была признана неудовлетворительной. Весь руководящий состав министерства был сменен. Туда были посланы Эрик Геддес и адмирал Джеллико, имевшие репутацию людей большой энергии. Правительство сделало большие заказы английским и американским верфям на постройку новых судов, скупало, где было возможно, готовые суда. Нейтральные суда привлекались громадными фрахтами и премиями. Когда и это не помогало, Англия забирала силой флот нейтральных стран, как она это сделала со скандинавскими странами, Голландией, Грецией. Было проведено резкое сокращение импорта товаров и сырья. Часто сокращали ввоз самых необходимых предметов питания. Но самыми действительными мерами оказались сравнительно простые, против которых долго возражал старый состав морского министерства: вооружение торговых судов артиллерией и отправка судов не в одиночку, а караванами в сопровождении эскорта миноносцев и истребителей. Опыт двух первых месяцев показал, что из невооруженных торговых судов гибло три четверти, а из вооруженных — меньше одной четверти, а система караванов уже во вторую половину 1917 г. значительно снизила потери тоннажа. К осени 1917 г. стало ясно, что эта ставка Германии бита, хотя положение Англии было очень трудным.

Цены на продовольствие начали подыматься с первых дней войны. Среди многочисленных причин дороговизны наибольшее значение имели три: острейший недостаток морского тоннажа, спекуляция оптовых и крупных розничных торговцев и инфляция.

Асквит был принципиально против вмешательства государства в эту область экономики. Ллойд-Джордж, придя к власти, обещал вести энергичную продовольственную политику. Но, повидимому, в этом вопросе он был связан своими друзьями — консерваторами, среди которых было немало аграриев. В декабре 1916 г. рабочая конференция по продовольственному вопросу, созванная лейбористами, потребовала государственного контроля над продовольствием, покупки продовольствия и распределения его государством. В декабре 1916 г. был назначен главный

[1] Гибсон и Прендергаст «Германская подводная война 1914—1918 годов», стр. 175.
[2] Там же, стр. 174.

продовольственный контролер, задачей которого было регулировать цены. Вскоре его ведомство превратилось в министерство продовольствия. Контролером был назначен лорд Девенпорт. Посыпались сотни его приказов, создавалась видимость энергичной работы. Но реальное значение этих мер было весьма невелико.

Правительство проявляло слишком большую заботу о карманах аграриев. В январе оно установило твердые заготовительные цены на картофель и пшеницу урожая 1917 года. Цены были очень выгодные, но аграрии все же требовали бóльших. Правительство уступило. Оно «разъяснило», что эти цены только минимальные. Весной 1917 г. стало не хватать даже картофеля. Помощник Девенпорта—Кеннеди—14 апреля 1917 г. заявил, что продовольственное положение страны «на грани катастрофы» («near to the edge of disaster»). Рабочие требовали введения карточек. Девенпорт заявил, что карточная система, как показал опыт Германии, себя не оправдывает. Он продолжал настаивать на добровольной экономии. Был создан особый «департамент экономии пищи». Поток приказов продолжался, но без реального успеха. 30 апреля правительство решило взять под свой контроль все мельницы. Тогда же был проведен билль «О производстве зерна». Правительство обязывалось скупать весь хлеб, гарантировало производителю выгодную цену. Заработная плата батрака также регулировалась. Консерваторы и сторонники Ллойд-Джорджа расхваливали билль, но значительная часть либералов во главе с Ренсимэном и Саймоном были против него. Они считали, что закон является разрывом с фритредерской политикой, проводившейся со времени упразднения хлебных пошлин в 1846 г., нарушением соглашения о «гражданском мире». При голосовании билля около половины либералов голосовало против него. В 1917 г. площадь под посевами в Англии увеличилась на один миллион акров, преимущественно под картофелем.

Прошло пять месяцев деятельности кабинета Ллойд-Джорджа, а мало-мальски серьезной борьбы с тяжелым продовольственным положением народ не видел. Между тем даже в Лондоне в середине мая появились очереди у продовольственных магазинов. Рабочие возмущались и негодовали. Сотни рабочих собраний и конференций осуждали правительство за допущение «систематического грабежа населения барышниками» и требовали отставки Девенпорта. В ряде городов происходили продовольственные беспорядки. 30 мая незадачливый продовольственный диктатор ушел в отставку «по болезни». На смену ему был назначен лорд Ронда, один из типичных «капитанов индустрии». Он начал с очень грозного заявления в палате лордов против «наживал» и «барышников», называл их шантажистами и угрожал поступить с ними как с преступниками.

До сих пор особенно плохо обстояло дело с сахаром, хлебом и картофелем, а летом 1917 г. стало трудно и с мясом. Важнейшим мероприятием Ронды было снижение цен на хлеб. Цена стандартной ковриги пшеничного хлеба в 4 фунта весом, равная летом 1917 г. одному шиллингу, была снижена до 9 пенсов, т. е. больше чем вдвое. Последнее было достигнуто за счет крупной государственной субсидии на хлеб. При обсуждении этого вопроса асквитианцы в лице их специалиста по финансам Мак Кенна и чистые фритредеры высказались против государственной субсидии.

В июле были снижены цены на сахар, мясо, выработаны таксы на чай, табак. В августе были фиксированы цены на варенье, ячмень, овес, сыр, молоко, бобы, чечевицу, горох, маисовую муку, шоколад, ирландское масло и др. Ронда оставил старую торговую сеть, но поставил ее под более действенный государственный контроль. Во всех городах были назначены продовольственные контролеры, а в помощь им — продовольственные комитеты с участием общественности.

Но несмотря на указанные меры и несмотря на то, что осенью 1917

года удалось собрать на 3 млн. тонн больше картофеля и на 850 тыс. тонн больше зерна чем в 1916 году, продовольственное положение быстро ухудшалось. В конце октября Ронда все еще взывал к добровольной экономии, угрожая, что если не обратят внимания на его призывы, то он «без всякого угрызения совести посадит британцев на паек». Между тем рабочий класс все настойчивее требовал введения карточек, передачи всех оптовых закупок государству, передачи распределения товаров рабочей и гражданской кооперации, создания на местах контрольно-продовольственных органов с широким участием рабочих. С 1 ноября были введены первые продовольственные карточки, пока только на сахар. Привычные в Англии чай и бэкон почти исчезли. «Таймс» писала: «Очереди у продовольственных магазинов стали почти беспрерывными. Во вторую неделю декабря было очень трудно достать масло и маргарин, чаю было очень мало, мясо и рыбу трудно достать, и к тому же они были очень дороги». Требования введения продовольственных карточек стали всеобщими. Лейборист Клайнс был назначен помощником министра продовольствия и председателем совета потребителей. Местным органам было предоставлено право реквизиции некоторых товаров и их распределения через кооперативы.

Итоги 1917 г. были действительно без всяких преувеличений пессимистическими. Хроника «Таймса» начинает свое повествование о начале 1918 г. мрачно и уныло: «Год начался плохо. Разочарование от результатов военной борьбы, а внутри страны ряд трудностей усилили настроение подавленности. Январь был очень холодным и ветренным. Реки замерзли, а в море свирепствовали штормы. Ко всему этому присоединяется очень плохое продовольственное положение. По всей стране очереди у продовольственных магазинов. Пришлось сократить даже продовольственные пайки солдат в тылу»[1].

Рабочие перешли к массовым голодным демонстрациям. Так, в Манчестере больше 100 тыс. рабочих пришло к зданию городского самоуправления выразить свое негодование по поводу голода и потребовало введения карточек. То же произошло и в других городах. Тогда правительство решило ввести с февраля карточки на основные продукты.

С февраля 1918 г. лейбористская критика министерства продовольствия значительно стихла. Клайнс с удовлетворением говорил, что «государство заняло место купцов и импортеров». Но зато либералы-фритредеры злорадствовали. Они называли правительство «организатором голода» и требовали возвращения к фритреду. Обращаясь к парламенту, либерал Лоф угрожающе говорил: «Прислушайтесь к первым шумам революционной бури». Даже Клайнс признал, что «народ достиг крайней точки, наступает испытание его патриотизму и выдержке».

В июле карточная система была распространена на Шотландию и Ирландию. Количество предметов, подвергшихся рационированию, увеличилось. По карточкам выдавали сахар, масло, маргарин, свиной жир, мясо воловье, бэкон, чай, сыр, джем и др.

В четвертую годовщину войны Ллойд-Джордж обратился с посланием к народам империи с лозунгом «Hold fast» — «Держитесь крепко». Он обещал близкую победу в борьбе «за дело свободы народов». Но пятый год войны начался волной стачек. Бастовали не только рабочие-мужчины, но и женщины, которые до сих пор покорно переносили тяготы войны. Симптомом необычайного истощения народа была страшная, совершенно небывалая эпидемия инфлуэнцы в конце октября.

V. РАБОЧИЙ КЛАСС И ВОЙНА

Мы уже видели, что значительная часть либералов возражала против государственных субсидий на хлеб под тем предлогом, что заработная плата рабочих была, по их мнению, высока. В течение всей войны

[1] The Annual Register. 1918.

буржуазная пресса трубила, что рабочие зарабатывают чрезмерно много, благодаря этому они излишествуют, пьянствуют, плохо работают и т. д. Самая элементарная проверка официальной статистики труда и просмотр официальных отчетов показывают, что подобные утверждения были наглой ложью. Официальные источники говорят, что в середине 1918 г., т. е. за четыре года войны, номинальная заработная плата рабочего-металлурга поднялась на 52—55%, а текстильщика — на 65—70%. Между тем индекс розничных товаров (взвешенный с учетом удельного значения товаров в бюджете рабочего) поднялся с июля 1914 г. до июля 1918 г. в больших городах со 100 до 214, а в средних — до 210. Эти данные показывают, что номинальная заработная плата рабочих поднялась на 52—70%, а цены товаров, потребляемых рабочими, — на 110—114%. Американский буржуазный экономист профессор Хаммонд говорит: «Вопреки очень быстрому росту заработной платы во время войны сомнительно, чтобы этот рост был хотя бы приблизительно равен росту оптовых и розничных цен. Для поддержания того же уровня жизни требовалось больше труда. Но на деле старый уровень не удержался, ибо вместо товаров, потребляемых до войны, ныне широко потребляют суррогаты»[1].

Значительно ухудшилось качество потребляемых рабочими продуктов. Орган министерства труда «Labour Gazette» писал: «Если принять во внимание, что яйца исчезли из пищи, что маргарин заменил масло, что потребление сахара и рыбы уменьшилось по сравнению с довоенными годами и т. д., то общий рост заработной платы (номинальный. — *С. З.*) в процентах за 1914—1917 гг. будет не 106%, а 59%». В данном случае нас интересуют не размеры роста номинальной заработной платы, а тот факт, что ухудшение качества питания было настолько заметным, что влияние этого одного момента на реальную заработную плату, по мнению официального органа министерства труда, снижало ее на 43%.

Во время сентябрьской стачки ланкаширских текстильщиков в 1916 г. правительство назначило комиссию для обследования положения рабочих. Эта правительственная комиссия заявила в своем отчете о положении рабочих хлопчатобумажной промышленности: «Если сравнить стоимость жизни с заработной платой, выходит, что рабочие находятся в значительно худшем положении чем до войны, а в сравнении с рабочими других отраслей они несут непропорционально бо́льшую долю тягот, возникающих в силу роста цен».

В 1917 г. политическое настроение английских рабочих было настолько приподнятым, стачки были настолько многочисленны, что правительство серьезно забеспокоилось. Ллойд-Джордж срочно организовал ряд комиссий «по выяснению причин промышленных волнений и выработки предложений, как устранить их». Комиссиям была дана задача — срочно провести обследование. Они действительно с необычной для подобных механизмов быстротой выполнили уже в июле 1917 г. свои задачи и опубликовали серию отчетов. Одна из этих комиссий сообщает, что за период июль 1914 г. — июнь 1917 г. цены на пищу поднялись на 120%, «между тем как самые высокие цифры заработной платы, сообщенные нам, показывают рост заработной платы приблизительно на 40—50% по сравнению с довоенным уровнем».

Лейборист Ортон, автор книги о положении рабочих во время войны, считает, что этим ростом воспользовались преимущественно неквалифицированные рабочие. Так, заработная плата высококвалифицированных рабочих выросла только на 91—98%, а чернорабочих — на 151—156%[2]. Этот факт объясняет, между прочим, передовую, революционную роль квалифицированных рабочих во время войны в районах Клайда и Глазго и в других местах. Между тем средний рабочий бюджет вырос за время

---

[1] Hammond «Labour conditions and Legislation during the War», p. 201.
[2] Orton «Labour in Transition», p. 156.

войны следующим образом: июль 1914 г.— 100, июль — 1915 г.— 130, июль 1916 г. — 145—150, апрель 1917 г. — 170—175, июль 1918 г.— 200—205, октябрь 1918 г.— 215—220.

На основании этих данных можно сказать, что номинальная заработная плата подавляющего большинства английских рабочих во время войны отставала от роста цен на 50—40—30%. Такова будет картина, если мы отвлечемся от прочих условий труда и жизни рабочего. Но этого сделать мы не в праве. Рабочий день на всех фабриках и заводах Англии чрезвычайно удлинился. Уже в первые месяцы войны (с октября 1914 г.) все законодательные ограничения часов работы на военных заводах были отменены. Вскоре они были отменены в большинстве отраслей промышленности. Воскресные и праздничные дни не соблюдались. Годовые отпуска рабочим и служащим были совсем отменены. Были введены сверхурочные работы не только для мужчин, но и для женщин и детей. Число женщин на заводах выросло в несколько раз, в несколько раз также увеличилось число детей. К концу войны в промышленности и на транспорте работало свыше 3 млн. женщин, из них около 2 млн. заняло места ушедших мужчин. В военной промышленности (в узком смысле слова) работало 1300 тыс. мужчин и 800 тыс. женщин. В металлической промышленности число мальчиков выросло в 2 раза, а девочек — в 3 раза. «Произошел, — как говорит Хаммонд, — возврат к условиям, которые были уничтожены законом 1844 года» [1].

Фабричные инспектора уже в своих отчетах за 1915 г. говорят о чрезвычайном напряжении труда (Overstrain) на заводах и требуют хотя бы частичного восстановления воскресного отдыха. Требуя этого, власти исходили не из соображений вредного влияния чрезмерного труда на здоровье рабочего класса, а из соображений о более рациональной эксплоатации рабочих. Дело в том, что чрезмерное напряжение, сверхурочная работа в течение длительного времени без выходных дней привели к общему падению производительности труда, к росту заболеваний рабочих и т. д. Даже министерство военного снабжения забило тревогу. Осенью 1915 г. санитарный комитет военной промышленности настаивал на восстановлении воскресного отдыха, так как, гласил его отчет, «за исключением совсем коротких периодов продолжительная работа является глубокой ошибкой и не оправдывает себя, так как продукция от этого не увеличивается». В начале 1916 г. министерство снабжения восстановило воскресный отдых. Вместе с тем санитарный комитет рекомендовал (начало 1916 г.) следующие нормы рабочего дня: для мальчиков — 63 часа в неделю, для женщин — не менее 62 часов в неделю, а для мужчин — не меньше 70 часов. Это была минимальная «норма», ибо в нее не входили часы сверхурочной работы, которая стала во время войны обычной вещью. Промышленники и правительство, конечно, с благодарностью приняли рекомендованные «нормы», тем более что они были «минимальные».

В 1918 г. тот же санитарный комитет в своем отчете лицемерно пишет: «Теперь время вполне подошло (!! — *С. З.*) для дальнейшего существенного уменьшения часов работы». Комитет признается: «В то время как в начале войны существовало общее убеждение, что более длинный рабочий день обязательно влечет за собой большую продукцию, теперь широко признается, что тринадцати- или четырнадцатичасовой день (!!! — *С. З.*) для мужчин и двенадцатичасовой для женщин является, за исключением совсем коротких периодов, невыгодным ни с какой точки зрения». Таким образом, мы узнаем настоящую правду только задним числом (в 1918 г.!) и мимоходом. А эта правда ужасна! Разве не был тысячу раз прав Ленин, когда он говорил, что буржуазия во время войны

[1] Закон 1844 г. вводил десятичасовой рабочий день для женщин и детей. Hammond «Labour conditions and Legislation during the War», p. 207.

создала для рабочего класса подлинную «военную каторгу». И это происходило в стране, где пролетариат до войны гордился своими могучими профессиональными союзами.

Во время войны изменился самый «пейзаж» Англии. Старые военные заводы чрезвычайно расширились. Выросли сотни новых больших военных заводов. Но жилищное строительство вокруг этих заводов было ничтожным. А между тем в стране произошла громадная передвижка населения, концентрация нескольких миллионов людей вокруг новых промышленных центров. Это привело к скученности рабочих. Ортон пишет: «Скученность была такова, что только отсутствие отдыха делало ее терпимой» (! — *С. З.*), «днем и ночью рабочие по очереди спали на кроватях, так что постели в них не успевали остывать» [1]. Правительство совсем не заботилось о новом строительстве. Комиссия по обследованию промышленных волнений в северозападном округе называет жилищные условия рабочих в крупном машиностроительном центре Барроу «вопиющим скандалом». А между тем рабочие были в силу «законов о военной промышленности» лишены права передвижения, ухода с одного завода на другой. Особенно трудным было это положение для женщин и девушек, ибо сотни тысяч их впервые уходили от привычной семейной обстановки.

Характеристику положения английских рабочих и их настроений во время войны нам хотелось бы закончить картиной, заимствованной из общего отчета комиссии по промышленным волнениям. Этот отчет писал лейборист Барнс, тогда уже министр и член военного кабинета, человек не только умеренных, но прямо реакционных убеждений. «Рабочие уже в течение трех лет, — писал Барнс, — работают в условиях, до сих пор никогда не существовавших: очень длинные часы, чрезвычайная напряженность всей работы и огромная быстрота ее. Им отказано во всех возможностях отдыха и восстановления сил. И это происходит именно тогда, когда наблюдается все более растущая физическая изношенность и усталость. Среди некоторых из них существуют достойная сожаления неуверенность в целях и задачах войны и подозрения насчет их. Этот вопрос для них теперь далеко не так ясен, как это было осенью 1914 года. Нервы рабочих и их близких расшатаны тяжелыми условиями заводской работы, низкой и в некоторых случаях несправедливой заработной платой, плохими жилищными и бытовыми условиями, горестями, вызванными войной и тяжелыми потерями, чрезвычайно высокими ценами на продукты питания, грубостью чиновников, производящих набор» [2].

В 1914—1916 гг., несмотря на нарушение шопстюардами «гражданского мира» в ряде мест, все же в общем буржуазии удавалось с помощью социал-шовинистов сохранить свое влияние на рабочий класс. Дело значительно меняется в 1917 и 1918 годах. Некоторое представление об этом дает таблица стачечного движения за годы войны:

Годы	Число стачек	Число рабочих, вовлеченных в стачки	Число потерянных дней
1914 (январь—июнь)	663	361 860	7 761 800
1914 (июль—декабрь)	151	24 979	147 246
1915	706	452 501	3 038 134
1916	581	284 396	2 599 800
1917	688	820 727	5 513 900
1918	?	1 116 000	5 875 000

[1] Orton «Labour in Transition», p. 153.
[2] «Industrial Unrest», p. 61.

Таблица показывает почти непрерывный рост классовой борьбы. При этом надо иметь в виду, что большинство стачек 1915—1916 гг.— это стачки в очень важной отрасли хозяйства — военной.

В годы 1914—1916 общее влияние войны сказалось на рабочих не только в росте стачечной борьбы, но также в резкой критике экономической и продовольственной политики правительства; в страстных и непрерывных протестах против «profiteering» наживательства буржуазии на крови трудящихся масс; в требованиях национализации важнейших отраслей промышленности и полной конфискации военных прибылей буржуазии.

Если в 1914—1916 гг. в классовой борьбе рабочих превалировали экономические вопросы: заработная плата, права тредюнионов, «разводнение труда», дороговизна, военные прибыли и т. д.,— то в 1917—1918 гг. наряду со старыми выдвигаются политические вопросы: отношение к русской революции, цели войны и характер будущего мира, участие в правительстве, защита Октябрьской революции, борьба против интервенции и др.

Февральская революция вызвала среди английских рабочих большой подъем. Огромный митинг рабочих 31 марта 1917 г. в Альберт-Холле послал «радостный привет и поздравление демократии России» и приглашал другие страны «следовать русскому примеру». В февральской революции передовые рабочие Англии видели прежде всего первый удар по войне.

С мая 1917 г. началась серия больших стачек. Ее начали 250 тыс. «механиков» в военной промышленности под руководством шопстюардов, влияние которых в эти месяцы значительно усиливается. В Лондоне бастовали рабочие омнибусов. На севере, в Ланкашире, угрожала забастовка ткачей и других рабочих. Одним из ярких примеров сильного поворота влево политических настроений рабочих является антивоенная рабочая конференция в Лидсе в конце мая и начале июня 1917 года. Она была созвана Независимой рабочей партией и Британской социалистической партией, «чтобы идти,—гласило приглашение инициаторов,—по пути России». На эту конференцию прибыло 1150 делегатов от сотен рабочих организаций из всех углов Англии. Наряду с революционными рабочими на ней присутствовало немало и социал-пацифистов, как Макдональд, Сноуден и другие, пытавшиеся взять в свои руки это движение. Конференция послала горячее приветствие русской революции, требовала «демократического мира» и «социалистической реконструкции». Особым пунктом повестки стоял вопрос о создании в Англии советов рабочих и солдатских депутатов. Конференция приглашала английских рабочих «немедленно создать в каждом городе, в каждом городском и сельском округе совет рабочих и солдатских депутатов для придания деятельности рабочего класса инициативы и координации, для настойчивой борьбы в пользу мира, устанавливаемого самими народами, и полной политической и экономической эмансипации международного труда». Конференция избрала комитет для руководства созданием советов. Корреспонденция комитета носила штамп «Совет рабочих и солдатских депутатов» и соответствующий адрес. Попытки созвать советские конференции в Лондоне, Сванси, Ньюкэстле и др. оказались неудачными. Правительство запретило создавать советы и натравило на деятелей советского движения террористические банды шовинистов. Одной из мер правительства, имевшей целью ослабить революционизирование рабочего класса и обаяние идеи рабочих советов, было срочное опубликование (28 июня 1917 г.) так называемого доклада Уитли. Под руководством Уитли с 1916 г. работала «Комиссия по вопросу об отношениях между нанимателями и нанимаемыми». Это была часть ллойд-джорджевского плана «социальной реконструкции» после войны. Весной 1917 г. Ллойд-Джордж стал торопить Уитли с представлением его предложений. В докладе Уитли прежде всего заявлялось, что

сейчас с рабочими уже недостаточно обсуждать чисто денежные вопросы заработной платы (cash nexus), что «рабочие должны иметь бо́льшую возможность принимать участие в обсуждении организации и в устройстве тех отраслей промышленности, от которых зависит их существование». В докладе рекомендовалось создание «объединенных промышленных советов», организованных в каждом промышленном центре и в каждой отрасли промышленности в равном числе представителей от тредюнионов и хозяйских организаций. Правительство приняло схему Уитли и согласилось считать «объединенные промышленные советы» представительными органами промышленности. В конце 1917 г. реформисты на конгрессе тредюнионов приняли схему Уитли, а в начале 1918 г. эта схема была оформлена в виде парламентского акта. Но попытка узаконить «промышленную демократию» была сорвана ростом классовой борьбы в 1918 г., и схема Уитли осталась фикцией.

Необычайная тяга рядовых рабочих Англии к миру нашла свое отражение в их отношении к созыву скандинавскими социалистами международной конференции социал-патриотов и социал-пацифистов в Стокгольме осенью 1917 года. Рядовые рабочие искренне верили, что стокгольмская конференция сможет ускорить мир. Это, конечно, было заблуждением политически отсталых масс. Но социал-империалисты Англии с помощью Макдональда и ему подобных усиливали эти иллюзии. Английское правительство с большой тревогой следило за быстрым ростом влияния большевиков на рабочих России и на русскую армию. Ллойд-Джордж просил в мае 1917 г. Гендерсона поехать в Россию, чтобы отговорить русских меньшевиков и центристов от участия в конференции. Гендерсон был согласен с Ллойд-Джорджем в этом вопросе. Почти одновременно с этим английские социал-пацифисты, принявшие предложение устроителей стокгольмской конференции, решили послать в Россию делегацию английских социал-пацифистов во главе с Макдональдом и Джоуэтом. Но эта делегация не выехала в Россию, так как союз моряков под руководством Хавелока Вильсона отказался везти ее. Между тем Гендерсон вернулся из России, изменив свое отношение к стокгольмской конференции: теперь он был за участие в ней англичан и французов. Так как Временное правительство России, а также меньшевики и эсеры были тогда настроены в пользу Стокгольма, то Гендерсон считал опасным допустить в Стокгольме встречу русских с германскими и австрийскими социал-демократами в отсутствие союзников. К тому же участие английских социал-патриотов в конференции могло поднять падающий престиж Гендерсона и К° в глазах английских рабочих.

Свои соображения Гендерсон сообщил Ллойд-Джорджу, который с ним согласился. 24 июня Гендерсон уехал с Макдональдом в Париж, чтобы убедить социал-патриотов и социал-пацифистов Франции принять участие в стокгольмской конференции. Ллойд-Джордж также уехал во Францию. Между тем кабинет под председательством Бонар-Лоу осудил поведение Гендерсона. Когда Гендерсон по своем возвращении из Парижа пошел 1 августа на заседание кабинета, то его, члена правительства, не пустили в комнату заседаний, а выслали к нему лейбориста Барнса, который предложил ему подождать в передней, пока правительство решит вопрос о его судьбе[1]. Эта история известна под названием «истории в передней». Гендерсон, понимая, что отступление перед консерваторами сильно уронит престиж его и рабочей партии в глазах масс, 10 августа подал в отставку. Поведение в летние месяцы 1917 г. Гендерсона, этого матерого социал-шовиниста, говорит о силе давления рабочих масс на социал-шовинистскую рабочую бюрократию.

---

[1] Barnes George «From Workshop to War Cabinet», p. 158.

Конференция лейбористской партии 10 августа одобрила 1651 тыс. голосов против 391 тыс. поведение Гендерсона и поручила исполкому выделить делегацию в Стокгольм. А на следующий день в прессе появилось письмо Ллойд-Джорджа, в котором он обвинял Гендерсона как члена кабинета в нечестном поведении, в обмане правительства. Но 14 августа исполком лейбористской партии вынес вотум доверия Гендерсону. В ответ на это правительство заявило, что делегаты не получат паспортов для поездки в Стокгольм.

Среди рядовых лейбористов весь этот инцидент, это «наглое и грубое изгнание» Гендерсона, вызвал большое раздражение. Раздались требования разорвать коалицию. Но социал-патриоты на это не пошли. Они примирились с оплеухой, с запретом ехать в Стокгольм. Барнс занял место Гендерсона в военном кабинете, а председатель лейбористской партии Уордль занял освободившееся место в правительстве. Стокгольмская конференция не состоялась, так как и социал-патриоты Франции также отказались в ней участвовать.

Все эти факты говорят о значительных переменах, происшедших в 1917 г. в политических настроениях рабочих. Это признают и социал-патриоты. Вот что говорит архиреакционный лейборист Барнс, член военного кабинета, о политических настроениях масс осенью 1917 г. в своем докладе правительству: «Недостаток доверия к правительству проявляется в чувстве, что существует неравенство жертв, что правительство нарушило свои торжественные обязательства, что больше нельзя полагаться на чиновников тредюнионов, и в том, что царит ужасная неуверенность относительно перспектив хозяйственной жизни». Еще более ясная картина дана в отчете официальной «Комиссии по выяснению причин промышленных волнений» в Уэльсе. «Благодаря пропаганде, — говорит отчет, — небольшой, но энергичной группы, учение которой быстро пропитывает все тредюнионистское движение, враждебность к капитализму становится частью политического символа веры большинства тредюнионистов в горной промышленности... Движение, начатое в течение недавних лет Южно-уэльской федерацией горняков, сознательно или бессознательно почти целиком направлено к свержению нынешней капиталистической системы и установлению нового экономического строя, при котором рабочие будут иметь бо́льшую меру контроля над промышленностью и бо́льшую долю продукта их труда».

С особым недоверием относились рабочие к заявлениям правительства о целях войны. Ллойд-Джордж, генерал Смэтс и другие члены правительства не раз в 1917 г. выступали с нарочито завуалированными декларациями, в которых заявляли, что война ведется не для завоевания новых земель, а за цивилизацию, за право, за справедливость. Но рабочие им уже не верят. Особенно настойчиво начинают рабочие требовать ясного заявления о целях войны к концу 1917 г., после Октябрьской революции. «Русская программа мира» становится чрезвычайно популярной. Сопротивление войне росло чрезвычайно быстро. «Среди рабочих,— пишет Ллойд-Джордж,— росло волнение, носившее тревожный характер; оно в любой момент могло стать опасным» [1].

Руководство лейбористской партии и тредюнионов сочло необходимым при этих условиях сформулировать свою программу мира. 17 декабря 1917 г. такой документ был опубликован. Это была мелкобуржуазная, пацифистская программа. Она требовала самоопределения народов, создания Лиги наций, обязательного арбитража между народами, уничтожения тайной дипломатии, ограничения вооружений и т. п.

5 января 1918 г. состоялась особая рабочая конференция для обсуждения этой программы мира. На конференцию приехал Ллойд-Джордж. Его задачей было сохранить поддержку тредюнионов. «Если бы они

[1] Ллойд-Джордж «Военные мемуары». Т. V, стр. 39.

стали враждебны, — писал Ллойд-Джордж, — опасный раскол на внутреннем фронте был бы неизбежен... Необходимо было убедить народ, что мы продолжаем войну не во имя одного лишь мстительного или грабительского триумфа, но имеем определенные цели мира и что эти цели справедливы и вполне достижимы»[1].

Ллойд-Джордж сделал от имени правительства заявление о целях войны. Он распинался о святости договоров, о самоопределении народов, о Лиге наций, о разоружении и т. д. Все это было ложью, как показали последующие события и особенно версальский мир. Настроение рядовых делегатов на конференции было боевое. Даже Гендерсон, подделываясь под их настроение, счел необходимым заявить, что «милитаризм должен быть разрушен не только в Германии, но и во всем мире». Даже «Таймс» с грустью говорит об этой конференции: «Речи, произнесенные на конференции, показали, что, несмотря на заявления Ллойд-Джорджа и многие другие подобные заявления, Труд склонен держать английское правительство и союзнические под подозрением в милитаристических и империалистических намерениях. Через все речи проходит боязнь того, что без давления рабочих война вообще будет продолжаться ради страсти к завоеваниям».

Учитывая большие сдвиги влево в рабочем классе, руководство лейбористской партии решило оказать нажим на рабочих и направить их по реформистскому пути. В октябре 1917 г. Исполком рабочей партии разослал своим организациям проект перестройки Рабочей партии. 21—24 февраля 1918 г. конференция партии приняла новый устав и программу партии. Устав, сохраняя старый принцип коллективного членства, наряду с этим вводил индивидуальное членство. Особое внимание было посвящено привлечению в партию женщин. Это была перестройка партии на социал-демократический манер. Цель партии определялась так: «Обеспечить работникам физического и умственного труда полный продукт их труда, наиболее справедливое распределение произведенных благ, на основе общей собственности на средства производства, наилучшей системы народного управления и контроля каждой отрасли промышленности или общественной службы». Теоретику партии Сидней Веббу было поручено написать комментарии к уставу и программе партии. В июне 1918 г. руководство партии одобрило написанные комментарии, которые были опубликованы под названием «Труд и новый общественный строй». Эта брошюра была провозглашена программой «социалистической реконструкции» страны. Как программа, так и комментарии к ней являются произведением фабианского социализма, т. е. самой правой разновидности социалистического оппортунизма. В своих комментариях Сидней Вебб подчеркивает, что он не верит в силу, т. е. в революционное действие, а только в знание, особенно в «социальное знание». Но все же перестройка Рабочей партии была шагом вперед. Впервые за время своего существования Рабочая партия заявляла, что ее целью является обобществление средств производства. До сих пор партия ограничивалась только вопросами труда. Теперь она получила хотя и фабианскую, но все же более широкую программу, покрывавшую всю сферу внутренней и внешней политики. Перестроившись, Рабочая партия выступила как претендент на власть в случае падения коалиции и полного банкротства либеральной партии. Рабочая партия еще до окончания войны приняла в свои ряды многие тысячи буржуазных интеллигентов, покидавших либеральную и консервативную партии.

В начале 1918 г. требования рабочих о разрыве коалиции с буржуазией стали особенно настойчивыми. Этот вопрос обсуждался на XVII конференции Рабочей партии в Нотингэме в конце января 1918 года. Даже Гендерсон был вынужден признать, что подавляющая часть рабо-

---

[1] Ллойд-Джордж «Военные мемуары». Т. V, стр. 39.

чего класса за разрыв. Он умолял конференцию все же позволить правительству продолжать существование до конца войны. Его предложение было принято 1163 тыс. голосов; все же внушительное меньшинство — 720 тыс. членов конференции — голосовало за немедленный разрыв. О настроениях английских рабочих говорит тот факт, что на той же нотингэмской конференции выступление тов. Литвинова о Великой пролетарской революции было встречено с большой теплотой и вызвало шумные аплодисменты делегатов.

Реформисты были бессильны остановить процесс левения масс, несмотря на то что в 1918 г. правительство стало подготовлять «реконструкцию». Были введены «промышленные советы» Уитли, проведен новый избирательный закон, подготовлена реформа народного образования, обсуждались планы постройки жилищ для рабочих. Число сторонников разрыва коалиции росло даже среди лейбористских функционеров. Этот вопрос снова обсуждался на конференции Рабочей партии, созванной в июне 1918 г. на основе нового устава. Исполком внес предложение отказаться от политического перемирия. Министры-лейбористы (их было тогда 8) возражали. Они опубликовали в прессе заявление, в котором жаловались на то, что им стало жить прямо невмоготу, так как они подвергаются «непрерывному обстрелу со стороны антинациональных фракционеров». Они настаивали на сохранении и впредь «национального единства» ввиду предстоящей «перестройки социального и индустриального механизма». Но конференция большинством 1704 тыс. против 261 тыс. приняла резолюцию о том, что «существование политического перемирия не должно быть больше признаваемо». Однако принятие резолюции совершенно не означало еще перехода к борьбе.

Означало ли это выход лейбористов из правительства? Гендерсон убедил конференцию оставить в правительстве лейбористов до окончания войны. Конференция выдвинула 406 кандидатов на ближайшие выборы в парламент.

Когда английские рабочие весной 1917 г. слали приветствия «русской революции», когда они посылали привет «русской демократии», они имели в виду не буржуазно-помещичье правительство князя Львова, а русских рабочих. Октябрьскую революцию рядовой английский рабочий встретил с огромной радостью, как естественный, с его точки зрения, ход развития событий в России. Когда 31 января 1918 г. в Альберт-Холле на огромном рабочем митинге были оглашены советские условия мира, собрание с восторгом приветствовало их и приняло угрожающую по адресу правительства резолюцию с требованием принять их. Ленин говорил, что «английские рабочие поддерживают наше стремление к миру» [1].

Руководители Рабочей партии и Независимой рабочей партии встретили Октябрьскую революцию враждебно, называя ее захватом власти «анархистскими и экстремистскими элементами». Особенно усердствовали «по христианским» мотивам в своей злобе против Октября такие «левые» независимые, как Ленсбери.

Британская социалистическая партия и Социалистическая рабочая партия стали безоговорочно на сторону пролетарской революции. Конференция Британской социалистической партии (март 1918 г.) писала русским рабочим: «Британская социалистическая партия выражает от всего сердца восторг и полное согласие с мужественной борьбой большевистского правительства России за мир, борьбой, которую оно ведет в интересах рабочих всего мира против международного капитализма. Она одобряет его мероприятия для перестройки России под руководством рабочего класса» [2].

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 201.
[2] «British Socialist Party Report of seventh Annual Conference», p. 15. 1918.

Симпатии широких масс к Октябрю были настолько сильны, что правительство было вынуждено выпустить из тюрьмы Мак Лина. Конец 1917 и начало 1918 г. ознаменовались рядом волнений английских солдат во Франции, а с весны 1918 г.—и в самой Англии.

В июне 1918 г. английское правительство перешло к активной интервенции против Советской России. В сообщениях военного министерства большевики стали называться «врагами», хотя война не была объявлена. В Мурманске высаживается десант. Вслед за хозяевами распоясываются их социал-империалистические лакеи. На конференции Рабочей партии в июле 1918 г. ее руководство не дало слова тов. Литвинову. Но зато оно пригласило выступить на конференции Керенского, который, конечно, прибыл и произнес кликушескую речь, направленную против большевиков.

Антисоветская политика правительства вызвала в ответ консолидацию всех революционных элементов в Британии и как ни одно событие войны вооружила рабочих Англии против правительства. Очень умеренный социал-патриот лейборист Ортон так описывает этот процесс: «В течение всей первой половины 1918 г. большая часть лейбористских организаций следила за событиями в России с симпатией и сочувствием». «Но когда военные действия против большевиков стали необходимы (? — *С. З.*), то Рабочая Советская Республика внезапно превратилась в глазах рабочих в жертву международного капиталистического заговора».

Во второй половине 1918 г. рабочее движение расширилось. 23 июля разразились стачки на военных заводах в Ковентри, Бирмингаме, Манчестере, Линкольне, Лидсе. Бастовало больше 500 тыс. рабочих. Во главе движения стали шопстюарды. В августе—сентябре бастовали кондукторы лондонских омнибусов и метро, портнихи в Лондоне, ланкаширские прядильщики, уэльские железнодорожники, кораблестроители на Клайде, ротерхэмские горняки, грузчики Ливерпуля, газовые рабочие Лондона. Такого обилия стачек, как в августе—сентябре 1918 г., Англия за все время войны еще не видела. Но самой необычайной стачкой, действительно «явлением исключительным», как писала «Таймс», была всеобщая стачка полицейских в Лондоне 30—31 августа.

Летом 1918 г. полицейские создали свой тредюнион. Правительство отказалось признать профсоюз полисменов и уволило со службы его секретаря. 30 августа полицейские забастовали, потребовав признания профсоюза и увеличения заработной платы. Бастовало свыше 20 тыс. человек. 31 августа Лондон увидел необычайное зрелище — стачечную демонстрацию полисменов, прошедших от Скотлэнд-ярда к Тоуэр-Хилл. Ллойд-Джордж быстро уступил всем требованиям бастующих. 1 сентября полисмены приступили к работе.

За годы войны организованность английских рабочих поднялась. Число членов профсоюзов за время с 1913 по 1918 г. выросло с 3987 тыс. до 6530 тыс. человек.

Это явление тем более примечательно, что весьма значительная часть рабочих во время войны состояла из новых людей: большого числа женщин, сотен тысяч бывших лавочников, ремесленников. Война, сделав рабочие массы беззащитными перед все возрастающими ее требованиями на кровь и труд, заставляла рабочих искать хотя какую-нибудь защиту у профсоюзов.

Во время войны произошли также и «качественные» сдвиги в профсоюзном движении. Велась агитация за укрупнение, за консолидацию профсоюзов. В 1917 г. был восстановлен тройственный союз: горняков, железнодорожников и транспортников. Все это создает картину большого, массового, глубокого подъема, который переживало рабочее дви-

жение Англии в 1917—1918 гг. под влиянием войны и Октябрьской революции. За годы войны чувство классовой враждебности к буржуазии поднялось необычайно; убеждение, что выхода надо искать в социализме, стало почти всеобщим; убеждение, что русские рабочие правы и что они делают общее дело — дело всего рабочего класса,— стало широко распространенным. К концу 1918 г. рабочий класс Англии был уже не тот, что летом 1914 года. Без учета этих перемен не могут быть понятны события 1919—1921 годов.

Ленин в октябре 1918 г., обозревая перспективы пролетарской революции в Европе, писал: «Более чем четырехлетняя изнурительнейшая и реакционная война сделала свое дело. В Европе чувствуется дыхание нарастающей пролетарской революции — и в Австрии, и в Италии, и в Германии, и во Франции, даже в Англии»[1].

Но эта картина имеет и свои теневые стороны. Каждого изучающего Англию этих лет поражает диспропорция между размахом стихийного движения рабочих в этот период и сравнительно небольшим удельным весом сознательного фактора, диспропорция между настроением масс, боевым и революционным, и слабостью революционного авангарда. Англия имела немало революционно настроенных людей. Но они не были объединены. Среди них царил разброд. В Британской социалистической партии, в Социалистической рабочей партии, среди шопстюардов, среди сознательных «противленцев» войне можно найти тысячи вполне пригодных для большой революционной работы людей. Все эти организации, бесспорно, в 1917—1918 гг. были революционны. Но они несли на себе проклятое бремя слабостей и ошибок прошлого. Британская социалистическая партия — марксистская организация, но в течение десятков лет она росла в сектантских традициях, отсюда ее неуменье работать среди масс. Социалистическая рабочая партия была еще более сектантской чем Британская социалистическая партия и к тому же с изрядным душком синдикализма, антипарламентаризма.

История движения шопстюардов во время войны — одна из лучших страниц в истории рабочего движения в Англии. Но ошибки и слабости этого движения связаны с синдикалистским влиянием на него де-лионистской Социалистической рабочей партии.

Вот несколько примеров этого влияния. В газете шопстюардов «Рабочий» писалось в 1915 г. об отношении руководства к массам: «Шопстюарды не выводят рабочих на стачку. В функции шопстюардов не входит «руководство». На деле все движение является отвержением руководства»[2]. Трудно выразить более ярко и выпукло, чем это сделано здесь, синдикалистскую путаницу и недомыслие по такому кардинальному вопросу, как отношение партии к массам, отношение сознательного элемента и стихийного в рабочем движении. Это была не случайная статья. Центральный рабочий комитет, руководивший шопстюардами на Клайде, так определял свои цели: «Этой целью было создание единого промышленного тредюниона в машиностроительной промышленности. Члены комитета могли информировать своих товарищей рабочих по мастерской относительно того, что случилось в литейной, но сверх этого клайдский рабочий комитет не имел прав»[3]. Этот документ не менее ярок чем предыдущий.

Все эти слабости революционных организаций — старые слабости английского движения, о которых в свое время немало говорили Маркс, Энгельс и Ленин. Основой их было пренебрежение к теоретической работе, чрезмерно узкий исторический и философский горизонт движения.

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 218.
[2] Orton «Labour in Transition», p. 90.
[3] Murphy. «Preparing for Power».

С другой стороны, этому революционному авангарду, теоретически слабому и организационно разобщенному, противостояли такие старые многочисленные реформистские организации, как тредюнионы, Рабочая партия, Независимая рабочая партия. Они, правда, безыдейны и эмпиричны, но за них рутина, традиция и капитализм.

VI ЛЛОЙД-ДЖОРДЖЕВСКАЯ «РЕКОНСТРУКЦИЯ»

Во время войны политические деятели Англии не раз вспоминали Питта Младшего. Они и на этот раз хотели «воевать, как Питт». Ллойд-Джордж сформулировал эту тактику в своем афоризме, что победа в этой войне будет за тем, кто сможет дать последний миллиард на нее. Известный военный корреспондент «Таймса», полковник Репингтон, после беседы с Китченером в середине августа 1914 г. записал в свой дневник: «Он дал мне понять, что добавочные 500 000 солдат, которые нам нужны, — только начало, и считал, что в тот момент, когда другие державы будут истощены, мы должны оказаться наиболее пригодными продолжать войну». «Мир, — заключил свое интервью Китченер,—должен быть заключен на наших условиях»[1]. Воевать «по Питту» означало ослабить Германию с помощью России и Франции, а себе оставить роль третьего смеющегося. Но осуществить полностью такую стратегию не удалось: военная сила Германии оказалась настолько большой, что потребовала действительного, а не показного вмешательства Англии, вмешательства не только последним миллиардом рублей, но и последним миллионом солдат.

В конце 1917 г. Англия имела под ружьем около 5 млн. солдат, но ее армии занимали на западном фронте только ¼ общей линии протяжения фронта. Из мемуаров Ллойд-Джорджа мы знаем, каким сопротивлением встретил генерал Дуглас Хейг, английский главнокомандующий, предложение Ллойд-Джорджа расширить английский участок еще на 40 км., чтобы облегчить положение французов. Черчилля это обстоятельство тоже удивляло. В середине 1917 г. он недоуменно говорил в палате, что из 5 млн. солдат только 500 тыс. находятся на линии огня ружейного и артиллерийского, а остальные — в глубоком тылу. Он спрашивал, зачем тогда держать столько людей в лагерях.

Но правительство продолжало беспощадно брать людей в армию с заводов и учреждений. Это называлось «вычесыванием» («combing out»). Делалось это даже с риском забрать последние остатки кадровых, квалифицированных рабочих. «Вычесанных» надо было заменять новыми, т. е. распределять оставшуюся рабочую силу по всем частям хозяйства. Для этой цели был создан в апреле 1917 г. «департамент национальной службы», вскоре превратившийся в особое министерство национальной службы во главе с Невилем Чемберленом.

Наступление германцев в 1918 г. заставило правительство срочно провести третий военный закон (апрель 1918 г.), о распространении воинской повинности на мужчин до 55 лет. Билль предлагал призвать в армию даже священников и ирландцев, которых до сих пор не трогали. Билль вызвал оппозицию ирландцев, асквитианцев и пацифистов. Бонар Лоу, защищая билль, заявил, что правительство ни в коем случае не откажется от билля, ибо вопрос идет о победе или поражении и что в случае провала закона правительство уйдет в отставку[2]. Билль был принят 301 голосом против 103. В результате состав английской армии к лету 1918 г. увеличился до 6250 тысяч. Помимо того доминионы дали к тому времени больше 1 миллиона бойцов, а Индия — 1250 тысяч.

Мы уже видели, каким языком говорила английская буржуазия народу о целях войны. Подлинные же цели войны она старательно прятала

[1] Repington «The first World-war 1914—1918». Vol. I, p. 22.
[2] The Annual Register, 1918.

от масс. Об истинных целях английской буржуазии в войне говорили антигерманские погромы; об этом говорили полная ликвидация германских предприятий и банков в Англии и по всей Британской империи и многочисленные планы экономической борьбы с Германией после войны; о них говорили особая страстность и запальчивость, с которыми обсуждался вопрос о полной блокаде Германии; о них говорили многочисленные совещания о будущей таможенной политике. За время войны в Англии произошло несколько германских погромов. Для организации погромов была создана особая «Лига борьбы с чужаками». Во главе этой организации погромщиков стоял «государственный деятель» консерватор Карсон. Асквит не одобрял погромов. Бонар Лоу защищал их. «В дни, подобные этим,— говорил он,— не может быть нейтральных в Великобритании: кто не за нас, тот против нас».

Весьма энергично во время войны шла пропаганда протекционизма. Ее вели главным образом консерваторы. Но немалая часть либералов также стала переходить на протекционистские или полупротекционистские позиции.

Военно-государственный капитализм нашел свое выражение в области внешней торговли, в регулировании разными способами импорта. Протекционисты видели в этом начало протекционизма и требовали идти дальше в этом направлении. Особенное значение они придавали тарифу Мак Кена (1916 г.). Этот тариф вводил пошлины в 33⅓% к стоимости на ввоз ряда предметов роскоши, в том числе и автомобилей. При обсуждении этого тарифа в июле 1916 г. консерватор Хилп с восторгом заявил, что «бюджет Мак Кена означает смерть фритреду». Либералы-фритредеры, вроде миллионера Альфреда Монда, упрекали либерала Мак Кена в том, что он «покинул дело фритреда». Тариф Мак Кена вошел в историю английского хозяйства как начало поворота от фритреда к протекционизму. Характерным примером поворота от фритреда к протекционизму является тот факт, что в 1916 г. в Манчестере, этой крепости фритреда, подавляющая часть членов торговой палаты — 461 манчестерский фабрикант — высказалась за протекционизм после войны.

Особое возбуждение вызвало дело английского вспомогательного крейсера «Баралонг». «Баралонг» — бывший торговый пароход — потопил германскую субмарину, но был захвачен другим германским судном. Немцы судили всю команду «Баралонга» за нарушение законов войны, а его капитана приговорили к расстрелу. Этот эпизод поднял острую дискуссию в прессе и в палате о будущих отношениях Англии и Германии. В парламенте была вынесена резолюция, требующая от правительства выработки после войны соглашения с союзниками и доминионами для экономической борьбы с Германией. Англия, говорила резолюция, должна стать после войны центром экономических договоров против Германии. С защитой этого предложения выступал министр промышленности либерал Ренсимэн. В своей речи он сказал: «Если мы не разгромим Германию экономически, то это будет означать, что мы ее вообще не разгромим. Хотя к концу войны Германия будет бита на море и, я надеюсь, также на суше, но подлинная опасность состоит в том, что она захочет вести с нами новую войну. Именно в связи с этим нам по заключении мира нужна будет новая экономическая война для того, чтобы Германия не подняла вновь своей головы» [1].

Шумиха, созданная буржуазной прессой вокруг приезда в Англию премьера лейбористского правительства Австралии Хьюза в марте 1916 г., объясняется тем, что Хьюз попал в тон антигерманской пропаганды. В Англии Хьюз энергично выступал за протекционизм и за введение всеобщей воинской повинности; он резко выступал против германского влияния в мировой торговле и призывал «к новому крестовому походу

[1] «1916—1920. The Lloyd George Coalition in War and Peace», p. 98—99.

против Германии»... Хьюз в награду за свой антигерманизм был послан правительством в Париж на экономическую конференцию союзников (июнь 1916 года). Эта конференция приняла решение о совместных экономических мероприятиях против Германии во время войны и после нее. Чистые фритредеры, которые к тому времени в либеральной партии были в меньшинстве, выражали сожаление по поводу этих протекционистских решений, но Асквит от имени правительства заявил в палате 2 августа, что решения конференции приняты правительством и что первой из целей Англии и союзников является закрытие мирового рынка для германских товаров.

Осенью 1918 г., когда германская армия уже отступала под натиском союзников, английская буржуазия опять занимается на имперской конференции вопросом об экономической борьбе с Германией. На этой конференции Бонар Лоу ратовал за укрепление после войны имперских связей, видя в них основу борьбы с Германией на рынках сырья и цветных металлов. Бонар Лоу, выступая в те же дни в палате общин против оптимистов и сторонников компромисса с Германией, считавших, что война уже кончена, говорил: «Мы боремся не только за мир сегодня, но за гарантии мира в будущем. Вы не будете иметь мира с помощью мирного договора. Не может быть мира до тех пор, пока германцы не разгромлены и пока они не будут сознавать того, что они разгромлены».

Одной из причин недовольства Асквитом в Англии было его неуменье наладить тесные отношения с доминионами. Буржуазия доминионов приняла энергичное участие в войне. Но уже к середине 1915 г. в доминионах начал сокращаться приток добровольцев в армию. Стало расти недовольство против Англии, стали раздаваться требования пересмотра политических взаимоотношений с Англией в качестве компенсации за помощь, оказанную ей. Доминионы давали Англии не только сотни тысяч солдат, но и сотни миллионов пудов хлеба, шерсти и других важнейших предметов снабжения, между тем как английский импорт в доминионы почти прекратился. Доминионы меньше стали нуждаться в Англии, тогда как Англия обходиться без них не могла.

Асквит не обнаруживал никакого желания удовлетворить возросшие требования доминионов. В доминионах довольно сильны были антибританские буржуазные группы, требовавшие либо полного нейтралитета доминионов в войне либо ограничения войны рамками своего континента. Большая часть пролетариата в доминионах также вела борьбу против войны. В такой обстановке отказ Асквита пойти навстречу требованиям доминионов чрезвычайно затруднял деятельность пробританских партий в них и дальнейшую мобилизацию ресурсов.

Придя к власти, Ллойд-Джордж сообщил о скором созыве имперской конференции. Она состоялась в марте и апреле 1917 года. Наряду с ней Ллойд-Джордж создал другой имперский орган, назвав его имперским военным кабинетом. В имперской конференции участвовали делегации от доминионов и от Индии, а в имперский кабинет от доминионов входили только премьеры доминионов наряду с членами британского правительства. Конференция была совещательным органом, тогда как имперский кабинет — органом исполнительным. Это было важным нововведением в конституционной системе империи.

Все премьеры доминионов были активные пробританцы. Среди них, помимо Хьюза из Австралии, особенно выделялись премьер Канады Борден и военный министр Южной Африки генерал Смэтс.

Весенние совещания 1917 г. метрополии с доминионами закончились крупной политической уступкой в пользу доминионов. До 1917 г. доминионы, пользуясь довольно широкой автономией в своих внутренних делах, не имели никаких официальных прав в вопросах внешней политики империи. Лондон по всем вопросам внешней политики выступал от лица всей империи, не спрашивая согласия доминионов. Имперская кон-

ференция признала доминионы «автономными нациями, частями Британского Сообщества наций». Они получили право на самостоятельный голос в иностранной политике империи, имперское правительство обязалось совещаться с доминионами и согласовывать с ними вопросы внешней политики империи. Доминионы ввиде компенсации за эту уступку расширили в экономических взаимоотношениях с метрополией применение принципа имперского предпочтения. На конференции обсуждались также вопросы перестройки империи в федерацию, с федеральным парламентом в Лондоне и с федеральным правительством. Такой план предлагали консерваторы. Но представители доминионов решительно возражали против таких проектов.

В июне 1918 г. была созвана вторая военная сессия имперского кабинета и имперской конференции. К этому времени уже обнаружилась конечная неудача последнего весеннего наступления германцев, а высадкой американских корпусов подготовлялось окончательное военное поражение Германии. Поэтому главным предметом имперских совещаний была выработка условий мира и участия Британской империи в мирной конференции. Конференция решила, что доминионы будут иметь самостоятельные делегации в составе общеимперской делегации и будут рассматриваться как самостоятельные участники мирного договора. Военный имперский кабинет был превращен в постоянный орган, в котором доминионы имеют постоянного представителя. Таким образом, война внесла ряд крупных изменений во взаимоотношения «страны-матери» к ее дочерним филиалам.

Как мы уже знаем, реформа избирательного права в планах ллойд-джорджевской коалиции играла крупную роль. Она была одним из «козырей» ллойд-джорджевской «реконструкции». Инициатива ее принадлежит Ллойд-Джорджу, и задумана она была против Асквита, который выступал решительно против всяких перемен в конституции во время войны. В январе 1917 г. был опубликован проект реформы. Он вносил значительные упрощения в очень запутанную и сложную избирательную систему. Избирательное право предоставлялось каждому мужчине в возрасте от 21 года, прожившему в данной местности не меньше 6 месяцев. Женщины, достигшие 30 лет также получали избирательные права. Консерваторы, согласившиеся на это, преследовали, по существу, реакционные цели: даровав политические права женщинам, они хотели из этих новых избирательниц создать противовес революционным настроениям мужчин, пришедших с фронта. В проекте было намечено также пропорциональное представительство и равномерные избирательные округа в 70 тыс. жителей каждый. Билль обсуждался почти целый год. В начале 1918 г. билль стал законом. Некоторые важные идеи билля были отвергнуты. Отвергнуто было пропорциональное представительство. «Сознательные противники войны» были лишены политических прав на 5 лет после окончания войны. Число депутатов было увеличено с 659 до 707.

Избирательная реформа 1918 г. расширила состав избирателей на 8 млн., доведя его до 18 млн., из которых 6 млн. составляли женщины.

Почти одновременно с биллем о реформе избирательного права Ллойд-Джордж проводил билль о реформе народного образования, внесенный министром просвещения Фишером. Эта реформа в планах второй коалиции имела двойной смысл. Она выглядела как некая демократическая уступка рабочему классу, а с другой стороны, она была одной из мер борьбы в будущем, после войны, с промышленной гегемонией Германии. Война еще раз показала, на этот раз уже на полях битвы, превосходство германской промышленной и образовательной системы над английской. Для всех стало ясно, что одной из причин германского превосходства была лучшая система подготовки кадров, в частности квалифицированных рабочих. Билль вводил обязательное обучение детей до 14—15-летнего возраста. Подростки от 14 до 18 лет, не прошедшие за

годы войны средней школы, должны были посещать особые школы для переростков; дети до 13 лет не могли работать на предприятиях, а с 13 лет — только после обеда до 8 часов вечера. Общее обучение объявлялось бесплатным; все дети до 18 лет должны быть охвачены физкультурой. Местным органам было предоставлено право надзора за подростками, работающими на предприятиях. Билль, хотя был и скромной мерой, ибо делал обязательным только неполное среднее образование, являлся шагом вперед в довольно отсталой системе народного образования Англии. В июле 1918 г. билль стал законом, но был введен в жизнь гораздо позже. Это был один из законов, заготовленных, как и предыдущий, так сказать, впрок, на период после войны. Тщетно Фишер настаивал на немедленном его введении в жизнь, что требовало в год только 11 млн. фунтов стерлингов новых расходов. Правительство отказало ему в этом, заявив, что нет для этой цели денег, между тем как военные расходы одного дня достигали тогда суммы в 8 млн. фунтов.

VII ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА

С экономической стороны война была для Англии большим испытанием, из которого она вышла только путем чрезвычайного увеличения эксплоатации трудящихся масс метрополии, колоний и доминионов. Англия вступила в войну с национальным долгом в 800 млн. фунтов, а вышла из нее с долгом в 7882 млн. фунтов стерлингов [1], т. е. увеличив государственный долг почти в 10 раз. К этой колоссальной сумме надо добавить около 4 млрд. фунтов стерлингов, добытых Англией не займами, а «нормальным» путем нажима налогового пресса. К двум указанным суммам надо прибавить также очень крупные военные расходы доминионов и Индии, которые снарядили армию в 2500 тыс. бойцов. Доминионы и Индия не получили от Англии за время войны почти никаких субсидий. Одна Австралия с населением в 5 млн. человек израсходовала из своих средств на войну свыше 700 млн. фунтов стерлингов.

Для всего народного хозяйства Англии война означала большое разрушение производительных сил. Три четверти всех рабочих Англии работали в течение нескольких лет исключительно по обслуживанию войны. Основные отрасли английского народного хозяйства, знаменитые «staples industries», переживали во время войны регресс, движение назад. Добыча угля упала с 287 млн. тонн в 1913 г. до 228 млн. тонн в 1918 г., т. е. на 21%. Добыча чугуна снизилась на 11% — с 10 260 тыс. тонн до 8919 тыс. тонн. Потребление текстильного сырья (хлопка, шерсти, льна) упало на 16% — с 3102 млн. фунтов до 2579 млн. фунтов [2]. Судостроение было занято почти исключительно обслуживанием военного флота и военного транспорта. Основные отрасли хозяйства работали все годы войны без всякого обновления основного капитала, изнашивая свое оборудование. Во время войны были произведены многомиллиардные вложения в промышленность, но они шли исключительно на создание и расширение новых военных заводов. В этих областях расширение было действительно грандиозным. Старые заводы и арсеналы были расширены до неузнаваемости; были построены тысячи новых.

Военные заводы были оснащены во время войны первоклассной техникой, скоростными автоматическими станками и машинами. Средства для постройки новых военных заводов давало правительство ввиде безвозвратных ссуд промышленникам.

Война создала новые взаимоотношения между правительством и промышленностью. В войну Англия вошла страной почти неограниченного фритреда, а вышла из нее страной военно-государственного монополистического капитализма и военного протекционизма.

[1] «1916—1920. The Lloyd George Coalition in War and Peace».
[2] Statesman Year-Book. 1919.

Переход к государственному капитализму диктовался буржуазии также и социальными соображениями, потребностью обуздать, ослабить борьбу рабочего класса против войны и против буржуазии, принудить его безропотно работать для войны. Ленин по этому поводу пишет: «То, что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и др.) называют «военным социализмом», на деле есть военно-государственный монополистический капитализм или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов» [1].

В первые месяцы войны либеральная буржуазия устами Асквита провозгласила лозунг «Business as usual». Асквит и либералы-асквитианцы шли неохотно на вмешательство государства в экономику. Но все же за два с половиной года управления Асквита были приняты сотни всяких мер, которые составили целую систему государственного регулирования хозяйства. Глубже всего принципы государственного капитализма проникли при Асквите в военную промышленность. В остальных отраслях Асквит предпочитал ограничиваться регулированием цен, распределением сырья, регулированием прибылей, не касаясь процесса производства. Правительство Ллойд-Джорджа знаменовало новую стадию в развитии системы военно-государственного монополистического капитализма. С точки зрения отношений промышленности к государству это означало дальнейшее «огосударствление» промышленности, переход к регулированию производства. Для рабочих это означало усиление военной каторги, преподносимой им Ллойд-Джорджем и социал-шовинистами под покровом звучных фраз о борьбе за право и цивилизацию.

Первыми перешли под правительственный контроль железные дороги. Это было сделано в первые же дни войны. Для управления ими был создан специальный правительственный департамент. Вся старая администрация дорог осталась на местах, но получала теперь общие указания и задачи от департамента. Владельцам железных дорог были гарантированы доходы в довоенном размере. С железнодорожными рабочими и служащими было заключено соглашение от имени государства о сохранении за ними прежней заработной платы. С требованиями о повышении заработной платы железнодорожники обращались к правительству, которое выступало в переговорах с ними как представитель владельцев железных дорог.

Второй отраслью, вернее, целой группой отраслей промышленности, перешедшей под контроль и управление государства, была военная промышленность. Понятие «военная промышленность» за время войны непрерывно расширялось. До весны 1915 г. военная промышленность охватывала заводы в узком смысле слова военные. Но с учреждением в июне 1915 г. особого министерства военного снаряжения во главе с Ллойд-Джорджем под понятие «военная промышленность» были подведены тысячи предприятий, обслуживающих в том или ином смысле армию.

Министр военного снабжения получил диктаторские полномочия для перевода любого предприятия в разряд военных. Ему были предоставлены права не только контроля, но и полного управления производством предприятий. Сфера его полномочий непрерывно расширялась. Уинстон Черчилль, который в конце войны был министром военного снабжения, говорит об этом министерстве следующее: «Мы контролировали все главные отрасли британской промышленности и фактически управляли ими. Мы регулировали снабжение сырьем. Мы организовывали распределение всех производимых ими готовых изделий. Под нашим непосредственным руководством находилось почти 5 миллионов человек, и наша деятельность тесно переплеталась со всеми областями экономической

[1] Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 186.

жизни страны». Правительство построило за время войны свыше 200 своих военных заводов, причем все они были очень крупные.

Третьей отраслью промышленности, перешедшей под правительственный контроль, была горная. Горнопромышленники в первые же месяцы войны подняли цены на уголь. Это вызвало протесты не только домохозяек, но и большинства промышленников, работавших на армию по контрактам. Рабочие-горняки, связанные тарифными договорами, тоже протестовали против наживы своих хозяев, которые, колоссально обогащаясь, отказывали рабочим в их требованиях повысить заработную плату. Робкие попытки правительства Асквита установить контроль над ценами на уголь были неудачны из-за сопротивления владельцев копей. Когда рабочие-горняки Южного Уэльса прибегли к стачке летом 1915 г. и в 1916 г. повторили стачку, правительство, используя DORA [1], взяло все угольные копи Англии в свое управление. Для этой цели был создан особый департамент во главе с главным контролером.

Но самыми скандальными были прибыли судовладельцев. Подводная и крейсерская война германцев, начавшаяся в первые же месяцы войны и продолжавшаяся в течение четырех лет, чрезвычайно уменьшила тоннаж английского торгового флота [2]. К тому же 1500 лучших пароходов были взяты для военных нужд. Эти обстоятельства создали возможность необузданной спекуляции судовладельцев. Правительство Асквита, взявшее на себя 80% страхового риска, этим способствовало необычайному росту фрахтов. «В течение немногих недель океанские фрахты удвоились и утроились,—говорит один американский историк.— Судовладельцы-спекулянты делали состояние в одну ночь. Судовладельцы, которые еще несколько месяцев перед тем были преисполнены тревоги по поводу паралича в этом промысле, обнаружили, что их имущество внезапно удвоилось или даже учетверилось в стоимости без всяких усилий с их стороны» [3].

Чудовищный рост фрахтов был одной из важнейших причин роста дороговизны в течение первых двух лет войны. Под влиянием протестов промышленников и рабочих Асквит робко и непоследовательно стал переходить от одной меры контроля над пароходством к другой. Сначала стали публиковать обязательные фрахты, затем перешли к частичной реквизиции судов, рефрижираторов, зерновых и т. д. В конце 1915 г. был создан особый комитет по надзору за судами. Между тем тоннаж торговых судов быстро убывал: весной 1916 г. он составлял только две трети довоенного. Стали резко сокращать импорт. Так, доставка хлопка, шерсти и другого текстильного сырья в 1917 г. была сокращена вдвое. Но прибыли судовладельцев и судостроителей оставались чудовищными. В конце 1916 г. была учреждена должность контролера судоходства, превратившаяся в 1917 г. в должность министра судоходства. Правительство Ллойд-Джорджа перевело все суда, за исключением мелких, под государственный контроль.

Вся текстильная промышленность тоже была поставлена под контроль правительства. Для управления ею были созданы департаменты: хлопковый, шерстяной, джутовый и т. д.

В общем к концу войны правительство контролировало более 20 тыс. предприятий, притом наиболее крупных и важных, что составляло около 90% всей промышленности. Если прибавить к этому контроль правительства над продовольственным снабжением страны, карточную систему распределения, то станет ясно, что в Англии к концу войны существовала в развернутом виде система военно-государственного монополисти-

---

[1] Defence of the Realm Act.

[2] За все время войны было потоплено 7 829 900 тонн британского тоннажа, а повреждено 7 809 900 тонн.

[3] Baker «Covernment Control in Industry in Great Britain», p. 72.

ческого капитализма. Она обеспечивала не только ведение войны, но получение английской буржуазией колоссальных военных прибылей. Ленин говорил, что в результате войны «миллионеры этих стран (Англии, Германии и др. — *С. З.*) стали в 10 раз богаче» [1].

Война и государственный капитализм сильно подтолкнули процесс концентрации и централизации капитала, который до войны протекал в Англии сравнительно медленно. Принудительное кооперирование сотен и тысяч заводов, осуществляемое министерством военного снаряжения, не могло не стимулировать процесса укрупнения заводов и предприятий, слияния капиталов. Одним из выражений этого процесса было слияние во время войны ряда крупнейших банков, принадлежащих к так называемой «большой пятерке». Другим выражением его было возникновение в 1916 г. федерации британской промышленности [2], которая ставила своей целью «нахождение средств для установления более тесной связи между работой правительства и правильно понятыми нуждами промышленности». К концу войны федерация британской промышленности объединила 18 тыс. фирм с общим капиталом в 5 млрд. фунтов стерлингов. Она была столь грандиозной, что ее называли «промышленным левиафаном».

Все вышесказанное свидетельствует о том, что из войны английская буржуазия как класс вышла экономически усилившейся и политически более консолидированной.

Государственный аппарат Англии за время войны пережил крупные изменения. Чрезвычайно усилилась его бюрократизация. Старые министерства превратились в колоссальные машины с десятками тысяч служащих каждое. Военное министерство, например, уже в 1916 г. имело в своем аппарате 100 тыс. человек. Число министерств удвоилось, ибо в 1916—1917 гг. было создано свыше 10 новых министерств: блокады, продовольствия, реконструкции, судоходства, национальной службы, авиации, труда, пенсий, железных дорог, угольной промышленности и др. В связи с этим число членов правительства почти утроилось, достигнув вместе с заместителями министров числа 88. Значение парламента в политической жизни страны резко снизилось. Больше чем когда бы то ни было парламент превратился в аппарат голосования, где пост-фактум санкционировались мероприятия правительства. Премьер и министры почти перестали бывать в парламенте. Чрезвычайно выросла власть руководящей верхушки правительства — той четверки или пятерки министров, которая возникла с декабря 1916 г. и называлась военным кабинетом. Военный кабинет решал все вопросы, а министры и министерства являлись по отношению к нему исполнителями этих решений. Получая общие указания от военного кабинета, министерства имели и широкие права для их реализации. Область министерских указов необычайно расширилась, тогда как сфера парламентского законодательства сократилась. Власть премьера в деловой и политической сфере расширилась чрезвычайно. Ллойд-Джордж создал личный секретариат, состоявший из 150 крупнейших специалистов по всем отраслям государственной политики и хозяйства, который стоял не только над аппаратом министерств но даже и над министрами. Он был очень эффективной машиной. В нем работали крупнейшие «деловые люди» Англии. Большинство министерств при Ллойд-Джордже было передано тоже в руки крупных «деловых людей» — либо собственников, либо управляющих и директоров акционерных компаний и трестов.

Никогда в верхушке государственного аппарата не было так много представителей «деловых людей», как при Ллойд-Джордже. Достаточно назвать такие имена, как лорд Ронда, сэр Альфред Монд, Стэнли Бол-

[1] Ленин. Соч. Т. XXIII, стр 174.

[2] Federation of the British Industries.

дуин, Остин Чемберлен и Невиль Чемберлен, лорд Нордклиф, лорд Ротермир. Как мы уже видели, усиление роли «деловых людей» в правительственном аппарате было результатом острой борьбы между Асквитом—Китченером с одной стороны и Бонар-Лоу и Ллойд-Джорджем — с другой.

Ленин уже во время войны заметил и объяснил эти новые черты в политическом строе Англии. В статье «Государство и революция» (1917) Ленин, сравнивая Англию 1871 г. с Англией 1917 г., пишет, что первая «была еще образцом страны чистокапиталистической, но без военщины и в значительной степени без бюрократии... Теперь, в 1917 году, в эпоху первой великой империалистской войны, это ограничение Маркса отпадает. И Англия и Америка, крупнейшие и последние — во всем мире — представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке «предварительным условием всякой действительно народной революции» является **ломка, разрушение** «готовой» (изготовленной там в 1914—1917 годах до «европейского», общеимпериалистического совершенства) «государственной машины» [1].

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 395.

ПРОЦЕСС 52-х МАТРОСОВ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА *

С. Найда

1

3 июня 1907 г. царское правительство распустило II государственную думу. «Этот день принято в истории называть днем третьеиюньского государственного переворота. Царское правительство издало новый закон о выборах в III Государственную думу и тем самым нарушило свой собственный манифест 17 октября 1905 г., так как, согласно этому манифесту, оно должно было издавать новые законы только с согласия думы. Социал-демократическая фракция второй думы была предана суду, представители рабочего класса были отправлены на каторгу и в ссылку на поселение». «Царское правительство стало усиленно громить политические и экономические организации пролетариата. Каторжные тюрьмы, крепости и места ссылки переполнились революционерами. Революционеров зверски избивали в тюрьмах, подвергали пыткам и мучениям. Черносотенный террор свирепствовал во-всю. Царский министр Столыпин покрыл виселицами страну. Было казнено несколько тысяч революционеров. Виселицу в то время называли «столыпинским галстуком» [1].

Ужасы столыпинской реакции переживали также матросы и солдаты, т. е. те же рабочие и крестьяне, одетые в шинели. Только в одном Балтийском флоте за период с 1906 до 1911 г. за революционную деятельность было осуждено 6252 человека. Из них 149 человек приговорено к смертной казни, 960 — сослано на каторгу и лишено всех прав состояния, 1744 — заперто было в исправительные арестантские дома, 20 — было осуждено на пожизненное заключение в крепости, 2147 — сослано в дисциплинарные батальоны и 1232 — упрятано в военные и гражданские тюрьмы. Сотни моряков были казнены или замучены без всякого суда. Подобное положение царило не только во флоте.

В годы черной столыпинской реакции большевики отступили, но отступили для того, чтобы победить. Уходя в глубокое подполье и умело сочетав нелегальную работу с легальной, большевики шли во главе масс. Они вселяли уверенность в рабочем классе и крестьянстве, в среде матросов и солдат в неизбежность и близость новой революции. Они руководили повседневной борьбой масс против царя, помещиков и капиталистов.

2

Во флоте в годы столыпинской реакции (1907—1911 гг.) с внешней стороны все как будто было спокойно, но это было спокойствие поверхностное. В глубоком подполье зрели и накапливались революционные

---

* Все приведенные здесь материалы о процессе «52 моряков Балтики» взяты в основном из следующих источников: Ленинградского отделения Центрально-исторического архива (ЛОЦИА), дела: № 312 (15241), № 316 (15242), № 317 (15243) за июль 1913 г.; журнал «Красный флот» № 8 за 1923 г., стр. 69—72; газета «Правда» за 1912 и 1913 гг. и за 27 июня 1935 года. Кроме того использованы воспоминания бывших матросов и командиров, свидетелей этих событий во флоте.

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 92—94. 1938.

силы. Служба матросов в царском флоте была каторгой. Господствовали палочная дисциплина и издевательства, творимые командным составом. Командование флотом изобретало всевозможные «занятия», для того чтобы матросы не имели свободной минуты для размышлений. Занятия и «нравственные» беседы тянулись с раннего утра до позднего вечера. А когда нечего было придумать, то заставляли выполнять самые бессмысленные работы: чистить деревянные палубы стеклом, чистить во время дождя медь, с места на место перетаскивать грузы и т. п. Кормили очень плохо, нередко выдавали мясо с червями. В архивах морского министерства хранится много документов, указывающих, что матросы часто волновались из-за пищи.

Вот один из этих документов. 10 августа 1910 г. начальник Кронштадтского жандармского управления доносил в Главный морской штаб, что на крейсере «Громобой» матросы неоднократно отказывались от обеда потому, что в щах плавали черви. Об этом жаловались старшему офицеру лейтенанту Романову, который обычно отвечал: «Черви сварились, их можно свободно кушать. Это не вредит для здоровья. Ведь это обычное явление, на капусте часто бывают черви» [1]. Один из офицеров корабля «Андрей Первозванный» на жалобы матросов, что им выдается плохая пища и червивое мясо, цинично заявил: «Черви удобоваримы и чем больше червей — тем лучше суп или борщ. Черный хлеб полезен рабочему человеку, а каша, каша — это гордость России. Ведь за границей ели бы кашу, да ее у них нет, ее нужно купить, а у нас, слава богу, своя родится, ее сколько угодно».

Плохая пища, изнурительная работа и каторжная дисциплина подрывали силы и порождали огромное количество заболеваний и большую смертность среди матросов. В 1907 г. на 33,5 тысячи человек команды Балтийского флота заболеваний было больше 30 тысяч. Уволено по болезни 1289 человек и умерло на каждую тысячу больше 100 человек. В 1908 г. на 36 тысяч команды нижних чинов заболеваний было 34 тысячи. Уволено по болезни 1110 человек. Умерло на каждую тысячу 177 человек. В 1909 г. на 42 тысячи команды нижних чинов заболеваний было 38 586. Уволено по болезни 1086 человек. Умерло на каждую тысячу 165 человек. Такой высокий процент смертности и заболеваний оставался вплоть до революции 1917 года.

На кораблях и в береговых командах, как правило, производились периодические обыски у матросов. Письма, книги и посылки, получаемые матросами, строго проверялись. По праздникам и постам команду водили в церковь. Во время исповеди попы шпионили, выспрашивали у матросов, как они относятся к службе и начальству, как соблюдают и понимают смысл присяги, не знаются ли с социалистами и т. п. Горе было тому матросу, который признавался в чем-либо попу. Поп сразу же доносил начальству, и такой матрос попадал в разряд неблагонадежных.

Иезуитские приемы и методы, применяемые служителями культа, вырабатывали в матросах отвращение к попам, а у более сознательных и к религии.

Матросы с внешней стороны казались послушными. Но на самом деле настроение основной массы матросов, преимущественно состоявшей из рабочих, было явно враждебное не только по отношению к флотским порядкам, но и ко всему царскому режиму. Об этом ярко свидетельствует приводимый ниже документ. Матрос-телеграфист Иван Федорович Скурлов с крейсера «Диана» в 1908 г. писал своей знакомой: «Можешь себе представить, что за короткий срок моего отпуска произошли в нашем мире большие перемены: с нового года пошла кутерьма. Нашли, что матросы распущены, и вот теперь опять крутят, связывают железной

---

[1] ЛОЦИА, дело № 16222, стр. 16—17. 1910.

дисциплиной по рукам и ногам. Пошли строгости, видимо, ждут возврата к старому. Но ведь это немыслимо, а посему все это только до первого удобного случая, и что выйдет из этого, покажет будущее...»

Далее в этом же письме читаем: «Работой душат целый день... только с 12 с половиной и до 2-х часов отдых, который тоже иногда позволяют отнять от нас... На-днях ходили в манеж с винтовками и вот, когда пришли, сложили их и стали считать, то вдруг одной не оказалось по той простой причине, что плохо считали. Доложили старшему офицеру, а он, не разобрав в чем дело, собирает всех с нашивками, выходит к нам и говорит: «Вы что, сволочи, вздумали насмехаться надо мной? Я вам покажу! Всю команду распустили»... Конечно, я еще не добавляю эпитетов русских, которыми клеймит этот «образованный» человек людей, прослуживших не менее 3-х лет во флоте. Кричать и ругать, запугивать людей это его дело, а нет догадки в субботу дать команде свободное время после обеда для мытья в бане, для стирки белья... Мало того, и в праздники до обеда всегда работаем... Судите сами, какой это человек и какое может быть довольство этим человеком! Ненависть почти у всех. Вот придет скоро молодая команда новобранцев, тогда что-нибудь да выйдет. Это немыслимо! Мне кажется, что если бы ему дали право на жизнь нашу, то он давно бы половину расстрелял» [1].

Это письмо было перехвачено жандармами, как и другие письма матросов, которыми изобилует архив военно-морского министерства.

Дикая палочная дисциплина, бесправие, издевательство, поповское мракобесие — все это вызывало у матросов ненависть к царскому строю, злобу против начальства. Стихийная ненависть и злоба матросской массы под влиянием большевиков и революционно настроенной части матросов перерастала в сознательное политическое недовольство царским режимом. Недовольные постепенно оформлялись в подпольные политические кружки и организации и вели напряженную и упорную борьбу с самодержавием.

С наступлением реакции партия снимает вопрос о непосредственной подготовке вооруженного восстания. «На очередь дня,— писалось в резолюции общерусской партконференции 1908 г. (Париж),— выдвигается прежде всего длительная работа воспитания, организации и сплочения сознательных масс пролетариата. Затем, в подчинении этой задаче, необходимо распространение партийной работы на крестьянство и армию, особенно в форме литературной пропаганды и агитации, причем главное внимание должно быть обращено на социалистическое воспитание пролетарских и полупролетарских элементов в крестьянстве и армии» [2].

В соответствии с обстановкой и с решением партии о задачах текущего момента большевистские организации на местах изменяют тактику работы в армии и флоте.

Флотские большевики стремились прежде всего создать крепкую подпольную организацию. Необходимо было сплотить революционно настроенных матросов вокруг подпольных партийных ячеек и готовить их к вооруженному восстанию в момент нового выступления рабочего класса.

В эти трудные годы большевистские партийные организации портовых городов: Петербурга, Кронштадта, Риги, Либавы, Ревеля, Гельсингфорса и др.— снабжали матросов литературой, газетами, прокламациями, выделяли пропагандистов и агитаторов, которые вели с матросами беседы во время отпуска или увольнения на берег, помогали и направляли работу флотских подпольных организаций.

Петербургский комитет РСДРП в январе 1908 г. организовал подпольную типографию, где печатались листовки и прокламации, которые

[1] ЛОЦИА, дело № 16219, стр. 19—20. 1908.

[2] «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов и конференций». Ч. 1-я, стр. 130. 1936.

распространялись среди солдат и матросов. В начале 1908 г. по настоянию большевиков при ЦК было оформлено бюро военных организаций и подобран кадр военных партийных работников, а при Петербургском комитете создан Городской комитет военных работников. Комитет проводил работу среди матросов и солдат. Исходя из опыта вооруженных восстаний в 1905—1907 гг., комитет усиленно изучал и разрабатывал практические вопросы военной работы и военно-революционной тактики.

За сравнительно короткий период своего существования комитет сумел проникнуть в казармы, на корабли и развернуть там работу. Связи были установлены со многими армейскими частями Петербурга, Ораниенбаума, Кронштадта, Сестрорецка. Что касается флота, то комитет имел свои группы в Кронштадтской крепостной артиллерии, 1-м Кронштадтском крепостном батальоне, команде Главного морского штаба, в гвардейском флотском экипаже, в 6-м, 8-м, 10-м, 16-м и 18-м флотских экипажах и на некоторых кораблях.

Внезапно последовавшие аресты нарушили налаживавшуюся работу. С 17 марта по 4 апреля 1908 г. охранка арестовала почти весь руководящий состав комитета и захватила его архив. К судебной ответственности было привлечено 24 человека. Суд состоялся в Петербурге 1 декабря 1909 года. По приговору Петербургского военно-окружного суда 11 человек были отправлены на каторжные работы, а 13 человек — в ссылку на разные сроки. Аресты на время затормозили партийную работу, но не прекратили ее.

К концу 1908 г. в Петербурге вновь была создана руководящая группа большевиков для работы среди солдат и матросов. Эта группа в начале 1909 г. сумела восстановить прерванную связь с большевиками флота и революционно настроенными матросами. Борьба за флот привела к тому, что в 1909 г. в Балтийском флоте существовала сильная и многочисленная большевистская организация. Центр этой организации находился на учебном корабле «Двина», имевшем свою революционную историю. Это бывший броненосный крейсер «Память Азова», на нем 2 августа 1906 г. вспыхнуло восстание, которое было задушено правительством. После подавления восстания правительство переименовало корабль в «Двину» и зачислило его в разряд штрафных. Он до 1909 г. стоял у стенки разоруженным и только в начале 1909 г. был введен в строй как учебное судно. Вот на этом-то корабле матросы-большевики и организовали свой центр. Здесь имелась подпольная типография, в которой печатались листовки для распространения среди матросов. Организация была хорошо законспирирована. Чтобы избежать подозрений, служба на корабле неслась образцово. «Царь, морской министр, главные командиры портов могли на верхней палубе видеть рослых, бравых, чистых, выбритых орлов, которые отчетливо рявкали ответы на приветствия. Они же были членами большевистской партии. Законы конспирации требовали выправки, службы, чистоты. Гражданская война, которая должна была прийти, требовала военных знаний, уменья. Предстояло сразу устранить драконов и взять в свои руки военный аппарат, вести, учить командовать» [1].

3

Со второй половины 1910 г. наметился перелом в рабочем движении. В 1911 г. стачечное движение впервые за годы реакции приобретает значительный размах. Растут наступательные стачки пролетариата, причем значительное число стачек носит чисто политический характер. Вслед за подъемом рабочего движения началось пробуждение крестьянства и недовольных третьеиюньским режимом кругов интеллигенции. В крупных городах стачки сопровождались демонстрациями и митингами. Эти фак-

[1] «Правда» № 175(6421) от 27 июня 1935 года. Статья «Традиции «Потемкина».

ты явно свидетельствовали, что полоса черной реакции кончилась, что начинается новый революционный подъем, что «русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции» [1].

Вместе с ростом революционного подъема в стране, с ростом массовых рабочих стачек с новой силой нарастает революционное движение во флоте.

В 1910 г. крейсер «Рюрик» был в заграничном плавании. Корабль заходил в порты Англии и Франции. Матросы «Рюрика» установили связи с русскими социал-демократическими организациями заграницей. Последние снабдили их нелегальной литературой и дали указания о развертывании революционной работы на кораблях Балтийского флота. По возвращении из похода матросы «Рюрика» установили связь с центром большевистской организации во флоте, находившемся на учебном корабле «Двина». С этих пор подпольная работа на «Рюрике» принимает организованный характер. Охранка через провокатора узнала о существовании этой организации. Однако, не располагая полными сведениями, жандармы арестовали только несколько человек. Уцелевшие товарищи продолжали работу.

В том же году в июне были проведены массовые аресты на миноносцах «Подвижный», № 215, № 225, канонерской лодке «Гиляк» и на других кораблях, стоявших на Гельсингфорском рейде. К суду было привлечено 57 человек. Но и после этих потерь работа большевиков не ослабевала. Наконец, жандармам удалось напасть на след центра большевистской организации. В ночь с 26 на 27 января 1911 г. жандармы захватили на учебном корабле «Двина» новый типографский шрифт, листовки, прокламации, книги и арестовали по этому делу матросов Крашенюка, Яндина, Панкратьева, Кузнецова, Акимова, Тарасова, Карманова, Глыбина, Пшенова, Гудкова, Головина и других. Одновременно были проведены аресты на учебном корабле «Николаев». Здесь были арестованы Богачев, Анищенко, Соколов и другие. На крейсере «Корнилов» были арестованы Кутин, Штык. Через некоторое время были произведены дополнительные аресты на крейсере «Громобой» и других кораблях. Однако и этими арестами большевистская организация на Балтике не была полностью разгромлена.

После арестов на корабле «Двина» наиболее крепкие большевистские организации остались на линкорах «Слава», «Цесаревич» и «Андрей Первозванный», на крейсерах «Рюрик», «Павел Первый». Кроме того большевистские организации имелись на ряде миноносцев и в береговых командах. Партийная организация на этих судах насчитывала свыше 400 человек. Вокруг нее группировались значительные кадры революционно настроенных матросов.

Действуя заодно с петербургскими рабочими и рабочими портовых городов Балтийского моря, большевики Балтики собирались двинуть флот в апреле — мае на Кронштадт, а затем — на Петербург для соединенных боевых действий с пролетариатом.

Кажущееся спокойствие царило и над водами Черного моря. Лощеные офицеры, уверенные в том, что на кораблях и среди команды все спокойно, весело проводили время в кутежах и попойках. А в это же время на линкоре «Иоанн Златоуст» и других кораблях, в глубоком подполье, несколько сот большевиков Черного моря готовили к лету восстание. Между партийными организациями Черного и Балтийского морей поддерживалась связь, и подготовлявшиеся восстания намечались на одни и те же сроки.

Бурный рост рабочего движения в стране способствовал широкому размаху подпольной большевистской работы. Парторганизации пополнялись новыми и новыми силами. Учащались подпольные сходки матросов,

---

[1] Ленин Соч. Т. XIV, стр. 393.

на которых присутствовали часто рабочие. В организациях и на сходках читали большевистскую «Правду», самую любимую газету матросов, разрабатывались планы общих выступлений с рабочими Петербурга и Прибалтики. Собирали деньги для партийной работы. Обсуждали планы восстания. Однако подготовляемые восстания не состоялись. За несколько дней до выступления, по доносу провокаторов, были раскрыты большевистские подпольные организации Балтийского и Черноморского флотов. Начались массовые аресты и судебные процессы. В одном только Балтфлоте с апреля по июль 1912 г. было арестовано до 200 матросов. Всего же на Балтике к началу 1913 г. было арестовано, привлечено к ответственности и приговорено к разным наказаниям до 700 моряков.

Большевистская газета «Правда» от 4 августа 1912 г. сообщала, что Кронштадт в связи с арестами был объявлен на военном положении. Въезд в город был ограничен и строго контролировался. Надзор за гражданским населением, солдатами и матросами в Петербурге и Кронштадте усилился.

Эти аресты вырвали из Балтфлота лучшие революционные силы. Команды чувствовали себя на время несколько подавленными. Уцелевшие от арестов подпольщики начали снова сколачивать свои силы, восстанавливать связь с большевистскими организациями портовых городов. Революционный дух во флоте не угасал.

4

Ровно год тянулось следствие по делу арестованных в 1912 году. Ровно год томились в «Крестах» матросы. В результате следствия перед судом предстали 52 балтийских моряка. Этому процессу правительство придавало особое значение. Свирепой расправой над моряками оно думало парализовать революционное движение во флоте. Дело слушалось при закрытых дверях в июне 1913 года. На суде председательствовал генерал-лейтенант В. Алабышев. Подсудимые не имели своих защитников, и их «защищали» казенные адвокаты: капитан Корнев и защитники Сикорский и Апостоли.

В архивах военно-морского министерства сохранилась стенограмма заседания суда. Небезынтересно будет привести наиболее характерные места из материалов суда и других источников, связанных с этим процессом. Эти материалы вскрывают размах упорной революционной борьбы моряков Балтики. Все подсудимые как во время длительного следствия, так и на самом суде вели себя стойко. Никто из подсудимых не только не выдал товарищей и уцелевшие парторганизации, хотя этого добивались шпики и провокаторы из среды матросов[1], но все смело и решительно клеймили провокаторов. Во время следствия и на суде подсудимые отказывались давать показания. Из материалов суда и воспоминаний участников этого процесса видно, как своими краткими выступлениями подсудимые приводили в замешательство состав суда и прокурора.

Прокурор в обвинительной речи говорит, что «еще в 1910 году на крейсере «Рюрик» был матрос Бартельс, который завел еще во время пребывания «Рюрика» в Англии революционную организацию на корабле». Прокурор не знал того, что эти организации существовали еще до посещения «Рюриком» Англии. Далее прокурор указывает, что по прибытии «Рюрика» в Кронштадт Бартельс продолжал свою работу до самого ареста (6 ноября 1910 г.), создавая нелегальную организацию во флоте и распространяя подпольную литературу.

[1] Охранка подослала для работы в организации телеграфиста Шмелева, матросов Никулина, Цветкова и Орлова.

«Среди матросов, — говорит прокурор, — нашлись его последователи, продолжавшие эту деятельность в том же направлении. Но кто были эти лица — предварительному дознанию это выяснить не удалось, как не удалось это выяснить и здесь, на судебном следствии».

Далее прокурор заявил, что в марте 1912 г. на «Рюрике» была обнаружена подпольная организация во главе с матросом Карповым. «Организация состояла из десятков. Во главе каждого десятка был старший. Члены одного десятка не знали членов другого десятка, и все делалось в секрете. В организации собирались членские взносы (по 3 коп. с рубля получаемого жалованья). Деньги шли на приобретение нелегальной литературы, а также на приобретение оружия». В апреле 1912 г.,— продолжает прокурор,— стало известно, что подпольная организация существует и на «Цесаревиче».

Из обвинительного заключения и речи прокурора видно, что на «Цесаревиче» во главе организации стоял матрос Кузьмар, а его ближайшим помощником был матрос Щука, поддерживавший связь с «Рюриком». Из других материалов видно, что эта организация была тесно связана с партийными организациями и революционными группами линкоров «Слава», «Павел», «Андрей Первозванный», с отдельными организациями на миноносцах и других кораблях, стоявших в свеаборгском, кронштадтском, гельсингфорсском и ревельском портах, также с отдельной флотской ротой и крепостной артиллерией Свеаборга. На сходках и подпольных собраниях вместе с матросами участвовали большевики городской Свеаборгской организации и члены финской социал-демократической партии. К весне 1912 г. была установлена тесная связь с петербургским и гельсингфорсским пролетариатом.

Первая сходка матросов-подпольщиков состоялась 19 апреля в Гельсингфорсе. Председательствовал на сходке портовый рабочий Алексей Волков. Он убеждал матросов в том, что они в случае восстания найдут крепкую поддержку у социал-демократической организации и в среде рабочих. На сходке в целях конспирации были даны шифрованные названия кораблям: «Рюрик» назывался «Машей», «Слава» — «Катей», «Цесаревич» — «Лизой» и т. д.

22 апреля в предместье Гельсингфорса состоялась вторая сходка, на которой были представители организаций «Цесаревича», «Рюрика», миноносцев №№ 217, 218, 219, 222. Здесь же были представители от рабочих, от Финляндского стрелкового полка и от 2-го саперного батальона. Сходкой снова руководил А. Волков.

На сходке было решено начать восстание 24 апреля. Матросы рвались на выступление. Они рассчитывали своими действиями поддержать первомайские демонстрации и забастовки рабочих.

Было принято два варианта восстания.

По первому варианту предполагалось по выходе кораблей в море перебить офицеров, захватить корабли, затем идти в Ревель, чтобы поднять ревельскую эскадру, и независимо от того, присоединится к восставшим ревельская эскадра или нет, идти на Кронштадт и Петербург для соединения с рабочими. Напомним, что это был период массовых политических стачек по всей стране в ответ на ленские события.

Второй вариант был такой: по выходе кораблей в море на флагманском корабле должен быть подан ложный сигнал о сборе к адмиралу командиров всех судов. По мере прибытия командиров их уничтожать. Сигналы же на кораблях об отбытии командиров должны были служить сигналами к восстанию.

В этот же день одновременно с указанной сходкой были еще две сходки: одна в предместье Сернес, где присутствовали представители с линкоров «Слава» и «Цесаревич», учебного корабля «Рига», миноносца «Послушный» и рабочие; другая — в Гельсингфорсе, на квартире матроса Смирнова. На этих сходках также обсуждался вопрос о восстании.

Подготовка была проведена хорошо, и если бы не провокаторы, присутствовавшие на сходках и выдавшие планы восстания гельсингфорсскому жандармскому управлению, то восстание состоялось бы.

В назначенный для восстания день начались аресты. На «Рюрике» было арестовано 14 человек: минные машинисты А. Карпов, М. Осиповский, А. Куликов, рулевой Н. Плечов, радист К. Эдельмиллер, минер-электрик П. Базилевич, электрики И. Сапожников, В. Адамович, Ф. Попов, матросы Белов, К. Хренов, И. Жариков, Н. Мохначев и, для вида, провокатор Орлов, подосланный охранкой на корабль в качестве матроса.

На «Цесаревиче» были арестованы матросы Т. Щука, В. Титков, И. Шабрин, И. Кузьмар, С. Рыжков, И. Густов, Г. Николайчук.

Были произведены аресты также и на других кораблях. Но аресты части активных работников еще не означали провала восстания. На кораблях сохранились строго законспирированные организации. На борьбу воодушевляло массовое движение рабочих. В организацию вступали все новые моряки. Об арестах говорили, что «это нам школа, урок, как лучше работать». Недовольство среди матросов росло и ширилось. Стали наблюдаться массовые случаи демонстративного невыполнения приказаний офицеров. Дисциплина падала. Матросы собирались в кучки и о чем-то серьезно говорили, но, как только приближался офицер, молча расходились.

В начале июня 1912 г. уцелевшие после ареста собрались на сходку в Ревеле, у памятника «Русалка». Инициаторами сходки были Я. Панин и Баранчиков, которые были знакомы между собой еще с гельсингфорсской сходки. На сходке также были активные члены организаций А. Мильман, В. Дурновцев, В. Ефимов, П. Комиссаров и матросы с «Цесаревича», «Славы» и «Рюрика». Дурновцев настаивал на немедленном восстании. Представители «Цесаревича» возражали не против самого восстания, а против его сроков.

В первых числах июля бригада линкоров и крейсеров ушла в Гунгербург, красивый дачный город. Матросы знали, что большинство офицеров и гардемаринов сойдет гулять на берег. Они решили использовать этот момент для начала восстания. 8 июня 1912 г. состоялась новая сходка в Гунгербурге, в лесу. Здесь присутствовали те же лица, что и на предыдущей сходке, и новые: Калязин, Фетищев, Андралов, Романов, Федоров, Ильичев, Бондарев, Морковкин, Кислицин, Горбачев, Романовский, Вольдемаров, Роговский и другие. Всего было 50 человек активистов. Здесь также обсуждался план восстания. Представители «Цесаревича» на этот раз настаивали на немедленном восстании, но представители корабля «Павел I» говорили о необходимости дождаться представителей линкора «Андрей Первозванный» и сообща решить вопрос о сроке восстания. После долгих споров срок восстания был назначен на 11 часов вечера 10 июля. Первыми должны были выступить матросы с «Павла I». Готовя восстание, матросы предполагали использовать лойяльный комсостав в качестве специалистов флота.

В тот же день провокатор матрос Шмелев с корабля «Павел I» донес своему командиру капитану 2-го ранга Миштофту о сходке и планах подготовляемого восстания. Командование «Павла I» сразу же поставило в известность командиров других кораблей и жандармское отделение. По получении этого известия командование флота и местные власти приступили к арестам. Жандармы неистовствовали, зверски избивали арестованных.

Интересно проследить за настроениями матросов на кораблях в эти дни. Вот как об этом говорит прокурор:

«На основании показаний офицеров с корабля «Павел I» матросы 8 и 9 июня были взволнованы, нервны, особо непослушны, недовольны. Например, когда был дан сигнал боевой тревоги, то матросы, вместо того, чтобы бежать по своим местам, шли не торопясь, вразвалку, и когда

офицеры стали на них кричать, то они отвечали усмешкой. Матросы группировались в кучки, а агитаторы (Панин, Стребков, Королев и другие) бегали от кучки к кучке и о чем-то шептали».

Кроме того матросы вслух бросали реплики: «Недолго уж теперь терпеть осталось. Скоро отдохнем!» В дни арестов, говорит прокурор, матросы только внешне были послушны, а в действительности напоминали затравленных зверей; казалось, что они в любую минуту готовы броситься на своих офицеров.

На суде боцман Дальниченко показывал: «Люди были такими, что никого не заставишь итти на работу. Возьмешь силой человек 20, глядишь — они все разбежались. Оставшихся же не подгонишь в работе».

Получив сведения о подготовке восстания, начальство приняло меры. 10 июля, вечером, за несколько часов до восстания, были произведены аресты на «Павле I», где теперь был центр организации восстания. Но, как выяснилось на суде, офицеры поспешили с арестом и нарушили планы жандармов. Всех членов организации они арестовать не смогли, так как аресты на «Павле I» насторожили участников предполагаемого восстания на других кораблях.

В этот день было арестовано 72 человека. Всего же вместе с первым арестом было взято, как уже было сказано, до 200 человек и из них 52 человека привлечены к суду.

Некоторым руководителям организации удалось избежать арестов. Они уехали в Париж к В. И. Ленину и рассказали ему о положении в Балтийском флоте. Об этой встрече Ленин писал Горькому на остров Капри: «А в Балтийском флоте кипит! У меня был в Париже (между нами) специальный делегат, посланный собранием матросов и социал-демократов. Организации нет,— просто плакать хочется!! Ежели есть у Вас офицерские связи, надо все усилия употребить, чтобы что-либо наладить. Настроение у матросов боевое, но могут опять все зря погибнуть» [1].

Не имея возможности остановиться подробно на характеристиках, данных прокурором подсудимым, мы приведем лишь отдельные примеры:

К а р п о в был старший революционного десятка на «Рюрике», активный член организации с 1911 г., собирал членские взносы, вел пропаганду, давал указание, как во время восстания захватить в минной каюте оружие и как напасть и убить офицеров.

О с и п о в с к и й — член организации с 1911 г., активный агитатор и пропагандист. Был организатором связи между кораблями «Рюрик» и «Цесаревич». Должен был принять указания от городской парторганизации о восстании.

П л е ч о в был художником, умело расположив к себе офицеров, и в частности лейтенанта Копец, и пользуясь этим, долго и безнаказанно собирал в рубке совещания революционной группы матросов. Это был крупный агитатор, умело вовлекавший матросов в организацию.

Б а р а н ч и к о в — пропагандист и агитатор. Принимал активное участие в выработке плана захвата оружия и важнейших боевых мест на корабле. Держал связь посредством писем с городской партийной организацией. Был связным между кораблями.

В и л ь м а н — активный участник всех сходок. Давал указания, как овладеть кораблем «Павел I» и боеприпасами. Вырабатывал план, как лучше обезвредить офицеров. Держал связь с петербургским комитетом большевиков. Обещал достать в городской парторганизации оружие и боеприпасы. Держал связь с «Цесаревичем» и другими кораблями.

Д у р н о в ц е в — активный участник всех сходок.

К о р о л е в — активный участник всех сходок и собраний. Говорил мало, но, веско. Требовал втянуть в восстание побольше людей и эки-

---

[1] Л е н и н. Соч. Т. XXIX, стр. 26.

пажей и затем только и начинать. Выработал план захвата оружия и сумел достать часть патронов.

Комиссаров — горячий сторонник восстания. Требовал решительных и смелых действий, указывая, что если начали восстание,— отступать нечего. Нужно действовать решительно, с револьвером, топором, ломом.

Морковкин был душой заговора. При аресте вел себя вызывающе, не давал никаких показаний и учил этому других.

Панин — блестящий оратор, пользовавшийся огромным авторитетом среди матросов всех кораблей. Главный организатор восстания. Собирал сходки. Обсуждал и вырабатывал план восстания. Он требовал, чтобы в самом начале обезвредить офицеров, разогнать сверхсрочников и арестовать всех гардемаринов, плавающих на кораблях. Собирал деньги на оружие и литературу. Держал связь с Петербургской организацией большевиков. Обещал достать бомбы, оружие.

Эдельмиллер — радист «Рюрика», сочувствовал восстанию. Его завербовала организация как нужного человека, чтобы подать сигнал к восстанию. Кроме того через него узнавали содержание всех секретных телеграмм. На суде фигурировали перехваченные письма, которые он писал родным до ареста. В письме от 19 апреля он писал: «В Петербурге начались беспорядки. Заводы забастовали. Пожалуй, и к нам перебросится, тогда придется пойти по стопам 1905 г. и опять будут котлеты из свежего капитанского и адмиральского мяса... Эх, Ваня, какие дела настали!» В другом письме он описывает настроение на кораблях: «Всего описывать — не хватит бумаги. Возмущение необычайное, и прошлая придавленность прошла».

Всем указанным выше товарищам, за исключением Эдельмиллера, а также Щуке, Новоженину, Ярускину, Базилевичу, Бондареву как главным подстрекателям к восстанию прокурор потребовал смертной казни. Для остальных он потребовал разных наказаний: крепость, тюрьма, каторга, ссылка.

Перед судом прошло около 30 свидетелей. Характерно, что все свидетели, за исключением провокаторов, которые также были привлечены судом как свидетели, не только не выдавали товарищей, а, наоборот, всячески выгораживали их. Например боцман Дальниченко защищал Нечаева и других. Свидетель Шишов отрицал, что готовилось восстание, он утверждал, что моряки собирались и попросту распивали пиво. Даже незначительные показания, данные на предварительном следствии, он в дальнейшем отрицал как явно несоответствующие действительности.

Унтер-офицер Царев, едва переступив порог судебной залы, не дожидаясь вопросов, заявил: «Все арестованные — люди хорошие. Я их знаю!.. Зачем их судить?»

После «показания» каждого провокатора брали слово подсудимые и резко и смело разоблачали этих служителей охранки, что приводило суд в замешательство. Так, после показаний провокатора Шмелева выступил с большой речью старший писарь корабля «Павел I» Пурвин. Он был тоже участником подготовки восстания. Матросы предполагали, что Пурвин в момент восстания, как более грамотный (он окончил мореходную школу), должен принять на себя все управление машинами корабля. Пурвин на суде произнес горячую речь, в которой обличил провокатора Шмелева. В своей речи Пурвин говорил: «Шмелеву верить нельзя, он провокатор и вдобавок к этому лентяй. Все, что показал здесь Шмелев,— это неправда. Шмелеву кто-то подсказал, чтобы он обвинял здесь ни в чем неповинных людей. На меня же Шмелев показывал по злобе. Шмелев раньше работал при мне писарем. Я его выгнал за лень и без-

грамотность, поэтому Шмелев и показывает на меня, что я участник какой-то подпольной организации».

Выступление Пурвина и других подсудимых, а также и свидетелей скомпрометировали провокатора Шмелева окончательно. Такая же участь постигла и его сподвижников и особенно матерого шпиона Орлова, которого охранка неоднократно перебрасывала с корабля на корабль для провокаторской работы. Подсудимые при судебном опросе прямо говорили: «Орлову верить нельзя, ибо то, что он показывает, продиктовано ему кем-то, тем, кто затеял этот судебный процесс». Казенная защита, которой по штату было положено не столько защищать революционных моряков, сколько оправдывать «законные» действия царского судилища,— и эта защита вынуждена была говорить на суде в ряде случаев необычным языком.

Защитник Корнев в своей речи указывал, что этот судебный процесс имеет огромное политическое значение. За ним следит вся Россия, и если приговор суда окажется суровым, он окрылит рабочих и революционеров и даст им повод думать, что можно повторить дела 1905—1907 годов. Корнев и его сподвижники боялись повторения революции 1905—1907 годов. И только исходя из этого, Корнев требовал осторожного подхода суда, а вовсе не потому, что был истинным защитником подсудимых матросов. Интересно привести ту часть его речи, где он со скорбью говорил об успехах революционного движения во флоте: «За последние десять лет революционные организации, считаясь с полуграмотностью матросов, считаясь с тем, что у них есть верхушки знаний, считаясь с тем, что состав офицеров далеко не достаточен для постоянного бдительного наблюдения за матросами... эти слабые места нашей военной мощи прекрасно учли революционные организации, направили все свои усилия на флот... И что же? Не надо закрывать глаза: попытки их довольно часто в последнее время бывали удачны».

Дальше он указывал, что офицеры кораблей, и в частности «Рюрика», не знали души матроса, а поэтому охранка, не надеясь на офицеров, послала на корабль провокатора Орлова и ему подобных. Орлов раньше был под судом и был приговорен к каторжным работам. Будучи арестованным, он дал согласие работать провокатором. За это его не только помиловали, но и снова отправили во флот для работы по заданиям жандармского отделения. И Орлов оправдал доверие охранки.

Защитник Сикорский в связи с выступлениями подсудимых против провокаторов, выгораживая суд, резко обрушился на охранку за ее методы работы. Он говорил: «Строится корабль, будущий командир и офицеры подбирают людей... Наконец корабль спущен на воду. Морской штаб назначил нижних чинов всех специальностей, кроме одной, которую назначил другой штаб (читай охранка. — *С. Н.*), но не морской: к этой специальности будут принадлежать Орловы, представляющие величайшую опасность как для флота, так и армии».

Сикорский, как и Корнев, призывал суд вынести мягкий приговор, который бы не вызвал революционного взрыва, подкрепляя свои доводы следующим примером: «Какая-то газета уже напечатала, что над матросами произнесен смертный приговор, а какая-то фабрика уже ответила забастовкой». Этой газетой была большевистская «Правда», следившая за процессом и звавшая массы на борьбу с самодержавием и на защиту подсудимых.

Защитник Апостоли сказал, что участники организации через матроса Карпова держали связь с рабочими петербургского завода Лесснера. Защитник Алкалаев оспаривал показания «свидетеля» начальника Ревельского жандармского отделения полковника фон Коттена и внешне осуждал приемы его работы. Особый интерес представляет заключительная часть его речи, в которой он подчеркнул, что «удивляться тому, что

возникла организация,— нечего. Ведь в матросы попадают люди, бывшие рабочие разных специальностей. До поступления на службу они привыкли читать дешевые газеты и в частности «Правду», на которую налагаются аресты каждые два дня в третий. Само собой разумеется, что матрос, выйдя на берег, захватывает эту газету, приносит с собой, попадается на глаза начальству и на него налагается известное административное взыскание... Вот вам и факты самозарождения организации». Такими выводами, не весьма приятными для суда, закончилась речь защитника.

В своих последних словах подсудимые еще раз проявили стойкость и мужество. Из 52 подсудимых только один Эдельмиллер воспользовался последним словом для доказательства своей непричастности к организации. Да и его речь состояла из 30 слов.

Все же остальные как по сговору заявили: «Ничего не имею сказать... Ничего не скажу».

После 24-го однотипного заявления подсудимых председатель суда генерал-лейтенант Алабышев решил дать разъяснение матросам: «Вы не поддавайтесь, так сказать, влиянию ваших предшественников, которые все говорят: «Не имею, не имею, не имею»... Может быть, другой и хотел бы сказать, но думает, что же все остальные говорят «не имею», так и я буду говорить: «Ничего не имею сказать». Этим разъяснением председатель суда хотел сломить сопротивление подсудимых, вызвать в их рядах замешательство и тем самым заставить их выдать организацию. Но — увы! — это не помогло. Все остальные подсудимые повторили те же фразы, в них звучала гордость и явная насмешка над судом. Все подсудимые вели себя стойко, как подобает революционерам.

После недельного судебного разбирательства, 22 июля 1913 г. суд вынес приговор. Моряки Бондарев, Вильман, Баранчиков, Осиповский, Королев, Нечаев, Ефимов, Титков, Калязин, Шаблин, Федоров, Панин, Карпов, Новоженин, Роговский, Щука, Ярускин, Комиссаров, Базилевич, Морковкин и Дурновцев как главные зачинщики восстания были приговорены к смертной казни. Другие участники процесса 52-х получили разные наказания.

Летом 1913 г. был вынесен смертный приговор и участникам подготовляемого восстания на Черном море.

5

Появившееся в печати сообщение о решениях суда над балтийскими и черноморскими моряками всколыхнуло всю страну. Рабочие всех крупных городов ответили забастовками и демонстрациями протеста в защиту осужденных. Рабочих поддержали прогрессивные группы студентов. Большевистская газета «Правда» была организатором этого движения.

«Правда» от 8 ноября 1912 г. писала, что 5 ноября 10 тысяч николаевских рабочих забастовали одновременно с московскими и петербургскими рабочими в защиту арестованных балтийцев и черноморцев. 6 ноября к ним присоединились рабочие Харькова, Киева, Саратова и других крупных городов.

Когда же рабочие из нелегальных большевистских источников узнали о расстреле черноморских моряков, то по всей стране прошли митинги и демонстрации рабочих в знак протеста против царского произвола. К рабочим присоединились студенты и некоторые группы интеллигенции. Студенты срывали лекции, устраивали забастовки, митинги и демонстрации. Так например в Киеве студенты Коммерческого института, Высших женских курсов и других учебных заведений не явились на занятия в знак протеста.

В Киевском университете были разбросаны прокламации с призывом организовать в знак протеста однодневную забастовку, в результате чего на лекции не явилось 700 человек, забастовавшие студенты собрались на сходку, спели «Вечную память», а затем вышли на улицу и организовали вместе с рабочими демонстрацию.

В Петербурге 7 ноября бастовали студенты университета, Горного института, Высших женских курсов, Психо-неврологического института и других учебных заведений. В Военно-медицинской академии и на Фребелевских педагогических курсах прошли бурные митинги. В Москве подобные забастовки проходили с 7 по 13 ноября.

«Правда» от 9 ноября 1912 г. сообщала о рабочих забастовках протеста в Москве. 6-го забастовал Мытищенский вагоностроительный завод (1600 чел.). Бастовало свыше 7 тыс. рабочих Трехгорной мануфактуры, 8 тыс. рабочих Коломенского завода, 2500 рабочих завода Бромлей, рабочие фабрики Брокар, фабрики Чепелевецкого, склада военного обмундирования, фабрики Мендель и Райтц, фабрики Циндель, заводов Рузен и Вибер, Пономарева, Мейера и многих других предприятий.

6 ноября 300 московских рабочих устроили митинг на Театральной площади, а другая толпа рабочих и студентов собралась у памятника Первопечатнику, третья группа—на Трубной площади. Собравшиеся пели «Марсельезу», «Похоронный марш», выступали ораторы, и были приняты резолюции протеста.

8 ноября в Хамовниках состоялась крупная рабочая демонстрация. Демонстранты шли по улице с красными знаменами и распевали революционные песни. Полиция не успевала разгонять демонстрантов.

В Петербурге в эти дни происходили стачки на Путиловском заводе, военном заводе Русского общества, заводе воздушных винтов Палехова, заводе беспроволочного телеграфа и других предприятиях, охватившие почти все профессии металлистов, значительную часть булочников, типографов и другие профессии. Не отставали рабочие Прибалтики и других районов России.

8 и 9 ноября в Риге бастовало 16 заводов. 7-го происходили забастовки в Иваново-Вознесенске. 15-го забастовали рабочие Паровозостроительного и других заводов Харькова.

Грозная волна рабочего гнева заставила царское правительство смертный приговор осужденным по процессу 52-х заменить каторжными работами сроком от 12 до 20 лет каждому. Официально изменение приговора мотивировалось милостью царя по случаю 300-летия дома Романовых. Эти же выступления рабочего класса спасли жизнь части осужденных на смертную казнь моряков-черноморцев. Но все же многие из черноморцев немедленно после ареста были судимы и расстреляны.

Процесс 52-х имел огромное значение. Свирепая расправа суда над арестованными моряками не парализовала революционной работы на Балтике. Уцелевшие от ареста большевики флота уже к зиме 1912 г. восстановили разгромленные организации и с новой силой развернули работу во флоте, готовя массы к решительной схватке с самодержавием.

Революционное движение во флоте было неразрывно связано с пролетарским движением в стране. Политическое движение во флоте в годы реакции, революционного подъема, а затем и империалистической войны являлось составной частью нараставшего общереволюционного движения в стране. Во главе этого движения шел героический рабочий класс нашей страны под руководством своей партии — партии большевиков, созданной, воспитанной и закаленной в боях величайшими вождями пролетариата В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

СООБЩЕНИЯ

ЧЕМ БЫЛО «ТРЕТЬЕ СОСЛОВИЕ» ВО ФРАНЦИИ XVII ВЕКА? *

Б. Поршнев

I

Французская буржуазия быстро революционизировалась в XVIII веке. Но в XVI и XVII вв. она занимала еще двойственное положение в феодально-абсолютистском порядке во Франции. Противоречие между феодальными производственными отношениями и возникающими капиталистическими отношениями толкало ее на борьбу с феодально-дворянским господством. Однако слабость буржуазии сказывалась в одновременном стремлении к сближению с господствовавшим классом. Так же как и в Германии в период реформации, буржуазия во Франции XVI и XVII вв. не раз пугалась подъема крестьянско-плебейских антифеодальных движений. Она не могла решиться на объединение с народными массами для свержения феодализма. Не раз она искала под сенью абсолютизма спасения от той самой революции, к которой неизбежно должно было привести ее собственное развитие.

К французской буржуазии XVI—XVII вв. вполне применимы слова товарища Сталина о том, что, развивая раннее капиталистическое производство, буржуазия не могла отдать себе отчета в неизбежно вытекающей отсюда «такой перегруппировке общественных сил, которая должна кончиться революцией и против королевской власти, милости которой она так высоко ценила, и против дворян, в ряды которых нередко мечтали попасть ее лучшие представители»[1].

Как же случилось, что в исторической литературе утвердилось как раз обратное представление о непрерывных усилиях и непрерывных успехах буржуазии, боровшейся во главе народа против феодализма, в особенности во Франции при «старом порядке»? Это представление было создано в первые десятилетия XIX в. для идеализации прошлого буржуазии и ее возможного будущего. Для этой цели была создана историческая концепция, основанная на относительно высокой методике научного исследования и даже на одном элементе научного метода в истории, а именно на идее классовой борьбы. Но эта плодотворная научная идея была в значительной степени опустошена: сфера классовой борьбы была ограничена только отношениями между эксплоататорскими классами — дворянством и буржуазией. Основной классовый антагонизм, антагонизм между трудящимися и эксплоататорами, сбрасывался со счета в изложении хода истории. Основная движущая сила истории, сила народных масс, должна была стушеваться, отойти в тень для того, чтобы уступить место на авансцене прогрессивному и победоносному шествию буржуазии.

Почти все течения и школы западноевропейской буржуазной историографии с тех пор по возможности замалчивают и игнорируют народные движения. Это облегчается и состоянием источников, преимущественно государственно-дворянских по происхождению. В результате народным движениям, как и всем событиям и актам жизни народных масс, отводится пассивная роль в ходе истории; они рассматриваются не как причины, а как следствия, они изучаются поэтому поверхностно и эпизодически. Это относится не только к социально-политической истории: так трактуется и история культуры,— хотя в действительности многие важнейшие корни, скажем, Возрождения или Реформации следует искать в антифеодальной идеологии народных масс.

Применительно к истории Франции подлинным основателем и отцом той концепции, о которой идет речь, был Огюстен Тьерри, и поэтому ему должно быть здесь уделено внимание. Не он первый воплотил стремление французской буржуазии преобразить и приукрасить свое прошлое после достигнутой победы, но он первый нашел такую историческую категорию, такое понятие, которое стало как бы основным инструментом работы в этом направлении. Это понятие — «третье сословие». До выхода книги Тьерри «Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия» самый термин «третье сословие» сравнительно редко появлялся на страницах сочинений по истории Франции, причем преимущественно в связи с Генеральными штатами. Со времени опубликования накануне революции знаменитой брошюры аббата Сийеса «Что такое третье сословие?» до появления книги Тьерри никому не приходило в голову видеть за термином «третье сословие» кардинальную историческую категорию. Тьерри выдвинул это понятие на первый план и превратил его как бы в призму, через кото-

---

* Настоящая статья представляет собой сокращенное введение к книге автора о народных восстаниях в Нормандии и Бретани в XVII веке.

[1] «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 124.

рую рассматривается вся история Франции. Специальному, узкосословному термину он придал широкое значение классового понятия и тем сделал шаг к признанию существования классов и классовой борьбы.

Как ни странно, но идея классовой борьбы была в историографии впервые выдвинута для обоснования идеи классового мира. Классовая борьба, по мнению Тьерри, есть уже достояние прошлого в тот момент, когда он пишет свое сочинение. Один из двух веками боровшихся классов, привилегированный класс, состоявший из дворянства и духовенства, навеки побежден и свергнут, остался второй класс, третье сословие, которому больше не с кем бороться и бытие которого совпадает с бытием нации. Тьерри так и определяет третье сословие: «То сословие, которое было орудием революции 1789 г., и историю которого я пытаюсь набросать, восходя к его началу, есть не что иное, как вся нация за вычетом духовенства и дворянства»[1]. Запомним это определение. Тьерри кажется, что таким образом ему удалось стереть в прошлом Франции корни антагонизма между буржуазией и пролетариатом, того антагонизма, который приобретал уже всеопределяющее значение в общественной жизни Франции 30—40-х годов. Вот как сам Тьерри ставил в связь свое понимание третьего сословия с современной ему классовой борьбой: «Расстояние, отделяющее наше время от старого порядка, предрассудки, распространяемые системами, которые стремятся разделить массу нации, ныне единую и однородную, на взаимно враждебные классы,— все это для многих затемнило историческое понимание того, что составляло некогда третье сословие на Генеральных штатах королевства. Обыкновенно склоняются к мысли, что это третье сословие соответствовало тогда тому, что теперь называется буржуазией, что это был высший из тех классов, которые стояли вне и на различных ступенях ниже дворянства и духовенства. Мнение это, имеющее, кроме своей ошибочности, ту дурную сторону, что оно ищет в истории корней антагонизма, возникшего лишь вчера и разрушающего общественное спокойствие, находится в противоречии со свидетельствами старины, подлинными актами монархии и общим духом великого преобразовательного движения 1789 года»[2].

Что касается ссылок Тьерри в подтверждение своего представления о третьем сословии на «свидетельства старины», то мы еще увидим их неосновательность. Концепция Тьерри возникла не столько как продукт изучения «подлинных актов», сколько как боевое орудие, направленное против рабочего движения, «разрушающего общественное спокойствие». Доказывая, что антагонизм пролетариата и буржуазии «возник лишь вчера», она одновременно доказывала, что он возник всего лишь под влиянием «предрассудков» и «систем», нарочно стремящихся разделить единую нацию на враждебные классы. Иными словами, книга Тьерри была прямой полемикой с широко распространившимися во Франции революционно-социалистическими учениями.

Маркс в письме к Энгельсу от 27 июля 1854 г. дал насмешливую критику этой попытки Тьерри, хотя и признал за его книгой известные научные достоинства. Он писал: «Очень заинтересовала меня книга Тьерри «Histoire de la formation et du progrès du tiers-état», 1853. Удивительно, как этот господин, le père «классовой борьбы» во французской историографии, гневается в предисловии на новых», которые, с своей стороны, видят антагонизм между буржуазией и пролетариатом и полагают, что следы этого противоречия можно открыть уже в истории tiers-état до 1789 года. Он старается доказать, что tiers-état включает в себя все сословия, кроме noblesse и clergé, и что буржуазия играет свою роль в качестве представительницы всех этих остальных элементов... Если бы господин Тьерри прочитал наши вещи, то он знал бы, что решительный антагонизм между буржуазией и peuple, естественно, начинается лишь тогда, когда она перестает противостоять clergé и noblesse в качестве tiers-état. Что же касается «racines dans l'histoire» «d'un antagonisme né d'hier», то как раз его книга дает наилучшее доказательство того что «racines» эти появились с возникновением самого «tiers-état». Из выражения «Senatus populusque Romanus» этот в общем остроумный критик мог бы заключить, что в Риме никогда не было другого антагонизма, кроме антагонизма между senatus и populus, что было бы вполне в его духе»[3].

В методе Тьерри есть две стороны. С одной стороны, он выступает действительно как отец учения о классовой борьбе, обнаруживая противоречия и борьбу между третьим сословием и двумя первыми, хотя, правда, эта «классовая борьба» оказывается у него всего лишь расовой борьбой, борьбой между побежденной некогда галло-римской расой и победителями — германцами-франками. Но с другой стороны, более скрытой и более существенной, Тьерри выступает защитником и поборником идеи классового мира. С каким сочувствием цитирует он слова, произнесенные в 1789 г. Бальи по поводу соединения всех трех сословий в Национальном собрании: «Вся семья в сборе»,— и прибавляет: «Трогательные слова, которые казались предзнаменованием новых судеб наших»[4]. Третье сословие и в своем внешнем отношении к другим сословиям и тем более в своем внутреннем строении представляется Тьерри воплощением идеи классового мира несмотря на отдельные революционные вспышки и

[1] Тьерри О. Избранные сочинения, стр. 3. М. 1937.

[2] Там же, стр. 1—2

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXII, стр. 48.

[4] Тьерри О. Избранные сочинения, стр. 4.

столкновения, кажущиеся ему «печальным явлением» в истории третьего сословия[1].

Если идеи Тьерри начали формироваться в период реставрации, когда буржуазии приходилось основательно размышлять о своем непримиримом антагонизме с дворянством и духовенством, то при июльской монархии, когда писалась книга, в первую очередь надо было уже доказывать примиримость буржуазии с монархией, хотя эта монархия была еще сверху донизу полна следами дворянского господства и пережитками абсолютизма. Следовательно, перед историком возникла задача доказать, что сама по себе французская монархия никогда не была органом господства дворянства и поэтому никогда не вступала в противоречие с интересами третьего сословия. Действительно, параллельно с идеей классового мира у Тьерри выступает идея надклассовости государства, в частности монархии, в которой Тьерри не видит ничего феодального и дворянского уже с первых шагов ее существования во Франции. Монархия—это всего лишь «национальная традиция»[2], носителем которой и было третье сословие. «На протяжении шести веков, с XII по XVIII, история третьего сословия и история королевской власти неразрывно связаны, так что для человека, сумевшего хорошо их понять, одна является, так сказать, оборотной стороной другой»[3]. Все это построение имеет прежде всего в виду июльскую монархию, страстным приверженцем которой был Тьерри. Ее он и пытался представить как идеальное осуществление исторической национальной традиции («перед моими глазами — провиденциальное завершение вековых усилий, начавшихся с XII столетия») — традиции, прерванной лишь злополучным XVIII в., наказанным за это революцией. А для доказательства надклассовости (точнее, даже—буржуазности) французской монархии в историческом прошлом достаточно было истолковать расширительно и выпятить на первый план ее столкновения с некоторыми элементами феодального класса.

Итак, что же сделал Тьерри? Он скрыл действительную природу буржуазии при «старом порядке». Ее природа определялась одновременной противоположностью двум силам, которые сами были противоположны друг другу, следовательно, ее природа была глубоко противоречива. Тьерри скрыл противоречие между буржуазией и народом с помощью идеи третьего сословия, а противоречие между буржуазией и господствующим феодально-дворянским классом — с помощью идеи надклассовой монархии, тогда как именно в существовании монархии и выражалось прежде всего феодально-дворянское господство. Но он сделал это, в известной мере опираясь на факты: ведь противоречие между буржуазией и господствующим феодально-дворянским классом действительно приводило буржуазию к непрерывным, хотя и боязливым попыткам единения с народом, в конце концов завершившимся буржуазной революцией конца XVIII в.; а противоречие между буржуазией и народом действительно приводило к устойчивому и длительному единению буржуазии с дворянской монархией, которая при этом приобретала вид как бы надклассового абсолютизма. Однако то, что у исторически существовавшей буржуазии было внутренним противоречием, у Тьерри изображено как чуждая противоречий идиллия прогрессивного шествия буржуазии.

Тьерри суждено было пережить крах всего своего исторического мировоззрения. Революция 1848 г., с одной стороны, обнаружила всю глубину «мнимого» антагонизма между пролетариатом и буржуазией, а с другой стороны, обратилась против «традиционной» монархии и свергла ее. Это было крушением не только политических идеалов Тьерри, но и его понимания французской истории. «Силою этой новой революции,— писал он,— история Франции, казалось, была опрокинута так же, как и сама Франция»[4]. С этого момента Тьерри отказался от продолжения своих исторических трудов. Но его субъективная катастрофа не была концом влияния его исторической концепции. Напротив, последняя не только породила целую школу последователей, изучавших историю третьего сословия по отдельным периодам, общественным институтам, провинциям и городам, но наложила отпечаток и на всю французскую историографию. Достаточно сказать, что понятие «третье сословие» прочно вошло в научный обиход и со времен Тьерри уже не сходит со страниц любого сочинения по истории Франции при «старом порядке».

II

Однако если присмотреться внимательнее, то окажется, что это понятие, как будто бы совершенно общепринятое, до неузнаваемости меняет свой смысл у разных историков под давлением фактического материала. Многие пользуются понятием «третье сословие» в смысле Тьерри, но не меньше и таких, которые фактически наполняют его как раз тем содержанием, которое Тьерри объявил «противоречащим свидетельствам старины»: они подразумевают под третьим сословием буржуазию в отличие от народа, а за народом оставляют в лучшем случае роль резерва, источника, из которого вырастало третье сословие. Есть и такие историки, которые, напротив, оставляют это понятие преимущественно для народных масс, исключая из третьего сословия все элементы привилегированной (судейской, финансовой и пр.) буржуазии, т. е. основную и характерную для «старого порядка» часть буржуазии. К этому последнему взгляду приближался, в сущности, и аббат Сийес, ибо, отожествляя третье сословие со всей нацией за

[1] Тьерри О. Избранные сочинения, стр. 51.

[2] Там же, стр. 5.

[3] Там же, стр. 4.

[4] Там же, стр. 5.

вычетом «привилегированных», он относил к последним не только дворянство и духовенство, но и тех из третьего сословия, кто пользуется привилегиями[1]. Современный историк Аното открыто заявляет, что «обычное деление французского общества при старом порядке» на три сословия «не вполне точно»: между первыми двумя сословиями и третьим в XVII в. «существовал еще класс, вышедший из народа, но обеспечивший за собой некоторые преимущества, предоставленные дворянству, и принадлежавший таким образом к числу привилегированных классов: это буржуазия мантии (bourgeoisie de robe)»[2]. В дальнейшем изложении Аното, в сущности, отожествляет этот слой с буржуазией вообще. Он представляется ему подобием шлюза, ведущего от народа, т. е. третьего сословия, к дворянству и наполненного преимущественно чиновниками. «Король держал в своих руках оба затвора этого шлюза, впуская в него посредством дарования звания буржуа (droit de bourgeoisie), выпуская посредством пожалования дворянства»[3]. Иными словами, понятие «третье сословие» остается, по Аното, собственно говоря, лишь для простого народа и неприменимо ни к одной из ступеней той лестницы, по которой можно было подняться от народа к уравнению с дворянством.

Такие расхождения в толковании термина «третье сословие» возникли не столько из-за идеологических разногласий среди буржуазных историков, сколько из-за разногласий в самых памятниках эпохи. Можно еще выделить группу историков, которые видят выход из всех этих затруднений в указании на историческую изменчивость понятия «третье сословие», имевшего разное социальное содержание в разные моменты. Так, Марьежоль пишет о первых десятилетиях XVII в.: «За этой новой буржуазной аристократией судебных и финансовых чиновников, городских консулов и эшевенов удерживается теперь имя третьего сословия, которое за полстолетия до того обозначало совокупность народа»[4].

Эта мысль об историческом видоизменении понятия очень важна для научного ответа на вопрос Сийеса: «Что такое третье сословие?» Но она все же недостаточна. Дело не только в изменении понятия во времени: оно менялось и в зависимости от того, кто им пользовался. То или иное употребление этого понятия было предметом классовой борьбы. В то самое время, о котором говорит Марьежоль, одни общественные группы стремились вложить в это понятие один смысл, другие — другой, третьи — третий. Вскрыть сущность этой борьбы очень важно для уяснения внутренних противоречий буржуазии и того места, которое она занимала в феодально-абсолютистской Франции.

Основой для возможности разных интерпретаций понятия «третье сословие» служила двузначность самого понятия «сословие»: с одной стороны, оно означало часть состава Генеральных штатов, с другой — часть населения Франции. Оба значения далеко не так легко приводились в соответствие друг с другом, как может показаться. Первоначально члены Генеральных штатов вовсе не являлись депутатами от кого-либо, но участвовали в собраниях как носители частиц феодальной власти, как сеньеры или представители сеньерий: духовных, светских и тех городских общин, которые имели характер коллективных сеньерий (коммун и «добрых городов»). Лишь в этом своем сеньериальном качестве фигурировали города на Генеральных штатах в течение XIV и XV веков. В то время термин «третье сословие» еще почти не применялся. Но именно в течение тех же веков французские города неуклонно теряли свои феодальные привилегии. Вместе с тем незаметно депутаты городов на Штатах начали превращаться из носителей городской сеньериальной власти в простых представителей городского населения. Однако полным переломом явились только Штаты 1484 г., когда в качестве выборщиков третьего сословия впервые фигурировали и крестьяне. Это было настоящим ниспровержением старых принципов формирования Генеральных штатов. Новый принцип, пробивший себе дорогу вместе с установлением абсолютизма, заключался в разделении всех депутатов Штатов на представителей податного и неподатного населения, поскольку в компетенцию Штатов всегда входили преимущественно налоговые вопросы. Понятие «третье сословие» стало означать представительство всего податного населения, а вместе с тем и само податное население, в отличие от «привилегированных», т. е. изъятых из налогового обложения. Но при этом крестьяне и основная масса горожан выступали лишь в роли выборщиков третьего сословия, а депутатами третьего сословия оказывались попрежнему руководители муниципалитетов или представители высшего государственного чиновничества. Однако они по самому характеру своих должностей пользовались различными привилегиями, в частности освобождались от налогового обложения. Податное население оказывалось представленным на Штатах преимущественно людьми, не платящими налогов, привилегированные оказывались представителями непривилегированных. Кто же из них должен был именоваться «третьим сословием»?

На почве этой объективной неувязки происходила в XVI, XVII и XVIII вв. то скрытая, то явная, но всегда ожесточенная борьба мнений по вопросу, который отнюдь не был придуман аббатом Сийесом: qu'est ce que le tiers-état? Эта борьба была отражением борьбы классов и преж-

[1] Sieyes «Qu'est ce que le tiers-état?», p. 14—20. 1789.

[2] Hanotaux G. «Histoire du cardinal de Richelieu». T. I, p. 425. 1896.

[3] Ibidem, p. 454.

[4] Mariéjol J. «Henri IV et Louis XIII». «Histoire de la France». T. VI, I-re partie, p. 5.

де всего отражением того противоречивого положения, которое занимала буржуазия в борьбе между народными массами и господствующим феодально-дворянским классом. Противостоит ли она этому господствующему классу вместе с народом ввиде единого третьего сословия или же она по своей природе принадлежит к привилегированным и противостоит вместе с остальными привилегированными народу? И в последнем случае кому должно принадлежать имя «третье сословие»: ей в отличие от народа или народу в отличие от нее? Монтэнь в своих «Опытах» с иронией писал в конце XVI в. о претензиях судейской буржуазии образовать из себя четвертое сословие, дабы отделить себя от народа[1]. Государствовед Замшни в то же время писал («Des états de la France et de leur puissance», 1588), что единственным препятствием к существованию во Франции особого сословия — судейского (т. е. буржуазного) — служит древний обычай, кутюм, признающий только три сословия. Впрочем, это препятствие сумел обойти еще в начале XVI в. историк и государствовед Сейссель: он утверждал, что духовенство не есть сословие и что тремя сословиями следует считать «дворянство», «средний народ» и «мелкий народ» («Grande monarchie de France», 1519). Но можно было бы привести и симптомы обратных устремлений буржуазии—отожествить себя с народом в идее третьего сословия,— однако эти устремления были скоропреходящи и замечаются исключительно в моменты, предшествовавшие надвигающимся революционным кризисам. Вообще было бы чрезвычайно интересно детально проследить всю историю превращений и различных интерпретаций понятия «третье сословие» во Франции. Но это — тема для целого большого исследования. Здесь же мы должны ограничиться только некоторыми данными, относящимися к специально нас интересующему XVII веку, веку наивысшего расцвета французского абсолютизма.

Выше были приведены слова историка Марьежоля о том, что термин «третье сословие», означавший в XVI в. весь народ, в начале XVII в. означал уже только буржуазную чиновную аристократию. Это не совсем верно. Такое значение он имел только в глазах самой буржуазной чиновной аристократии. А ее враги из феодально-дворянского лагеря придавали ему в то время совсем другой смысл. В такой момент, когда абсолютизм переживал не кризис, а подъем, идею единого третьего сословия, в котором смешиваются и буржуазия и народ, выдвигали не представители буржуазии, а как раз дворяне. С помощью этой идеи они старались унизить буржуазию, отвергнуть ее претензии, оттеснить ее с влиятельных и доходных позиций при дворе и в правительстве. Так на Генеральных штатах 1614 г. возник конфликт между сословиями по поводу допущенного оратором третьего сословия неосторожного сравнения трех сословий с тремя братьями; депутаты дворянства в полном составе явились с жалобой к королю, их оратор барон де Сенесэ в возмущенной речи, между прочим, дал такое определение третьему сословию: «Сословие, составленное из городского и сельского люда; последние почти все обязаны оммажем и подчинены суду первых двух сословий; горожане — это буржуа, купцы, ремесленники и несколько чиновников. Вот кто хочет, забыв о своем положении и всех своих обязанностях и не спросив своих избирателей, равнять себя с нами»[2].

Это была самая крайняя по тому времени, глубоко враждебная буржуазии постановка вопроса. Она могла возникнуть лишь в пылу полемики и не могла получить официального признания. Обратимся к Ришелье. Правда, некоторые места его «Политического завещания» перекликаются с настроениями барона де Сенесэ. «В равной мере и важно и справедливо,— пишет он,— остановить рост притязаний некоторых должностных лиц, которые, набравшись чванства из-за больших ли богатств, им принадлежащих, или из-за власти, даваемой им отправлением их должностей, стали до такой степени самонадеянны, что желают занять первое место там, где им подобает только третье»[3]. Но мотивируется это совсем не так «грубо», как у Сенесэ. Ришелье исходит из идеи государственного целого, и сословий, как его естественных частей,— что, в сущности, не очень далеко от мысли о «трех братьях». «Целое,— пишет Ришелье,— существует лишь благодаря единству частей, расположенных в своем порядке и каждая на своем естественном месте. Так и это великое королевство не сможет процветать, если ваше величество не заставит сословия, из которых оно состоит, существовать в соответствии с их порядком, то-есть чтобы церковь занимала первое место, дворянство — второе, а должностные лица, шествующие во главе народа,— третье»[4]. Эта последняя формулировка, определяющая третье сословие, представляет собой образец дипломатической гибкости ума Ришелье. Ведь в ней, в сущности, остается как раз недосказанным самое главное: сливаются ли в этом понятии буржуазия (должностные лица) и народ? Иными словами, хотя мысль Ришелье, руководителя дворянского государства, и направлена целиком в защиту интересов дворян, но она выражена так, что была бы вполне приемлема и для буржуазии: последняя претендовала не на первое место, а только на то, чтобы ее не смешивали с простым, непривилегированным народом.

Как же трактовали третье сословие лидеры буржуазии? Обратимся опять к Генеральным штатам 1614 года. Купеческий

[1] «Essais de Montaigne». T. I, p. 58. 1864.

[2] Цит. по Picot G. «Histoire des États Généraux». T. IV, p. 193—194. 1888.

[3] Richelieu «Testament politique». Livre I, p. 183. Amsterdam. 1688.

[4] Ibidem, p. 182—183.

прево Парижа Роберт Мирон был на этих Штатах избран председателем третьего сословия, и, следовательно, его никак нельзя упрекнуть в неавторитетности или заподозрить в неосведомленности насчет того, что такое третье сословие. В обращенной к королю заключительной речи, обвиняя дворянство в распущенной жизни и неумеренном притеснении народа, Мирон подчеркивает, что речь идет о народе, обязанном своими руками не только прокормить самого себя, но и производить «пропитание вашего величества, духовного сословия, дворянства и третьего сословия». «Без труда бедного народа,— продолжает он,— чего стоят десятины и громадные владения церкви? прекрасные земли, огромные фьефы дворянства? дома, ренты и имущество (héritages) третьего сословия?»[1]. Ясно, что трудящийся народ противопоставляется здесь не только двум первым сословиям, но и третьему, под которым подразумевается только непроизводительное, потребляющее городское население, т. е. буржуазия. Как видим, официальный лидер третьего сословия в 1614 г. понимал третье сословие как раз в том смысле, который Тьерри объявил продуктом зловредных «предрассудков» и «систем», противоречащим «свидетельствам старины». Тьерри, подробно излагая историю Штатов 1614 г., не привел этих слов Мирона, так же как и слов еще одного оратора третьего сословия, в которых содержится прямое отожествление третьего сословия с тем социальным слоем, который представлял это сословие на Штатах 1614 г., т. е. с буржуазным чиновничеством. Этот оратор, Анри де Мэм, сказал: «Три сословия суть три брата, три сына общей матери — Франции. При разделе первому, духовенству, досталось, по праву первородства, благословение. Второй, дворянство, получил фьефы, графства и другие коронные титулы. Младшему, третьему сословию, достались судебные должности... Дворянство должно признавать третье сословие за своего брата и не презирать его, не считать его за ничто, ибо оно составлено из многих видных лиц, имеющих должности и достоинства»[2].

Но такое толкование понятия «третье сословие», вполне соответствовавшее воззрениям буржуазии, таило в себе неустранимое терминологическое неудобство: для его применимости к классификации всего населения Франции необходимо было создать еще понятие «четвертое сословие» для народа, а это противоречило и традициям и принципам дворянской монархии. Поневоле возникала несогласованность даже в рядах самих идеологов буржуазии: некоторые из них с таким же правом именовали «третьим сословием» как раз народ для отличения его от привилегированной буржуазии. Вот, например, пассаж из наказа провинциальных штатов Нормандии за 1620 г., где судебные и финансовые чиновники отнесены к числу притеснителей всеобщего кормильца — третьего сословия: «Несмотря на то, что третье сословие есть подножие, вьючное животное, несущее на себе всю тяжесть, отец-кормилец всех остальных сословий, тем не менее оно находится как бы под анафемой и проклятием, покинутое всеми, даже притесняемое всеми: церковь берет с него; всякий знает, как недостойно с ним обходится кое-кто из дворянства; нечестивые солдаты его бьют, насилуют, грабят, оставляют ему только то, чего не могут унести; на судейских людей оно не решилось бы и жаловаться; вымогатели податей и изобретательные выдумщики новых налогов его отягощают непосильным бременем»[3]. Эти слова содержат определение третьего сословия, обратное тому, которое давал Роберт Мирон, хотя логическое основание в обоих случаях одно и то же. Впрочем, приведенное место написано в столь сочувственном народу духе, что явно выражает не обычное мнение большинства буржуазии, а настроение ее демократического крыла.

Но сам народ также не имел ясного представления о том, кому принадлежит имя «третье сословие». Обычно мы не встречаемся вовсе с этим понятием в материалах, характеризующих народные выступления и движения. Но вот пример, показывающий, как возникала неизбежная неясность, лишь только оно всплывало на поверхность. В мае 1594 г. двадцатитысячная толпа восставших крестьян Перигора, размахивая шапками, надетыми на дула ружей, кричала: «Свобода! Свобода! Да здравствует третье сословие!» Что подразумевали они под третьим сословием? Вскоре выяснилось, что отнюдь не буржуазию, к которой они были враждебны; и чтобы выразить это, потребовалось своеобразное видоизменение термина: в феврале 1595 г. восставшие послали своего депутата в провинциальные штаты, по словам источника, «под именем сельского третьего сословия» («sous le nom de Tiers-État du plat pays»)[4]. Не ясно ли, что «сельское третье сословие» в противопоставлении городскому напоминает не столько третье сословие в смысле Тьерри, сколько смутную идею «четвертого сословия»?

III

Поскольку особенно важно выяснить мнение самой буржуазии о природе третьего сословия и о своем месте в феодально-абсолютистском государстве, мы не ограничимся приведенными отрывочными примерами, а рассмотрим более внимательно воззрения самого большого авторитета по этому вопросу начала XVII в.— государство-

[1] Florimond Rapine «Recueil très-exact et curieux de tout ce qui s'est fait et passé... en l'assamblée générale des États tenus á Paris en l'année 1614», p. 450—451. Paris. 1660.

[2] Ibidem, p. 151—152.

[3] «Cahiers des États de Normandie sous les régnes de Louis XIII et de Louis XIV, recet ann. par Ch. de Robillard de Beaurepaire». T. II, p. 4.

[4] Цит. по Mariéjol, p. 5.

веда и юриста Шарля Луазо. Сочинения Луазо (умер в 1627 г.) были настольной книгой для всей французской привилегированной буржуазии, они прекрасно выражали и обосновывали ее претензии и стремления и поэтому многократно переиздавались, особенно в XVII веке. Луазо, несомненно, потому сумел так хорошо отразить настроения буржуазии, что сам принадлежал к ее рядам,— он был одним из адвокатов парижского парламента, о котором кардинал Ретц удачно сказал в мемуарах, если мы (фрондеры) займем место парламента, «мы наживем себе ненависть и зависть в одной трети населения Парижа, т. е. среди самых крупных буржуа, связанных не знаю уже сколькими разнообразными узами с этим собранием» [1].

Три основных сочинения Луазо называются: «Трактат о сеньериях», «Трактат о праве должностей» и «Трактат о сословиях и простых достоинствах» [2]. В них Луазо развивает довольно стройную систему, главная цель которой — доказать общественно-политическое равенство буржуазии и дворянства, теоретически возвысить буржуазию до такого же места в государстве, какое занимает дворянство, на том основании, что буржуазия владеет государственными должностями.

Для этого Луазо прежде всего устанавливает основное деление между людьми: деление на тех, кто повелевает и кто повинуется. «Так как мы не могли бы жить вместе при равенстве положений, то по необходимости следует, чтобы одни повелевали, а другие повиновались» [3]. Иначе говоря, первое, чем спешит определить себя буржуазия устами Луазо, это своей принадлежностью к господствующим классам. Аргументация Луазо рационалистична: как все в природе образуется путем иерархической связи частей, так и в государстве это деление на повелевающих и повинующихся служит основным средством для превращения в разумное единство разнообразных делений и связей между людьми. Повелевающие распадаются на две основные группы: сеньеров и должностных лиц (officiers). Общее между ними то, что и те и другие являются носителями власти, но характер их власти различен. Им посвящены первые два трактата — «О сеньериях» и «О должностях». Третий, «О сословиях», должен указать истинную грань между повелевающими и повинующимися и дать классификацию последних.

Луазо не только не противопоставляет буржуазию абсолютной монархии, но может мыслить ее только в рамках абсолютной монархии, хотя последней для этого приходится придать несколько необычный характер. Если феодальной идеологии было свойственно рассматривать самого бога как высшего сюзерена в феодальной иерархии и, следовательно, короля — как его первого вассала, то адвокат Луазо вносит характерную поправку: король — не только вассал бога на земле, но и назначенный им здесь чиновник, должностное лицо (officier). Из этого двойственного отношения короля к богу Луазо выводит и двойственный характер всякой земной власти. «Король, по словам Луазо, есть высший чиновник, имея в руках полное отправление всякой политической власти, и он также высший сеньер, обладая в совершенстве собственностью на всякую публичную власть. Но я говорю, что он — чиновник (officier) и феодал (feudataire, т. е. лицо, стоящее в феодальных отношениях) одновременно и в отношении к богу и в отношении к народу. Прежде всего он чиновник бога... Подобно тому как власть чиновников есть лишь отблеск и отзвук власти государя, так же и власть государя есть лишь отблеск и отзвук всемогущества божия... Подобным же образом государи суть вассалы и ленники бога» [4]. Любопытно отметить, что здесь чиновная природа короля поставлена даже на первое место перед феодальной. Но главное для Луазо — не спор о первенстве, а установление двуединства власти. Так же как от бога исходит двойственная власть короля, так от короля исходит власть должностных лиц и власть сеньеров: «право создавать должностных лиц принадлежит только суверенному государю» [5], и точно так же «один только король может создавать сеньерии». [6]

В чем же различие этих двух видов власти? Сеньеру власть принадлежит как «простая собственность» и может осуществляться им через других лиц, тогда как должностные лица имеют власть только «через самих себя и через свои функции» [7]. Вот определение, которое дает Луазо сеньерии в отличие от должности: «Сеньерия в общем смысле определяется как «власть в собственности». Определение весьма краткое, но имеющее и свое родовое понятие, а именно «власть», общую и сеньериям и должностям, и свое отличие, а именно «собственность», отграничивающую сеньерии от должностей, власть которых существует только через функции или отправление должности, но не в собственности, как власть сеньерии» [8].

Несмотря на столь резкое и явное разграничение двух видов власти мысль Луазо в дальнейшем направлена не на их обособление, а, напротив, на их всяческое сближение. Это сближение осуществляется двумя путями: с одной стороны (в «Трактате о должностях»), путем возвышения

[1] «Oeuvres du cardinal de Retz» (Les grands écrivains de la France). T. II, p. 278—279.

[2] «Traité des seigneuries, par Ch. Loyseau, parisien». 1620. «Traité du droit des offices» (к сожалению, отсутствует в библиотеках Москвы). «Traité des ordres et simples dignitez, par. Ch. Loyseau parisien». 1608.

[3] «Des ordres». p. I.

[4] «Du droit des offices». Livre II, ch. II, p. 621. Цит. по G. Lacour-Gayet «L'education politique de Louis XIV», p. 337. 1898.

[5] «Des seigneuries», p. 37.

[6] Ibidem. p. 58

[7] «Des ordres», p. 3.

[8] «Des seigneuries», p. 9.

природы должностей до такой степени, чтобы, в конце концов, разница между дворянином и чиновником стала несущественной; с другой стороны (в «Трактате о сеньериях»), путем встречного снижения природы сеньериальной власти, изображения сеньера по образу и подобию должностного лица. Сеньеры, по мнению Луазо, первоначально и были не чем иным, как должностными лицами, но затем постепенно их власть превратилась в собственность, вотчину. «Сходство между властью должностных лиц и властью сеньеров — говорит Луазо в другом месте,— столь велико, что ни греки, ни римляне не умели различать их под разными именами»[1]. Да и сейчас, по мнению Луазо, это сходство нетрудно обнаружить. Луазо различает сеньерию частную и публичную. Частная сеньерия во Франции, где не осталось ни рабства, ни крепостного права, тем самым означает уже не власть над людьми, но почти одну только власть над землей, т. е. просто земельную собственность. А публичная сеньерия или сюзеренитет в своем полном виде принадлежит только королю, в противном случае перед нами узурпация и логический абсурд; но одна сторона сюзеренитета, а именно суверенитет, может сообщаться и сообщается от государства сеньерам ввиде их судебно-политических прав и обязанностей. Следовательно, сеньерия по правовому содержанию весьма сходна с office, должностью, так как последняя есть также не что иное, как сообщение государственного суверенитета частному лицу. Теперь оказывается, что между чиновником и дворянином лежит лишь малосущественная грань сеньериального, т. е. дворянского титула. А эта грань легко стирается. Луазо указывает, что по обычаю владение благородной землей в течение трех поколений одворянивает ротюрье, так же как и владение должностью в течение трех поколений дает данной фамилии наследственное дворянство. Но суть, по его мнению, даже не в этих случаях автоматического одворянивания, а в том, что обе формы власти равны и однородны, ибо обе восходят к власти короля; следовательно, дворяне не есть замкнутая прирожденная каста: французский король «может жаловать дворянство и сделать ротюрье способным к пользованию привилегиями, присвоенными дворянам»[2].

Таким образом разрешена первая половина задачи: представить буржуазию как господствующий класс, а поскольку в дворянском государстве господствовать может только дворянский класс, то и представить буржуазию как подобие, как двойника дворянства. Но остается вторая половина задачи: отделить буржуазию от народа, т. е. показать, что право на должность, office, есть имманентное свойство всякого буржуа, отличающее его от народа. Для этого Луазо не апеллирует сразу к силе денег, а вводит своеобразное вспомогательное понятие «достоинства» (dignité) или «почетного звания» (qualité d'honneur). Только благодаря этому вспомогательному понятию у него, в конце концов, идея буржуа совпадает с идеей должностного лица, так же как идея земельного собственника совпадает с идеей сеньера.

В «Трактате о сословиях и простых достоинствах» Луазо ставит перед собой задачу — выяснить уже не свойства тех, кто повелевает, а «различные сословия и ранги тех, кто повинуется»[3]. Ведь и всякое лицо, обладающее властью повелевать как должностное лицо или как сеньер, само, в свою очередь, повинуется кому-нибудь другому. Не ускользает ли в этой иерархии абсолютная грань между повелевающими и повинующимися? Нет, существует надежный признак, чтобы узнать, способно ли данное лицо повелевать или оно способно только повиноваться. Таким признаком и является «достоинство». В сущности, этим словом Луазо обозначает принадлежность к господствующим классам. Все повинующиеся разделяются на имеющих «достоинство», т. е. способных также и повелевать, и на не имеющих «достоинства». Первые могут быть в свою очередь разбиты на группы по характеру своих «достоинств». Так, «достоинство» духовных лиц выделяет их в особое духовное сословие, «достоинство» дворян выделяет их в особое дворянское сословие.

Но как же быть с третьим сословием? Луазо решительно разрубает гордиев узел. Он вообще отказывается признать существование такого сословия: «третье сословие не есть подлинное сословие»[4], это всего лишь бессодержательный оборот речи. «Так как сословие (l'ordre) есть вид достоинства,—рассуждает Луазо,—то третье сословие (tiers-état) Франции не есть, собственно говоря, сословие, ибо если бы оно обнимало весь остальной народ, кроме дворянства и духовенства, то это значило бы, что весь народ Франции без исключения является «достоинством»[5], т. е. все могут повелевать,— а это бессмысленно. Понятно, что выходом из положения в глазах Луазо не может явиться идея четвертого сословия. Нет, всех трудностей Луазо избегает, не рассекая третье сословие на две части, а утверждая, что «есть множество сословий или ступеней внутри третьего сословия»[6], т. е. что это понятие вообще не содержит в себе никакой реальности. Какие же эти ступени? «Мы имеем во Франции людей умственного труда (les gens de lettres), финансистов, людей, занимающихся частной практикой (les praticiens), купцов, земледельцев, судейских служащих и людей ручного труда (les gens de bras); о них всех следует говорить по отдельности»[7], т. е. не следует сливать их в какие-либо общие понятия.

Однако это последнее требование — всего лишь тактический маневр. По мере рас-

[1] «Des seigneuries», p. 15.
[2] Ibidem, p. 106.
[3] «Des ordres», p. 3.
[4] Ibidem, p. 129.
[5] Ibidem.
[6] Ibidem, p. 130.
[7] Ibidem.

смотрения этих ступеней одной за другой Луазо находит и водораздел, делящий их на две группы: людей, имеющих «достоинство буржуа» и доступ к должностям, и людей не имеющих. Лестница резко обрывается на купцах. «Достоинство» выражается, между прочим, во внешнем этикете, в величаниях, «почетных эпитетах», присвоенных всем социальным рангам, начиная с короля и кончая буржуа; последних величают «почетными людьми» («honorables hommes») или «порядочными лицами» (honnestes personnes»)[1]. Но тех, кто стоит ниже буржуа, никак не величают. «Купцы,— по словам Луазо,— суть последние из народа, кто имеет почетное звание (qualité d'honneur), будучи именуемы почтенными людьми или порядочными лицами и признаваемы за буржуа городов,— звания, которые не присваиваются ни земледельцам, ни низшим служащим, ни ремесленникам, ни тем более людям ручного труда, ибо все они считаются низкими лицами (viles personnes)»[2].

Итак, слово «буржуа» в устах Луазо имеет прежде всего смысл феодального титула. Этот титул выражает причастность человека к средневековым городским привилегиям и прерогативам[3]. По его словам, «низкие лица из мелкого люда не имеют права на звание буржуа; они также не участвуют в городских почестях и не имеют голоса на собраниях, в чем и состоит право буржуазии»[4]. Иными словами, быть буржуа — это значит иметь право участвовать в городском самоуправлении, следовательно, иметь право занимать муниципальные, а там и государственные должности. Купцы, по словам Луазо, «получают звание буржуа (se qualifient bourgeois), поскольку они участвуют в привилегиях и способны к отправлению городских должностей, которые не должны поручаться ремесленникам и людям физического труда (aux gens mécaniques)»[5]. Быть буржуа и быть способным к отправлению должностей — это одно и то же.

В приведенных словах, кроме феодально-юридической стороны, можно заметить и более реальный признак, отделяющий в глазах Луазо «низких лиц» от буржуа: «низкие лица» — это те, кто занимается физическим («механическим») трудом. Очевидно, для того, чтобы принадлежать к «почтенным людям», надо или заниматься умственным трудом или обладать богатством, освобождающим вообще от труда. Действительно, Луазо указывает именно эти два признака «Ремесленники, или мастеровые люди, это те, кто занимается механическими профессиями, называемыми так в отличие от либеральных (свободных) профессий, поскольку механические выполнялись некогда крепостными и рабами. Действительно, мы обычно называем так (т. е. «механическим») все низкое и презренное»[6]. Но признак «либеральных профессий», т. е. профессий умственного труда, в сущности, отступает у Луазо на второй план перед более важным признаком богатства. Что делает купцов способными к званию буржуа и отправлению должностей? Луазо отвечает прямо: они способны к этому «сколь из-за пользы и даже общественной необходимости торговли, столь и из-за обычного их богатства, приносящего им доверие и уважение»[7]. В самом деле, для внесения в списки буржуазии во французском городе достаточно было удовлетворять известным цензовым требованиям, например владеть собственным домом в городе, внести определенную сумму и т. д.[8].

Таким образом, мы дошли до последнего и вполне реального основания всей теории Луазо: французское общество XVII в. было уже глубоко прорезано новым делением между людьми, ломавшим все старые феодальные сословно-корпоративные перегородки, делением, основанным на противоположности труда и капиталистической собственности. Эта противоположность и руководит мыслью Луазо. Все те, кто зарабатывает на жизнь «механическим» трудом, т. е. все непосредственные производители, в особенности же среди них продающие свою рабочую силу, «наемники» (mercenaires), являются для Луазо «низкими лицами» и призваны только повиноваться. Все прочие призваны повелевать и господствовать одним из двух вышеуказанных способов.

Что именно эта противоположность лежит в основании всех рассуждений Луазо, особенно ясно видно из его отношения к ремесленникам. Мы видели, что ремесло он объявил «низкой», «механической» профессией. Но новое социально-экономическое деление уже разрушило всякое единообразие понятия «ремесленник»: если большинство ремесленников разорялось и входило в состав городского плебейства, то зажиточные ремесленники капитализировались, принадлежали к городским богачам, следовательно, к буржуазии. Луазо так выходит из затруднения: «Хотя ремесленники,— рассуждает он,— занимаются собственно говоря механическим трудом (soient mécaniques) и считаются низкими лицами, существуют все же некоторые мастерства, которые суть мастерство и торговля в одно и то же время, и в той мере, в какой они являются мастерствами, к ним относятся таким же образом, как и к простым мастерствам, но в той мере, в какой они имеют свойство торговли, они почетны, и те, кто ими занимается, не принадлежат уже к числу низких лиц... они могут получать звание почтенных людей и буржуа таким же образом, как и другие купцы. Таковы аптекари, золотых дел мастера, ювелиры, галантерейщики и все оптовики или оптовые торговцы. Оптовая торговля, говорят,

[1] «Des ordres», p. 180.
[2] Ibidem, p. 137.
[3] Ibidem, p. 130
[4] Ibidem.
[5] Ibidem, p. 139.
[6] Ibidem, p. 138.
[7] Ibidem, p. 137.
[8] Babeau «Le ville sous l'ancien régime». T. I, p. 22—23. 1884.

не-механична. Напротив, существуют такие мастерства, которые основаны больше на телесном труде, чем на оборотах торговли и на изощренности ума, и эти более низки... И с еще большим основанием те, кто не занят ни мастерством, ни торговлей, и кто зарабатывает себе на жизнь трудом своих рук, следовательно, те, кого мы называем чернорабочими (gens de bras) или наемниками (mercenaires), как например, крючники, подсобные каменщики (aydes à masson), возчики и другие поденщики (gens de journée), являются самыми низкими из мелкого люда, ибо нет худшего призвания, чем не иметь никакого призвания»[1]

Мы уже знаем, что Луазо как истинный буржуа не только не находит плачевным существование класса «низких лиц», но, напротив, считает, что его существование соответствует законам природы, разума и божественной мудрости. Он не видит необходимости изменять что-либо в положении «тех, кто в поте лица своего (à la sueur de leur corps) зарабатывает себе на жизнь, согласно божьему повелению». Но его беспокоит массовое нищенство и бродяжничество, развившиеся во Франции главным образом в результате налогового гнета. Ему кажется, что это непроизводительное бремя грозит серьезными неприятностями общественному равновесию. «Если в краткий срок не будет внесен порядок,— пишет он,— то из происходящего изо дня в день громадного умножения числа этой сволочи (racaille) проистечет два неудобства, а именно, что полевые работы останутся без людей, желающих ими заниматься, и, другое, что путники не будут в безопасности на дорогах, а сельские жители — в своих домах»[2]. Разумеется, Луазо не мог понять, что он описывает некоторые черты процесса первоначального накопления, в массовом масштабе противопоставлявшего друг другу капитал и труд, буржуазную собственность и неимущие рабочие руки. Но ведь и по ту сторону Ламанша, где этот процесс протекал в классической форме, идеологи буржуазии тоже видели в пауперизме прежде всего «бедствие»,— а объективно своими воплями они призывали к нужному для капитализма «кровавому законодательству против экспроприированных».

IV

Юридические трактаты Луазо, несмотря на буржуазно-чиновничью ограниченность его горизонта, содержат не только идеал французской буржуазии XVII в., но как бы и анатомию всего феодально-абсолютистского порядка. В этом их ценность. Они ясно показывают, что буржуазия не могла одновременно размежевываться на двух противоположных рубежах и, раз надо было выбирать, долгое время предпочитала размежевываться на том рубеже, где прежде всего определялась ее эксплоататорская природа, т. е. на рубеже с народом. Это размежевание, ярко отраженное у Луазо, соответствовало экономическому обособлению труда и капитала, зарождению капитализма. Но в той самой мере, в какой здесь, в недрах общества, буржуазия находила свою природу, она должна была одновременно терять ее там, на поверхности, где происходило сближение буржуазии с дворянством, ибо последнее тоже противостояло народу и еще более радикально чем буржуазия. Этому сближению соответствовала политическая форма абсолютизма.

Если обобщить политическую историю буржуазии в течение всего западноевропейского средневековья, то можно сказать, что вообще буржуазия участвовала во власти, приобщалась к политическому господству в феодальном государстве только в той мере, в какой она не была классом капиталистического общества. Применительно к периоду до конца XV в. этот тезис не требует особых разъяснений, ибо тогда мы и встречаемся почти исключительно с «феодальной буржуазией», пользуясь выражением Энгельса; при этом к «феодальной буржуазии» следует относить и средневековых представителей капитала, не связанного с производством, т. е. купцов и ростовщиков,— их бытие выражало внутреннее противоречие феодализма, но не стояло в антагонизме к феодализму. Но понять справедливость этого тезиса и для XVI—XVIII вв. можно уже только учтя сложную диалектику, внутреннюю противоречивость, характерную для буржуазии в переходный период.

Известное теоретическое положение марксизма гласит, что «буржуазная революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества»[3]. В этом положении заложена вся противоречивая судьба буржуазии в те столетия, когда капиталистический уклад уже существовал, а политическая буржуазная революция еще не совершилась. Буржуазия не была бы буржуазией, если бы ей в какой-то мере не принадлежало общественное господство, в том числе и политическое; но теперь, в отличие от прошлого периода, когда еще не было капиталистического уклада, для обладания хотя бы долей общественно-политического господства она должна была на каждом шагу искусственно вырождаться в «феодальную буржуазию», т. е. как бы непрерывно отрекаться от своей формирующейся классовой природы, непрерывно самоотрицаться.

Это выражалось прежде всего в ее представлениях о самой себе и своем месте в феодально-абсолютистском порядке. Сочинения Луазо как раз убедительно показывают, что французская буржуазия могла мыслить себя как господствующий класс и противопоставлять себя народу только в той мере, в какой она отожест-

---

[1] «Des ordres», p. 139—140.

[2] Ibidem, p. 140.

[3] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 111. 11-е изд.

вляла или сближала себя с дворянством. Она не могла мыслить себя как таковую, как буржуазию. Мысленно противопоставить себя королю и дворянам значило бы для нее мысленно объединить себя с народом в третьем сословии, а следовательно, отважиться на революцию, чтобы через революцию найти свое полное классовое бытие. Но время для этого еще не пришло.

Однако дело не могло ограничиться сознанием буржуазии. Отрекаясь от себя и от революции в мыслях, она и на практике неизбежно теряла некоторые из своих важнейших классовых признаков. Ее сближение с королевской властью и дворянством оказывало обратное влияние на ее общественное бытие, видоизменяло ее экономическую деятельность. Само развитие капитализма поэтому делало два шага вперед и шаг назад. Вот почему мы говорим о внутреннем противоречии буржуазии того времени.

Сближение французской буржуазии XVII в. с феодально-абсолютистским порядком (и соответственно утерю ею своих классовых признаков) можно условно разбить на три формы: 1) политическое сближение — путем массового превращения в чиновничество; 2) социальное сближение — путем усвоения дворянского образа жизни (vivre noblement); 3) экономическое сближение — путем превращения торгово-промышленного капитала в ростовщический (кредитный). Здесь не место давать подробную и разностороннюю характеристику французской буржуазии XVII в.; обильный материал на эту тему собран рядом французских историков [1]. Но необходимо дать краткие пояснения и иллюстрации к каждой из этих трех форм.

1. Политическое сближение. Маркс отмечает как отличительную черту французской истории, что «со времени возвышения городов, французская буржуазия становится слишком влиятельной благодаря тому, что она конституировалась как парламент, бюрократия и т. д., а не как в Англии — только в результате торговли и промышленности» [2]. В самом деле, в городе Дижоне, например, в XVII в. 2/3 населения пользовались налоговыми изъятиями, главным образом в качестве должностных лиц [3]. Следовательно, Луазо, отожествляя буржуа и чиновника, рисовал не идеал, а действительное положение вещей: «В городах каждый порядочный человек имеет свою должность, как каждый монах в монастыре» [4].

Поскольку для того, чтобы стать чиновником, достаточно было иметь деньги на покупку должности и обладать хотя бы самыми скудными познаниями в латыни,— всякий мало-мальски зажиточный француз старался или сам стать обладателем какой-нибудь муниципальной или государственной должности или приготовить эту участь для своих детей. Судейские, финансовые и прочие должности во Франции уже в XVI в. были продажны, являлись подобием частной собственности, а с 1604 г. превратились и в наследственную собственность. С этого момента начинается и продолжается в течение всего XVII в. бурное возрастание цен на чиновные должности, а вместе с тем и число все вновь и вновь учреждаемых государством должностей. Должности были самые разнообразные по цене и значительности, на разного покупателя, начиная с сельских судебных приставов, нотариусов и т. п. и кончая парламентскими советниками и президентами. Новые должности раскупались мгновенно, спрос на них был, казалось, неисчерпаем.

Что же давали владельцам эти притягательные должности? Современники, описывая это «помешательство на должностях» (folie des offices), указывают на два импульса: «честолюбие» («тщеславие») и «корыстолюбие». Должность приобщала ее владельца не только к материальным привилегиям (освобождала его в той или иной мере от уплаты налогов), но и к престижу господства и власти, к почестям и уважению; наконец, даже самая низшая должность была уже как бы первым шагом к дворянскому званию: на определенной ступени карьеры личное дворянство присваивалось автоматически, наследственность же должностей превращала его в третьем поколении в наследственное дворянство. Чиновничество массами приобщалось к дворянству; в Бретани, например, парламентские чиновники и судьи все входили во время собрания провинциальных Штатов в сословие дворян, так как считались таковыми в силу своих должностей. Всякий богатый человек мог купить должность, облечься в мантию и тем приблизиться к дворянству. Следовательно, воззрения Луазо были лишь теоретической идеализацией практики французских буржуа.

Мотив «честолюбия», как мы увидим, нельзя отделить от мотива «корыстолюбия», но и сам по себе первый имел глубокие социальные основания. Многим современникам казалось, что купля-продажа должностей есть просто «торговля почестями», «налог на тщеславие». Ришелье так объясняет введение продажи должностей при Франциске I: «У него не было лучшего и более быстрого средства получить имущество своих подданных, чем дать им честь за деньги» [5]. Монтескье говорил, что французский король хотя и не

---

[1] См. в особенности Normand Ch. «La bourgeoisie française au XVII siècle», 1908, а также Babeau A. «Les bourgeois d'autrefois», 1886; Bardoux «La bourgeoisie française»; Aynard J. «La bourgeoisie française» (Essai de psychologie). 1934.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXII, стр. 49.

[3] Roupnel G. «La ville et la campagne au XVII-e siècle», p. 130.

[4] Loyseau «Traité du droit des offices». Цит. по Hanotaux, p. 459.

[5] Richelieu «Testament politique». Livre I, p. 158.

имеет золотых рудников, как испанский, но он все-таки богаче последнего: тщеславие его подданных неистощимее всяких рудников[1]. Луазо относится резко отрицательно к упрощенной торговле должностями, без учета «достоинств» чиновника, профанирующей, по его мнению, весь смысл этой формы власти, превращающей должность в «простую собственность» наподобие сеньерии; Луазо насмехается над покупателями должностей: «С тех пор, как во времена наших отцов был открыт этот прекрасный финансовый секрет — взимать через посредство должностей огромный и тем не менее нечувствительный, даже добровольный и желаемый налог на честолюбие и глупость зажиточных людей королевства,— им пользуются что ни день с нуждой и без нужды. Это никогда не иссякающая манна, бездонный кладезь, источник, который нельзя исчерпать, черпая из него непрерывно. Пусть учреждают новые должности,— при одном слухе об их учреждении на них будут сделаны заявки, прежде чем эдикт будет начерно написан. Пусть король создает их сколько захочет, он всегда сможет их распродать, ибо, как говорит мудрец, число дураков бесконечно... Если во Франции когда-нибудь окажется король, который вознамерится наподобие царя Египта присвоить себе все имущество своих подданных, ему нужно будет только создать множество должностей,— и каждый с охотой принесет королю свой кошелек; у кого не будет денег, тот продаст свою землю, у кого не будет довольно земли, тот продаст себя самого, если ему позволят, и согласится быть рабом лишь бы стать должностным лицом»[2]. Почему эта сатира вышла как раз из-под пера Луазо, идеолога буржуазного чиновничества? С одной стороны, им, несомненно, руководит кастовая ревность к неофитам и приверженность к патриархально-муниципальным способам замещения должностей, но, с другой стороны, его тревожит и то более глубокое обстоятельство, что массовый переход буржуазии в чиновничество грозит подорвать корни и основы самого буржуазного богатства. «Половина городских жителей — чиновники,— пишет он в другом месте,— так что торговля совсем заброшена, а земледелие предоставлено исключительно крестьянам»[3].

И в самом деле, непрерывное увеличение числа «людей мантии» непосредственным образом отражалось на экономической жизни Франции. Один англичанин, описывая состояние Франции в начале XVII в., отмечал: «Профессия торговца здесь менее уважается, чем в какой-либо другой стране, зато нигде так не стремятся занять какую-нибудь должность»[4]. По словам одного интенданта времен Кольбера, «лишь только купец сколотит немного деньжонок, он думает только о том, как бы сделаться эшевеном, и больше не желает впутываться ни в какую коммерцию»[5]. В самом конце XVII в. Савари, автор сочинения «Совершенный негоциант», писал: «С того момента, как во Франции какой-либо негоциант приобрел в торговле большие богатства, его дети не только не следуют этой профессии, но, напротив, вступают в публичные должности, в то время как в Голландии дети частных негоциантов следуют обычно профессии и коммерции своего отца»[6].

Таким образом, ввиде массового превращения торговцев и промышленников в чиновников мы можем наблюдать одну из форм утери буржуазией своих классовых признаков. Это врастание буржуазии в феодально-абсолютистский строй, в свою очередь, тормозило ее экономический рост, сокращало торгово-промышленное накопление, лишало молодой капиталистический класс наиболее активных элементов. Еще Генрих IV, создавая Commission du commerce для обсуждения мер поощрения торговли и промышленности, не нашел ни одного купца или предпринимателя, достаточно подготовленного и дельного, и принужден был заполнить комиссию одними чиновниками[7]. В течение XVII в. эта черта углублялась. При Кольбере голландский посол писал о Франции: «Франция совершенно неспособна к большой торговле, характер нации непригоден к этому, так как он слишком привержен к удовольствиям и тщеславию. Здесь нет ни одного купца, который, обладая богатством в сто тысяч экю и менее, не употребил бы свое имущество на приобретение какой-либо земли или какой-либо должности и не лишал бы таким путем коммерцию всех ее средств»[8]. Разумеется, дело было не в «характере нации», а «тщеславие», о котором тут идет речь, наряду с социально-политическим содержанием имело еще и свою «корыстную» сторону. Погоня за должностями вовсе не была глупостью и с коммерческой стороны. Об этом от имени высших учебных заведений Франции писал «Mercure

---

[1] Цит. по Гольцеву В. «Государственное хозяйство во Франции XVII в.», стр. 86. 1878.

[2] «Du droit des offices». Цит. по Ch. Normand «La bourgeoisie française au XVII siècle», p. 44—45.

[3] «Du droit des offices». Цит по Hanotaux, p. 459.

[4] Цит. по статье Филатова В. «Государственное хозяйство старого порядка». В «Книге для чтения по истории нового времени». Т. II, стр. 222.

[5] Depping G. «Correspondance administrative sous le règne du Louis XIV». T. III, p. 765, 1852; d'Herbigny à Colbert, 28 avril 1666.

[6] Savary J. «Le parfait négociant ou Instruction générale pour ce qui regarde le commerce des marchandises de France et des pays étrangers». T. II, p. 183, 4-ème éd. Lyon. 1697.

[7] Fagniez «L'économie sociale de France sous Henri IV», p. 346.

[8] «Lettres de Pierre de Groot, ambassadeur des Provinces Unies, à Abraham de Wicquefort, 1668—1674», p. 94. La Haye. 1894.

français» в 1624 г.: «Переполнение коллегий свидетельствует о том, что многие бросают торговлю, занятия земледелием и другими ремеслами, необходимыми для жизни и для общества, чтобы устремиться в школу с надеждой приумножить и увеличить свое состояние, нося одежду более длинную, чем обыкновенно (т. е. став чиновниками)»[1].

2. Социальное сближение. Сословия во Франции отделялись друг от друга не столько самим сословным званием, сколько присвоенным каждому сословию образом жизни и общественного поведения, суммой внешних признаков — от характера доходов до одежды и манер,— безошибочно определявших сословную принадлежность. Так, дворянин должен был носить цветную одежду в отличие от серой или черной одежды третьего сословия, должен был особым, «дворянским», или «благородным», образом вести свой дом в отличие от домашнего очага простого горожанина или крестьянина, не должен был заниматься занятиями третьего сословия: торговлей, промышленностью, физическим трудом. Луазо так объясняет, почему дворянин, занявшийся ремеслом или другим недворянским делом, должен платить талью, т. е. переходит в податное сословие: «Недостаточно быть дворянином, если не жить по-дворянски» («ce n'est assez d'estre noble, si on ne vit noblement»)[2]. Обратное заключение напрашивается само собой: достаточно жить по-дворянски, чтобы быть де-факто дворянином. Действительно, эта категория — vivre noblement — играла очень большую роль в жизни и стремлениях французской буржуазии XVII века. Этой цели добивался каждый зажиточный человек, и в той мере, в какой он достигал ее, дворянский образ жизни клал между ним и простым народом желанную грань. Не было такой детали костюма или мелочи этикета, с помощью которой буржуазия не стремилась бы прорваться в дворянство. У Луазо мы находим любопытное рассуждение о том, что жены буржуа присвоили себе принадлежавшее ранее только дворянкам обращение madame, дабы отличить себя от жен простых ремесленников[3]. Автор одного памфлета в 1619 г. писал с удовлетворением: «Что такое теперь купец и что может быть более почетным? Его можно узнать теперь только по его большому состоянию; одет он в шелковое платье, плюшевый плащ...»[4]. Напротив, негодованием исполнены вышедшие в 1665 г. из дворянских кругов Парижа куплеты некоего Коллетэ под названием «Напыщенность и роскошь простой буржуазии»; автор, между прочим, жалуется, что «невозможно уже отличать наших дам от простых женщин», так как последние часто носят неположенную им одежду[5].

Но самым главным, что определяло la vie noble, был источник доходов. И в этом отношении социальная мимикрия буржуазии, утеря ею своих классовых признаков, оказывала решающее давление на ее экономическую деятельность. Именно в XVII в. в французской архитектуре отмечается любопытный факт: в домах, принадлежащих зажиточным буржуа, исчезает характерная для предыдущего времени лавка в нижнем этаже. Лавка отделяется от жилого дома, потому что «вести вполне порядочный образ жизни» и торговать — две вещи несовместимые. В XVII в. купец, едва лишь разбогатев, уже стыдился торговать, и если и не прекращал своего дела, то нередко лично уже не вел его, а передавал его приказчикам и посредникам. Интендант времен Людовика XIV пишет, что нантские купцы могли бы неслыханно обогащаться, «если бы они старались вести торговлю сами, не пользуясь посредниками, и если бы они решались быть более предприимчивыми чем обычно; самым же их крупным пороком этого рода является недостаток прилежания»[6]. Но как же могло быть иначе, если в своей коммерческой деятельности они видели лишь позорное, низкое средство для достижения высоких почестей? Ришелье даже высказывает парадоксальную мысль, что если бы почести, в частности должности, можно было получать без денег, то коммерция вовсе обезлюдела бы[7]. Савари так убеждает французских купцов в пользе коммерции: «Повседневно наблюдается, что купцы и негоцианты накопляют значительные состояния и определяют своих сыновей на первостепенные должности мантии»[8].

Богатая буржуазия вкладывала деньги не только в должности. Когда купцу или предпринимателю удавалось сколотить значительный капитал, он часто искал возможности обратить его на покупку земли и тем окончательно уподобиться дворянину, хотя это далеко нельзя было назвать выгодным капиталовложением. Именно для XVII в. зарегистрирована массовая скупка земель зажиточными горожанами, теми самыми лицами, которые одновременно приобретали судейские, муниципальные и прочие должности, т. е. чиновной буржуазией, гордо прибавлявшей теперь к своим именам: sieur de, т. е. владелец такого-то

[1] «Mercure français». T. X, p. 432. «Les universités de France au Roy».

[2] Loyseau «Traité des ordres et simples dignitez», p. 83.

[3] Ibidem.

[4] «Archives curieuses de l'histoire de France, publiés par F. Danjou et L. Cimber». T. II, 2-ème série. «La chasse au vieil grognart de l'antiquité», p. 371.

[5] Aynard J. «La bourgeoisie française», p. 285.

[6] «État de la France. Extrait des Mémoires dressées par les intendants du royaume par ordre du roi Louis XIV. Par M. le comte de Boulainvilliers». T. IV, p. 155. Londres. 1737.

[7] Richelieu «Testament politique». Livre I, p. 160.

[8] Savary. Op. cit. T. I, p. 1.

поместья[1]. После покупки земли можно было перейти на существование с феодальной ренты. Таким путем капиталы, накопленные в торговле и промышленности, в большом объеме уходили в землю, декапитализировались. В методах хозяйствования этих новых землевладельцев — говорить ли о пригородных сравнительно небольших участках, или о средних сеньериях, или, наконец, об огромных феодальных владениях, подчас захватываемых крупными финансовыми акулами вместе с громкими феодальными титулами — не заметно никакого существенного обновления старого сеньериального режима, никаких попыток внедрения капитализма в сельское хозяйство.

Такова вторая форма утери буржуазией своих классовых признаков. Вместе с первой она определяет то своеобразное положение, сложившееся во французском обществе, которое в XVIII в. Мальзерб выразил известными словами: «Не всякий дворянин — богатый человек, но зато всякий богатый — дворянин». В одной французской комедии, написанной в 1635 г., говорится: «Впрочем, мужчина — уже вполне дворянин, если у него есть золото»[2]. Тоньше и глубже выразил это Лабрюйер: «Вошедшее в употребление среди судейских слово «реабилитация» почти вытеснило собою слова «дворянская жалованная грамота», которые некогда были столь употребительны, а теперь устарели; «реабилитация» предполагает, что человек, ставший богачом, по происхождению дворянин, что ему необходимо быть таковым; что его отец мог потерять право на дворянство, добывая средства сохою, киркою, молотом или житьем в прислугах, но что ему требуется вернуть прежние права своих предков; что, одним словом, грамота о пожаловании дворянства к нему уже не идет, что она приносит честь только разночинцу, т. е. тому, кто только еще ищет секрета стать богатым»[3].

3. Экономическое сближение. Мотивы социально-политического характера, заставлявшие буржуазию изымать свои капиталы из сферы торгово-промышленной деятельности, неразрывно сплетались с мотивами собственно экономическими. Ее побуждал к этому налоговый пресс. Если не говорить о привилегиях, то буржуазия как составная часть третьего сословия принадлежала к податному населению («ротюрье»). Различие трех сословий традиционно определялось во Франции так: «Духовенство служит королю молитвами, дворяне — шпагой, третье сословие — имуществом». Действительно, в тенденции королевский абсолютизм рассматривал все имущество всех своих непривилегированных подданных как свое собственное потенциальное имущество. И это не было только теорией; чем более укреплялся абсолютизм, тем полнее претендовал он (путем налогового обложения) на все достояние третьего сословия.

Но реакционный аристократ Сен-Симон с раздражением писал в начале XVIII в., что именно имущество является силой и причиной возвышения третьего сословия; по его словам, в отличие от первых двух сословий, мало привязанных к материальным благам, третье сословие «привержено к собственности, которая составляет все его счастье, обусловливает его возвышение, прочность его положения»[4]. Как же могло случиться, чтобы та самая собственность, за которой охотился абсолютизм, беззастенчиво стремясь ее экспроприировать, которую приходилось даже скрывать и маскировать, оказалась причиной «возвышения» и «прочности положения»?

Ответ состоит в том, что как само третье сословие не было единым, так и его имущество состояло из двух различных форм собственности. Налоговый натиск оказывал разное действие на лично-трудовую собственность народа и на буржуазную собственность.

На первую он действовал разрушительно. Луазо еще в начале XVII в. пишет о «множестве здоровых нищих, которыми ныне переполнена вся наша Франция из-за непомерности тальи, заставляющей трудовой люд предпочитать все бросить и, сделавшись бродягами и попрошайками, жить в праздности, без забот, за счет других, чем непрерывно трудиться, не наживая и не накопляя ничего кроме как на уплату тальи»[5]. Вобан на рубеже XVIII в. так изображал действие налогового пресса на положение народных масс: «Положение вещей таково, что те, кто могли бы приложить свои таланты к какому-нибудь ремеслу или торговле и таким образом увеличить достаток свой и своих семейств, предпочитают оставаться в бездействии; тот, кто мог бы иметь лишнюю корову или овец, чтобы улучшить свое хозяйство, должен отказывать себе в этом из опасения быть обремененным тальей в следующем году, как это неминуемо произошло бы, если бы он что-нибудь заработал или если бы заметили, что его жатва несколько более обильна, чем обыкновенно. Вследствие этого не только он сам и его семья живут очень бедно и ходят почти вовсе раздетыми, т. е. очень мало потребляют, но, кроме того, он запускает и лишь полуобрабатывает свой клочок земли из боязни, что если она даст все, что может при хорошем удобрении и обработке, то это послужит поводом наложить на него двойную талью»[6].

---

[1] Roupnel Gaston «La ville et la campagne au XVII-e siècle». Etude sur les populations du pays dijonnais. 1922. Troisième partie.

[2] Du Ryer P. «Les vendanges de seresne». См. E. Fournier «Théâtre français du XVII-e siécle».

[3] Лабрюйер «Характеры», пер. П. Первова, стр. 315. 1890.

[4] Сен-Симон. Мемуары. Русский перевод И. Гревса. Т. II, стр. 256—257. 1936.

[5] «Des ordres», p. 140.

[6] Vauban «Projet d'une dixme royale», p. 30—31. 1707; о парализующем действии налогов на хозяйственную деятельность населения писал также Буагильбер в конце XVII в. («Détail de la France». 1697).

Эти слова характеризуют положение трудовой собственности. Но в них лишь половина истины, потому что часть третьего сословия имела другую, буржуазно-капиталистическую собственность. Откуда последняя бралась? Несмотря на неусыпный и хищный надзор абсолютистской администрации за имуществом третьего сословия, несмотря на его перманентную экспроприацию, в недрах общества, в порах и трещинах феодализма тысячей способов с необыкновенным упорством все снова и снова происходило накопление, все снова и снова возрождалась мелкая капиталистическая поросль. Вспомним известный рассказ Руссо о бедном крестьянине, который отказывался чем-либо его накормить, ссылаясь на нищету, до тех пор, пока не убедился в полной непричастности гостя к налоговому делу, и тогда достал из какого-то тайника все необходимое для сытного ужина. Таким ли способом или множеством других, но зачаточное богатство накоплялось в руках части крестьян, ремесленников, мелких лавочников, ростовщиков, купцов, предпринимателей. Но все это в некрупных размерах и как бы мимолетно: богатство еще только возникало, а надо уже было думать о том, как спасти его от экспроприации. Спасение заключалось в том, чтобы немедленно изменить экономическую функцию этого богатства, а именно ссудить его кому-нибудь в кредит и тем избежать налогового обложения. Разбогатевший крестьянин тотчас, например, ссужал деньги своему сеньеру под залог «мельничного баналитета» и тогда спокойно продолжал богатеть. Качественная грань, делящая все имущество третьего сословия на два вида, выступала как чисто количественное различие: имущество годилось для кредита, если оно существовало в денежной форме и достигало известного минимального уровня. В таком случае это имущество не только искало спасения от налогового натиска как всякая собственность, которую грозят отнять, но вдвойне искало спасения уже как потенциальный капитал, природа которого состоит не в простом самосохранении, но и в самовозрастании. Выход и заключался в ссуде в долг этого накопленного богатства или членам господствующего класса, освобожденным от налогов, или самому требующему налоги государству.

Здесь не место исследовать, почему в течение нескольких столетий потребность в кредите была неотъемлемым спутником феодального класса и феодальных государств в Европе. Укажем только, что сущность этого явления восходит к противоречию между денежной формой и неразрушенной натуральной основой феодальной экономики. Французское общество XVII в. представляло собой такое общество, в котором уже почти все продавалось и покупалось, но при этом почти все оставалось феодальным. Господствующий класс и государство постоянно нуждались в кредите, а буржуазия в той мере, в какой она экономически выделялась из народа, давала этот кредит. Сен-Симон отразил сложившееся положение вещей в краткой формуле: «В самом деле, на одного заимодавца из второго сословия (т. е. из дворянства) приходится тысяча из третьего и, наоборот, на одного должника из третьего — тысяча из второго» [1]. Лабрюйер выразил это проще: «Нужда в деньгах примирила знать с разночинцами и уничтожила привилегии, основанные на четырех поколениях» [2]. Не в меньшей мере было в долгу у третьего сословия и дворянское государство.

Соответственно все эти кредитные операции буржуазии можно разбить на две группы: кредитование дворян и кредитование дворянского государства. Внутри каждой группы можно также различить разные формы.

а) Основной формой кредитования дворян был откуп всех или некоторых сеньериальных прав у землевладельца; внося вперед деньги, которые предполагалось собрать с крестьян, посредник выколачивал затем из последних больше, эксплоатируя таким образом феодальные отношения для получения процентов на ссуженный капитал. По словам Лучицкого, в XVIII в. «редкое крупное и среднее имение не находилось в руках таких лиц» [3]; то же можно сказать и о XVII веке. Кроме того кредитование дворян осуществлялось б) путем покупки в сеньериях различных служебных должностей, отправление которых вскоре с лихвой покрывало затраченную на их покупку сумму, а также путем предоставления прямых ссуд в) под залог недвижимости или г) просто под проценты без имущественного обеспечения.

Сходные формы можно наблюдать и в области кредитования дворянского государства. а) Самые крупные и бойкие капиталы, сложившиеся предварительно в каком-либо ином русле кредита, устремлялись в область откупа государственных налогов, как косвенных, так и прямых. В казну вносилась условленная сумма (обычно определяемая с торгов) за определенный вид налогов, и затем посреднику предоставлялось почти бесконтрольное право выколотить с населения не только эту сумму, но и проценты. Крупные откупщики часто в свою очередь сдавали свой откуп по частям более мелким, те еще более мелким и т. д. Вся эта армия людей, вкладывавших капиталы в налоговую систему, включая и различных финансовых чиновников, обычно именовалась в то время «финансистами». б) Покупка буржуазией различных государственных должностей, о которой мы говорили в ином плане, также была формой выгодного вложения капитала в дела дворянского государства. Покупка судейско-административных должностей не сулила таких бешеных барышей, какие нередко приносили операции «финансистов», но все же давала на всю жизнь обеспеченный доход, во мно-

---

[1] Сен-Симон. Цит. соч., стр. 250.
[2] Лабрюйер. Цит. соч., стр. 317.
[3] Лучицкий И. «Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции», стр. 31. 1912.

го крат превосходивший вложенный капитал — частично ввиде жалования, главным же образом путем легализованных поборов с населения. «Тот, кто покупает правосудие оптом, может продавать его в розницу»[1]. Во французском суде XVII в. «подношения» тяжущихся судье (épices) производились открыто и были узаконены обычаем. Хотя «финансисты» и должностные лица нередко враждовали между собой, как две конкурировавшие группировки государственных кредиторов, но в сущности между ними трудно провести грань, тем более, что владельцы финансовых должностей представляли собой как бы связующее и переходное звено между ними. Луазо писал о владельцах финансовых должностей: «Поскольку в этих должностях обычно содержится мало власти, а также и почести, им присвоено много жалования, а к тому же естественно, чтобы также, как когда человек трогает смолу, кое-что прилипает к его пальцам, так и те, кто держит в руках финансы, брали бы из них свою часть,— чего они охотно и не забывают никогда делать»[2]. Наконец, имело место прямое кредитование государства в) под залог королевских доменов и г) без твердого обеспечения, ввиде крупных займов или массового приобретения мелкими капиталовладельцами так называемых «муниципальных рент», т. е. облигаций процентных государственных займов, выпускавшихся правительством от имени некоторых городских муниципалитетов.

Все эти разные пути кредита приводили к одинаковому результату: буржуазия прямо или косвенно освобождала свои накопления от налогового обложения, перекладывая последнее целиком на плечи народа. Она спасала свое богатство от грозящей экспроприации и даже сохраняла его в имманентной ему форме капитала, т. е. как богатство, непрерывно приносящее прибыль. Но добивалась она этого только в той мере, в какой отнимала и свое богатство и свою деловую активность у торговли, промышленности, земледелия. «Высокий доход, который приносили деньги, вложенные в должности и в откупа, отклонял капиталы от земледелия, так же как от промышленности и торговли»[3]. Капитал, рождаясь в производственных недрах общества, тотчас всплывал на поверхность обращения. Из торгово-промышленного он превращался в ростовщический, лишенный капиталистического содержания, безразличный к способу производства[4]. Откупщики, должностные лица и прочие кредиторы не приносили с собой ни крупицы капитализма в сеньериальное и в государственное хозяйства, которые они кредитовали. Зато они сами приобщались к феодальному способу эксплоатации, к присвоению феодальной ренты ввиде ли сеньериальной ренты или централизованной (налоговой). Это было утерей буржуазией уже своих главнейших— экономических — классовых признаков.

Разумеется, отсюда не следует вывод, что во Франции XVII в. вовсе не было крупных капиталов, связанных с производственной жизнью. В таком случае надо было бы говорить не о внутренних противоречиях, а об исчезновении капиталистической буржуазии. Нет, развитие капитализма шло вперед, хотя и замедленно. В рядах французской буржуазии существовал слой, хотя и немногочисленный, крупных предпринимателей-мануфактуристов, купцов, участников торгово-колониальных компаний. Но у них были свои специфические черты, понять которые можно только на основе сказанного выше. Широчайшее развитие ростовщичества накладывало свой отпечаток и на этот неростовщический капитал: крупные капиталовладельцы, которые добровольно оставляли свой капитал функционировать в торговле и промышленности (нередко их просто принуждали к этому), требовали и получали как бы премию за то, что не шли по общему ростовщическому пути. Эта премия подчас достигалась на местной почве, например, в Сен-Мало кучка в каких-нибудь 30 купцов — «арматоров»,— породнившихся с местным дворянством и частью формально «одворянившихся», держала в своих руках весь город и всю его обширную торговлю, получая огромные монопольные прибыли. Но обычно премию давало само государство ввиде королевских привилегий, субсидий, монополий, в качестве же главной и последней приманки — ввиде дворянских титулов, которые широко раздавались в XVII в. за особое усердие «коммерсантам». Так или иначе, премия за коммерческую деятельность опять-таки выражалась в приобщении буржуазии к привилегиям, в сближении с дворянством. Вокруг удачников, пользовавшихся этой премией в полном объеме, теснилось, разумеется, некоторое число претендентов, еще только ждущих полноты привилегий. Но важно, что само развитие капиталистического производства происходило преимущественно в этой противоречивой и даже противоестественной форме: за XVII в. число привилегированных «королевских» мануфактур во Франции возросло от нескольких единиц почти до трех сотен, тогда как непривилегированное предпринимательство (главным образом в рассеянной капиталистической мануфактуре) сократилось. К тому же шло вперед только такое капиталистическое производство, которое давало или предметы роскоши дворянству или товары, нужные дворянскому государству.

Итак, мы можем вместе с Аното сказать, что все существование французской буржуазии в XVII в. «было только энергичным стремлением к привилегии»[5]. Мы констатировали три формы утери буржуазией своих классовых признаков. Лишь в той мере, в какой она отрекалась от самой себя как класса капиталистического общества, оказывался возможным тот союз ее

[1] Richelieu «Testament politique». Livre I, p. 157.
[2] Цит. по J. Aynard, p. 237.
[3] Fagniez. Op. cit., p. 74.
[4] См. К. Маркс «Капитал». Т. III, гл. 36.

[5] Hanotaux Op. cit. T. I. p. 454.

с господствующим феодально-дворянским классом, который составлял базу абсолютизма.

V

Теперь следует для полноты рассмотреть вопрос с обратной стороны: что же толкало дворянское общество и государство к такому сближению и союзу с буржуазией?

Так же как для первой половины темы отправным материалом нам послужили сочинения Луазо, так для этой второй половины подобную роль могут сыграть сочинения замечательного теоретика и практика дворянской абсолютной монархии — Ришелье, в особенности его «Политическое завещание». К сожалению, нам придется здесь отказаться от рассмотрения этого вопроса во всей широте. Оставляя в стороне многие моменты, необходимые для всесторонней характеристики абсолютизма, мы отметим только несколько пунктов, наиболее необходимых для разъяснения отношения абсолютизма к третьему сословию.

Мы уже видели, что Ришелье схож с Луазо и своим представлением об общественном неравенстве как естественном свойстве всякого разумного целого и своим осторожным определением третьего сословия («должностные лица, шествующие во главе народа»), из которого, в сущности, нетрудно вывести заключение Луазо: «Третье сословие не есть подлинное сословие». Правда, четвертая глава «Политического завещания» называется «О третьем сословии», но важен не этот общий заголовок, а то, что Ришелье в этой главе с самого начала отказывается говорить о третьем сословии в целом, как он говорил в предыдущих двух главах о духовенстве и дворянстве. Он разделяет эту главу «для ясности» на три вполне самостоятельные части: о судейских должностных лицах, о финансистах и о народе.

Но мы видели также, что Ришелье совершенно иначе чем Луазо относился к претензиям должностных лиц «занять первое место там, где им подобает только третье». Луазо как идеолог буржуазии приветствовал уравнение чиновничества с дворянством. Ришелье же как идеолог дворянской монархии считал это злом. Во-первых, злом были в его глазах те политические претензии, которые неизбежно следовали за возвышением буржуазного чиновничества. Целый раздел главы «О третьем сословии» носит характерное название: «Раздел третий, показывающий сколь важно помешать, чтобы судейские должностные лица не наносили ущерба королевской власти» [1]. Во-вторых, злом было «принижение» главной опоры монархии — дворянства, — пропорциональное возвышению буржуазного чиновничества. «Дворянство, — пишет Ришелье, — следует рассматривать как один из главнейших нервов государства, могущий много способствовать его сохранению и устроению. Оно в течение некоторого времени было столь принижено большим числом должностных лиц, которых зло века возвысило в ущерб ему, что теперь весьма нуждается в поддержке против притязаний этих людей. Богатство и чванство одних усугубляет нужду других, богатых только храбростью, побуждающей их легко отдавать жизнь за то государство, соки которого вытягивают должностные лица» [2]

Однако, констатировав это «зло века», столь любезное сердцу Луазо, и указав ряд мер к его уменьшению, включительно до сокращения сети учебных заведений, только «наполняющих Францию крючкотворами» и отвлекающих людей от торговли и земледелия [3], Ришелье не находит возможным ликвидировать его вкорне, путем отмены продажи и наследственности должностей. Одна из самых любопытных идей «Политического завещания» состоит как раз в том, что огромная роль буржуазного чиновничества во Франции объявляется хотя и злом, но злом неизбежным и необходимым с точки зрения интересов государства.

Ришелье, например, признает, что лучшим средством исправить расстройство суда было бы отменить продажность и наследственность должностей, «но, — продолжает он, — бесполезно предлагать сейчас это средство для достижения цели, ибо это не такая вещь, которую можно осуществить в настоящее время, да и в какое-либо иное время будет затруднительно применить это средство» [4]. Самое «зло» оказывается необходимым элементом, поддерживающим существующий порядок. При учреждении нового государства, поясняет Ришелье, следовало бы вводить самые разумные и совершенные законы, «но мудрость не позволяет действовать таким способом в старинной монархии, несовершенства которой вошли в привычку и беспорядок которой составляет (не без пользы) часть государственных порядков» [5]. Совершенно так же ставится у Ришелье и вопрос о роли «финансистов» в государственной системе: «Финансисты и откупщики представляют особый класс, вредный для государства, но тем не менее необходимый. Этот вид должностных лиц есть зло, без которого невозможно было бы обойтись, но которое надо уменьшить до терпимого предела» [6].

Иными словами, сближение дворянского государства с буржуазией, которого так жаждала буржуазия, в глазах дворянского государства было всего лишь «неизбежным злом».

Почему же это зло было неизбежно? Ответ надо искать, с одной стороны, в основном классовом назначении абсолютной монархии, с другой стороны, в свойствах и особенностях ее 1) аппарата власти, 2) финансов и 3) военного дела. Нам будет удобней начать пояснение не с основного, а с этих вторичных пунктов.

---

[1] Richelieu «Testament politique», Livre I, p. 173—175.

[2] Ibidem, p. 140.

[3] Ibidem, p. 124—127.

[4] Ibidem, p. 154.

[5] Ibidem, p. 156.

[6] Ibidem, p. 176.

1. Аппарат власти. По мере развития феодального общества, по мере углубления и обострения в нем классовой борьбы государственная власть все более обособляется от самого господствующего дворянского класса; на последнем этапе она становится относительно самостоятельной силой. Это значит, что государство теперь представляет и защищает наиболее общие, собирательные интересы всего дворянства. Но эти общие интересы в той или иной степени неизбежно противоречат интересам любого отдельного дворянина или любой группировки, фракции внутри класса. Возникает своеобразное затруднение: аппарат власти дворянского государства не может находиться в руках дворян, ибо присвоение этого аппарата любой группой дворян неизменно вызывает протесты, а там и открытую борьбу со стороны других элементов дворянского класса. К тому же среди дворянства сильны и живучи были тенденции феодального сепаратизма и партикуляризма. Выход заключался только в передаче аппарата власти в руки чиновников, которые сами не принадлежали бы к дворянству. Этот выход стихийно нащупывался с развитием абсолютизма, и Ришелье на практическом опыте убедился в необходимости буржуазной бюрократии. Один из его аргументов за необходимость примириться с системой продажности и наследственности должностей состоит в указании на то, что иная система — назначение чиновников по благоусмотрению короля — открыла бы возможность различным фаворитам и вельможам с помощью интриг и королевских милостей ставить на должности своих людей, а следовательно, и влиять на государственные дела [1]. Опора на бюрократию (а тем самым и на буржуазию) была необходима именно для того, чтобы сохранить государство как орудие дворянства. Но непосвященный посторонний наблюдатель, секретарь английского посольства Даллингтон, с удивлением писал о Франции еще в конце XVI века: «Невероятно, что в прекрасной стране, полной дворянства, государство управляется и все дела руководятся людьми de la Robba longa (длинной мантии), адвокатами, прокурорами и дворянами пера и чернил» [2].

2. Финансы. Как в начале средневековья феодальное поместье было не только экономической организацией, но и политической, так в конце средневековья абсолютизм был не только политической организацией, но и экономической. В начале средневековья феодальная рента совпадала с налогом, в конце — налог является не чем иным, как централизованной феодальной рентой, достающейся тем же феодалам, но из рук короля. Абсолютизм — это не только государство дворян, но и своего рода макро-поместье. Поэтому централизованная рента в своем развитии отчасти сталкивалась с сеньериальной рентой и постепенно ущемляла ее, но преимущественно должна была складываться из тех доходов населения, которые не могли быть присвоены феодалам ввиде сеньериальной ренты. Значит, абсолютизм был заинтересован в наличии нефеодального богатства в стране, в буржуазном накоплении, в формировании прибыли, противостоящей ренте. В самом деле, на массе непосредственных производителей уже лежало бремя сеньериальных повинностей. Стоило государству экспроприировать их скудные накопления, их наличное имущество, — и дальнейшее увеличение налогов неизбежно должно было приводить к столкновению между интересами дворянского государства и интересами класса дворян. Предотвратить такое столкновение можно было только путем расширения прямого подкармливания дворян государством из фонда централизованной ренты, но это требовало в свою очередь увеличения государственных доходов и т. д. Выход из затруднения мог заключаться только в том, чтобы направить фиск преимущественно не на народные массы, а на имущество буржуазии. По словам Ришелье, «при большой нужде государства монарх должен обращаться по мере возможности предпочтительно к избыткам богатых людей, прежде чем чрезвычайными мерами делать кровопускание бедноте» [3]. Савари, всесторонне обосновывая пользу коммерции, между прочим, пишет: «Короли также извлекают для себя из коммерции превеликую пользу, ибо сверх пошлин, которыми оплачиваются ввозимые в королевство и вывозимые товары, справедливо будет сказать, что вся денежная наличность, находящаяся в руках банкиров и купцов — вот откуда откупщики и дельцы извлекают те огромные суммы, в которых короли подчас имеют надобность для великих предприятий» [4]. Отсюда — экономическая политика, называемая меркантилизмом или кольбертизмом. Чем более ускользал капитал от обложения через лазейку кредита, тем энергичнее старался абсолютизм стимулировать и поощрять именно торгово-промышленное накопление. Но не явится ли капиталистическое накопление все-таки простым перераспределением богатств внутри страны? Не произойдет ли оно за счет господствующего дворянского класса? Эта опасность отпадает, если капиталистическое накопление будет результатом выкачки средств не из внутренних ресурсов страны, а исключительно из иноземных государств.

Обоснованию этой «кольбертистской» программы посвящен большой раздел в «Политическом завещании» Ришелье. Замечательно, что абсолютизм, как гигантское воспроизведение феодального поместья, стремился в тенденции к своего рода гигантскому «натуральному хозяйству»: прежде всего ни в чем не нуждаться для ввоза, а затем уже сбывать что-либо соседям (или в колонии), исполь-

[1] Richelieu «Testament politique». Livre I, p. 155—156.

[2] Dallington «Vue de la France vers l'an 1598». Цит. по Mariéjol, p. 5.

[3] Richelieu «Testament politique». Livre I, p. 181.

[4] Savary. Op. cit. T. I, p. 2.

зуя их нужду в покупках как их слабость. Задача развития французской промышленности выступает в этой программе преимущественно как вспомогательное средство к ликвидации импорта: «Франция достаточно искусна в промышленности (industrieuse), чтобы обойтись, если она захочет, без лучших мануфактур своих соседей»[1]. «Если только мы сумеем воспользоваться преимуществами, данными нам природой, мы извлечем деньги из тех, кто будет приобретать наши столь необходимые для них товары, а сами не будем особенно обременять себя их продуктами, очень мало нам полезными. Испанские, английские и голландские сукна нужны только для роскоши; но мы можем изготовлять их такого же хорошего качества»[2]. Но в глазах буржуазии именно этот вспомогательный пункт мог составлять главную притягательную сторону кольбертизма: протекционистская таможенная политика ограждала французский капитализм от иностранной конкуренции.

И все-таки этой приманкой нельзя было не только при Ришелье, но и при Кольбере заставить основную массу буржуазии забыть о скрытом назначении всего «покровительства», забыть о неминуемой экспроприации накопленных капиталов и перенести последние из ростовщичества в торговлю и промышленность. О Кольбере хорошо сказал историк Энар: «История Кольбера — это история выдающегося буржуа, который пытался стимулировать активную часть своего класса, но убеждался, что она все более и более предпочитает должности и чины торговле и промышленности»[3].

Поэтому на сцену появлялся второй элемент кольбертизма (меркантилизма) — привилегии и монополии. Если протекционизм в известной мере содействовал развитию капитализма, то привилегии и монополии хотя и создавали отдельных капиталистов, но разрушали капитализм. Для развития капитализма не было нужно как раз ничего, кроме ликвидации всех и всяческих привилегий. На Генеральных штатах 1614 г. третье сословие выставило просьбу, «чтобы было разрешено всем купцам производить торговлю внутри и вовне королевства любыми видами припасов и товаров, а всем ремесленникам и другим лицам — работать и давать работу в любой отрасли производства, невзирая на какие-либо привилегии, дарованные кому бы то ни было»[4]. Но поскольку буржуазия имела возможность приобщиться через кредит к привилегиям, ее можно было заставить сохранять капиталы в «коммерции» тоже только путем дарования ей привилегий. Если в Англии XVI—XVII вв. правительство создавало монополии, используя конкуренцию в рядах буржуазии, то во Франции монополии должны были возместить отсутствие конкуренции и инициативы. В колониальные, торговые и промышленные предприятия, затеваемые правительством в XVII в., капитал просто не шел, если его не заманивали туда привилегиями, т. е. если не давали ему той или иной гарантии от экспроприации. Это был порочный круг: капитал таким путем снова ускользал из рук фиска, государство попрежнему оставалось прикованным к кредиторам и ростовщикам, к покупателям должностей и откупщикам налогов. А всю тяжесть налогов приходилось попрежнему взваливать на плечи народных масс.

Мы уже знаем, что буржуа, оставляя свой капитал в «коммерции», требовал, чтобы полученные им в этой сфере привилегии в конечном счете вели его к тому же положению в дворянском обществе, которое он мог получить через должность. И государству приходилось соглашаться на это. Торговцам и промышленникам раздавались дворянские титулы. Ришелье, изложив свой меркантилистский план развития внешней торговли для обогащения Франции, заканчивает, обращаясь к королю: «Если в дополнение к этому средству ваше величество соблаговолило бы даровать торговле некую прерогативу, дающую купцам степень (le rang), в то время как ваши подданные нередко извлекают таковую из различных должностей, которые хороши только тем, что поддерживают их праздность и льстят их женам, — ваше величество восстановило бы коммерцию»[5]. А на полях одной поданной ему докладной записки о торговле, против места, где говорилось, что «купцы, имевшие обыкновение заниматься коммерцией, ныне набросились на государственные должности», Ришелье написал: «лекарство — уничтожить много должностей и дать коммерции премии (prix), а купцам — степень»[6].

По этому порочному кругу двигалась финансовая политика французского абсолютизма в течение всего XVII века. Только в XVIII в. начались некоторые реформы, которыми пытались устранить самый корень «неизбежного зла» путем лишения буржуазии ее кредитных возможностей, чтобы капиталу оставалось единственное поле — «коммерция», с одновременным отказом ему во всяких привилегиях, «прерогативах» и «степенях» под лозунгом: «Laissez faire, laissez passer». Но это соответствовало и объективным потребностям развития капитализма.

3. Военное дело. Появление абсолютизма почти во всей Европе одновременно, в последние десятилетия XV века, совпадает с моментом завершения в основном национально-государственного объединения и размежевания европейских стран. Поэтому главным содержанием военной политики абсолютизма повсюду и особенно наглядно во Франции является уже не завоева-

[1] Richelieu «Testament politique». Livre II, p. 128.
[2] Ibidem, p. 127.
[3] Aynard J. Op. cit., p. 299—300.
[4] Fl. Rapine. Op. cit., supplément, p. 219.
[5] Richelieu «Testament politique». Livre II, p. 138.
[6] Richelieu «Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'État». T. III. p. 179.

ние новых национальных территорий, так же как и не простая защита старых от соседей, а именно стремление к войнам как таковым. Французское дворянство непрерывно требовало войн у своего государства, так как служба в королевской армии могла быть источником существования для множества беднеющих дворян. Это был более важный путь подкармливания дворянства из королевской казны чем пенсии и пожалования придворным дворянам.

В свою очередь и абсолютистское государство требовало от дворян военной службы. Это была единственная компенсация, которую оно могло получить за предоставление дворянам неисчерпаемого фонда централизованной ренты. По мнению Ришелье, государство должно стараться доставить тем дворянам, которые не имеют сеньериальных доходов, «средства существовать в чистоте сердца, получаемой ими от своего происхождения» [1]. Но это относится только к тем, кто «служит короне шпагой и жизнью с постоянством и твердостью» [2], тогда как дворяне, не служащие в войсках, не только бесполезны, но и в тягость государству [3]. Ришелье предлагает вдвое уменьшить расходы на пенсии, чтобы не поощрять «безделие двора» и принудить дворян к военной службе [4]. Того же он требует и от дворянства, живущего сеньериальными доходами: «Дворяне всегда были главным нервом этого королевства, и они обязаны служить ему во время войны, потому что фьефы были даны им на этом условии и потому что в мирное время они имеют, превосходство над народом» [5]. Сельские дворяне в общем охотно откликались на этот призыв; война давала им возможность восполнить свои скудные сеньериальные доходы также и военным грабежом.

На государственный бюджет война все же ложилась огромным бременем. Но раз внешняя цель войны была для массы дворян безразлична, раз она для них была самоцелью, — не могло ли государство направить ее на такие объекты, которые в конце концов компенсировали бы казну? Но выгодной война могла быть, учитывая сказанное выше, только как торговая война, как обеспечение французским купцам лучших условий международной торговли, как новая премия им в расчете на их последующую экспроприацию. Вот почему, например, при Людовике XIV дворянские, по существу, войны французского абсолютизма оказывались одновременно («неизбежное зло»!) торговыми войнами. Впрочем, известно, что они все же не дали заметного экономического эффекта.

Однако главная функция абсолютизма была все же не в том, чтобы кормить дворянство и добывать для этого средства. Для того чтобы до конца понять, почему союз с буржуазией был «неизбежным» злом для дворянской монархии, необходимо теперь обратиться к ее основному назначению.

В истории Франции XVII век, великий век абсолютизма, был и великим веком крестьянских и плебейских восстаний. Подавлять их, держать в повиновении клокочущую народную массу — это и было основным назначением абсолютизма. В высказываниях руководящих государственных деятелей того времени — как ни тщательно скрыта правда под покровом их аристократического молчания обо всем, что касается народа — можно собрать целый букет случайно вырвавшихся признаний, отражающих то, что у них в действительности лежало на сердце. Вот всего лишь несколько примеров. Генрих IV, давая в 1594 г. в письме к маркизу Бурдейлю инструкцию, как умиротворить и подавить восставших в Лимузене крестьян — «кроканов», — говорит о возможном «гибельном последствии» этого восстания, особенно если оно охватит и другие провинции, и словно сквозь зубы роняет: «Ничего не может быть опаснее для моих интересов (pour mon service), чем не противиться им и дать продолжать» [6]. А через несколько дней, в письме к Ла Шезу уже по поводу восстания «кроканов» в другой провинции, Сентонже, он прекрасно выразил и классовую природу власти, противостоящей крестьянам, призывая «помощь всех моих добрых слуг, преимущественно дворянства, составляющего главную силу этой провинции и в особенности заинтересованного в подавлении восстания» [7]. Ришелье, казалось бы, так поглощенный борьбой с некоторыми вождями феодальной аристократии, однажды бросил фразу: «Нам надо больше бояться недовольства народа, чем могущества господ принцев» [8]. От имени короля он писал начальнику войск, подавившему в 1639 г. нормандских «босоногих»: «Вы не могли бы доставить королю большего удовлетворения, чем вы доставили поражением нормандских мятежников» [9]. Еще раньше, в 1637 г., он так поздравлял герцога де Ла Валетт с победой над «кроканами»: «Положение, к которому вы привели кроканов, столь выгодно для интересов короля (au service du roi), столь полезно для благосостояния его дел и столь достославно для вас, что в дополнение к уже высказанной мною радости, доставленной таким счастливым успехом, я не могу дать маркизу де Дюра вернуться в места, где вы находитесь, не высказав вам ее еще раз в этих строках. Он расскажет вам подробно об удовлетворении его величества вашим поведением в этом случае, о его признательности за ваш способ действий... Я хочу верить, что вы будете так же счастливы против испанцев, как были против не-

[1] Richelieu «Testament politique». Livre I, p. 143.
[2] Ibidem, p. 142.
[3] Ibidem, p. 141.
[4] Ibidem. Livre II, p. 160
[5] Ibidem, p. 87.

[6] «Recueil des lettres missives de Henri IV». T. IV, p. 156.
[7] Ibidem, p. 165.
[8] Richelieu «Lettres etc.». T. I, p. 156.
[9] Ibidem. T. VIII, p. 360.

счастных мятежников»[1]. А сам Людовик XIII откровенно признался одному губернатору по поводу восстания «крокантов» в 1636 г., что «эти народные волнения до того выводят его из себя, что нет способа оказать ему более приятную услугу, чем содействуя их подавлению»[2]. Все такого рода психологические штрихи и беглые признания приподнимают, разумеется, только краешек завесы над тем, в чем, может быть, и сами не смели себе сознаться эти короли и министры.

Ришелье с ужасом говорил о народе: «Не будите это грубое животное!» Вся его внутренняя политика полна смутным ожиданием удара с этой стороны и маневрированием, чтобы избежать этого удара или подготовить ответные удары; «надо спать как лев,— пишет он,— не закрывая глаз, которые должны быть всегда открыты, чтобы предвидеть малейшую могущую произойти неприятность»[3]. Даже налоговый гнет в его глазах был средством удержания народа в безропотной покорности. «Все политики,— пишет он,— согласны в том, что если бы народ был слишком зажиточен, его нельзя было бы удержать в правилах его долга. Они основываются на том, что, имея меньше знаний, чем другие сословия государства, несравненно лучше воспитанные и более образованные[4], народ едва ли оставался бы послушен правилам, предписываемым ему разумом и законами, если бы он не был сдерживаем некоторой нуждой. Разум не позволяет освободить его от всяких тягот, ибо, потеряв в таком случае знак своего подчинения, народ забыл бы о своей участи и, будучи освобожден от податей, вообразил бы, что он свободен и от повиновения. Его следует сравнить с мулом, который, привыкнув к тяжести, портится от продолжительного отдыха сильнее чем от работы»[5].

Ришелье, конечно, сознавал, что на практике налоговое бремя не столько смиряет и усыпляет народ, сколько «будит» его, вызывая восстания. Поэтому «разум» требует одновременно и осторожности. «Но подобно тому, — продолжает Ришелье, — как работа мула должна быть умеренна и нагрузка этого животного должна соразмеряться с его силой, то же должно быть соблюдаемо и относительно повинностей народа»[6]. В глубине этой оговорки скрыто признание в том, что всякий мыслимый предел «нагрузки» народа в действительности давно перейден и что в силу диалектики, которая была не чужда мышлению Ришелье, перегрузка не менее чем недогрузка может привести к тому, что народ «вообразил бы, что он свободен от повиновения». Со всех концов Франции приходили вести о том, что это действительно так.

В другом месте Ришелье более решительно заявляет, что всякое дальнейшее увеличение налогового бремени не только экономически невыгодно, но недопустимо и политически, так как грозит самому существованию французской монархии. «Никакой политический разум (raison politique),— пишет он, — не может допустить бесполезного увеличения бремени, лежащего на народе; это значит навлекать на себя общественные проклятия, за которыми следуют весьма большие неприятности, ибо несомненно, что государь, взимающий больше, чем следует со своих подданных, достигает только того, исчерпывая их кошельки, что исчерпывает их любовь и верность, гораздо более необходимые для существования государства и для сохранения его персоны, чем то золото и серебро, которое он может зато положить про запас в свои сундуки»[7]. Заметим, что эти слова, почти открыто говорящие об угрозе революции в случае увеличения налогового гнета, исходят от того самого человека, который в течение всего своего правления, наперекор собственным советам, принужден был увеличивать налоговый гнет и поэтому непрерывно был занят подавлением зачатков революции. Примерно за год до смерти, 10 октября 1641 г., Ришелье писал королю: «Если господа члены совета будут предоставлять откупщикам свободу обращаться с подданными короля согласно их неумеренному аппетиту, во Франции безусловно произойдут некие беспорядки, подобные испанским»[8].

То, о чем почти не решались прямо говорить руководящие деятели дворянской монархии, гораздо более смело, с почти неприличной откровенностью высказали ораторы третьего сословия на Генеральных

---

[1] Richelieu «Lettres etc.». T. V, p. 792—793.

[2] Avenel «Richelieu et la monarchie absolue». T. IV, p. 190.

[3] Richelieu «Testament politique». Livre II, p. 26.

[4] Ришелье здесь несколько противоречит себе, так как в другом месте он представил именно чрезмерное распространение образования как угрозу повиновению и порядку: «Хотя образованность совершенно необходима в любом государстве, она несомненно не должна сообщаться всем без разбора. Как тело, имеющее глаза на всех своих частях, было бы чудовищно, так и государство, если бы все подданные были учеными; в нем послушание было бы столь же редко, сколь постоянны были бы надменность и самонадеянность... Если бы образование профанировалось всеми сортами умов, то обнаружилось бы более людей способных создавать сомнения, чем разрешать их, и многим было бы более свойственно восставать против истины, чем защищать ее. Вот из какого соображения политики хотят, чтобы в упорядоченном государстве было больше мастеров механических профессий, чем мастеров либеральных профессий, насаждающих образование» (Richelieu «Testament politique». Livre I, p. 124—125).

[5] Richelieu «Testament politique». Livre I, p. 179—180.

[6] Ibidem, p. 180.

[7] Ibidem. Livre II, p. 149—150.

[8] Richelieu «Lettres etc.». T. VI, p. 881. Испанская монархия находилась на краю гибели из-за восстания в Каталонии, отпадения Португалии и т. д.

штатах 1614 года. Хотя в тот момент наблюдалось как раз затишье между двумя волнами народных движений, тем не менее они здесь перед лицом хозяев Франции, перед самим королем говорили о призраке надвигающейся революции. Один из лидеров третьего сословия, Саварон, рассказав о непомерных расходах казны, о притеснениях и обременении народа, закончил так: «История учит нас, что римляне обложили французов такими тяжелыми податями, что последние, наконец, сбросили иго подчинения и этим заложили первые основы французской монархии. Народ обременен тальей в такой мере, что можно бояться, как бы не случилось опять чего-нибудь подобного; дай бог, чтобы я оказался плохим пророком»[1]. Другой лидер третьего сословия, Роберт Мирон, выдвинул ту же угрозу. Говоря перед королем о непосильных податях, разоряющих простой народ, он прибавил: «Если ваше величество не позаботится об этом, следует опасаться, как бы отчаяние не заставило простой народ понять, что солдат есть не что иное, как крестьянин, носящий оружие; и как бы виноградарь, когда он возьмется за аркебузу, не превратился из наковальни, каковой он является, в молот»[2].

Что означали эти дерзкие слова, раздававшиеся из рядов чиновничества, представлявшего третье сословие на Штатах? Действительный протест против существующего строя, готовность буржуазии объединиться с народом в русле революции? Отнюдь нет, — это исключается хотя бы отмеченными выше усилиями тех же лидеров решительно отмежевать третье сословие от простого народа. Нет, эти слова были лишь угрозой, для того чтобы крепче и лучше устроиться под сенью абсолютизма, чтобы вынудить дворянскую монархию к более тесному сближению с буржуазией. В самом деле, если бы буржуазия объединилась с силами народной революции, такой союз представлял бы серьезную угрозу дворянской монархии. А союз монархии с буржуазией давал гарантию подавления народной революции[3]. Своими дерзкими словами лидеры третьего сословия только напоминали, что им принадлежит роль арбитра. Дело в том, что кое-кто из дворянства предлагал в это время ликвидировать наследственность и даже отменить продажность должностей. Это как раз и значило — вытолкнуть буржуазию из-под сени абсолютизма. Лидеры буржуазии напоминали, что это может плохо кончиться.

Вот та конечная причина, которая делала засилие буржуазного чиновничества «неизбежным злом» в глазах французского абсолютизма, в частности в глазах Ришелье. Он сам пишет об этом в недвусмысленных выражениях. Сюлли, по его словам, следующим образом объяснял ему причину установления наследственности должностей при Генрихе IV: «Этот великий государь не столько принимал в соображение доход, который он мог таким образом извлечь, сколько средство гарантировать себя на будущее от подобных неприятностей (т. е. революционных событий времен Лиги). Хотя фиск и сильно повлиял на него, но государственный интерес (la raison d'État) был более влиятельным в этом случае». Сам Ришелье тоже исходит из raison d'État. Считая систему продажи и наследственности должностей злом, он, однако, не находит возможным ее упразднить: «Едва ли возможно изменить установленный порядок замещения должностей, не ожесточив сердца тех, кто ими владеет, — а в этом случае следует опасаться, что хотя они в прошлом немало послужили для удержания народа в границах долга, в будущем они станут содействовать его возмущению больше, чем кто бы то ни было»[4]. Иными словами, «зло» неизбежно, потому что его уничтожение привело бы к разрыву буржуазии с абсолютизмом, к объединению ее с народными антиабсолютистскими силами. Вот заключение Ришелье: «Вместо того, чтобы отмена продажности и наследственности должностей открыла двери добродетели, она открыла бы двери крамоле и мятежам (aux brigues et aux factions)»[5]. Напротив, «чиновник, вкладывающий в должность наибольшую часть своего имущества, немало будет сдерживаем от зла (de mal faire) страхом потерять свои ценности; и в таком случае, цена должности — неплохая плата за верность чиновника»[6]. Не ясно ли отсюда, что «лучше уж оставить продажность и наследственность должностей, чем отменить эти два установления, которые трудно сразу изменить, не потрясая государства»[7].

Еще конкретнее развита эта мысль Ришелье в одной любопытной статье в XII томе официозного правительственного ежегодника «Mercure français». Эта статья — перепечатка брошюры, выпущенной к собранию нотаблей 1626 г. и написанной если не самим Ришелье, то близкими к нему лицами. Отвергая предложения об отмене «полетты» — платы за наследственность должностей, — автор статьи пишет: «Без сомнения, полетта — большое зло, но тем не менее она породила то благо, что в течение последних волнений (речь идет о смутных годах малолетства Людовика XIII) ни одно должностное лицо не нарушило своего долга. А причина этого кроется в том, что чрезмерная цена их должностей всех их заинтересовывает в сохранении мира и выполнении долга перед королем»[8]. К каким же последствиям привело бы «на-

---

[1] Fl. Rapine. Op. cit., p. 146; см. также p. 116.

[2] Ibidem, p. 451.

[3] Один англичанин писал в начале XVII в., что во Франции «все высшие классы находятся в заговоре для подавления и порабощения народа». Цит. по Hanotaux. T. I, p. 481—482.

[4] Richelieu «Testament politique». Livre I, p. 159.

[5] Ibidem.

[6] Ibidem, p. 157.

[7] Ibidem, p. 166.

[8] «Mercure français». T. XII, p. 788.

рушение своего долга» чиновниками? Ход мысли в статье таков же, как и в цитированных словах Ришелье: обида чиновной буржуазии бросила бы ее в объятия народа, а это означало бы неизбежную революцию. Обращаясь к нотаблям, автор статьи говорит: «Особенно, господа, остерегайтесь вселять недовольство в должностных лиц, если вы не сумеете в то же время облегчить участь народа и завоевать его расположение. Так, Генрих III оказался плохим дельцом. В 1582—1585 гг. он отменил торговлю должностями и право передавать их другим лицам, а в 1588 г. все города Франции восстали против него. Я знаю, что и другие неудачи способствовали этому мятежу, но верьте мне — именно это много ему содействовало. Естественно, что народ любит перемены и устремляется к ним, если его не сдерживает страх наказаний. Поэтому когда магистраты подстрекают народ к этому или смотрят на это сквозь пальцы, все ввергается в беспорядок» [1].

В XVIII в. в результате развития капитализма, изменения характера народных движений, отчасти перерождения самого абсолютизма и изменения его политики — произошел разрыв симбиоза дворянской монархии с буржуазией. Буржуазия смогла объединиться с народом в «третьем сословии», ринуться в революцию и обрести в ней, наконец, свою полную классовую природу. Но рассмотрение этих сдвигов XVIII в. не входит в задачу настоящей статьи.

---

[1] «Mercure français», T. XII, p. 788.

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1918—1929)*

А. Гальперин

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру мировой истории и вызвала небывалый подъем революционного движения в странах Дальнего Востока. В Японии в августе 1918 г. происходят знаменитые рисовые бунты[1], самое крупное, действительно всенародное движение против помещичье-буржуазного правящего блока, который, нажив огромные прибыли на военной конъюнктуре 1914—1918 гг., бешеной спекуляцией на рисовых ценах создал невыносимые условия существования для рабочих и крестьян. Несмотря на жестокое подавление рисовых бунтов полицией и войсками, рабочее и студенческое движение и в последующие годы не ослабевает. Правительство было принуждено пойти на некоторые уступки: создание парламентского кабинета (1918 г.), впервые возглавленного членом нижней палаты (т. е. не титулованным дворянином), небольшое снижение имущественного ценза для избирателей (1919 г.). Забастовочное движение растет, охватывая крупнейшие японские предприятия (заводы Явата, верфи Кавасаки и Мицубиси в Кобэ и т. д.) и десятки тысяч рабочих. В июле 1922 г. была организована японская коммунистическая партия.

В Корее в марте 1919 г. происходит крупное антияпонское восстание под лозунгом национальной независимости Кореи. Восстание вспыхнуло в то время, когда в Версале заседала мирная конференция. Лидеры восставших ожидали, что эта конференция и, в частности, представители США окажут поддержку Корее в ее борьбе против японского империализма, за национальное освобождение[2]. Однако представитель Кореи даже не был допущен на конференцию. Восстание корейцев было подавлено Японией с обычной жестокостью: было убито и ранено свыше 50 тыс. корейцев[3]; безоружные демонстранты расстреливались полицией и войсками. Однако под давлением всенародного антияпонского движения правительство Японии принуждено было сделать кое-какие изменения в военном режиме, установленном для Кореи: жандармерия была заменена полицией, введены зачаточные формы корейского муниципального самоуправления, туземная буржуазия получила некоторую возможность расширения своей коммерческой деятельности.

В Китае подъем антиимпериалистического движения, национально-освободительной борьбы был связан с решением версальской конференции о передаче Японии германской арендованной области в Шаньдуне (май 1919 г.). Очень скоро движение приняло общенародный характер, начался массовый бойкот японских товаров, который не прекращался в отдельных провинциях до разрешения шаньдунского вопроса в 1922 году[4]. Пекинскому правительству были предъявлены требования об увольнении наиболее ненавистных народу японских ставленников (Цао Жулиня и др.), и правительство принуждено было выполнить эти требования. Вскоре (1920 г.) было свергнуто все аньфуистское правительство во главе с Дуань Цижуем. На юге укрепляется революционное правительство Сунь Ятсэна. Значительно растет рабочее движение (91,5 тыс. стачечников в 1919 г., 108 тыс.— в 1921 г.), организуется китайская компартия (1921 г.). В 1922 г. происходит крупнейшая победоносная стачка гонконгских моряков, продолжавшаяся свыше полутора месяцев. Экономические требования стачечников постепенно сменялись политическими, направленными против британского империализма. Только в силу этого подъема национально-освободительного движения пекинское правительство, в составе которого не переводились ставленники Японии (Чжан Цзолинь и др.), не решилось вступить в

---

* Продолжение. См. «Историк-марксист» № 4 за 1939 год.

[1] См. «Коммунистический Интернационал» № 26—27 за 1933 г., статья тов. Сэн Катаяма; см. также «Тихий океан» № 1 за 1934 г. «Выступление Итикава на суде по вопросу об истории японской компартии».

[2] В Корее было создано тайное революционное правительство, вскоре вынужденное эмигрировать в Шанхай.

[3] Chung H. «The Case of Corea».

[4] Remer C. «A Study of Chinese Boycotts». Baltimore. 1933.

переговоры с Японией о компромиссном решении шаньдунского вопроса, чего усиленно добивались японские дипломаты. Твердость и единодушие китайского народа в отстаивании своих прав на Шаньдун явилось одной из причин, в силу которой Япония принуждена была согласиться на возвращение Китаю провинции Шаньдун.

I. Интервенция Японии и других империалистических государств на Советском Дальнем Востоке[1]

Великая Октябрьская социалистическая революция в России, вызвавшая невиданный подъем революционного и национально-освободительного движения во всех странах мира, не могла не возбудить бешеную ненависть империалистов. Интервенция империалистов имела целью стереть с лица земли Советскую республику.

Инициатором и главным организатором интервенции на Советском Дальнем Востоке была Япония. И Япония же последней из интервентов вывела свои войска с советской территории. Еще в конце 1917 г. Япония официально заявила державам Антанты, что она готова начать интервенцию, если ей будет обеспечена территориальная компенсация и право выступить самостоятельно, без участия других держав. Только ввиду возражений США, опасавшихся значительного усиления позиций Японии на Дальнем Востоке, осуществление интервенции несколько задержалось, хотя Англия и Франция полностью поддержали японскую инициативу. Под давлением США Японии пришлось официально заявить, что она не ищет территориальной компенсации в СССР (сообщение 2 августа 1918 г.)[2].

Однако это заявление не помешало ей добиваться самыми различными способами как захвата части территории Советского Дальнего Востока, так и концессий для японских капиталистов.

Формальным поводом для японской интервенции явилось организованное японцами нападение на японскую контору во Владивостоке и провокационное убийство двух японцев. Интервенция, продолжавшаяся свыше четырех лет (1917—1922 гг.), может быть разделена на два этапа. На первом этапе (апрель 1918 г.— начало 1920 г.) интервенция осуществлялась всеми союзниками сообща, однако и в этот период Япония вопреки соглашению между союзниками послала войск в десять раз больше чем все остальные союзники, вместе взятые[3]. Интервенция на этом этапе охватила территорию Советского Дальнего Востока и Забайкалья и была тесно связана с колчаковской белогвардейщиной в Сибири.

Борьба против интервентов, главным образом против японцев и их белогвардейских наймитов, велась партизанами — рабочими и крестьянами Дальнего Востока. Под руководством партии большевиков постепенно во всех районах Дальнего Востока создавались подпольные штабы партизанских отрядов. Несмотря на недостаток вооружения и преобладающую численность интервентов, партизаны, руководимые такими талантливыми полководцами, как Лазо, Журавлев, Серышев и др., наносили значительный урон японским и белогвардейским войскам. Они вели в Забайкалье, на Амуре и в Приморье упорные бои, в значительной мере парализуя железнодорожное движение и телеграфную связь.

После решающих побед Красной Армии в Сибири над Колчаком во второй половине 1919 г. начинается второй этап интервенции. Под влиянием растущего со стороны трудящихся всего мира протеста против интервенции союзники эвакуировали свои войска с Дальнего Востока (начало 1920 г.). Япония не пожелала последовать этому примеру и для того, чтобы «оправдать» оставление своих войск на советской территории, организует в ночь с 4 на 5 апреля 1920 г. вторую грандиозную провокацию, внезапно напав (конечно, под предлогом обороны) во всех крупных центрах Приморья на революционные отряды, занявшие с начала года все Приморье.

На этом втором этапе, продолжавшемся с апреля 1920 г. по конец октября 1922 г., интервенция осуществлялась только японскими войсками. Территория, занятая интервентами в этот период, охватывала Приморье, Камчатку и Сахалин, захваченный японцами в апреле 1920 г. после николаевского инцидента, когда японцы, нарушившие договор с партизанами, были перебиты ими в Николаевске на Амуре[4]. Амурскую область и Забайкалье японцы принуждены были очистить под давлением народно-революционной армии, образованной из частей Красной Армии и партизанских отрядов Дальнего Востока.

6 апреля 1920 г. по предложению Ленина в Верхнеудинске было образовано правительство Дальневосточной республики (ДВР). «Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку ее военные силы там распоряжаются»[5],— говорил Ленин. Создание ДВР имело целью «попытаться не только отдалить войну с

---

[1] «Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах». Центрархив. 1934. Д ж о н У о р д «Союзная интервенция в Сибири»; «Papers relating to the Foreign Relations of the United States» 1917—1920.

[2] «Архив полковника Хауза». Т. III. М. 1939. «Papers relating...» Vol. II, p. 324—325. 1918.

[3] Япония послала на наш Дальний Восток свыше 100 тыс. войск, американских войск было не больше 7 тысяч.

[4] 21 апреля 1920 г. японский десант высадился в Александровске, в порту стал броненосец «Микаса».

[5] Л е н и н. Соч. Т. XXVI, стр. 6—7.

Японией, но, если можно, обойтись без нее»[1]. ДВР неоднократно пыталась договориться с японским правительством об эвакуации японских войск, гарантируя значительные привилегии для коммерческой деятельности японских капиталистов на нашей территории. Однако на дайренской и чанчуньской конференциях (1921 и 1922 гг.) японцы всячески оттягивали вопрос о сроках эвакуации, предъявляя все новые требования[2]. Только под давлением героической народно-революционной армии ДВР и дальневосточных красных партизан, после разгрома под Волочаевкой (10—12 февраля 1922 г.) и под Спасском (8—9 октября) белогвардейской армии, организованной японцами, а также вследствие мощного движения против интервенции, возглавляемого КПЯ в самой Японии, японские войска были вынуждены очистить наш Дальний Восток (кроме Сахалина) уже без предъявления каких-либо требований.

Интервенция до крайности обострила противоречия империалистических держав, выступавших совместно против Советского Союза. Особенно напряженны были отношения японских и американских войск на Дальнем Востоке. Некоторые симпатии, которые в отдельных случаях (в Хабаровске, например, 27—28 января 1919 г.) проявляли американцы к действиям наших партизан в их борьбе с японцами или с японскими наймитами—белогвардейскими генералами, целиком находят себе объяснение в японо-американском антагонизме. Значительно было также недовольство японскими войсками в войсках других союзников, особенно англичан.

Наглость японских офицеров и генералов и исключительная жестокость японского командования во время интервенции — все это получило объективное отражение в многочисленных мемуарах иностранных представителей (Гревс, Уорд и др.) и в воспоминаниях наших советских дальневосточников. В документах зафиксированы факты артиллерийских обстрелов и сожжения японцами мирных деревень, зверских издевательств над женщинами, детьми и стариками. Гибель Сергея Лазо, беззаветно преданного большевика, талантливого руководителя дальневосточных партизан, заживо сожженного интервентами в паровозной топке,— один из самых памятных моментов этой кровавой эпопеи японской интервенции. Японские наймиты — белогвардейские атаманы Семенов, Калмыков и др.— не отставали от своих хозяев в изощренной жестокости и наглом ограблении мирного населения. Расхищение природных богатств нашего Дальнего Востока, вывоз золота, военного имущества, на продаже которого в Китай наживались японские правители[3], довершают картину того глубокого разорения и опустошения, которые нанесла интервенция краю.

[1] Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 7.

[2] «Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах». Центрархив, стр. 126—128 и др.

[3] «China Year-Book 1924», p. 859.

Попытки Японии к захвату МНР. Япония не ограничилась попыткой захватить Советский Дальний Восток: одновременно она делала попытки завладеть Внешней Монголией[4]. В борьбе против японских интервентов и их агентов — белогвардейских генералов и китайских милитаристов — создается под руководством Сухэ-Батора и Чойбалсана Монгольская народно-революционная партия, организовавшая народную армию и после разгрома интервентов заложившая основы Монгольской народной республики.

Японцы за 1919—1921 гг. трижды пытались завладеть Монголией. Первая попытка была сделана в феврале 1919 г. через атамана Семенова, устроившего в Чите панмонгольский съезд. Характерно, что на этот съезд представители из Урги (теперь Улан-Батор) отказались явиться. Идея создания панмонгольского государства под протекторатом Японии вызвала протест со стороны Китая. Вторая попытка была предпринята с помощью генерала Сюя, аньфуиста, японского ставленника в китайском правительстве (названного «маленьким Сюем» в отличие от президента Китайской республики Сюй Шичана). Китайские войска под его начальством захватили Ургу и насильно заставили монгольского премьера отказаться от автономии (ноябрь 1919 г.). Однако в середине 1920 г. аньфуистское правительство в Китае было свергнуто и Сюй бежал из Монголии.

Тогда японцы предприняли третью попытку, послав в Монголию помощника Семенова, барона Унгерна, отступившего из Забайкалья под натиском народно-революционной армии. Банды Унгерна заняли Ургу (начало февраля 1921 г.), разоряя, грабя, убивая китайцев, монголов, русских. Созданное по инициативе народно-революционной партии Монголии в Маймачене 13 марта 1921 г. временное народное правительство самостоятельной Монголии обратилось 10 апреля к правительству РСФСР с просьбой о помощи против Унгерна. В это время банды Унгерна вышли из Урги по направлению к советской границе, чтобы осуществить задуманное японцами общее наступление на СССР по всей азиатской границе, от Синьцзяна до Приморья[5]. Совместно с Красной Армией части Монгольской народной армии нанесли решительный удар бандам Унгерна и 6 июля 1921 г. заняли Ургу. 10 июля было организовано народно-революционное правительство независимой Монголии. В 1924 г. в Монголии на первом великом хурале (ноябрь 1924 г.) провозглашена Монгольская народная республика и принята конституция, ставящая в первой главе «Декларации

[4] Каллиников А. «Революционная Монголия»; Майский И. «Современная Монголия».

[5] «Japanese Intervention in the Russian Far East», p. 85—88. Washington, 1922; «Правда» от 12 февраля 1937 года. Текст договора между японским командованием и белогвардейскими генералами о наступлении на СССР.

прав трудящегося населения Монголии» основной задачей ликвидацию остатков феодально-теократического строя и создание нового строя на основе полной демократизации государственного управления [1].

II. Обострение империалистических противоречий на Тихом океане (1918—1922 годы)

Японская интервенция на Советском Дальнем Востоке, неоднократные попытки Японии захватить Внешнюю Монголию и резкое усиление японской агрессии в Китае во время мировой войны — все эти обстоятельства приводят к чрезвычайному обострению противоречий между империалистическими державами. Основой этих противоречий являлось, главным образом, соперничество из-за господства на Тихом океане (по существу, в Китае) между Японией и США. Об этом соперничестве, о надвигающейся я неизбежной войне между США и Японией неоднократно писал В. И. Ленин во время и после мировой войны [2]. США не желали примириться с усилением позиций японского империализма в Китае и на Тихом океане (захват германских островов), с захватом Шаньдуна, с полным подчинением японскому влиянию пекинского правительства. Значительное усиление экономической и финансовой мощи США за время мировой войны, финансовая зависимость Англии и Франции от США, возникшее в результате войны, известное ослабление Англии в силу обнаружившихся центробежных стремлений в Британской империи — все это давало основание ожидать, что США сумеют изолировать Японию и совместно с другими державами заставить ее отказаться от тех захватов, которые она сделала во время войны. Однако версальская конференция не оправдала этих ожиданий.

В Версаль явились представители 27 государств [3], воевавших против германской коалиции, в том числе и представители Китая, который по настоянию США и других союзников объявил войну Германии в августе 1917 года. Китайская делегация приехала на конференцию с требованием изменения режима, установленного для Китая в силу неравноправных договоров [4]. Конференция не пожелала даже слушать этот вопрос. На первых же заседаниях представитель Японии (барон Макино, заместитель главного делегата Сайондзи) поднял вопрос о передаче Японии арендованной Германией области в Шаньдуне и германских островов на Тихом океане к северу от экватора. Это предложение вызвало резкий протест Китая и США. Вопрос был снят и поставлен вновь в конце апреля, опять-таки по инициативе Японии, на «совете трех» без участия Китая. В ответ на возражение США японский представитель огласил секретные соглашения от февраля 1917 г. Японии с Англией и Францией, свидетельствующие о том, что эти державы согласились поддержать на мирной конференции требования Японии о передаче ей арендованной области в Шаньдуне и островов на Тихом океане [5]. Японский делегат грозил в случае отклонения его требований уходом с конференции и отказом от участия в Лиге наций. В эти же дни итальянская делегация из-за разногласий о Фиуме покидает конференцию. По свидетельству государственного секретаря США Лансинга [6], вся американская делегация настаивала на отклонении японских требований, считая, что Япония пытается только запугать конференцию. Вильсон, опасаясь, что его идея создания Лиги наций не осуществится, если две крупные державы (Италия и Япония) откажутся войти в нее, соглашается под давлением Англии и Франции принять японские требования.

Только через несколько дней [7] китайская делегация узнала об этом решении. Тогда в Китае подымается общенародное движение протеста; Китай отказывается подписать версальский договор. Сенат США после длительных дебатов в своей внешнеполитической комиссии и опросов Вильсона по шаньдунскому и другим вопросам [8] также отказывается ратифицировать договор. США в Лигу наций не входят. Вопрос о Шаньдуне остается неразрешенным. Япония несколько раз безрезультатно предлагала Китаю вступить в переговоры о возвращении ему Шаньдуна (без указания срока) на условиях сохранения за японцами экономических привилегий в этом районе. Китайское правительство под давлением общественного мнения продолжало требовать возврата Шаньдуна без всяких условий.

Уступив Японии в Версале, США пытаются ослабить ее позиции в Китае орга-

---

[1] Калинников. Цит. соч., стр. 83; журнал «Современная Монголия» № 3—4 за 1934 год.

[2] См. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 57, 485, 501—506. Т. XXVI, стр. 7.

[3] Решения принимались «советом трех» (Клемансо, Вильсон, Ллойд-Джордж). См. Temperley «A History of the Peace Conference of Paris». Vol. I—VI. London, 1920—1924.

[4] Текст китайских требований. «China Year-Book 1921—1922», p. 719—738.

[5] Только после получения подтверждения своих требований о Шаньдуне и островах от Англии, Франции и царской России Япония согласилась в начале 1917 г. на участие Китая в войне; текст соглашения см. Гримм «Сборник договоров и других документов по Дальнему Востоку», стр. 192—194.

[6] Lansing R. «The Peace Negotiations», p. 217—239. 1921.

[7] «Совет трех» принял японские предложения 30 апреля. Китайская делегация узнала о решении 3 мая.

[8] Mc. Murray. «Treaties and Agreements with and concerning China 1894—1919», p. 1500. Сенат США, помимо Шаньдуна, не согласился с проектом организации Лиги наций и участием в ней США.

низацией банковского консорциума (Англия, Франция, Япония, США)[1].

Кроме того США активно влияют на внутреннюю политику в Китае, оказывая содействие антияпонской военно-феодальной клике — чжилийской (У Пейфу, Цао Кунь). Этой клике удалось в 1920 г. свергнуть аньфуистов (Дуань Цижуя) при помощи мукденцев (Чжан Цзолинь), т. е. опять-таки прояпонской клики. Только после вашингтонской конференции, в середине 1922 г., чжилийской клике удалось расправиться с мукденцами и на короткий срок (2 года) захватить власть в Пекине. Президентом Китая был «избран» Цао Кунь. Но в это время на юге Китая зреют уже новые силы, силы революции, которые сметают военно-феодальные клики, связанные с империалистическими державами.

Вашингтонская конференция. Еще в 1919 г. США перевели свой военный флот из Атлантического океана в Тихий и начали спешно укреплять военно-морские базы на океане, особенно Пирл Харбор (Гавайские острова). Япония и США расширяют свой военно-морской флот. С целью избежать войны, к которой военно-морские силы США были явно неподготовлены, США, пользуясь своим международным влиянием, организовали в Вашингтоне конференцию по ограничению вооружений, а также по дальневосточным и тихоокеанским вопросам, договорившись предварительно с Англией о ее созыве. До открытия вашингтонской конференции состоялась в 1921 г. британская имперская конференция, обсуждавшая вопрос об англо-японском союзе, срок которого истекал в том же году. Конференция отложила этот вопрос, опасаясь, что продление договора будет встречено в США весьма неблагоприятно. Канадская делегация на имперской конференции, отражая точку зрения США, возражала против продления союза.

Но и в самой Англии была серьезная тревога за безопасность английских владений на Тихом океане ввиду ослабления позиций Англии в этом районе и усиления морской мощи Японии во время мировой войны[2]. На той же, имперской конференции было принято решение о постройке сингапурской базы, об имперских воздушных сообщениях и т. п.[3].

Япония, получив приглашение США на вашингтонскую конференцию, пыталась возражать против обсуждения на ней тихоокеанских вопросов, затребовав от США содержание их предложений. В период конференции японская делегация неоднократно старалась снять обсуждение неугодных ей вопросов, и только под совместным давлением США и Англии удалось добиться некоторых уступок от японской делегации. На конференции участвовали США, Англия, Япония, Франция, Италия, Китай, Бельгия, Голландия и Португалия. Правительство РСФСР на конференцию не было приглашено и официально заявило протест против обсуждения в Вашингтоне вопросов Дальнего Востока, в частности вопроса о КВЖД, непосредственно касающегося РСФСР. Конференция открылась 12 ноября 1921 г. и продолжалась 3 месяца, до 6 февраля 1922 г.[4]. Председателем конференции был избран государственный секретарь США—Юз. США прежде всего добились на конференции аннулирования англо-японского союза, настояв на заключении четверного соглашения (США, Англия, Франция, Япония), заменившего этот союз. Затем США настояли, чтобы Япония вступила тут же, на конференции, в переговоры с Китаем о возврате Шаньдуна. После длительных переговоров вопрос был урегулирован (4 февраля 1922 г.) под сильным нажимом США и Англии (Бальфур) на весьма, правда, тяжелых для Китая финансовых условиях: оплата Китаем Японии всех затрат по сооружению железных дорог и прочих предприятий в арендованной области, сделанных не только Японией, но и Германией.

6 февраля на конференции был подписан США, Англией, Японией, Францией и Италией договор об ограничении морских вооружений. По этому договору каждое из 5 государств должно было содержать флот

---

[1] Field F. «American Paticipation in China Consortiums». 1931.

[2] После русско-японской войны Англия отозвала с Дальнего Востока значительную часть своих военно-морских сил, рассчитывая на содействие своего союзника—Японии — в деле охраны своих дальневосточных владений. С 1915 г. Англия целиком предоставила всю охрану тихоокеанских коммуникаций японскому флоту. Восстание сингалезцев, привезенных в Сингапур во время мировой войны в 1915 г., было подавлено командами японского, русского и французского крейсеров («Международные отношения». Серия III. Т. VIII. Ч. 1-я, стр. 282 и сл.). В период мировой войны Япония значительно усилила свою экспансию в Южной Азии, во много раз увеличив здесь сбыт своих товаров. Япония ведет здесь пропаганду паназиатизма, используя свои шовинистические организации: Кокурюкай, Тоадобункай, Азия Гикай и т. д. Захват Японией германских островов, приблизивших Японию к Австралии и Южной Азии, создавал реальную угрозу британским владениям. В 1920 г. адмирал Джелико отправился в дальневосточные воды для выяснения изменившейся стратегической обстановки в этом районе с целью приспособления британской морской политики к новым условиям. По возвращении он настаивал на всемерном укреплении британского флота на Тихом океане.

[3] Repington «Policy and Arms».

[4] Документация по конференции: «Вашингтонская конференция». НКИД, изд. 1924 года; Ichihashi Yamato. Washington Conference and after. 1929.

линейных кораблей [1] и авианосцев не свыше установленного в договоре количества, все остальные суда этих категорий (сверх установленного лимита) подлежали разоружению. Установлено было также, что каждый линейный корабль должен иметь тоннаж не свыше 35 тыс. тонн и орудия калибром не выше 16 дюймов. По требованию Японии, не желавшей иначе подписывать договор, было запрещено создавать новые и расширять старые укрепления на Тихом океане за исключением определенных районов, перечисленных в договоре. Этим пунктом Япония обезопасила себя от постройки английских и американских баз вблизи своей территории. Договор был заключен сроком до 31 декабря 1936 года.

6 февраля был заключен договор девяти государств, в котором декларировалась территориальная неприкосновенность Китая и политика открытых дверей. Товарищ Сталин отмечает, что этот договор явился главной основой послевоенного режима на Дальнем Востоке в той же мере, как версальский явился основой этого режима в Европе [2].

Китайская делегация предъявила на конференции то же требование об отмене неравноправных договоров, как и в 1919 г. в Париже. Но конференция ограничилась благими пожеланиями, закрепив, по существу, в своих решениях единую политику империалистических государств по вопросу о неравноправных договорах и создав неприемлемые для Китая условия их постепенного пересмотра в течение длительного периода.

Кроме того конференция приняла еще малозначащие резолюции о КВЖД, несмотря на протесты делегации ДВР, которая была приглашена в Вашингтон, но на конференцию не допущена, и Китая, заявивших, что этот вопрос касается лишь Китая и Советской России. Японский представитель Сидэхара заявил на конференции, что Япония решила эвакуировать войска с Дальнего Востока, оставив их только на Сахалине впредь до урегулирования николаевского инцидента; с ответом выступил Юз, заявивший, что занятие чужой территории с целью получения компенсации по какому угодно инциденту — явление беспрецедентное и недопустимое в международных отношениях и что США требуют удаления японских войск со всего Советского Дальнего Востока без всяких условий. Это выступление Юза, известного своей антисоветской политикой, конечно, было вызвано исключительно стремлением ограничить японскую экспансию.

В итоге вашингтонская конференция явилась значительным дипломатическим поражением агрессивных военных кругов Японии, принужденных отказаться от Шаньдуна и ограничить военно-морское строительство. Ожидания китайской буржуазии, что США помогут Китаю добиться равноправного положения, оказались иллюзорными: американский империализм был заинтересован только в ослаблении своего важнейшего противника — Японии — и совершенно не собирался оказывать помощь Китаю в тех вопросах, которые могли затруднить его собственную экспансию в Китае.

III. Советско-китайский и советско-японский договоры (1924—1925 годы)

Постоянно стремясь к установлению мирных и добрососедских отношений, советское правительство еще в 1919 и 1920 гг. обращалось к Китаю с нотами, в которых предлагало вступить в переговоры о заключении договора на основе полного равноправия, отказа СССР от неравноправных договоров, от боксерской контрибуции, от сеттльментов в китайских городах и т. п. Реакционное пекинское правительство на эти ноты не отвечало.

Рост международного значения СССР, изгнавшего со своей территории всех интервентов и установившего дипломатические сношения с крупными европейскими державами, заставил пекинское правительство начать переговоры сначала с делегацией ДВР (1921 г.), а потом и РСФСР (1922—1924 гг.). Центральным спорным пунктом в переговорах явился вопрос о КВЖД, которую СССР признавал чисто коммерческим предприятием, находящимся на территории Китая, но принадлежащим СССР. Советское правительство предлагало единственно правильное и справедливое разрешение этого вопроса — установить совместное (на равных началах) управление этой железной дорогой. Против такого решения вопроса выступили США, Франция и Япония, которые оказывали давление на пекинское правительство, добиваясь, чтобы оно сорвало переговоры.

США без всякого основания считали, что имеют какие-то права на КВЖД, ссылаясь на то, что их представитель возглавлял в период интервенции управление КВЖД, а также и на то, что в КВЖД якобы в это время были вложены американские средства. Франция, взявшая под свою опеку Русско-азиатский банк [3], заявляла, что она также имеет права на КВЖД, хотя доподлинно было известно, что в КВЖД были вложены средства только русского правительства и ни Русско-азиатский банк и никакой другой банк ни копейки в это де-

---

[1] К линейным кораблям были отнесены все суда (кроме авианосцев) водоизмещением свыше 10 тыс. тонн. Отсюда усиленное строительство после 1921—1922 гг. так называемых крейсеров вашингтонского типа, т. е. крейсеров в 10 тыс. тонн, на которые не было распространено ограничение строительства в Вашингтоне, так же как и на все прочие суда, помимо линкоров и авианосцев.

[2] И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 10. 1939.

[3] Бывший Русско-китайский.

ло не вложили[1]. Япония вообще противилась установлению дипломатических отношений между СССР и Китаем. Переговоры затягивались. Все же, несмотря на все закулисные махинации США, Франции, Японии и их агентов в Китае, китайское общественное мнение добилось подписания договора. Подписание договора с СССР было связано с новым подъемом национально-освободительного движения в Китае. 1 мая 1922 г. был созван первый всекитайский конгресс профсоюзов в Кантоне, в феврале 1923 г. вспыхнула крупная забастовка на Пекин-Ханькоуской железной дороге, жестоко подавленная ставленником англо-американского империализма генералом У Пейфу, действовавшим в согласии с иностранными консулами. Гоминдан, установив тесный контакт с компартией Китая, принял на своем I конгрессе (январь 1924 г.) декларацию о борьбе против империализма и милитаристов. Правительство Сунь Ятсэна на юге укрепляется на основе сотрудничества двух решающих партий Китая. В то же время на севере происходит непрекращающаяся борьба чжилийской и мукденской клик, ослабляющая положение пекинского правительства.

14 марта 1924 г. парафировано первое советско-китайское соглашение, однако ввиду угроз Франции (нота Франции от 12 марта) пекинское правительство запретило своему делегату подписать договор. По всему Китаю поднялась волна возмущения; даже руководители милитаристских клик, У Пейфу и Чжан Цзолинь, рассчитывая этим путем завоевать авторитет, нужный им для свержения пекинского правительства, протестовали против срыва соглашения. Пекинское правительство принуждено было 31 мая 1924 г. подписать договор[2]. Его подписание вновь вызвало протесты США и Франции, попытавшихся сорвать уже подписанное соглашение. Чжан Цзолинь, манчжурский генерал-губернатор, заявил, что он не признает этого договора, и требовал заключения с ним отдельного соглашения. СССР согласился заключить договор и с Чжан Цзолинем; 20 сентября 1924 г. было подписано мукденское соглашение[3], аналогичное по содержанию пекинскому, но касавшееся главным образом КВЖД. Единственное существенное отличие мукденского соглашения от пекинского заключалось в том, что срок передачи КВЖД Китаю был сокращен с 80 лет (считая с 1896 г.) до 60 лет. Мукденское соглашение было санкционировано пекинским правительством[4].

[1] Подписка на акции Общества КВЖД произошла 17 (29) декабря 1896 г. без участия посторонней публики; весь акционерный капитал Общества попал в статью расходов русской казны.

[2] Гримм. Цит. соч., стр. 209.

[3] «Treaties and Agreements with and concerning China 1919—1929». Washington. 1929.

[4] «Правда» от 9 апреля 1936 г. (нота НКИД).

По договору 31 мая 1924 г., были установлены дипломатические и консульские отношения между СССР и Китаем; СССР, согласно своих деклараций 1919 и 1920 гг., отказывался от контрибуций, прав экстерриториальности и т. п. Внешнюю Монголию СССР признавал составной частью Китая, срок отозвания советских войск из МНР подлежал обсуждению на специальной конференции СССР и Китая. Однако еще до созыва этой конференции, 6 марта 1925 г.,[5] СССР сообщил Китаю, что советские войска с согласия МНР из ее пределов эвакуированы. Остальные пункты договора касались КВЖД; по этому вопросу были приняты целиком советские предложения (см. выше). Было принято также взаимное обязательство Китая и СССР — не допускать на их территории существования организаций, ставящих своей целью насильственные действия против правительств договаривающихся стран (т. е. ликвидация белогвардейских организаций в Китае). Заключению договора между СССР и Китаем, достигнутому вопреки сопротивлению империалистов, в значительной мере способствовало влияние нарождавшегося в Китае единого национального антиимпериалистического фронта.

Вскоре после советско-китайского соглашения было заключено советско-японское соглашение (январь 1925 года). Поражение японского милитаризма на Советском Дальнем Востоке, вынужденное отступление Японии в Вашингтоне и Китае, землетрясение 1923 г., серьезно нарушившее экономическую жизнь страны, вызвали в Японии некоторое ослабление влияния наиболее агрессивных кругов правящего блока. Пришедший к власти парламентский кабинет партии кэнсэйкай во главе с Като (июнь 1924 г.) ввел так называемое всеобщее мужское избирательное право (отмена имущественного ценза). Мининдел Сидэхара начал переговоры с СССР о заключении договора.

Соглашение от 20 января 1925 г.[6] предусматривало установление дипломатических и консульских отношений между СССР и Японией, эвакуацию японцами Советского Сахалина, предоставление японским предпринимателям концессий на добычу нефти и угля на Советском Сахалине, а также право лова рыбы японскими гражданами по побережью Советского Дальнего Востока, установленное портсмутским договором 1905 г.

IV. Китайская буржуазно-демократическая революция 1925—1927 гг. и державы

Китайская революция 1925—1927 гг. явилась высшим этапом того мощного национально-освободительного движения, которое началось в майские дни 1919 года. Идейным вдохновителем этой революции был Сунь Ятсэн, который умер 12 марта 1925 г., не-

[5] «Правда» от 12 марта 1925 года.

[6] Гримм. Цит. соч., стр. 213.

задолго до ее начала. Перед смертью он написал политическое завещание гоминдану и обращение к ЦИК СССР; он поручал своей партии быть в постоянном контакте с СССР в деле национально-освободительного движения в Китае [1].

Руководство народно-революционным движением было в руках гоминдана и КПК, установивших тесное сотрудничество с целью совместной борьбы против империализма и его агентов в Китае — феодально-милитаристических группировок,—за единую демократическую китайскую республику. Началом китайской революции 1925—1927 гг. являются события в Шанхае (30 мая 1925 г.), где английская полиция международного сеттльмента расстреляла безоружную демонстрацию рабочих и студентов. Это была демонстрация протеста против убийства японским полицейским в Шанхае китайского рабочего и против подобных же насилий японцев в Циндао. Расстрел вызвал огромное возмущение всего китайского народа; единый общенациональный фронт, созданный гоминданом и КПК, начал активную борьбу против империализма, в первую очередь британского, положившего начало закабалению Китая. 1 июня в Шанхае была объявлена всеобщая политическая стачка, в которой приняло участие все население, включая китайских торговцев, закрывших свои лавки. Организуется совет профсоюзов. Объединенный комитет рабочих, студенческих и торговых организаций руководит стачкой.

На митинге рабочих и студентов 2 июня была принята резолюция, сформулировавшая основные требования к империалистическим державам: передать полицейских, виновных в расстреле китайской демонстрации, в распоряжение китайских властей, немедленно вывести из Шанхая британские и японские военные суда и сухопутные силы, отменить экстерриториальность и т. д.[2]

Во всех крупных городах Китая в течение июня происходили забастовки солидарности с шанхайским пролетариатом, был организован массовый бойкот иностранных товаров. Империалисты, стянув к Китаю военные суда, продолжали расстрелы демонстрантов и бастующих (Ханькоу, Чунцин, Нанкин), китайские милитаристы (Чжан Цзолинь, Чжан Сюэлян, У Пейфу) всячески помогали империалистам в подавлении народного движения. Во второй половине июня 1925 г. произошли расстрелы демонстрантов (свыше 200 убитых и тяжелораненых) английской и французской полицией в Кантоне. В Гонконге вспыхнула всеобщая забастовка, продолжавшаяся 16 месяцев; китайские рабочие (около 100 тыс. чел.) покинули Гонконг и Шаминь (британская и французская концессии в Кантоне) и переехали в Кантон. В Кантоне из них были сформированы вооруженные отряды самообороны. 9 июля 1926 г. национально-революционная армия под командованием Чан Кайши выступила из Кантона, начав знаменитый северный поход. В течение короткого времени национально-революционная армия разбила войска милитаристов, овладела бассейном Янцзы (6—8 сентября заняты Ханьян и Ханькоу). Ее продвижение на север сопровождалось огромным подъемом революционного движения рабочих и крестьян в долине Янцзы [3]. Столица революционного (кантонского) правительства была перенесена в Ханькоу (1 января 1927 года).

В течение первых дней января 1927 г. китайские трудящиеся, убедившись в том, что дипломатические переговоры с империалистами не дают никаких результатов, силою захватили британские концессии в Ханькоу и Цзюцзяне. Империалисты, поставленные перед фактом невиданного подъема революционного движения, грозящего смести всю систему полуколониального режима, установленную ими, повели двойную игру. Они, и прежде всего Англия, начали переговоры с революционным правительством (о гонконгской стачке, о ликвидации концессий), заявляя в официальных документах (нота Остина Чемберлена от 18 декабря 1926 г.) [4], что необходимо учесть те сдвиги, которые произошли в Китае за последние годы, и согласиться на пересмотр договоров. В начале 1927 г. Англия подписала с уханьским (кантонским) революционным правительством соглашения о ликвидации британских концессий в Ханькоу и Цзюцзяне. С другой стороны, империалисты стали усиливать свои войска в Китае, перебрасывая их сюда даже из метрополии. Захватив с помощью своих военных судов важнейшую артерию страны — реку Янцзы — и обстреливая гражданское население китайских городов, они пытались напугать колеблющиеся группы, входившие в национальный антиимпериалистический фронт, расколоть этот фронт. Обстрелы английским флотом Ваньсяня [5] (5 сентября 1926 г.) и соединенной англо-американской флотилией Нанкина (24—25 марта 1927 г.) после провокаций, организованных империалистами с целью «оправдать» эти обстрелы, должны были «убедить» китайскую буржуазию, что бороться с империалистами опасно, что необходимо вступить с ними в союз и общими силами подавить революцию. «Нанкинские расстрелы послужили в этом отношении сигналом к новой размежевке борющихся сил в Китае. Стреляя в Нанкин и предъявляя ультиматум, империалисты хотели сказать, что они ищут поддержки национальной буржуазии для совместной борьбы против революции»[6].

В марте 1927 г. национально-революционная армия заняла Нанкин и Шанхай, важнейшие опорные пункты империалистов в

---

[1] «Правда» от 14 марта 1925 года.

[2] Документация «China Year-Book 1926», p. 934—936.

[3] См. речь товарища Сталина в Китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 года. И. Сталин «О перспективах революции в Китае». М. и Л. Гиз. 1927.

[4] «Treaties... concerning China 1919—1929», p. 186.

[5] Ваньсянь — порт на реке Янцзы в провинции Сычуань.

[6] И. Сталин «Вопросы китайской революции», стр. 9. М. и Л. Гиз. 1927.

Китае. Начался второй этап революции, когда буржуазия, испуганная мощным подъемом рабочего движения и аграрного движения десятков миллионов крестьян, отходит от революции и сговаривается с империалистами о совместных действиях против революции. Контрреволюция расправлялась с рабочими, крестьянами и городской беднотой с исключительной жестокостью. КПК была объявлена вне закона. Кантонское восстание, в декабре 1927 г. впервые провозгласившее власть советов в Китае, было беспощадно подавлено милитаристами и другими реакционными силами Китая. В ответ на белый террор в стране развернулась партизанская война против контрреволюции.

Из отдельных партизанских отрядов, отдельных частей народно-революционной армии, оставшихся верными революции, возглавляемых талантливыми полководцами и государственными деятелями (Чжу Дэ, Мао Цзэдун и др.), возникло ядро будущей героической китайской красной армии. В этот период в стране появились отдельные советские очаги, которые в 1930 г. при новом революционном подъеме под руководством КПК превратились в устойчивые советские районы, ведущие упорную вооруженную борьбу за власть советов, против непрерывно наступающих на эти районы гоминдановских войск. В этой борьбе выковывались замечательные кадры китайской красной армии и советских деятелей, осуществлявших управление в советских районах в интересах трудящегося населения.

Хотя революция 1925—1927 гг. потерпела поражение вследствие измены буржуазии, однако на своем первом этапе (до апреля 1927 г.), когда «острие революции направлялось, главным образом, против иностранного империализма» [1], объединенный общенациональный фронт добился серьезных успехов в ослаблении полуколониальной зависимости Китая.

Кантонское, а затем уханьское революционные правительства неоднократно выступали с предложением державам разрешить все спорные вопросы на базе полного равноправия, отказываясь признавать неравноправные договоры. На территории революционного Китая кантонское правительство в 1926 г. ввело добавочные пошлины на иностранные товары и несмотря на протесты дипломатического корпуса оставило их в силе. Северные милитаристы вынуждены были последовать этому примеру Кантона. В феврале 1927 г. министр иностранных дел уханьского правительства сообщил консульскому корпусу, что все судебные дела с иностранцами будут разбираться в китайских судах, отменив таким образом действовавшую с 1843 г. консульскую юрисдикцию.

Империалисты и северные милитаристы, руководившие пекинским правительством, опасаясь углубления революции и пытаясь расколоть единый антиимпериалистический фронт, договорились о некоторых решениях декларативного характера по вопросу таможенно-тарифной автономии Китая и др. На таможенной конференции держав — участников вашингтонской конференции (26 октября 1925 г. — 3 июля 1926 г.) — была принята резолюция, признающая в принципе право Китая на тарифную автономию. Нанкинское правительство, захватившее власть на втором этапе революции и опиравшееся на китайскую буржуазию, не могло и не хотело, конечно, разрешать вопросы об уничтожении зависимости Китая от империализма так решительно, как кантонское или уханьское правительства. Однако некоторые достижения периода революции были все же использованы и закреплены нанкинским правительством.

25 июля 1928 г. был заключен американо-китайский таможенный договор [2], которым устанавливался принцип тарифной автономии Китая (право китайского правительства самостоятельно устанавливать таможенные пошлины); одновременно с этим договором США, первая из крупных империалистических держав, признали нанкинское правительство. Вскоре после этого (20 декабря 1928 г.) последовало аналогичное соглашение Китая с Англией и признание Англией нанкинского правительства. Китайскому правительству удалось добиться некоторого сдвига в переговорах по вопросу об отмене экстерриториальности. Однако и введение тарифной автономии и отмена экстерриториальности задерживались по вине Японии. Тарифная автономия [3] и связанная с ней отмена лицзина (взимания пошлины при перевозке товаров из одной провинции Китая в другую) были все же введены в 1931 г., что же касается отмены экстерриториальности, то оккупация Японией Маньчжурии приостановила всякие переговоры по этому вопросу.

Провал новой японской агрессии в Китае (1927—1929 годы). В период революции 1925—1927 гг. Япония использовала в полной мере антибританское острие антиимпериалистического движения; она расширила свою торговлю в Китае и увеличила обслуживание китайских портов своими судами. Японские капиталисты наживались на британских потерях.

Однако развитие национально-освободительного движения в Китае подорвало влияние тех феодально-милитаристических клик (мукденской, аньфуистской и др.), на которые опирался японский империализм в Китае. Столица Китая была перенесена из Пекина, переименованного в 1928 г. в Бэйпин, в Нанкин, где японское влияние было слабее чем на севере. Хотя многие милитаристы после поражения революции 1925—1927 гг. вступили в гоминдан, и хо-

[1] И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 182. М. 1934.

[2] Документация см. «China Year-Book 1929—1930», р. 825.

[3] Эта автономия не коснулась управления таможен иностранцами, а также права китайского правительства распоряжаться таможенными доходами. Доходы, как и прежде, продолжали храниться в иностранных банках и шли в первую очередь на оплату иностранных займов и контрибуций.

тя в самом гоминдане японцы также имели своих наймитов (Ван Цзинвэй и др.), все же эти милитаристы не играли уже такой самостоятельной роли, как раньше, и были принуждены делить свою власть с пришедшей к управлению в Центральном Китае китайской крупной промышленной и финансовой буржуазией, предпочитавшей ориентироваться на США и Англию. В этих условиях в наиболее агрессивных кругах японского правящего класса усилились тенденции подчинить нанкинское правительство путем нового военного нападения и при удобном случае захватить часть китайской территории.

В апреле 1927 г., одновременно с контрреволюционным переворотом в Китае, в Японии в результате финансового кризиса произошла смена кабинета. Премьером стал лидер реакционных военных кругов, вдохновитель интервенции в СССР, ген. Танака. Танака объявил себя сторонником «позитивной», т. е. агрессивной, внешней политики. Сущность ее — захват Манчжурии, Монголии, Китая, затем других стран — была изложена Танака в секретном меморандуме, представленном им императору 25 июля 1927 г., т. е. через 2—3 месяца после прихода к власти[1]. Танака дважды (в 1927 и 1928 гг.) посылал японские войска в Шаньдун, чтобы приостановить движение нанкинских войск под командованием Чан Кайши на север, в занятые войсками Чжан Цзолиня провинции, которые Япония считала сферой своего влияния. В конце апреля — начале мая 1928 г. в связи с этой интервенцией японских войск в Китае возник известный Цзинаньский инцидент—спровоцированное японцами столкновение с китайскими войсками и расстрел японцами мирного населения города Цзинани (около 1000 убитых и раненых китайцев). В Китае поднялась волна протестов против захватчиков, был объявлен бойкот японских товаров. В течение года (по май 1929 г.) японские войска занимали значительную часть провинции Шаньдун. Однако, несмотря на противодействие со стороны японских войск продвижению армии Чан Кайши на север, Пекин и вся провинция Чжили были все же заняты гоминдановскими армиями (Янь Сишанем, Бай Чжунси), действовавшими в союзе с Чан Кайши. Никаких «оправданий» для оставления японских войск в Шаньдуне не оставалось, и их пришлось вывести. Эта авантюра кончилась провалом

В Манчжурии, которую японский империализм издавна считал своей вотчиной, Танака организовал убийство Чжан Цзолиня как недостаточно послушного агента Японии. Однако наследник Чжан Цзолиня, Чжан Сюэлян, вопреки недвусмысленным угрозам Японии все же осмелился признать нанкинское правительство и поднять гоминдановский флаг (конец 1928 года). Таким образом, и вторая авантюра, убийство Чжан Цзолиня, также не помогла.

Ослабление позиций японского империализма немедленно было использовано США, которые активизировали свою империалистическую политику в Китае, и Англией. Япония оказалась в полной изоляции. Много позднее чем Англия и США она добилась соглашений с нанкинским правительством по ряду «инцидентов», возникших в 1925—1928 гг., и только после этого, почти на год позже США (3 июня 1929 г.), официально признала нанкинское правительство (заметим в скобках,—в один день с Германией и Италией). Такими сплошными неудачами для японского империализма окончилась «позитивная» политика Танака в Китае в 1928—1929 годах. Кабинет Танака принужден был подать в отставку (2 июля 1929 года).

Некоторое ослабление зависимости Китая от империалистических держав в результате революции и провала попыток японского империализма восстановить свое господствующее положение в Китае привело к значительному усилению предпринимательской деятельности китайской буржуазии. Этот процесс особенно заметно сказался в Манчжурии в железнодорожном строительстве. За 1925—1930 гг. китайцами на китайские капиталы, частично при помощи американцев, было построено около 1500 км железных дорог в Манчжурии, несмотря на противодействие Японии, которая считала, что каждая новая китайская дорога создает конкуренцию японским дорогам. Китайская администрация в Манчжурии пыталась даже проводить свою железнодорожную тарифную политику с целью оттянуть грузы от Дайрена и направить их в китайские порты. С этой целью также началось строительство порта в Хулудао (1930 год).

V. Советско-китайский конфликт 1929 года[2]

После подписания советско-китайского договора в 1924 г. китайские милитаристы, которым не удалось сорвать заключение договора, всячески пытались спровоцировать обострение и разрыв сношений с СССР. Только спокойная и твердая политика мира советского правительства долгое время парализовала все эти попытки милитаристов втянуть СССР в вооруженный конфликт.

В 1925 г. мукденские власти отказались уволить с КВЖД белогвардейцев, и только после настойчивых требований Наркоминдела было заключено соглашение о замене белогвардейцев на КВЖД советскими и китайскими гражданами; осуществление этого соглашения в дальнейшем саботировалось манчжурскими властями. В начале 1926 г. мукденские власти арестовали управляющего КВЖД за отказ перевозить бесплатно войска. После протеста СССР управляющий КВЖД был освобож-

[1] «Коммунистический Интернационал» № 33—34 за 1931 год, также «China Critik». Vol. IV. № 39. 24 September 1931.

[2] Документация «Советско-китайский конфликт 1929». НКИД. М. 1930.

ден. В том же, 1926 г. (август) по распоряжению Чжан Цзолиня была захвачена Сунгарийская флотилия КВЖД и закрыт учебный отдел КВЖД. Несмотря на протест СССР Чжан Цзолинь не отменил своего распоряжения. В период 1925—1926 гг. милитаристы, провоцируя различные инциденты, не решались ввиду мощного революционного подъема в стране на полный разрыв с СССР. Но в 1927 г. в связи с подготовлявшимся контрреволюционным переворотом в Китае северные милитаристы осмелели и, договорившись с дипкорпусом в Пекине, решились на самые наглые антисоветские выступления. 6 апреля 1927 г., за несколько дней до переворота в Шанхае, войска и полиция Чжан Цзолиня совершили (по соглашению со старшиной дипкорпуса — голландским посланником) налет на советское полпредство в Пекине; посольство было обыскано и разграблено, сотрудники посольства подверглись оскорблениям и насилиям. Такие же налеты были произведены на советские учреждения и консульство в Тяньцзине; и здесь это было сделано с разрешения французского консула (советское консульство находилось на территории французской концессии). Чемберлен в британском парламенте защищал образ действия мукденских налетчиков. СССР отозвал свое посольство из Китая. В конце года налеты были произведены на консульства СССР в Шанхае и Кантоне, сотрудники консульства были арестованы, а некоторые из них расстреляны. Нанкинское правительство объявило о закрытии всех советских консульств и учреждений на территории Китая, подчиненной правительству.

В 1928 г. произошел захват телефонной станции КВЖД. В конце мая 1929 г. произведен налет на генконсульство СССР в Харбине, 10—11 июля была захвачена КВЖД. Руководящие советские работники на КВЖД были отстранены от должности, были произведены многочисленные аресты советских граждан в Манчжурии. СССР отозвал из Китая всех дипломатических и консульских представителей, всех советских работников с КВЖД. Китайскому посланнику в Москве было предложено выехать из СССР, железнодорожная связь с Манчжурией была прервана. Мукденские и белогвардейские отряды начали нападения на советские пограничные отряды и на мирное население на советской территории, обстреливали советские коммерческие суда.

6 августа приказом Реввоенсовета была сформирована Особая Дальневосточная Армия (ОДВА). После повторных нападений мукденских отрядов на советскую территорию части ОДВА в конце сентября и начале октября нанесли сокрушительный удар этим войскам, разоружив гарнизон укрепления Лахасусу (у устья Сунгари); 17 ноября части ОДВА, преследуя отступающие мукденские войска, напавшие на Забайкалье и Приморье, обезоружили 8 тыс. солдат и 300 офицеров. Каждый раз по окончании операции части Красной Армии немедленно возвращались на советскую территорию[1]. Мукденское и нанкинское правительства обратились с просьбой о мире, который и был заключен в Хабаровске 3 декабря[2] на условиях восстановления статус-кво на КВЖД и обязательства Китая соблюдать в дальнейшем полностью соглашения 1924 года.

В период конфликта с полной очевидностью выяснилось, на какого хозяина работали мукденские власти. В самом начале конфликта США и Франция по инициативе США предлагают СССР и Китаю с ссылкой на пакт Келлога урегулировать конфликт мирным путем. Это посредничество имело явную цель показать Нанкину и Мукдену, что их поддерживают державы. Советское правительство отклонило это вмешательство, заявив, что СССР больше чем любое государство заботится о сохранении мира. В сентябре американский советник в Китае Мантель опубликовал лживые обвинения против советской части правления КВЖД (о финансовых итогах работы железной дороги). Обвинения были немедленно опровергнуты товарищем председателя правления КВЖД. Американский советник принужден был признать, что сведения он почерпнул из белогвардейских источников. В день подписания хабаровского протокола Наркоминделу были вручены по инициативе США декларации США, Франции и Англии с напоминанием о пакте Келлога и предложением мирным путем урегулировать конфликт. Декларация, врученная в день подписания договора, могла иметь целью только срыв переговоров.

Эта политика США, диктовавшаяся помимо антисоветских целей стремлением создать себе опорную базу в Манчжурии (ввиде КВЖД) с целью борьбы с японским империализмом, определила поведение Японии во время советско-китайского конфликта. Если до захвата КВЖД японская пресса вела антисоветскую кампанию, и Япония явно толкала мукденских милитаристов на войну с СССР (без согласия и поддержки Японии они и не пошли бы на нее), то во время конфликта, когда США начали проявлять «активность», Япония заняла выжидательную позицию, воздерживаясь от самостоятельных агрессивных антисоветских выступлений. Примерно такой же политики до и во время конфликта придерживалась Англия. Гнусную, клеветническую, антисоветскую пропаганду вели во время конфликта китайские троцкисты и прочие ренегаты.

Мировой экономический кризис 1929 г. внес крупные изменения в международную обстановку на Дальнем Востоке, вызвав чрезвычайное обострение борьбы империалистических держав за новый передел колониальных и полуколониальных стран Дальнего Востока.

---

[1] «Правда» от 23 ноября 1929 года.

[2] Текст протокола см. «Советско-китайский конфликт 1929 года».

ЕКАТЕРИНА II И ФРАНСИСКО МИРАНДА*

(К вопросу о международных связях испано-американских сепаратистов в XVIII веке)

В. Мирошевский

В 1786 г. в Россию прибыл замечательный иностранец, стяжавший себе репутацию самоотверженного борца за свободу своей родины и злейшего врага одной из королевских династий Европы. Эта репутация не помешала ему стать желанным гостем петербургского двора; сама Екатерина II взяла его под свое покровительство и обещала оказать ему поддержку. Этим иностранцем был Франсиско Миранда — один из виднейших руководителей борьбы за освобождение Испанской Америки.

В чем же заключается подлинная основа своеобразных отношений между российской императрицей и испанским государственным преступником?

I

Испано-американские креолы («чистокровные» потомки испанских иммигрантов, не смешавшиеся с «цветным» населением американских колоний) составляли ядро колониальной землевладельческой аристократии, сурово эксплоатировавшей закрепощенных крестьян-индейцев и рабов-негров. Из среды креолов вышли и основные кадры колониальной интеллигенции, тесно связанной с дворянско-помещичьими кругами. Часть креолов, посвятив себя торгово-промышленной деятельности, образовала узкий слой колониальной буржуазии.

У креолов имелось множество оснований для недовольства испанским господством. Номинально «белые» уроженцы колоний и метрополии были равноправны, но фактически креолы только в исключительных случаях допускались на высшие ступени административной, военной и церковной иерархии. Почти все высокооплачиваемые и связанные с действительной властью должности предоставлялись испанским грандам, для которых кратковременное пребывание в колониях было только средством легкой наживы. Из 160 вице-королей, назначенных в Испанскую Америку до 1808 г., насчитывалось только 4 креола; из 602 генерал-капитанов (губернаторов) — 14 креолов[1]. Торговые сношения колоний с иностранными державами были запрещены, а с метрополией — монополизированы богатейшими испанскими купцами, наживавшими сказочные барыши на разнице между европейскими и американскими ценами. Испанские власти тормозили в колониях развитие промышленности и даже многих отраслей сельского хозяйства. Короче говоря, креолы на каждом шагу убеждались в том, что мадридское правительство систематически жертвует их интересами в угоду дворянам и богатейшим купцам-монополистам, имевшим счастье родиться в метрополии. Это пробуждало в креолах чувство национального самосознания и толкало их на путь борьбы за независимость Испанской Америки.

Но в этой борьбе креолы в большинстве случаев не решались опереться на широкие массы колониального населения — на индейцев и негров. Самый захудалый помещик-креол чувствовал себя представителем «высшей расы» и глубоко презирал «цветных». Епископ Ортис утверждал, что индейцы являются такими же «бездушными существами», как дикие звери[2]. По свидетельству одного иностранного наблюдателя, в Испанской Америке «всякий физический труд вызывал презрение и считался уделом цветного населения; человек, который занялся бы подобным трудом, был бы обесчещен»[3]. Случаи, когда креолы, выступая против колониальных властей, пытались апеллировать к «цветному народу», были чрезвычайно редки. Наоборот, креолы обычно оказывали колониальной администрации деятельную поддержку при подавлении индейских и негритянских восстаний.

---

* Настоящая статья представляет собой исправленную и дополненную автором стенограмму его доклада на заседании кафедры новой истории колониальных и зависимых стран Московского государственного университета.

[1] Roscher W. «Kolonien», S. 167. Leipzig — Heidelberg. 1856.

[2] Azara F. «Voyages dans l'Amérique méridionale». Vol. II, p. 185. Paris. 1809.

[3] Ducoudray-Holstein «Histoire de Bolivar». Vol. I, p. XLIX. Paris. 1831.

Страх перед широкими народными массами побуждал креольских сепаратистов ограничиваться в своей борьбе за независимость Испанской Америки созданием тайных организаций с небольшим количеством участников, вербовавшихся почти исключительно из среды аристократической креольской молодежи. Они не стремились пробудить революционную активность народных масс и возлагали свои надежды главным образом на иностранные державы, заинтересованные в свободной торговле с Испанской Америкой или имевшие какие-либо неурегулированные счеты с Испанией. При поддержке этих держав они рассчитывали свергнуть испанское господство путем верхушечной «революции», в которой народные массы не принимали бы никакого участия. Иностранная поддержка рисовалась им в форме снабжения деньгами и оружием, необходимыми для осуществления переворота, в крайнем случае—в виде вооруженной интервенции в испано-американские дела. Креольские сепаратисты, разумеется, отдавали себе отчет в том, что такого рода помощь не оказывается иностранными державами бескорыстно; они готовы были в случае успеха предоставить своим «покровителям» компенсацию в виде торговых привилегий или даже территориальных уступок (например передача испанской части Вест-Индии). Они питали надежду (впоследствии беспощадно разбитую ходом событий), что иностранные державы удовлетворятся подобной компенсацией и, не посягая на независимость Испанской Америки, предоставят ей возможность свободного экономического и политического развития.

Одним из самых выдающихся представителей испано-американского сепаратизма был венесуэлец Франсиско Миранда (1750—1816 гг.). Он родился в Каркасе, в богатой креольской семье. Средства родителей доставили ему испанский офицерский патент. Вступив подростком в армию в чине капитана, он составил себе репутацию храброго и способного офицера и 30 лет от роду был произведен в полковники; но креольское происхождение лишало его возможности дальнейшего продвижения по службе. Это был человек, щедро одаренный природой и блестяще образованный, изворотливый и настойчивый. В начале 80-х годов, состоя адъютантом при генерал-капитане (губернаторе) Кубы, он завязал сношения с нелегальными сепаратистскими организациями. Повидимому, он вел также тайные переговоры с английскими военными властями на Ямайке и даже переслал им планы кубинских укреплений и другие секретные документы; во всяком случае, испанское правительство впоследствии обвиняло его в этом. В 1783 г. кубинские власти решили арестовать Миранду, но он возремя успел бежать в США. С этого момента началась для него бурная, полная превратностей жизнь политического эмигранта, в течение многих лет стоявшего в центре самых разнообразных политических комбинаций, направленных против испанских интересов в Америке[1].

Политическая «программа» Миранды отражала интересы колониальной креольской знати, стремившейся расторгнуть связь с метрополией, но не допускавшей и мысли об освобождении индейцев и негров от гнета помещиков-крепостников и плантаторов-рабовладельцев. Миранда мечтал о создании обширной «Колумбийской империи», охватывающей всю Испанскую Америку и управляемой наследственным монархом — «инкой». Власть последнего предполагалось ограничить конституцией, предоставлявшей широкие политические права креольской аристократии, но в то же время отстранявшей народные массы от всякого участия в государственных делах.

По прибытии в США Миранда установил сношения с местными политическими деятелями — Гамильтоном, Ноксом и другими, выразившими готовность поддержать его планы. Он вел переговоры о наборе и вооружении в США пяти тысяч волонтеров для отправки в Испанскую Америку, где они должны были оказать сепаратистским заговорщикам содействие при осуществлении переворота[2]. Но эти переговоры не увенчались успехом, и Миранда отправился в Европу. При его прибытии в Лондон, в феврале 1785 г., английские газеты приветствовали его как будущего освободителя Испанской Америки. Аристократические манеры открыли ему доступ в лондонский «высший свет», а романтический ореол «жертвы испанской инквизиции» — в среду радикальных ораторов, журналистов и философов. Повсюду он завязывал сношения с видными политическими деятелями, убеждая их содействовать освобождению испанских колоний. Но в 1785 г. Англия не была подготовлена к возобновлению недавно закончившейся войны с Испанией; не оправившись еще после потери своих североамериканских колоний, она нуждалась в передышке. Ничего не добившись, Миранда покинул Лондон и предпринял длительное путешествие по Европе. Он побывал в германских государствах, Швейцарии, Италии и Греции. Осенью 1786 г. он появился в Константинополе. Получив от русского посланника Я. И. Булгакова рекомендательное письмо к херсонскому губернатору А. И. Вяземскому, он в конце сентября отплыл в Россию.

II

По прибытии в Херсон Миранда поселился у Вяземского и, согласно позднейшему свидетельству последнего, поль-

---

[1] О первом периоде сепаратистской деятельности Миранды см. работы Робертсона (Robertson W. «The life of Miranda». Vol. I. Raleigh. 1929) и Парра-Пересa (Parra Perez «Miranda et la Révolution française». Introduction. Paris. 1925).

[2] Robertson W. Op. cit. Vol. I, p. 43, 54—55.

зовался его гостеприимством около трех месяцев[1]. В конце декабря он был представлен Потемкину, инспектировавшему Черноморское побережье. «Мы встретили в Херсоне одного испано-американца, г. Миранду, незаурядного и остроумного человека, понравившегося князю Потемкину»,— писал один из спутников всемогущего фаворита, принц Нассау-Зиген[2]. Потемкин настолько заинтересовался экзотическим гостем Вяземского, что захватил его с собой в Киев, куда тем временем прибыла Екатерина II.

В феврале 1787 г. Миранда впервые получил аудиенцию у императрицы[3]. В короткое время он завоевал ее расположение и стал своим человеком при дворе. «Хотя Миранда не имел доступа во внутренние апартаменты императрицы,— доносил своему правительству австрийский посол Кобенцль,— тем не менее, он жил в тесной близости со всеми нами (членами дипломатического корпуса.— *В. М.*), равно как и со двором. Он человек обширных познаний, свободно высказывающийся обо всем и особенно против испанского правительства»[4]. Французский посол Сегюр подчеркивает в своих мемуарах необычайное благоволение императрицы к венесуэльскому заговорщику и ту откровенность, с которой последний выказывал свою враждебность мадридскому двору[5]. Испанский поверенный в делах Маканас сообщал в Мадрид, что ни один из проживавших в то время в России иностранцев не снискал расположения Екатерины и Потемкина в такой степени, как Миранда[6]. По свидетельству фактического руководителя коллегии иностранных дел А. А. Безбородко, «американец Миранда..., ревностно стенающий о несчастии и угнетениях своего отечества, понравился не только князю (Потемкину.— *В. М.*) но и государыне»[7].

В Петербурге, куда Миранда прибыл 25 июня 1787 г., ему был оказан не менее радушный прием чем в Киеве. По словам австрийского посла Кобенцля, «граф Остерман (вице-канцлер.— *В. М.*) представил его цесаревичу, который был с ним очень любезен»[8]. Столичная знать наперебой приглашала его на обеды и балы. Он повсюду являлся в мундире испанского полковника; это вызвало протест дипломатических представителей трех бурбонских дворов (мадридского, версальского и неаполитанского); однако этот протест не произвел ни малейшего впечатления на царское правительство. Французский посол Сегюр рассказывает: «Он (Миранда.— *В. М.*) поссорился с испанским поверенным в делах, который хотел заставить его снять полковничий мундир или показать свои патенты. Императрице очень хотелось, чтобы уладили этот спор. Испанский поверенный показал мне письмо довольно сухое, которое он написал этому воину, и ответ его. Последний был не только неуместен, но груб и написан в самых оскорбительных выражениях. Я объяснил поверенному, что так как дело дошло до личностей, то мне тут нечего давать советы и вмешиваться. Но через несколько дней он показал мне формальное повеление своего двора просить императрицу выдать Миранду как изменника, осужденного за политические преступления... Я обещал ему прекратить всякие сношения с Мирандою, с которым так часто виделся в Киеве. Так как министры, чтобы понравиться императрице, оказывали уважение этому испанцу (Миранде.— *В. М.*), приглашая его на званные обеды и принимали вместе с дипломатическим корпусом, то я им объявил вместе с неаполитанским министром (послом.— *В. М.*) Серра-Каприола, что такое обращение с человеком, обидевшим испанского поверенного в делах, показывает пренебрежение к дворам мадридскому, неаполитанскому и версальскому и что наши с ним сношения могут от этого измениться»[9]. Но Екатерина твердо решила не давать Миранду в обиду. Полковник Гарновский, доверенный человек Потемкина, во время отлучек последнего из Петербурга пересылавший ему донесения о различных происшествиях при дворе, 26 августа 1787 г. писал: «Гишпанского короля поверенный в делах при здешнем дворе просил здешнее министерство, чтобы графа Миранду, яко вредного королю его человека, выслать вон отсюда. Государыня изволила указать ответствовать на сие: «Как Мадрит от Петербурга находится в неблизком расстоянии, то ее и. в-во не уповает, чтобы гр. Миранда мог в таком случае быть его в-ву королю гишпанскому опасен»[10].

После этого инцидента Миранда с разрешения императрицы заменил испанский полковничий мундир русским, что было истолковано окружающими как его вступление в русскую службу[11].

Прием, оказанный в России венесуэльскому заговорщику, вызвал в Мадриде

---

[1] Письмо А. И. Вяземского к А. Р. Воронцову от 19 марта 1803 г. «Архив князя Воронцова». Кн. 14-я, стр. 410. М. 1879.

[2] d'Aragon «Le prince de Nassau Siegen d'après sa correspondance originale inédite», p. 133. Paris. 1893.

[3] Письмо Екатерины II к Гримму от 8 февраля 1787 г. «Сборник Русского исторического общества». Т. XXIII, стр. 393—394. СПБ. 1878.

[4] Депеша Кобенцля к Кауницу от 9 августа 1787 года. Цит. по работе Parra Perez, p. XXIX.

[5] Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II, стр. 166. СПБ. 1865.

[6] Robertson W. Op. cit. Vol. I, p. 75.

[7] Письмо А. А. Безбородко к С. Р. Воронцову от 2 октября 1787 г. «Сборник Русского исторического общества». Т. XXVI, стр. 401. СПБ. 1879.

[8] Цит. по работе Parra Perez, p. XXX.

[9] Записки графа Сегюра, стр. 240—241.

[10] Гарновский М. Записки. «Русская старина», февраль 1876 г., стр. 243.

[11] Robertson W. Op. cit. Vol. I, p. 74.

крайнее беспокойство. «Слышно, что гишпанский король зол на нас безмерно за прием Миранды»,— писал Безбородко Потемкину[1]. Русский посол в Мадриде С. Зиновьев доносил о настоятельном желании испанского правительства, чтобы Миранда был выдан Испании или, по крайней мере, выслан из России. «Я могу заверить ваше превосходительство,— писал Зиновьев вице-канцлеру Остерману,— что испанский двор был бы весьма восприимчив к такому проявлению благосклонности нашего двора и не замедлил бы при случае оказать ему подобную же услугу»[2].

III

В чем же заключалась действительная причина необычайного благоволения русской императрицы к венесуэльскому заговорщику?

В посвященной Миранде биографической литературе этот вопрос нашел крайне недостаточное освещение. Наиболее обстоятельные биографии Миранды написаны северо-американским историком У. С. Робертсоном и венесуэльским историком Парра-Пересом; оба автора попытались шаг за шагом проследить историю пребывания Миранды в России, и это им в значительной степени удалось, хотя они и не использовали всего документального материала. Но ни Робертсон, ни Парра-Перес не дали ответа на вопрос о действительном характере отношений между Екатериной II и Мирандой. Робертсон вовсе обошел этот вопрос, а Парра-Перес, упомянув о существовавшей при русском дворе свободе нравов, намекнул на возможность интимной близости между Екатериной II и «галантным венесуэльцем».

Однако ряд обстоятельств позволяет утверждать с уверенностью, что покровительство, оказанное Миранде русской императрицей, не было ее личной прихотью и что оно было обусловлено соображениями весьма практического свойства, связанными главным образом с вопросом о русской экспансии в Америке.

К тому времени, когда Миранда, исколесив почти весь цивилизованный мир в поисках «высоких покровителей», появился в России, у царского правительства имелись веские основания интересоваться американскими делами.

Еще в начале XVIII в. на рассмотрение Петра I был представлен проект, предусматривавший завоевание русскими войсками значительной части Южной Америки. Автором этого документа был, повидимому, какой-то голландец; ни имя его, ни время подачи проекта неизвестны, хотя можно предполагать, что документ относится к последним годам петровского царствования. Отметив, что многие земли Южной Америки «по се число ни от какого европейского короля не завоеваны, но вольны», автор проекта указывал на легкость их завоевания и на огромные выгоды, которые доставило бы России обладание ими. «Автор сего проекта в молодости в тех землях многие лета быв, и проехав, усмотрил, что там знатных крепостей нет». Проект предусматривал отправку в Южную Америку десяти русских военных кораблей и 12 тысяч солдат; этих сил, по мнению предприимчивого голландца, было бы достаточно, чтобы завоевать в Новом Свете обширную территорию, «не занимая ни гишпанских, ни португальских мест, которые близко граничатца»[3].

Петр отклонил эту авантюристическую затею. Русское проникновение в Новый Свет не могло начаться через отдаленную Южную Америку. Ближайшим объектом русских притязаний могла стать только северозападная часть Америки, не занятая еще ни одной европейской державой и расположенная, как в то время уже знали, в непосредственной близости от русских владений в Северовосточной Азии. Утверждение русского господства в этой части Нового Света явилось бы продолжением великого движения русских колонизаторов на восток, через Сибирь, к берегам Тихого океана.

В самом деле, в течение всего XVIII в. русские зверопромышленники, опираясь на свои базы в Охотском крае и на Камчатке, упорно продвигались вдоль Алеутских островов к берегам Америки. В 1761—1762 гг. судно иркутского купца Бечевина зимовало уже у самых берегов Аляски. В 1784 г. рыльский купец Шелехов основал русскую колонию на острове Кадьяк, близ Аляски. Казалось, перед Россией открывались в Америке необъятные возможности. Укрепившись на никем не занятых берегах Аляски, можно было затем продвигаться на юг, к испанской Калифорнии, к золотым и серебряным приискам Мексики. Еще задолго до экспедиции Шелехова в купеческих и административных кругах русского Дальнего Востока настолько серьезно считались с такими возможностями, что это не укрылось от глаз даже сторонних наблюдателей-иностранцев; в 1770—1771 гг. сосланный на Камчатку пленный польский генерал Бениовский пришел к выводу, что «русские когда-нибудь завладеют Калифорнией» и что «испанские колонии раньше или позже станут их добычей»[4].

Испанские колониальные власти, со своей стороны, готовились к отпору русской экспансии. В 1768—1769 гг. посланная из

[1] Письмо А. А. Безбородко к Г. А. Потемкину от 9 октября 1787 г. «Сборник Русского исторического общества». Т. XXVI, стр. 287. СПБ. 1879.

[2] Депеша С. С. Зиновьева графу И. А. Остерману от 8 (19) ноября 1787 г. Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). Фонд коллегии иностранных дел. Сношения России с Испанией. Дело № 441, лл. 149—152. Оригинал на французском языке.

[3] Проект завоевания Америки, поданный Петру Великому. «Москвитянин». 1851 год. Ч. 1-я, стр. 121—124.

[4] Beniowski M. «Reisen», S. 78. Berlin. 1790.

Мексики экспедиция заняла Верхнюю Калифорнию (Новый Альбион) и основала здесь первые испанские поселения. «Одним из главных соображений, которые испанцы имели в виду, занимая Сан-Диего и Монтерей (в Верхней Калифорнии.—*В. М.*) во время экспедиции 1769 г., было опасение русского вторжения с севера»,— отмечает северо-американский историк Банкрофт[1]. Утвердившись в Верхней Калифорнии, испанцы стали снаряжать на север одну экспедицию за другой, чтобы помешать русским обосноваться там. В 1773—1774 гг. Хуан Перес достиг 55° с. ш., в 1775 г. Эсета и Квадра —57°, в 1779 г. Квадра и Артеага —59°; повсюду эти мореплаватели именем испанского короля формально завладевали посещаемыми ими землями[2]. Оба колонизационных потока — русский и испанский—должны были вскоре придти в соприкосновение, которое могло привести к международному конфликту[3]. Русско-испанское соперничество в Новом Свете стало политической реальностью.

Екатерина II проявляла большой интерес к вопросу о русском проникновении в Америку. В конце 1786 г. она получила первое известие о путешествии Шелехова; компаньон последнего купец Голиков преподнес императрице присланную из Америки карту этого путешествия. Сообщение Голикова произвело сильное впечатление на императрицу; она расспрашивала о подробностях путешествия и велела передать Шелехову, чтобы по возвращении из Америки он явился к ней в Петербург[4]. 22 декабря Екатерина подписала указ об отправке в Тихий океан, в подкрепление к уже снаряженной экспедиции Биллингса, целого отряда военных судов (четыре фрегата и одно транспортное судно) под начальством Г. И. Муловского «для охраны права нашего на земли, российскими мореплавателями открытые»[5]. Испания в это время содержала в американских водах только четыре линейных корабля и четыре фрегата, предназначенных для охраны ее обширных владений от многочисленных врагов, постоянно готовых к нападению[6]. При таких условиях определенные в экспедицию Муловского суда, новой постройки и отлично вооруженные, представляли собой внушительный фактор, который должен был резко изменить в пользу России баланс сил на Тихом океане. Но и это казалось Екатерине недостаточным. Весной 1787 г. она решила отправить в американские воды еще три военных корабля под начальством английского моряка Джемса Тревенина, выразившего желание перейти на русскую службу[7].

В самый разгар всех этих приготовлений в поле зрения императрицы оказался Миранда. Это была ценная находка для царского правительства. Если бы русское проникновение в Америку вызвало конфликт с мадридским двором, то при помощи венесуэльского заговорщика можно было бы попытаться нанести удар в самое уязвимое место Испании, разжигая пламя восстания в ее колониях[8]. Подобно многим своим

[1] Bancroft H. Works. Vol. XIX, p. 58. San Francisco. 1885.

[2] Ibidem. Vol. XXXIII, p. 195—221.

[3] Первая встреча испанцев и русских в Америке произошла в июне 1788 года. Капитан Лопес-де-Аро по приказанию мексиканского вице-короля отплыл в секретную экспедицию к северозападным берегам Америки и убедился в существовании здесь русских поселений; при этом он установил, со слов колонистов, что царское правительство решило завладеть берегами Нутка-Зунда (40° с. ш.) и предполагало отправить туда два фрегата. Лопес-де-Аро вернулся с этой новостью в Калифорнию, откуда было послано донесение вице-королю. Последний распорядился срочно снарядить новую экспедицию, чтобы помешать дальнейшему продвижению русских на юг. Суда, отправленные в эту экспедицию, в мае 1789 г. прибыли в Нутка-Зунд и вместо русских неожиданно обнаружили там англичан, прибывших из Ост-Индии. Английские корабли вместе с их экипажами были захвачены испанцами. Это повлекло за собой англо-испанский конфликт, едва не приведший к войне и урегулированный только осенью 1790 года. См. донесения С. Зиновьева графу Остерману от 26 февраля (9 марта) 1789 г. и 21 января (1 февраля) 1790 г. (ГАФКЭ. Фонд коллегии иностранных дел. Сношения России с Испанией. Дело № 450, лл. 59—60; дело № 463, лл. 9—12).

[4] Тихменев И. «Историческое обозрение образования Российско-американской компании». Ч. 1-я, стр. 16. СПБ. 1861.

[5] Соколов А. «Приготовления кругосветной экспедиции 1787 г.». Записки Гидрографического департамента. Ч. 6-я, стр. 147. 1848.

[6] Robertson W. Op. cit. Vol. I, p. 102.

[7] Письмо А. Безбородко к С. Р. Воронцову от 4 апреля 1787 года. «Архив князя Воронцова». Кн. 13-я, стр. 127. М. 1879.

[8] Следует иметь в виду, что в 1787 г. интересы Испании и России сталкивались не только в Америке, но и на Ближнем Востоке. Путешествие Екатерины II в Крым было истолковано в Западной Европе как признак того, что Россия собирается вновь напасть на Турцию. В самом деле, царица и ее союзник — австрийский император — готовились к войне с целью вытеснения Турции из ее европейских владений. Это вызвало серьезное беспокойство в Западной Европе, в частности при версальском и союзном ему мадридском дворах. «Вооружения России и Австрии... привели в беспокойство не одних турок, англичан и пруссаков; Испания и Франция... поверили общей тревоге»,— писал впоследствии граф Сегюр, французский посол при екатерининском дворе (Сегюр «Картина историческая и политическая Европы в конце XVIII в.». Т. I, стр. 92—93. М. 1802). Возможность обще-

современникам Екатерина II была убеждена, что достаточно Миранде появиться в Испанской Америке, имея за собой хотя бы небольшие вооруженные силы, чтобы для испанского господства в колониях пробил двенадцатый час[1].

Таковы обстоятельства, позволяющие высказать предположение, что в 1787 г. предполагалась отправка Миранды с одной из русских экспедиций (Муловского или Тревенина) в Тихий океан; в этом случае Камчатка стала бы его оперативной базой в борьбе за независимость Испанской Америки. Косвенные указания на этот план встречаются в позднейшей переписке Миранды с его единомышленниками.

В 1790 г. англичанин Томас Поуналь — бывший губернатор Массачузетса, пламенный сторонник освобождения Испанской Америки и личный друг Миранды—в письме к последнему советует воспользоваться предложением, которое было в свое время сделано «его августейшей русской покровительницей». «Перед моим духовным взором,— с высокопарной торжественностью заключает Поуналь,— открывается... перспектива, связанная с самыми радужными надеждами... Когда я представляю себя на берегах Камчатки (Kamskatsky), я почти могу протянуть руку дружественной помощи Мексике[2].

Запись в дневнике Миранды (от 3 мая 1799 г.) раскрывает конкретные размеры той помощи, которую испано-американские сепаратисты могли получить от царского правительства. Излагая содержание своей беседы с русским послом в Лондоне С. Р. Воронцовым, Миранда приводит слова последнего о том, что в случае, если бы Екатерина II была еще жива, сепаратисты могли бы рассчитывать на получение двух русских фрегатов и двух тысяч солдат, с которыми можно было бы начать борьбу за освобождение Испанской Америки»[3].

европейской войны была велика; в этой войне Испания оказалась бы среди врагов России; при таких условиях ценность, которую представлял Миранда в глазах Екатерины, удваивалась.

[1] Русской императрице незачем было читать Рейналя, чтобы получить представление о том, до какой степени население Испанской Америки питает ненависть к своей метрополии; ее собственный посол в Мадриде С. С. Зиновьев, человек вдумчивый и осторожный в суждениях, неоднократно касался в своих донесениях испано-американского вопроса, рисуя в самых мрачных красках положение колониального населения и указывая на возможность революции. Так например 21 июня (2 июля) 1787 г., как раз во время пребывания Миранды в России, Зиновьев писал вице-канцлеру Остерману: «Американский народ находится в состоянии большого возбуждения, и не требуется создавать новых поводов к его озлоблению, чтобы он окончательно восстал» (ГАФКЭ. Фонд коллегии иностранных дел. Сношения России с Испанией. Дело № 441, лл. 45—48: оригинал на французском языке). Донесения Зиновьева не могли не укреплять Екатерину в убеждении, что при помощи Миранды можно было бы одним ударом покончить с испанской колониальной империей.

[2] Письмо Т. Поуналя к Миранде от 30 апреля 1790 года. Цит. по работе Robertson, Vol. I, p. 106.

IV

В августе 1787 г. началась давно назревавшая русско-турецкая война; вскоре на политическом горизонте стала вырисовываться неожиданная перспектива русско-шведской войны, в самом деле начавшейся через несколько месяцев. При таких условиях об ослаблении балтийского флота, в состав которого входили выделенные для Муловского и Тревенина суда, не могло быть и речи. Приготовления к экспедициям были приостановлены. Екатерине пришлось отложить осуществление своих американских проектов на неопределенное время.

В сентябре, т. е. тотчас же после того, как выяснилась неизбежность отмены экспедиций, Миранда уехал из России с намерением возвратиться, когда обстоятельства переменятся. Он получил на дорогу две тысячи фунтов стерлингов[4] и рекомендательные письма к русским послам при европейских дворах. Письма эти были составлены в выражениях, не оставлявших сомнений в особом благоволении императрицы к венесуэльскому заговорщику. Вот, например, текст письма, адресованного С. Р. Воронцову в Лондон: «Граф Миранда, полковник на службе его католического величества (короля Испании.— *В. М.*), прибыв в Киев во время пребывания там императрицы, имел честь быть представленным ее императорскому величеству и снискать расположение нашей августейшей повелительницы своими заслугами и высокими достоинствами, в том числе и познаниями, приобретенными им в путешествиях по различным частям света. В знак своего уважения к г. де Миранде и особого внимания к нему, ее императорское величество повелевает вашему сиятельству по получении настоящего письма оказать этому офицеру такой же прием, какой она сама ему оказала, окружить его всевозможными заботами и вниманием, обеспечить ему ваше содействие и покровительство во всех случаях, когда он будет в них нуждаться и пожелает ими вос-

[3] Ibidem, p. 188. Возможно, что Миранда обещал царскому правительству какую-либо территориальную компенсацию в обмен за предоставление русских вооруженных сил в распоряжение испано-американских сепаратистов (например уступка России Калифорнии или другой части Новой Испании); но в нашем распоряжении нет документальных данных, подтверждающих это предположение.

[4] Parra Perez. Op. cit., p. XXXIV; Robertson. Op. cit. Vol. I, p. 79—80

пользоваться, и, наконец, предоставить ему в случае необходимости убежище в вашем доме. Рекомендуя вам этого полковника столь настоятельным образом, императрица желает тем самым выразить, сколь она поощряет заслугу там, где встречает ее, и сколь безусловное право на ее благоволение и высочайшее покровительство имеет тот, кто обладает такими высокими достоинствами, как г. граф де Миранда»[1].

В течение пяти лет после отъезда из России Миранда поддерживал тайные сношения с царским правительством. Ему удалось оказать своим русским покровителям несколько ценных услуг. Так например в 1791 г., находясь в Лондоне, он использовал свое знакомство с личным секретарем Питта для осведомления русского посла Воронцова о настроениях английских правящих кругов. «Я покорно прошу ваше сиятельство,— писал по этому поводу Воронцов графу Безбородко,— предать огню сие послание; ибо естьлиб оное как ни есть попалось по несчастию кому-нибудь на глаза и дошла бы здешнему министерству наималейшая наметка на Миранду, то сие бы сделало ему величайший вред, а я бы потерял весьма верный канал для будущих сведениев»[2]. Через некоторое время Миранда переслал в Петербург (через того же Воронцова) попавшие в его руки секретные документы, содержавшие сведения о турецких крепостях[3].

Со своей стороны послы Екатерины II оказывали Миранде широкое покровительство и несколько раз выручали его при весьма затруднительных для него обстоятельствах. Об одном из таких случаев сообщил Воронцов в своем донесении Безбородко. В связи с тем, что тайным агентам мадридского двора иногда удавалось захватывать заграницей нужных им лиц и насильно увозить их в Испанию, Воронцов и Миранда договорились о мерах предосторожности. «Мы условились,— писал Воронцов,— что он, естьлиб с ним такое покушение сделать хотели, в доме ли или на улице то бы случилось, объявил бы себя принадлежащим Российской миссии. Несколько дней спустя гишпанский посол подослал одного своего попа к одному гишпанцу, который за долги уже год как в тюрьме находится, обещая ему выкуп, естьли он присягнет, что Миранда ему должен. Тот сие учинил, после чего нашелся стряпчей, который, показав одному судье требование гишпанца на Миранду, получил от оного повеление его арестовать. Но как с сим повелением сей стряпчей пришел днем и в дом нашего американского вояжера, то сей объявил при хозяевах сего дома, что он принадлежит Российской миссии, почему и не могли его взять. Но Миранда, опасаясь, чтобы с ним подобное еще не случилось ночью и на улице, просил меня, чтобы я его включил в реестр, который иностранные министры (послы.— *В. М.*) сообщают статскому секретарю, где все люди им принадлежащие показаны.. Я не мог того ему отказать вследствие повеления ее императорского величества, что ваше сиятельство мне сообщить изволили и коим мне предписано не токмо давать всякое покровительство господину Миранде, но и в случае нужды давать ему мой дом убежищем. И так вчерась я послал к дюку Лидсу реестр людей, принадлежащих к Российской миссии, поместя в оной имя господина Миранды»[4].

Сношения Миранды с царским правительством оборвались лишь в 1792 г. в связи с его отъездом в революционную Францию и вступлением в ряды республиканской армии[5]. Русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов, узнав о вступлении Миранды во французскую службу, прекратил с ним переписку[6]. Другие екатерининские вельможи и сама царица не преминули выразить одобрение Воронцову; так например князь Кочубей писал последнему: «С невыразимым огорчением я узнал об экстравагантной роли, которую собирается избрать для себя Миранда. Я никогда не думал, что подобный человек способен играть такую нелепую роль. Все одобрили ваше поведение по отношению к нему. Императрица была возмущена таким поступком чело-

---

[1] Письмо А. А. Безбородко к С. Р. Воронцову. «Архив князя Воронцова». Кн. 13-я, стр. 129—130. М. 1879; оригинал на французском языке.

[2] Письмо С. Р. Воронцова к А. А. Безбородко от 2(13) июля 1791 года. «Архив князя Воронцова». Кн. 9-я, стр. 485. М. 1876.

[3] Письмо А. А. Безбородко к С. Р. Воронцову от 11 октября 1791 года. «Сборник Русского исторического общества». Т. XXVI, стр. 427. СПБ. 1879.

[4] Письмо С. Р. Воронцова к А. А. Безбородко от 25 июля (5 августа) 1789 года. «Архив князя Воронцова». Кн. 9-я, стр. 482—483. М. 1876.

[5] Весной 1792 г. Миранда переселился во Францию, сблизился с жирондистами и вступил во французскую армию в чине генерала. В ноябре 1792 г. в связи с резким обострением франко-испанских отношений жирондистское правительство приняло решение об использовании Миранды для «революционизирования» Испанской Америки. Жирондисты верили, что достаточно ему появиться во главе французской военной экспедиции в американских колониях Испании, чтобы их население немедленно поднялось на борьбу за свое освобождение. «Одно имя Миранды,— писал Бриссо генералу Дюмурье,— стоит целой армии; его способности, его отвага, его гений сулят нам успех» J.-P. Brissot. «Correspondance et papiers», p. 314—317. Paris. 1912). Начавшаяся в марте 1793 г. франко-испанская война придала этим проектам еще бóльшую злободневность. Но революция 31 мая — 2 июня 1793 г., отбросив от власти жирондистов, отмела и их план «революционизирования» Испанской Америки.

[6] Письмо С. Р. Воронцова к Турнбюлю от 5 сентября 1792 года. «Архив князя Воронцова». Кн. 30-я, стр. 500—501. М. 1884.

века, который давно уже сгинул бы в тюрьмах святой инквизиции, если бы не ее заступничество» [1].

С момента своего вступления во французскую республиканскую армию Миранда старался облечь свои прежние сношения с царским правительством покровом глубокой тайны. В середине мая 1793 г. он был арестован и предстал перед революционным трибуналом по обвинению в сообщничестве с изменником — генералом Дюмурье. При разбирательстве дела не мог не всплыть вопрос о пребывании Миранды в России; но этот период его жизни получил здесь весьма своеобразное освещение. Его защитник Шово-Легард ограничился заявлением: «Князь Потемкин, намереваясь совершить путешествие в те страны, в которых уже побывал Миранда, расспрашивал его о природе различных местностей, которые он собирался посетить» [2]. Эта наивная ложь вполне удовлетворила жирондистов—членов трибунала, поспешивших оправдать Миранду.

До самого конца своей бурной жизни [3] Миранда продолжал тщательно скрывать действительный характер своих отношений с петербургским двором.

---

[1] Письмо В. П. Кочубея к С. Р. Воронцову от 25 сентября (5 октября) 1792 года. «Архив князя Воронцова». Кн. 18-я, стр. 50. М. 1880.

[2] Buchez et Roux. «Histoire parlamentaire de la Révolution francaise.» Vol. 27, p. 65. Paris. 1836.

[3] Вскоре после прихода к власти якобинцев Миранда, скомпрометированный своей близостью к жирондистам, был заключен в тюрьму, откуда ему удалось освободиться только после контрреволюционного переворота 9 термидора. В 1798 г. он нелегально выехал из Парижа, воспользовавшись старым русским паспортом на имя «г-на Мирандова», прибыл в Лондон и завязал сношения с сентджемским кабинетом. Английские министры трижды (в 1798, в 1801 и в 1804 гг.) принимали решение об использовании его для «революционизирования» Испанской Америки (Испания в то время была союзницей Франции и воевала с Англией), но различные обстоятельства, связанные главным образом с неустойчивостью международной политической обстановки, помешали осуществлению этих планов. В 1806 г. Миранда во главе нескольких сот навербованных в США волонтеров, при поддержке английских военно-морских сил, высадился в Венесуэле и попытался начать здесь вооруженную борьбу за освобождение Испанской Америки, но потерпел неудачу и должен был вновь искать убежище в Англии. В 1810 г. в Венесуэле вспыхнуло восстание против испанского господства, и Миранда стал главой венесуэльской республики. В 1812 г., будучи предан одним из своих ближайших помощников — Симоном Боливаром,— он попал в руки испанцев и в 1816 г. умер в оковах.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЛИТЕРАТУРА К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ТОВАРИЩА СТАЛИНА *

Празднование шестидесятилетия товарища Сталина ознаменовалось выходом большого количества работ, освещающих жизнь и деятельность великого вождя народов. Итог более чем сорокалетнего служения товарища Сталина делу пролетарской революции, делу рабочего класса и всех трудящихся подведен в обращении ЦК ВКП(б): «Великому продолжателю дела Ленина — товарищу Сталину». В обращении отмечается, что товарищ Сталин был верным учеником и соратником Ленина, вместе с ним строил большевистскую партию, вел рабочий класс на вооруженное восстание в октябре 1917 года, был непосредственным вдохновителем и организатором побед Красной Армии на всех основных фронтах гражданской войны; после смерти Ленина под руководством товарища Сталина партия большевиков привела страну к победе социализма — осуществила социалистическую индустриализацию страны и совершила глубочайший революционный переворот в деревне — сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса; под руководством товарища Сталина создано могучее многонациональное государство — СССР, — основанное на нерушимой дружбе народов, введена новая Конституция — «Конституция победившего социализма и развернутой социалистической демократии», создана советская интеллигенция, создана могучая и непобедимая Красная Армия. Обращение говорит об огромных заслугах товарища Сталина в деле дальнейшего развития теории марксизма-ленинизма в новых условиях эпохи империализма и пролетарской революции, эпохи победы социализма в СССР. «Отдавая все свои силы великому служению народу,— ты, товарищ Сталин, также как и Ленин, любишь свой народ и неотделим от народа. Также как Ленин, ты окружен горячей любовью трудящихся Советского Союза и всего мира»,— говорится в обращении.

«Живи долгие годы, наш родной Сталин, на радость партии, рабочего класса, народов советской земли и всего мира!» — такими словами заканчивается этот документ.

Благодаря вышедшим к дням юбилея книгам и брошюрам продвинута вперед разработка научной биографии товарища Сталина. Но это — только начало, ибо рассказать о товарище Сталине — это значит рассказать о партии за весь период ее существования.

Вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма являются опубликованные в журналах «Большевик» (№ 23—24 за 1939 г.) и «Партийное строительство» (№ 23—24 за 1939 г.) две ранние статьи И. В. Сталина, впервые полностью переведенные с грузинского языка на русский. Эти статьи были напечатаны в газете «Пролетариатис брдзола» («Борьба пролетариата») в № 7 от 1(14) сентября 1904 г. и в № 8 от 1(14) января 1905 года.

Первая из них — «Как понимает социалдемократия национальный вопрос?» — обосновывает и разъясняет программу партии по национальному вопросу, в ней товарищ Сталин подвергает сокрушительной критике оппортунистический принцип национального размежевания пролетариата, последовательно отстаивает интернационалистский тип построения пролетарских классовых организаций. В этой статье Сталин выступает как крупный теоретик национального вопроса, мастерски владеющий марксистским диалектическим методом. В ней даны в зародыше идеи, развитые позднее Сталиным в его работе «Марксизм и национальный вопрос».

Вторая статья — «Класс пролетариев и партия пролетариев» — обосновывает и защищает ленинские организационные принципы строительства партии нового типа и самостоятельно развивает положения, изложенные Лениным в знаменитой работе «Шаг вперед, два шага назад». «Мы должны быть крайне бдительными,—писал в этой статье товарищ Сталин,— и не должны забывать, что наша партия есть крепость, двери которой открываются лишь для достойных».

Из юбилейной литературы о товарище Сталине следует отметить прежде всего «Краткую биографию» товарища Сталина, составленную Институтом Маркса — Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), опубликованную в газете «Правда» 20 декабря 1939 г. и одновременно вышедшую отдельной брошюрой. Кроме того она была напечатана в № 23—24 журнала «Большевик» и в № 23—24 журнала «Партийное строительство», а также в ряде других журналов.

Эта работа является первой и весьма ценной попыткой проследить все важнейшие этапы жизни и политической деятельности товарища Сталина, начиная со времени, когда 15-летним юношей он вступает в революционное движение, и до сегодняш-

---

* Настоящий обзор составлен бригадой сотрудников сектора истории Фундаментальной библиотеки по общественным наукам Академии наук СССР: Н. Рябовым и К. Симон с привлечением В. Гребень.

него дня, когда товарищ Сталин является вождем партии, советского народа и трудящихся всего мира.

Все этапы славной деятельности товарища Сталина нашли в работе ИМЭЛ сжатое, но в то же время стройное и цельное отображение. Через всю биографию красной нитью проходит верность товарища Сталина идеям Маркса — Энгельса — Ленина, глубокая принципиальность и непримиримость ко всякого рода врагам марксизма-ленинизма, сделавшие товарища Сталина с первых же шагов его революционной борьбы опорой и соратником Ленина, а затем и продолжателем его дела.

Значительной ценностью «Краткой биографии», составленной ИМЭЛ, нужно признать ту выпуклость и конкретность, с какой в ней выявлено глубочайшее теоретическое значение сталинских работ.

Рассказать о важнейших вехах жизни товарища Сталина — «значит рассказать о великой борьбе партии Ленина — Сталина, о трех революциях, о гражданской войне, о построении социалистического государства, об огромной творческой теоретической деятельности товарища Сталина, о его борьбе против многочисленных врагов большевизма. Это значит рассказать о партии за весь период ее существования, ибо жизнь и деятельность товарища Сталина самым тесным образом переплетаются с жизнью и деятельностью большевистской партии»[1]. Так в предисловии к своей работе «О товарище Сталине» характеризует тов. Ем. Ярославский задачи, стоящие перед биографом Сталина.

Тов. Ярославский относительно немного говорит в своей книге «от себя»: он заставляет рассказывать о жизни и деятельности товарища Сталина разнообразнейшие привлеченные им документы. Тов. Ярославский рисует образ Сталина, используя воспоминания товарищей его ранних, отроческих лет и годов учения в горийском духовном училище, используя донесения надзирателей тифлисской духовной семинарии, документы царской охранки, воспоминания сподвижников товарища Сталина, а также отрывки из составленных им листовок и написанных им статей и т. д. и т. п. В результате получилась яркая и увлекательная биография, освещающая жизнь и деятельность И. В. Сталина, начиная с его детства, отрочества и первых революционных шагов и до настоящего момента.

М. И. Калинин в своей брошюре «К шестидесятилетию товарища Сталина» с простотой и ясностью изложения своих мыслей, которая доступна только человеку, находящемуся в постоянном живом общении с массами, описывает политическую деятельность товарища Сталина и условия, в каких она протекала начиная с 1894 г., когда товарищ Сталин выступал как инициатор, организатор и руководитель ученических социал-демократических кружков. Тов. М. И. Калинин в основных чертах рассказывает о революционной деятельности товарища Сталина по созданию партии большевиков и теоретическому и практическому руководству ею на всех исторических этапах как вместе с Лениным, так и после него. Тов. Калинин показывает, что товарищ Сталин является гениальным продолжателем дела Маркса — Энгельса — Ленина. «Товарищ Сталин,— пишет М. И. Калинин,— в совершенстве владеет методом марксизма-ленинизма, который он защитил и обосновал в борьбе с многочисленными врагами, который он конкретизировал и развил дальше на богатейшем опыте строительства социализма в капиталистическом окружении, в борьбе за переход к коммунизму»[2].

Целый ряд статей о товарище Сталине опубликован в дни его шестидесятилетия в наших центральных газетах «Правда» и «Известия Советов депутатов трудящихся». В кратком обзоре нет возможности даже перечислить все эти статьи, каждая из которых со своей специальной точки зрения характеризует многогранную деятельность великого вождя. Так, тов. Молотов в своей статье особо подчеркивает преемственность в деятельности Ленина и Сталина[3]. Отмечая победоносную борьбу партии Ленина — Сталина со всеми этими троцкими, зиновьевыми, бухариными, тов. Молотов указывает, что «разбить до конца все эти группки и фракции замаскированных врагов социализма, а вместе с ними разгромить и созданные ими впоследствии шпионско-вредительские организации, выполнявшие антисоветские задания иностранных разведок,— все это—наша партия сумела сделать с полным успехом под руководством товарища Сталина, организатора и идейного вождя большевистской партии». Большевистская партия, осуществляющая руководство всем социалистическим строительством страны, «обеспечила громадные успехи в построении социалистического общества в Советском Союзе и высоко подняла авторитет СССР в международных делах нашего времени. Во всем этом главная и решающая заслуга принадлежит товарищу Сталину, продолжателю дела Ленина, вождю ВКП(б) и Советского Союза». Переходя затем к характеристике Сталина как вождя партии большевиков и как вождя СССР, тов. Молотов пишет: «Ленин был вождем большевистской партии, социалистической революции, Советского Союза. Товарищ Сталин — достойный продолжатель великих дел В. И. Ленина. Вот почему товарищ Сталин окружен таким доверием и любовью трудящихся». Этими словами заканчивается статья тов. Молотова.

Тов. Калинин в статье, одноименной с его брошюрой и связанной с ней тесной внутренней связью[4], применяет к Сталину

---

[1] Ем. Ярославский «О товарище Сталине, стр. 4. М. Госполитиздат. 1939.

[2] Калинин М. «К шестидесятилетию со дня рождения товарища Сталина», стр. 87. Госполитиздат. 1939.

[3] Молотов В. «Сталин, как продолжатель дела Ленина». «Правда» № 351 от 21 декабря 1939 года.

[4] Калинин М. «К шестидесятилетию со дня рождения товарища Сталина». «Правда» № 351 от 21 декабря 1939 года.

слова Герцена о людях 14 декабря 1825 года: «Какие-то богатыри, кованые из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники». «К числу таких людей принадлежит и товарищ Сталин»,— говорит М. И. Калинин. Отношение товарища Сталина к Ленину напоминает тов. Калинину «отношение Ленина к Марксу, с той лишь поправкой, что товарищ Сталин непосредственно много лет работал с Лениным. Этим я хочу сказать, что его отношение к Ленину ближе, интимнее». «Не подлежит сомнению, что Сталин имел немалое влияние на Ленина»,— довершает свою мысль тов. Калинин.

К. Е. Ворошилов в статье «Сталин и строительство Красной Армии»[1] подчеркивает, что «Сталин — международное имя, ставшее знаменем борьбы за великие идеалы человечества», и «наряду с этим — это имя Красной Армии». «Сталин, на основе марксистского понимания вопроса о войне, сформулировал принципы новой теории пролетарской стратегии и тактики». Он «счастливо сочетает в себе великого стратега и блестящего тактика пролетарской революции, по-марксистски, диалектически применившего законы стратегии и тактики классовой борьбы к военной действительности, к борьбе вооруженных сил революции».

Эти положения тов. Ворошилов блестяще подтверждает конкретными примерами руководства Сталиным борьбой против Деникина, белополяков, Колчака. «Только Сталин, давший исчерпывающую характеристику судеб и задач социалистического государства, дал вместе с тем и ясную перспективу развития вооруженных сил, в том числе и в коммунистическом обществе в нашей стране при капиталистическом окружении».

«Полная победа наших вооруженных сил в борьбе с любым врагом обеспечена, потому что с нами Сталин»,— говорит тов. Ворошилов. «По его зову каждый готов без колебаний отдать все свои силы, если нужно, и свою жизнь во имя славы и могущества Родины, во имя коммунизма».

«Нет другого человека, который пользовался бы таким непоколебимым доверием и авторитетом в рядах рабочего движения, в рядах трудящихся всех стран, как наш Сталин — гениальный продолжатель дела Маркса — Энгельса — Ленина»,— пишет тов. Димитров. Это доверие и авторитет тов. Димитров объясняет тем, что трудящиеся всего мира «знают, что у Сталина нет других интересов, чем защита интересов угнетенного и страдающего человечества, нет другой жизни, кроме жизни, отданной на благо трудящихся»[2].

К биографическим очеркам о Сталине нас возвращает статья тов. Лаврентия Берия — «Величайший человек современности»[3]. «Революционная бдительность и непримиримость даже к малейшим отступлениям от марксистско-ленинской линии в революционном движении — вот тот основной и важнейший принцип, на котором товарищ Сталин вместе с Лениным воспитывает партию большевиков»,— отмечает тов. Берия и подкрепляет эту мысль высказыванием Сталина, датируемым еще 1904 годом. Тов. Берия подчеркивает великие заслуги товарища Сталина в поднятии «значения теории в деле руководства практической работой по строительству коммунизма» и исключительную «роль товарища Сталина в разработке программы по национальному вопросу и в осуществлении национальной политики нашей партии».

«Товарищ Сталин направляет все стороны жизни нашей страны. Он — инициатор и организатор всех наших побед, всех великих начинаний по строительству новой жизни. Он научил нас, как овладеть современной передовой социалистической техникой и поставить на службу народу неисчерпаемые богатства недр нашей необъятной родины»,— пишет тов. Берия и, подытоживая высказанные ранее мысли, заключает: «Сталин — величайший человек современности. Он — глубочайший теоретик нашей эпохи и гениальный стратег и тактик пролетарской революции».

Тов. Каганович, напоминая слова Маркса: «Революции — локомотивы истории»,— видит «решающую, основную историческую заслугу товарища Сталина» в том, что «Сталин смело, развивая ленинский разгон локомотива истории, удержал его на социалистических рельсах»[4].

О «Сталине и великой дружбе народов» пишет тов. Хрущев[5], передавая от имени украинского народа благодарность товарищу Сталину «за воссоединение великого украинского народа в едином украинском государстве».

Слова Барбюса «Сталин — это Ленин сегодня» послужили тов. Микояну прекрасным заглавием и темой его яркой статьи[6]. Указав на то, что «Сталин нарисовал самый полный, самый правдивый и самый прочувствованный образ Ленина, образ величайшего гения человечества», тов. Микоян продолжает: «Когда пытаешься набросать образ Сталина, ученика Ленина,— сегодняшнего Ленина, то не находишь других слов, других выражений для правдивой характеристики Сталина, чем те, которыми он нарисовал образ Ленина».

Об исключительной роли товарища Сталина в деле создания большевистских кадров пишет тов. Маленков. В основу своей статьи он кладет высказывания

---

[1] «Правда» № 351 от 21 декабря 1939 года.

[2] Димитров Г. «Сталин и международный пролетариат». «Правда» № 351 от 21 декабря 1939 года.

[3] «Правда» № 351 от 21 декабря 1939 года.

[4] Каганович Л. «Великий машинист локомотива истории». «Правда» № 351 от 21 декабря 1939 года.

[5] Хрущев Н. «Сталин и великая дружба народов». «Правда» № 351 от 21 декабря 1939 года.

[6] «Правда» № 351 от 21 декабря 1939 года.

самого товарища Сталина по вопросу о кадрах [1].

О товарище Сталине как организаторе и руководителе великого колхозного движения пишет тов. Андреев [2]. «С именем Сталина связан целый коренной переворот в жизни миллионов крестьян». Этот тезис тов. Андреев убедительно аргументирует рядом фактов, свидетельствующих и о великом росте колхозного движения и о постоянной, направляющей мудрой заботе о нем товарища Сталина.

О Сталине как «учителе и друге» с большой теплотой написана статья тт. Поскребышева и Двинского [3]. Авторы отмечают, что постоянная забота о людях, простота, отзывчивость и чуткость делают товарища Сталина самым близким человеком для всех трудящихся.

Переходя к обзору юбилейных номеров наших журналов, остановимся прежде всего на № 23—24 журнала «Большевик» за 1939 год. Выше было уже отмечено, что в этом номере опубликован ценнейший материал: две статьи товарища Сталина.

Отметим в № 23—24 «Большевика» статью тов. А. Щербакова «Непобедимая партия Ленина—Сталина», анализирующую условия, в которых Ленин и Сталин создавали самую сильную в мире партию и Коммунистический Интернационал. В ней показаны также разработка Лениным и Сталиным теоретических, организационных и тактических основ партии нового типа и строительство на этих основах партии большевиков. Тов. Ем. Ярославский в № 23—24 «Большевика», в статье «Предгрозовая молния первой революции», описывает стачку бакинских рабочих в декабре 1904 г., проходившую под руководством товарища Сталина. Стачка эта явилась переломным пунктом во всем рабочем движении и послужила «сигналом славных январско-февральских выступлений по всей России» (Сталин). В истории русского революционного движения эта стачка занимает поэтому особо почетное место. Именно здесь впервые в России рабочие добились удовлетворения своих требований, причем это было закреплено заключенным ими коллективным договором. Тов. Ярославский подчеркивает, что уже этого одного достаточно для того, чтобы выделить бакинскую стачку 1904 г. как особый этап в развитии рабочего движения. Этот этап как бы завершает первое десятилетие революционной деятельности товарища Сталина.

В № 23—24 за 1939 г. журнала «Партийное строительство» помещена статья тов. Ем. Ярославского «Сталин — это Ленин сегодня». В этой статье автор показывает, как ленинские черты непримиримого борца за счастье всего трудящегося человечества получили выражение в теоретической и в практической деятельности Сталина в течение 45 лет его борьбы за торжество коммунизма.

Тов. А. Леонтьев в этом же номере журнала «Партийное строительство», в статье «Торжество теории и практики социализма», показывает, как многовековые мечты человечества претворены в действительность Лениным и Сталиным. Победа социализма в СССР явилась величайшим триумфом марксизма. Теоретическая разработка марксистской теории Лениным и Сталиным сделала возможными всемирноисторические победы социализма. Вместе с тем в трудах Ленина и Сталина нашел свое теоретическое обобщение и гигантский опыт победы и построения социализма в СССР. Труды Ленина и Сталина поднимают марксистскую науку на новую, высшую ступень. Завоеванный в боях социализм превратился ныне в решающую силу исторического развития. Сила эта оказывает свое могучее влияние на все стороны жизни современного человечества.

№ 11—12 журнала «Коммунистический Интернационал» полностью посвящен шестидесятилетию товарища Сталина. Тов. Мануильский в статье «Великий теоретик коммунизма» дает образ Сталина как великого теоретика коммунизма, причем особо выделяет огромный вклад товарища Сталина в марксистско-ленинское учение о государстве и значение выдвинутого товарищем Сталиным нового тезиса «о том, что даже в бесклассовом обществе, в стране, где победит коммунизм, пока остается капиталистическое окружение, государство отмереть не может». Хозе Диас в статье «Учение Сталина — путеводная звезда испанских коммунистов» указывает на значение Сталина в борьбе, которую испанские коммунисты вели и продолжают вести в новой обстановке «за отвоевание того, что отнято у масс, за расширение их завоеваний до полного освобождения». Долорес Ибаррури говорит о «Сталине — человеке масс, вожде народов». П. Виден в статье «Новая эпоха, новый облик вождя и человека», сопоставляя развитие науки на заре буржуазной культуры и в наше время, отмечает, что в лице Ленина и Сталина мы имеем новый тип мыслителя и деятеля: «тип человека, олицетворяющего полное единство науки и политики, философии и руководства массами, теории и практики». В своей статье «Сталин в моей жизни» Андре Марти говорит, что, «несмотря на тюрьмы и травлю, французские пролетарии сохраняют нерушимую верность Сталину». Э. Браудер отмечает, что «Сталина приветствуют народы всего мира». Пальм Датт говорит о Сталине как «лучшем друге и учителе трудящихся». «Время принадлежит Сталину. Сотни миллионов людей во всем мире с чувством глубокой благодарности думают о нем» — так заканчивает свою статью «Сталин» Мартин Андер-

---

[1] Маленков Г. «Сталин о большевистских кадрах». «Правда» № 351 от 21 декабря 1939 года.

[2] Андреев А. «Сталин и великое колхозное движение». «Правда» № 351 от 21 декабря 1939 года.

[3] Поскребышев А. и Двинский Б. «Учитель и друг человечества». «Правда» № 351 от 21 декабря 1939 года.

сен-Ниексе. М. Иовчук приводит ряд интереснейших данных, показывающих, какой колоссальной популярностью пользуются произведения товарища Сталина за рубежом.

В № 12 журнала «В помощь марксистско-ленинскому образованию» помещена статья М. Леонова «Гениальный диалектик современности». Автор указывает, что труды товарища Сталина представляют собой гениальное научное обобщение новой эпохи в истории человечества — эпохи пролетарских революций и победы социализма на одной шестой части земного шара. Во всех своих произведениях товарищ Сталин поднимает на новую, высшую ступень марксистскую философию и, в частности, марксистский диалектический метод. Блестящим продолжением философии марксизма-ленинизма является работа товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме», которая «стоит в одном ряду с классическими философскими произведениями Маркса, Энгельса и Ленина». В статье М. Иовчука «Развитие товарищем Сталиным марксистско-ленинского учения о социалистической культуре» рассматривается то новое, что внесено товарищем Сталиным в развитие марксистско-ленинского учения о социалистической культуре: вопрос об условиях развития социалистической культуры при использовании лучших достижений прогрессивной и демократической культуры прошлого, вопрос о переделке сознания масс, о роли интеллигенции, о создании национальной по форме и социалистической по содержанию культуры, о создании передовой науки. На великом опыте СССР, подчеркивает автор, блестяще оправдалось ленинско-сталинское учение о социалистической революции, которая, уничтожив гнет царизма и буржуазии, обеспечила коренной перелом в быту и традициях, в культуре и идеологии народов СССР.

В № 5 «Военно-исторического журнала» напечатаны статьи тт. Буденного, Кулика, Меликова, Федорова и других, освещающие совместную деятельность Ленина и Сталина, направленную к разгрому внутренней и внешней контрреволюции в годы гражданской войны в СССР[1]. В этих статьях показана решающая роль Сталина в ликвидации пермской катастрофы, в обороне Петрограда, в разгроме белополяков на Украине в 1920 г. и английских интервентов в Туркестане. В годы гражданской войны товарищ Сталин с огромной целеустремленностью, могучей волей и несравненным мастерством выполнял работу, которая ему поручалась партией и лично Лениным. «Ленин, превратил Сталина в специалиста по спасанию положения почти на всех фронтах, где нависала опасность или делу грозила катастрофа»[2].

В статьях «Военно-исторического журнала» раскрывается огромная политико-стратегическая и оперативно-организационная работа товарища Сталина на боевых фронтах, где одновременно с разгромом вооруженных сил контрреволюции он разоблачает и пресекает преступную деятельность Троцкого и его сподручных. Товарищ Сталин внес в сокровищницу пролетарского военного искусства многообразный и ценнейший опыт, оплодотворяющий передовую советскую военную науку. Развивая и конкретизируя учение Ленина о войне, товарищ Сталин гениально разработал ленинское положение о неизбежности новых захватнических войн в эпоху империализма и показал необходимость всемерного вооружения Советского союза.

В № 13 за 1939 г. журнала «Молодой большевик» помещена статья Ф. Чернова «Учение товарища Сталина о двух фазах в развитии советского социалистического государства». Журнал «Книга и пролетарская революция» № 11 поместил статью Б. Сливкера «Ленин и Сталин о различии между демократией буржуазной и социалистической». Журнал «Спутник агитатора» в № 23 откликнулся статьями Н. Леонидова «Сталин и народ», А. Поневежского «Великий соратник великого Ленина», М. Гольдберга «Вдохновение миллионов» и др.

О Сталине как «отце новой науки» пишет В. Мосолов в № 357 «Правды» от 27 декабря 1939 года. Огромное значение Сталина для всех передовых советских ученых подчеркивается также в статьях акад. Шмидта «Друг и учитель молодежи»[3] и акад. Баха «Сила предвидения»[4]. Об огромном впечатлении от встреч с товарищем Сталиным акад. Бах пишет: «С чем можно сравнить беседу с товарищем Сталиным, длившуюся три четверти часа? За свою довольно долгую и богатую встречами жизнь я не помню ни одной такой беседы. Ничего подобного по ясности, по глубине проникновения в суть дела!»

Строители преобразующейся на наших глазах Москвы — столицы СССР — отметили шестидесятилетие великого строителя новой жизни специальным номером

[1] См. «Военно-исторический журнал» № 5 за 1939 г., статьи: Буденный С. «Вождь, учитель и друг»; Меликов В. «Ленин и Сталин — организаторы побед гражданской войны»; Леонтьев А. «Сталин об империализме»; Соловьев В. и Царицын А. «Сталинское учение о войне и армии»; Андреев В. «Сталинские комиссары»; Кулик Г. «Боевые встречи»; Федоров А. «Ликвидация пермской катастрофы»; Коротков И. «В боях за Петроград»; Мариевский И. «Оперативный план разгрома белополяков на Украине в 1920 г.»; Тимошков С. «Разгром английских интервентов в Туркестане».

[2] Ворошилов К. «Статьи и речи», стр. 557. 1937.

[3] Журнал «Техника молодежи» № 12 за 1939 год.

[4] В сборнике «Встречи с товарищем Сталиным». М. Госполитиздат. 1939. 221 стр.

журнала «Архитектура СССР» (№ 12 за 1939 год). Отметим в нем статью президента Академии архитектуры СССР В. Веснина «Это запомнилось на всю жизнь», статью акад. Щусева «Забота о человеке», архитектора Гельфрейха «Указания вождя по проектированию Дворца Советов».

Той же теме, что и статья тов. Гельфрейха, посвящена и статья акад. архитектуры Иофана «Сталин и Дворец Советов», напечатанная в сборнике «Встречи с товарищем Сталиным». В этом сборнике удачно соединены воспоминания о встречах с товарищем Сталиным людей различнейших профессий и специальностей, молодых и старых представителей народов нашей многонациональной родины. В сборнике мы встречаем имена знатных стахановцев социалистической промышленности: тт. Стаханова, Гудова, Сметанина; стахановцев социалистических полей: тт. П. Ангелиной, М. Демченко, Г. Ковардак; людей науки: академиков Байкова, Баха, Бардина, Бурденко и др.; людей искусства: писателей Вс. Вишневского, Л. Никулина, Соколова-Микитова, поэта Самеда Бургуна. Соколы нашей авиации: тт. Гризодубова, Молоков, Громов. Коккинаки — чередуют свои воспоминания с артистами Барсовой, Тамарой Ханум, Халимой Насыровой и другими. В сборнике помещены воспоминания 33 лиц. Все эти воспоминания несмотря на столь пестрый состав участников сборника и разнообразие конкретного содержания объединены одним чувством, роднящим всех участников сборника: чувством глубокой любви и благодарности к товарищу Сталину.

Специально в расчете на самую чуткую в мире аудиторию, на детей. Детиздат ЦК ВЛКСМ выпустил сборник «Рассказов о Сталине»[1]. В сборнике помещены воспоминания и статьи К. Е. Ворошилова, Г. К. Орджоникидзе, рассказы старых рабочих о встрече с товарищем Сталиным в ночь на 1 января 1902 г., статьи тт. Белякова, Расковой, композитора Дзержинского и др. В небольшой книжке Детиздату удалось собрать материалы о товарище Сталине начиная со школьных дней его жизни и до нашего времени.

Очень интересен по своему содержанию и привлекателен внешним оформлением сборник «Творчество народов СССР о Сталине и Красной Армии»[2]. В нем собраны произведения устной поэзии народов СССР, опубликованные в разное время в различных изданиях. Тут представлено творчество русских сказителей, украинских кобзарей, казахских акынов и азербайджанских ашугов. В переводах хорошо передано национальное своеобразие каждого произведения. Разнообразие песенных приемов и ритма, яркие образы, созданные в этих задушевных песнях о большевиках, о советской власти, о Красной Армии, о гениальных вождях трудящихся Ленине и Сталине, делают книгу неотразимо привлекательной.

В данном обзоре, конечно, далеко не полностью отражена литература, вызванная шестидесятилетием великого вождя. Новые, ценные статьи и исследования продолжают появляться[3], и именно поэтому и можно подводить лишь предварительные итоги того, что дано в этой литературе. Сейчас можно лишь сказать, что в ней выдвинуто много новых важных вопросов или по-новому освещаются ранее поставленные.

Во весь рост поставлен вопрос о создании монументальной, исчерпывающе документированной биографии товарища Сталина. Ценные работы тт. Калинина и Ярославского вполне отвечают тем целям, которые ставили перед собой их авторы, но цели эти в основном и исчерпывались задачей создания только небольших очерков. «Краткая биография» товарища Сталина Института Маркса — Энгельса — Ленина может рассматриваться лишь как превосходная канва для той биографии, которая должна быть создана. Необходимо с исчерпывающей полнотой и глубиной осветить всю сокровищницу теоретических высказываний товарища Сталина, тот вклад, который им сделан в разработку теории марксизма-ленинизма. Для этого нужно переиздать ранние работы, а также следует подумать об издании полного собрания сочинений товарища Сталина, нужда в котором огромна.

Более глубокого и детального освещения требуют и вопросы о государстве, о коммунизме, о колхозном строительстве, вопросы истории партии и революций и т. д. Будем надеяться, что начатая в этом направлении работа будет продолжена.

[1] «Рассказы о Сталине». М. и Л. Детиздат ЦК ВЛКСМ. 1939. 111 стр.

[2] «Творчество народов СССР о Сталине и Красной Армии». Политическое управление РККА. Воениздат. 1939. 343 стр.

[3] Отметим, например, статью акад. Трайнина «Творец Советского многонационального государства» в № 301 «Известий» от 30 декабря 1939 года.

ФОРПОСТ РЕВОЛЮЦИИ

МИТЕЛЬМАН М., ГЛЕБОВ Б., УЛЬЯНСКИЙ А. История Путиловского завода. Под ред. В. А. Быстрянского. Ленинградский институт истории ВКП(б). Соцэкгиз. М. и Л. 1939 г. 756 стр. 17 руб.

Историческая литература обогатилась новой книгой. Она создана в результате пятилетней работы, начатой по инициативе А. М. Горького. В ней читатели найдут много нового, интересного и ценного по истории революционного рабочего движения в нашей стране, по истории большевистской партии.

Авторы книги указывают в своем предисловии, что они «ставили своей целью показать роль Путиловского завода «как двигателя промышленности, как школы техников и школы революционеров, завода как воспитателя классового, революционного самосознания рабочих и как организатора, участника гражданской войны» (стр. 11). Авторы не стремились, и это совершенно правильно, дать в равной мере и технико-экономическую и социально-политическую историю завода. Сильной стороной книги является показ завода как «воспитателя классового, революционного самосознания рабочих», как «школы революционеров». В этом плане главным образом и будем мы рассматривать в этой статье сильные и слабые стороны рецензируемого труда.

Одной из особенностей книги является полубеллетристическая форма изложения. Авторы умело «персонифицируют» исторические явления и события в жизни завода. Галерея хозяев завода ярко характеризует особенности каждого этапа в истории русской промышленности, в развитии капитализма в России. Интересно сопоставить фигуру владельца завода в 70-х годах прошлого века — Н. И. Путилова, ловкого дельца, инженера-предпринимателя—с председателем акционерного общества путиловских заводов последнего десятилетия перед революцией 1917 г.— банковским воротилой А. И. Путиловым. Первый все же интересовался техникой своего производства. «Целые дни находился он на заводе... Он прикидывал, как бы устранить потери времени и материала, как бы заставить мастеровых работать еще производительнее, еще прибыльнее» (стр. 22). Второму «Путиловский завод в натуре, с его полсотней цехов и запутанными ходами, был... незнаком... новый Путилов хозяйствовал по-новому, за чужой счет. Он был представителем международного финансового капитала, притекавшего в русскую промышленность в поисках прибыли» (стр. 365).

История Путиловского завода как форпоста революции воплощена в ряде незабываемых образов борцов против гнета и эксплоатации. Можно проследить, как в ходе борьбы с эксплоататорами растут передовые рабочие, как эта борьба под руководством партии Ленина — Сталина просвещает, закаляет и политически воспитывает рабочую массу. Вся история Путиловского завода с 1789 по 1917 г. дает картину неуклонного роста сил революции.

1-я глава, охватывающая период 1789—1880 гг., беглыми штрихами рисует докапиталистическое прошлое завода и возникновение его как капиталистического предприятия в период хозяйничания Н. И. Путилова. Умело показывают авторы ужасающее бесправие первых мастеровых завода, в то время принадлежавшего казне, поручившей руководство работами «художникам», специалистам по чугунному литью, выписанным из Англии: «Под кнутом и палкой заводской стражи работали строители чугунолитейного завода и первые его мастеровые... Рабочие надрывались от непосильного труда и гибли несчетно от голода, холода и болезней» (стр. 14—15). Этот завод-тюрьма, завод-каторга, отгороженный высокими стенами, мрачным пятном выделялся среди зелени и мрамора дворцов «петергофской перспективы».

Первый протест против этого каторжного режима, первое «неповиновение начальству» на заводе в 1809 г. было вызвано лишением рабочих единственной «праздничной» передышки, на которую они претендовали,— трехдневного отдыха на масляной неделе. Проработав 2 дня на третий рабочие не вышли на работу. Это была первая стачка. Рабочие жестоко поплатились за нее. Возмущение продолжало расти. У рабочих «нашелся руководитель — кузнец Иван Гаврилович Сучков, грамотный, знающий себе цену, с начальством дерзкий и неуживчивый» (стр. 18). За «подстрекательство» военный суд приговорил его к 105 ударам кнутом и ссылке в Нерчинские рудники. «Но не пришлось начальству привести приговор в исполнение. Уже в ту пору показала свою великую силу рабочая солидар-

ность. Мастеровые С.-Петербургского казенного завода еще на суде всячески выгораживали своего руководителя, отказывались подписываться под показаниями, а когда узнали о приговоре, подали прошение царю, жалуясь на несправедливость к Сучкову. Им грозили, их били розгами, сажали в тюрьму. Но они добились своего. Сучков был освобожден, а на завод прибыла правительственная комиссия» (стр. 19). Этот эпизод открывает славную историю борьбы путиловцев против гнета, бесправия, эксплоатации.

Следующее выступление путиловцев происходит уже в иных условиях — условиях пореформенной России, когда завод стал капиталистическим предприятием. В октябре 1876 г. задержка в выдаче заработной платы вызвала взрыв возмущения у рабочих. Когда директор завода Воронцов в ответ на требование рабочих выругался и ушел, пригрозив немедленно позвать полицию, «зазвенели оконные стекла... В руках мастеровых взметнулись ломики, палки, железные прутья. Около 2-х часов осаждали контору рабочие» (стр. 35). Но вот появился начальник пригородной полиции со стражниками, и вспышка угасла. В тот же день был арестован кузнец Григорий Муравьев. «Муравьев не был ни зачинщиком, ни руководителем путиловских волнений. Как и все, он кричал под окнами конторы и даже помогал литейщикам бить стекла» (стр. 36—37). Но это был передовой рабочий, читавший «крамольные книжки». Он получал их от путиловца Герасимова, ближайшего помощника Степана Шмидта, участника «Северного союза русских рабочих», тесно связанного с Халтуриным. Последний и сам бывал за Нарвской заставой, где находился завод, так же как и Плеханов. Таким образом, путиловские рабочие вошли в соприкосновение с революционерами. На заводе появились первые рабочие-революционеры. Если Иван Сучков в 1809 г. писал прошение царю, то Муравьев ругал царя не только в тесном кругу друзей, но и дерзко выразился о нем на допросе. Однако это был скорее бунтарь, чем революционер-подпольщик. Можно ли говорить о влиянии нелегальных кружков на выступления путиловских рабочих в конце 70-х годов,— на этот вопрос читатель не найдет ответа. Нет здесь ленинской постановки вопроса о рабочих «бунтах», о стихийности рабочего движения этого периода.

Авторы отмечают немногочисленность таких передовиков, как Шмидт и Муравьев, и то, что большинство из них работало на заводе недолго — до тех пор, пока полиция не обнаруживала следов их деятельности. «Тем не менее,— говорится в рецензируемой книге,— их влияние сказывалось. Волнения на заводе продолжались и в следующие годы, стачки проходили организованней и сплоченней» (стр. 37). Четкой, продуманной и обоснованной постановки вопроса о степени влияния рабочих-революционеров на массовое движение в книге нет. Рабочие-большевики на заводе также обычно работали недолго, они были немногочисленны, а между тем их влияние на многотысячную массу рабочих-путиловцев бесспорно. Они были признанными вожаками, об их влиянии можно говорить без того преувеличения, которое имеет место в данном случае.

В разделе «В а с и л и й Б у я н о в» следующей, 2-й г л а в ы хорошо показан рост передовиков-рабочих, их превращение в подпольщиков-революционеров, их искания путей к передовой, действительно революционной теории, их трудный и сложный путь к марксизму.

Рабочему-путиловцу Василию Буянову, вовлеченному в народовольческий кружок, претит теория героев и толпы, ему «обидно за своих товарищей, за таких же, как он, рабочих, которым в борьбе за свободу народовольцы отводили последнее место» (стр. 82). Он знает, что когда рабочие избили «одного мастера, другие от этого лучше не стали». Лишь связавшись с группой Точиского и встретившись с марксистами, Буянов «почувствовал, что теперь он прочно, обеими ногами встал на твердую почву» (стр. 87). Ознакомившись с такими работами Маркса, как «Коммунистический манифест», и с брошюрой Плеханова «Наши разногласия», Буянов начал самостоятельно выступать против народников. Возражая одному из них, он говорил: «Знаю я вас, мужицких доброхотов. Силу-то в одном мужике нашли и молитесь на него. А мы, 20 рабочих, сильнее целой твоей деревни» (стр. 89).

Этот раздел книги удался авторам, но слабым местом его является отсутствие четкой постановки вопроса о роли передовиков-рабочих в массовом движении.

В 1894 г. от своего товарища В. Шелгунова передовые рабочие-путиловцы впервые услыхали о Ленине. «Шелгунов подробно рассказывал Егору о своих встречах с молодым «волжанином», как называли Ленина в группе технологов. Он передавал, что Ленин добивается от своих учеников работы непосредственно в массах. Рабочие же кружки должны стать ячейками политической партии, задачей которой является организация масс для борьбы против самодержавия и капитализма» (стр. 104).

Ученик Ленина Шелгунов и его товарищи попытались применить ленинскую тактику агитации в массах на Путиловском заводе. Один из них, Егор Климанов, прошедший школу марксистского кружка 80-х годов, в 1894 г. выступает в качестве руководителя стачки в прокатном цехе. Об этой стачке прокатчиков В. Шелгунов рассказал В. И. Ленину. Вскоре Ленин побывал сам на Путиловском заводе и связался с кружками за Нарвской заставой. Он несколько раз бывал на квартире путиловца Б. Зиновьева, служившей штабом кружка этой рабочей окраины.

Однако нельзя сказать, чтобы авторам удалось выявить существо ленинской постановки вопроса о необходимости агитации в массах. Не показано содержание этой агитации, ее о т л и ч и е от крохоборческой «борьбы за копейку» сначала «молодых» социал-демократов, а затем и «экономистов». То же надо сказать и о фактах применения новой ленинской тактики, приведенных в следующем разделе.

Единственный случай, когда читатель может узнать о содержании агитации, о том, что она велась в ленинском духе,— это рассказ о листовке, написанной путиловцем Борисом Зиновьевым к рабочим паровозо-механической мастерской. Но авторы не дают анализа этой листовки, не разъясняют на ее примере, как рабочие социал-демократы проводили в жизнь ленинскую установку о необходимости на каждом конкретном случае эксплоатации политически воспитывать рабочих. В книге не показано, что «под руководством Ленина «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» связывал борьбу рабочих за экономические требования — за улучшение условий труда, за сокращение рабочего дня, за повышение заработной платы — с политической борьбой против царизма» [1].

Авторы сводят новую ленинскую тактику лишь к «переходу от пропаганды к агитации». Это неверно. Необходимо было показать революционно-марксистское содержание этой агитации.

В разделах, посвященных рабочему и социал-демократическому движению 90-х годов, авторы развернули замечательную картину роста и формирования кадров рабочих-ленинцев. Рост этих передовиков очень хорошо можно проследить на примере молодого токаря Михаила Ивановича Калинина, который успешно выступает на диспутах с интеллигентами-оппортунистами и либералами — и в то же время умеет найти подход к рядовым рабочим, которых он увлекает на стачку. «Кадровые путиловцы видели в нем своего сотоварища, грамотного, передового, знающего. Чернорабочие также видели в нем своего: в дни получек он, как и они, первым делом вместе с ними шел на почту и отправлял часть заработка в деревню — семье» (стр. 133).

Говоря о том, как Ленин, «встречаясь с передовыми рабочими», учил, «как нужно вести агитацию, как поднимать на выступления рабочую массу» (стр. 111), авторы в то же время недостаточно обрисовывают характерные для этого периода формы агитации. Обличительным листкам уделено небольшое место, не показано, как обличительные листки способствовали пробуждению классового самосознания рабочих, как даже среди самых отсталых рабочих «развилась настоящая страсть «печататься» — благородная страсть к этой зачаточной форме войны со всем современным общественным порядком, построенным на грабеже и угнетении» [2].

Раздел «Продолжатели» посвящен работе кружков «Союза борьбы» после ареста Ленина. В разделе говорится о связях «молодых» социал-демократов с путиловскими кружковцами, но нет попытки вскрыть новые антиленинские тенденции в «Союзе» и «попятное движение», разброд и кустарничество. У читателя может возникнуть представление, что все, кто вел работу среди путиловцев после ареста Ленина, были продолжателями начатой им работы.

Первое столкновение сторонников политической агитации с «экономистами» в кружках Нарвской заставы, отраженное в книге, относится к январю 1901 года. Для характеристики настроений «экономистов» на Путиловском заводе приведено стихотворение путиловского поэта В. Шувалова (позже гапоновца):

«Нам некогда стремиться
К заоблачному миру,
А будем мы трудиться
За стол и за квартиру».

«Шувалов сам говорил, что пишет для той публики, которая, как говорится, «от деревни отстала, а к городу не пристала, и среди которой я у себя дома» (стр. 144). Авторы тут же указывают и на другую прослойку рабочих, также склонную к экономизму,— хорошо оплачиваемых высококвалифицированных рабочих, особенно среди мастеровых пушечной мастерской, которые не чувствовали ударов кризиса, которым были обеспечены «стол и квартира».

Хорошо дан в разделе «Большевики и меньшевики» пропагандист Малкин — «экономист», перекрасившийся в искровца и примкнувший затем к меньшевикам. Он умело уводит слушателей своего кружка от острых вопросов современности, сосредоточивая все их внимание на изучении «Очерков политической экономии» Железнова и «Истории культуры» Липперта. После II съезда «путиловские кружки определились, как большевистские. Только один кружок Малкина оставался, казалось, безучастным к вопросу о расколе» (стр. 173). Руководитель кружка умел протаскивать меньшевизм под видом «внефракционности». «Он часами мог говорить и за и против, и трудно было понять, на чьей он стороне — большевиков или меньшевиков» (стр. 174).

Авторы сумели вскрыть тактику врага, в меньшей степени удалось им показать борьбу с этим врагом. Такая фраза, как «путиловские большевики... захаживали на кружок Малкина» (стр. 173), ничего не говорит читателю.

Вдумчиво и умело освещена в книге «гапонада». Читатель видит, как трактир «Старый Ташкент», где помещался отдел гапоновского «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», становится сначала центром притяжения более квалифицированной и культурной части рабочих, а затем отсюда нити гапоновской паутины начинают обволакивать многотысячную массу рабочих. «Массовый наплыв рабочих в «Старый Ташкент» показал, что всякий, кто по-настоящему связан с массами, должен пойти туда, чтобы оторвать рабочих от Гапона... Большевики стали частыми посетителями гапоновского общества, некоторые вошли в число членов «Собрания» (стр. 187). В книге показано (см. стр. 188, 198, 199 и др), что большевики не только успешно боролись с полицейской демагогией, но и вели свою революционную работу в этой реакционно-полицейской организации.

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 18.
[2] Ленин. Соч. Т. IV, стр. 403.

Ярко обрисованы забастовка на заводе, коллективное обсуждение петиции, надежды рабочих на лучшую жизнь. «Старая жизнь должна была завтра навсегда уйти в прошлое. С надеждой и страстью повторяли взволнованные люди слова своей петиции: «У нас только два пути — или вперед, к свободе и счастью, или назад — в могилу». По одному из этих путей должен был завтра направить их царь. «Смерть или свобода»,— говорили друг другу» (стр. 202).

В немногих словах, но выразительно показано настроение рабочих после зверского расстрела 9 января: «Нет больше царя! Нет бога! Теперь у нас одна надежда: на самих себя. Вечером за Нарвской было удивительно тихо... Городовые и дворники сгребали окровавленный снег, сваливали его в бочки и увозили» (стр. 207).

В книге хорошо даны дальнейшее нарастание революционной волны, столкновение сил революции и контрреволюции после появления манифеста 17 октября 1905 г., зверское избиение рабочих-путиловцев в один из первых «дней свободы» (стр. 249—251). Рабочие, воодушевленные ленинской идеей подготовки вооруженного восстания, 29 октября приступили к массовому изготовлению оружия: «Во всех мастерских Путиловского завода целый день готовили оружие — для себя, для знакомых, для друзей. Работали с радостью, с воодушевлением, со страстью... У каждого находилось дело: кто принес полосу стали, чтобы превратить ее в саблю, кто хотел сделать наконечник пики, кто плавил свинец, чтобы налить его в просверленное отверстие палки» (стр. 256). Когда большевики начали создавать свои боевые дружины и обучать их военному делу, многие рабочие-меньшевики из паровозомеханической мастерской «также проводили в своем цеху боевые учения. Иногда они приходили на занятия большевистской дружины. Меньшевиков спрашивали, зачем они, собственно говоря, продолжают обучаться...» (стр. 260). В этой связи бегло намечены две тактики в революции 1905 г., борьба большевиков и меньшевиков, но почти не показано, как Иуда-Троцкий, будучи председателем Петербургского совета, делал все, чтобы сорвать восстание.

Когда началось вооруженное восстание в Москве, путиловский большевик М. И. Калинин, подготовляя взрыв моста на Николаевской железной дороге, «договорился с местными эсерами: большевики все осуществляют своими силами, а эсеры дают динамит... Калинин должен был повести группу на взрыв моста. Часы шли за часами. Ожидавшие то и дело прислушивались, нет ли гонца от эсеров. Гонца не было. Всю ночь читали Некрасова и Лермонтова. Наконец, начало светать. Стало ясно, что эсеры не выполнили своего обещания» (стр. 266—267).

Сильно и правдиво написана г л а в а, посвященная п е р и о д у р е а к ц и и. После поражения революции правительство и администрация завода старались согнуть рабочего «в бараний рог». «Поклонись силе»,— говорят они ему.

Эти черные годы принесли рабочему классу неслыханный гнет, бесправие, безработицу, нищету. В первую очередь хозяева выбрасывали рабочих, замеченных в активном участии в революции и попавших в особые списки — в «евангелие». «Если рабочий шел наниматься на другое предприятие, «евангелие» следовало за ним... Сговор предпринимателей преследовал его повсюду» (стр. 290). Тем, кого принимали на завод, говорили: «Так помни: петь «Марсельезу» тебе уже не придется» (стр. 291). Нищета и безработица давали себя чувствовать все сильнее. «Домовладельцы, чтобы скорее выбросить безработных из квартир, вынимают оконные рамы, двери, и домишки зияют черными впадинами, как пустые глазницы черепа. Безработные женщины на улицах вечерами робко и с отчаянием предлагают свое тело» (стр. 307).

Книга рисует мрачную, но не безотрадную картину. Умелыми штрихами авторы показывают, как среди развалин и пепла тлеет огонь рабочей ненависти, как зреют силы для новых революций. Вот ребятишки, изможденные голодом, сидящие на полу, на груде грязного тряпья в опустошенной нищетой комнате и поющие «Марсельезу». Вот подвыпивший рабочий грозит городовому: «Пятый год забыл, что ли? Смотри, вернется такое время». Вот случайно обнаруженное во время пожара оружие: «Оружие ржавое и неизвестно чье. Но есть люди, которые его хранят» (стр. 300).

К сожалению, недостаточно вскрыто, как массы в эти годы затишья осваивали богатейший опыт революции 1905 г., как рабочий класс готовился выйти вновь на арену борьбы, закаленный, возмужалый, просвещенный годами революции и реакции, готовый нанести более глубокий и сокрушительный удар основам буржуазно-помещичьей России.

В книге показана лишь одна, правда, важнейшая, сторона этого процесса роста сил революции — рост новых кадров партийных работников из среды рабочих, рост и закалка большевистской организации в рабочем районе за Нарвской заставой.

В эти годы происходит двуединый процесс: очищение партии от «попутчиков», с одной стороны, и обратная тяга рабочих в партию, рост новых кадров партработников, стойких ленинцев — с другой. Авторы, показав отход от революции «околопартийных» людей вроде инженера Цейтлина, не сумели более глубоко вскрыть ренегатство известной части партийной интеллигенции, пополнявшей ряды ликвидаторов. Книга указывает на два пути отхода некоторых рабочих от революции: через «эксизм» к уголовщине и через индивидуальное повышение своего уровня (ради того, чтобы «выйти в люди») к обывательщине.

Главными проводниками буржуазного влияния на рабочих были ликвидаторы. В книге показаны ликвидаторы «в действии»: в легальных обществах, противопоставляемых подпольной партии, и в цехах, где они неизменно выступают против «стачечного азарта».

На борьбе с ликвидаторством, на преодолении трудностей годов реакции вырастали руководители-большевики. В книге даны люди разных поколений: здесь и молодой рабочий Буйко, и старый партийный работник вроде Н. Г. Полетаева, и выросшие в годы революции и реакции партийцы-«профессионалы» вроде Антона Васильева, безработного путиловца, ставшего грузчиком. «После увольнения Антон не имел доступа на завод и связь с цехами налаживал по квартирам. Он умел находить и связывать людей. Искал ощупью, от человека к человеку, преодолевая настороженность и недоверие... Антон бился за каждого человека. Он долго и упорно удерживал тех, кто начинал отходить от организации» (стр. 319).

Удалось ли авторам показать рост новых большевистских кадров рабочих-руководителей? Не всегда. Шура Буйко, в дни революции способный рабочий кружковец, в годы реакции становится партийным работником «профессионалом». Сказано об этом очень бегло: «После увольнения с завода Шура Буйко стал профессионалом-революционером, или, как тогда говорили, «интеллигентом». То же, что с Шурой, происходило со многими молодыми рабочими» (стр. 304). Создается впечатление, что решающее значение в данном случае имело увольнение Буйко с завода. Это чисто внешнее обстоятельство, очевидно, не может объяснить перехода многих молодых рабочих в ряды «профессионалов». Совсем не показан рост Шуры Буйко, его путь от рабочего-кружковца к члену Петербургского комитета большевиков.

Зато очень хорошо обрисован этот путь— путь роста на практической большевистской работе — другого подпольщика, Антона Васильева. Он прекрасный организатор, «душа» нелегальной большевистской организации Нарвского района. Когда особенно остра стала нужда в пропагандистах и ждать их было неоткуда, он берется и за эту работу, растет на ней, восполняет недостаток знаний умелым сочетанием теории с практикой. Такие верные сыны рабочего класса, как Антон Васильев, Буйко, Полетаев, вели самоотверженно повседневную революционную работу и в подполье и в легальных организациях.

В книге показано, как большевики сочетали нелегальную работу с использованием легальных возможностей в интересах рабочего класса, в интересах революции. Наши пропагандисты, лекторы, преподаватели найдут здесь конкретный и интересный исторический материал по этому вопросу. Хорошо выявлено различие в подходе к легальным организациям большевиков и ликвидаторов. Эта разница в подходе сказывалась даже в такой мелочи, как сбор членских взносов в профсоюз: «Сборщик-меньшевик удовлетворялся тем, что ему аккуратно платили взносы. Сборщик-большевик рассматривал профессиональный союз, как организацию, связывающую массу с партией, и при сборе взносов вел политическую агитацию» (стр. 322). Нередко он попутно производил сборы и в пользу семей арестованных товарищей.

Упорная кропотливая повседневная работа большевиков — то легальная, то нелегальная, но неизменно революционная — подготовляла завоевание большинства рабочего класса. Новый подъем рабочего движения, нарастание нового революционного кризиса неразрывно связаны с победой ленинско-сталинской линии в рабочем движении России.

Прекрасно показано в книге, как волна гнева, порожденная расстрелами на Лене, сломала лед молчания. Замечательна сценка на рабочей окраине в ленские дни: «На углу Огородного переулка, напротив полицейского поста, хромой рабочий кричал городовому: «Мы вам попомним это, попомним за все!» Собравшимся вокруг него людям он добавлял: «Не свернули е м у головы т о г д а, так вот что он делает!» «Т о г д а» звучало угрожающе. Все понимали, что «т о г д а» — это незабываемый 1905 год, а «е м у» — это значит царю» (стр. 390).

Запоминается «Вечная память», которую пропели рабочие ночной смены завода в полуосвещенном цехе, при колеблющемся свете свечей. Этот же напев прозвучал и в день демонстрации 18 апреля. В описании этой демонстрации есть замечательная фраза: «Шествие двигалось неспаянными группами, медленно, точно нащупывая старую дорогу пятого года» (стр. 391).

Как раз в это время, когда рабочее движение так нуждалось в руководстве, в Петербурге появляется ближайший соратник Ленина — Сталин, бежавший четвертый раз из ссылки. «С первых дней нового революционного подъема Сталин возглавил борьбу петербургских рабочих против самодержавия. Он укреплял партийные организации, руководил «Звездой» и своими пламенными статьями подымал питерский пролетариат на борьбу против палачей ленских рабочих» (стр. 392—393).

Прекрасно дан образ Сталина, окунувшегося в самую гущу революционной борьбы. Вот он руководит в Петербурге выборами по рабочей курии в IV государственную думу. На статьях Сталина в «Социал-демократе» о ходе выборной кампании целое поколение партийных работников училось ленинскому искусству руководить массами.

После знаменитой стачки-протеста против «разъяснения» выборов, на ряде предприятий, за Нарвской заставой, происходит партийное собрание, где путиловцы впервые увидели Сталина, которого они знали тогда под кличкой «Василий». Обсуждались жгучие вопросы тактики большевистских групп во время выборной кампании. Один за другим выступали партийные работники. После выступления путиловского большевика «люди заговорили, перебивая друг друга, горячась и споря... Сталин приглядывался к людям, вслушивался в их речи. Наконец, взял слово и тихо, но внятно начал излагать главное, существеннейшее в борьбе за полную победу большевиков на выборах по рабочей курии в Петербурге. Сталин говорил о том, что преуменьшать ликвидаторскую опасность не следует... В комнатке стало тихо. Напряженно, внимательно слу-

шали рабочие простую, ясную и убедительную речь товарища «Василия» (стр. 411).

Особо Сталин подчеркнул значение наказа петербургских рабочих своему депутату. «Собрание затянулось допоздна. Уходили поодиночке, соблюдая все предосторожности конспирации. Сталин остался на квартире Савинова, чтобы выработать текст наказа. Работал долго. Для него было постлано на полу. Он отказался от кровати, сказав Савинову: «Вам нужно отдохнуть, вам завтра на работу» (стр. 412).

Разделы «Страховая кампания», «Завоевание большинства», «Георгий Шкапин» дают много ценного для понимания того, как большевики добивались завоевания большинства сознательных рабочих в условиях того времени. Перед нами проходят, как живые, путиловские большевики. Особенно запоминается Георгий Шкапин, пламенный революционер, массовик. Его работа в путиловской больничной кассе показывает, как большевики умело использовали каждую возможность, чтобы продвинуться еще на шаг вперед к победе пролетарской революции, как они пядь за пядью теснили меньшевиков, завоевывая одну позицию за другой.

Убедительно показано полное банкротство ликвидаторов. Ликвидаторы в неудаче стачки видели свой успех. Эти злопыхатели, поносившие подпольную партию, кричавшие о вреде «стачечного азарта», все больше вызывали чувство возмущения даже у рядовых рабочих. Рабочий, участвовавший в ряде стачек, не раз попадавший под казацкую нагайку, понявший, что значит бороться в рамках «законности», изумлялся, как можно выступать против подпольной организации. В утверждении, что следует покончить с подпольем, рабочий чувствовал подвох, опасность и отбрасывал ликвидаторов. «Лозунг «снятия с постов» меньшевиков был тогда популярнейшим лозунгом рабочего движения»[1]. Заканчивается эта интересная глава описанием июльских событий в Петербурге.

Особенно нужно отметить в книге такие разделы, как «Торговцы смертью» и «Путиловский инцидент». На основе большого фактического материала в них показана борьба пушечных королей, Круппа, Шнейдера, Виккерса и др.— за монополию на снабжение царской армии вооружением новейших образцов. Особое внимание уделено «поединку» германского «торговца смертью» — Круппа — с французским — Шнейдером — в связи с вопросом о новых заказах царского правительства и о финансировании новых капиталовложений для Путиловского завода. Здесь читатель найдет материал, говорящий о полуколониальной зависимости царской России от Англии и Франции и о бесплодности попыток российской буржуазии в какой-либо степени ослабить эту зависимость.

Глава VII ярко и правдиво рисует начало первой империалистической войны. Неожиданность мобилизации, проводы мобилизованных и их обещание остаться верными традициям путиловцев-пролетариев, первые прокламации Петербургского комитета большевиков, жалкие попытки домовладельцев, лавочников и путиловской администрации инсценировать патриотический подъем, сдержанный гнев рабочих, их насмешки над оробевшими «ура-патриотами»— такими выразительными штрихами обрисовано настроение путиловцев в момент объявления войны.

Война создала новые трудности для революционной работы большевиков. В цехах был установлен военно-каторжный режим: «За уход с работы или забастовку рабочего предавали военному суду как дезертира. Заводская администрация пользовалась этим. В моду вошел окрик «К воинскому захотел?» (стр. 504). На завод пришло много вчерашних крестьян. «Деревенские люди пришли сюда в надежде поправить за счет войны свои деревенские дела и получить отсрочку» (стр. 521). Они сначала и слышать не хотели о забастовках. Появились в цехах кустари и торговцы. Но наперекор всем трудностям через год после объявления войны большевики подняли весь завод на политическую забастовку.

Лето 1915 г. было богато событиями, ускорившими новый подъем рабочего движения. В седьмой главе раздел — «Лето 1915 года», к сожалению, не дает всесторонней и правильной картины перелома в рабочем движении и начала революционного кризиса[2]. Раздел на девять десятых посвящен экономическим предпосылкам нового подъема, говорит о дороговизне, очередях, об изнурительной сверхурочной работе. О поражениях на фронте сказано вскользь. Совсем ничего не сказано об оппозиционных выступлениях в Государственной думе. Не показано, как начавшееся брожение в рабочей массе усиливалось под влиянием всей суммы событий в тылу и на фронте. Не видно, что первая политическая общезаводская стачка 1915 г. происходила в условиях революционного кризиса. Хорошо в седьмой главе обрисована повседневная работа большевиков, их борьба на заводе с оборонцами и просто шкурниками. Характерно, что толчком к забастовке в начале сентября 1915 г. послужил арест 30 работников путиловской больничной кассы. Рабочие решили забастовать, выставив одним из главных требований освобождение товарищей: «В течение часа удалось снять весь завод... Путиловский завод бастовал, как в старые боевые дни» (стр. 542). Движение перекинулось и на другие предприятия. В главе дано много интересного и свежего материала об антивоенной работе большевиков Петрограда и стачечном движении в период войны. Особого внимания заслуживает описание стачки путиловцев в феврале 1916 г., переросшей в

[1] И. Сталин «К десятилетию «Правды». Воспоминания. «Правда» № 98 от 5 мая 1922 года. Цитирую по рецензируемой книге, стр. 450.

[2] Блестящая характеристика кризиса дана Лениным в 1915 году. См. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 236.

широкое движение против милитаризации и военно-каторжных мероприятий правительства. Это нарастание революции дано очень выразительно. Здесь же бегло обрисована борьба в буржуазных и правительственных кругах вокруг вопроса о секвестре Путиловского завода и попытка его хозяев «сделать большого Круппа».

Последняя глава открывается замечательным по силе и правдивости описанием февральских дней 1917 г., закончившихся свержением самодержавия. На этот раз авторы выходят за пределы завода за Нарвской заставой и дают широкую картину народного движения за мир, землю и свободу. Трудно более убедительно показать ведущую роль рабочего класса и большевистской партии, чем это дано здесь. Путиловцы-большевики везде, где решается судьба революции: они снимают караулы у Литейного моста, увлекают за собою солдат-волынцев, а затем и другие полки и идут с ними на Выборгскую сторону, они разоружают жандармов и вооружают рабочих, они организуют питательные пункты, штурмуют адмиралтейство.

В первый же день возобновления работы на заводе было принято предложение большевиков: «Работаем по-новому: восемь часов и ни минуты больше» (стр. 593). По инициативе путиловских большевиков за Нарвской заставой создаются бесчисленные самодеятельные организации. В районном совете рабочие депутаты-большевики ведут борьбу против меньшевистской линии на превращение совета в орган мирного самоуправления, задачи которого сводятся лишь к «удовлетворению повседневных нужд жителей местного района» (стр. 603). Путиловские большевики, вооруженные статьей Сталина о Советах в «Правде» 14 марта, добились победы.

Много интересного в книге находим о первых шагах в деле осуществления рабочего контроля. Путиловские рабочие уже в апреле 1917 г. заботятся о закупке топлива и металла, о правильной расстановке рабочей силы. Авторы правильно отмечают, что «рабочий контроль становится одним из путей, по которому рабочие на опыте вплотную подводятся к задаче подготовки социалистической революции» (стр. 629).

В книге прекрасно показано, как идет формирование большевиками политической армии революции и в дни апрельской демонстрации, и в июльские дни, и во всех последующих крупнейших политических событиях. Большой интерес представляет раздел «Володарский». Володарский показан не только как трибун, но и как воспитатель агитаторов и передовых рабочих. Он говорил: «Не щадите противника. Бейте по слабым местам и шатким аргументам» (стр. 641).

Незабываемое впечатление осталось у путиловцев от выступления Ленина на заводском митинге 12 мая 1917 г.: оно всколыхнуло рабочих, показало им, «кто действительно защитник народа». Тут же рабочие начали сбор на большевистскую «Правду». Обсуждая последующие события, путиловцы «все больше убеждались в правоте каждого слова Ленина и твердо становились под знамена партии большевиков» (стр. 646).

После июльских дней Нарвская застава стала оплотом большевиков. Здесь нашел временное местопребывание Петербургский комитет. Свердлов дал задание районному комитету обеспечить возможность работы VI съезда за Нарвской заставой. Съезд 30 июля работал под охраною путиловцев.

Большой интерес представляет раздел «Корниловщина». Путилов — участник корниловского заговора, путиловцы — застрельщики организованного большевиками отпора Корнилову. Путиловцы в эти дни получили задание — «Дать орудия!» Очень хороша картина кипучей работы в пушечном цехе завода. За три дня выпустили столько пушек, сколько раньше не выпускали и за две недели. Когда в разгар этой работы мастер спросил рабочего: «Чего гонишь-то?», — впервые в стенах пушечной мастерской послышался гордый ответ: «Не для хозяина, для себя работаем» (стр. 684).

Рост сил социалистической революции, пробуждение в рабочем сознания необходимости взять в свои руки фабрики, заводы, все богатство страны, всю власть в государстве — вот основное содержание последующих разделов книги. Авторы умело показывают, как в разрешении своих заводских вопросов путиловцы упирались в основной вопрос — о власти, как в борьбе за рабочий контроль сплачивались путиловцы «вокруг главной задачи, поставленной партией большевиков перед рабочим классом, — задачи подготовки пролетарской социалистической революции» (стр. 694).

В этой замечательной книге читатель найдет величественную картину подготовки октябрьского вооруженного восстания. Вот последнее перед штурмом собрание красногвардейцев: «В ответ на каждый призыв к выступлению, красногвардейцы вставали с мест. Лес винтовок высился в поднятых руках. Тысячи людей одновременно кричали: — Выступаем, — пусть только дадут сигнал. Выступаем по первому сигналу большевистской партии!» (стр. 709). Понятно, какой взрыв возмущения среди путиловских большевиков вызвало предательство Каменева и Зиновьева.

Блестящей иллюстрацией ленинского положения о том, что с победой социалистической революции будет создана власть, силы которой удесятерит поддержка рабочих и крестьян, является описание подготовки путиловцами в ночь с 28 на 29 октября, по заданию Ленина, вооруженной помощи фронту против Краснова — Корнилова. Приказ Совнаркома был сообщен петергофскому районному совету 28 октября: «На мгновение в комнате заседаний стало тихо: все задумались о том, где достать фураж, телефоны, проволоку, лошадей. О пушках не беспокоились — Путиловский завод даст их к сроку» (стр. 726). К утру приказ был выполнен: «И все это сделано в одну ночь! В этом сравнительно небольшом факте путиловцы почувствовали силу организованности рабочего класса, способного творить чудеса» (стр. 728). Читатель книги проникается уверенностью в неистощимые силы советской власти, убежден-

ностью, что «нет таких крепостей, каких не могли бы взять большевики».

Одновременно путиловцы выполняли другое задание Ленина — оборудование импровизированного бронепоезда. В ночь с 28 на 29 октября Ленин приехал на завод проверить, как идет выполнение задания: «Путиловцы рассказали Ленину о задержке с площадками и твердо заявили, что к утру следующего дня бронепоезд будет в бою против мятежных генералов... Ленин, улыбаясь, поглядывал на рабочих. Было видно, что он верит им, в то же время его взгляд говорил: «Слова проверяются делами. Посмотрим, товарищи-путиловцы, как вы выполните свое обещание»... В это время принесли печеную картошку и кипяток. Путиловцы предложили Ильичу разделить с ними скромную трапезу. Ленин присел и, продолжая беседу, съел несколько картофелин и выпил кружку горячей воды. Уезжая, Владимир Ильич сказал путиловцам, что надеется на них и напоминает об обещанных ими орудиях. Слово, данное Ленину, путиловцы сдержали» (стр. 729). Это была одна из многих побед на трудовом фронте, открывающая новую, величественную главу в истории человечества — историю первого в мире социалистического государства.

Шаг за шагом можно проследить творчество новой жизни на рабочей окраине вокруг завода-большевика: создание народного суда, управление заводом по-новому, охрана его от бывших хозяев, культурное строительство. Заводской комитет 3 ноября выпустил воззвание к рабочим, в котором говорилось: «Вопросы культуры и просвещения являются теперь вопросами жгучими и самыми животрепещущими... Нам надо не только догнать, но и перегнать борющиеся с нами классы» (стр. 743—744).

Книга заканчивается декретом СНК от 27 декабря 1917 г. о национализации завода, подписанным за председателя СНК И. В. Сталиным.

Сила книги — в ее целеустремленности. Авторы сумели правильно поставить задачу, сумели выбрать основную линию в развертывании истории Путиловского завода как цитадели большевизма, как форпоста революции, как школы революционеров. Историю завода они дали, как органическую часть истории нашей страны, истории большевистской партии. Книга чужда узко цеховой трактовки истории завода, она идейно насыщена.

Слабая сторона книги — в недостаточном показе роли завода «как двигателя промышленности, как школы техников». Только беглыми штрихами обрисована техническая отсталость российской промышленности. С этой точки зрения любопытна сценка в мартеновской, где завалка печей сопровождалась «Дубинушкой». Сравнивая Путиловский завод с Крупповским, акционер Лясский говорит: «У Круппа печка 40 тонн. Никаких голиафов. Мелкий народ. Шаржирный кран, мульды. 25 минут вся загрузка. У вас печи в 7 тонн. Голиафы,—загрузка 2 часа!» (стр. 58). Эти размышления заканчиваются сентенцией насчет «самобытности». Но это лишь случайная зарисовка, попутный штрих. Авторы не поставили перед собой задачи показать, как весь строй царской России обрекал ее промышленность на техническую отсталость. Не освещены идеей, не обобщены и разрозненны факты о безуспешных попытках путиловских хозяев добиться независимости от «заграницы». Есть яркая картина, рисующая судьбы изобретательства на заводе (стр. 165), но и она носит случайный характер, не подводит к обобщению.

Имеются в книге, сделанной в целом тщательно и любовно, и отдельные неточности и неудачные выражения. Например на стр. 569 о листовке, выпущенной в октябре 1916 г., говорится, что она появилась в ноябре. Мало понятное современному читателю слово «учетчик» авторы не поясняют сразу.

Но таких мелких недочетов немного. В целом книга прекрасна. Для каждого изучающего историю ВКП(б), для каждого пропагандиста, лектора, преподавателя она будет ценнейшим пособием, настольной книгой. Историк-исследователь найдет в ней ряд новых, свежих и интересных фактов и документов. Это книга, которую с одинаковым интересом будут читать и профессор, и пионер, и руководящий работник, и колхозник. Художественный образ, умело зарисованную сценку из жизни завода и рабочей окраины авторы сочетают с сообщением строго проверенных фактов и цитированием документов. Таких исторических книг ждет советский читатель.

Д. Баевский

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИЯ СССР

ГРЕКОВ Б. Д. Киевская Русь. Издание третье, переработанное и дополненное. Институт истории Академии наук СССР. 1939. М.—Л. 282 стр. и карта. 10 руб.

Книга акад. Б. Д. Грекова за короткое время выходит 3-м изданием. Уже одно это обстоятельство показывает, какое значение для историка имеет этот труд. Как только вышло 3-е издание, оно тут же было целиком распродано. Таковы показатели чрезвычайного интереса к истории Киевской Руси и к книге Б. Д. Грекова, в частности, со стороны самых широких читательских кругов.

Рецензируемая работа акад. Грекова является не только переработанным и дополненным изданием книги «Феодальные отношения в Киевском государстве», но, как это отмечает и сам автор в своем предисловии, в значительной мере новым трудом, который получил и иное заглавие; фактически заново написаны 6-я глава — «Важнейшие черты политического строя древней Руси» — и «Краткий очерк политической истории Киевского государства».

Обратимся теперь к содержанию самой книги, разобрав попутно некоторые спорные вопросы, оставшиеся не вполне ясными и после выхода рассматриваемого труда.

В 1-й главе — «Предварительные замечания» — акад. Греков ставит вопрос о значении Киевской Руси в истории СССР. Автор правильно указывает, что «история Киевского государства — это не история Украины, не история Белоруссии, не история Великороссии. Это история государства, которое дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великороссии. В этом положении весь огромный смысл данного периода в жизни нашей страны» (стр. 9). Действительно, эта общность происхождения всегда сознавалась лучшими людьми среди украинцев, белоруссов и русских. Уже автор «Слова о погибели Русской земли», написанного в первой половине XIII в. на севере Руси, определял границы Русской земли от Угорских (Карпатских) гор до Дышучего моря (Ледовитого океана), считая суздальских князей прямыми наследниками Владимира Мономаха. Те же мысли о кровном единстве и общем историческом происхождении белоруссов, украинцев и русских неоднократно высказывались и позже. Пожалуй, в самой яркой, конкретной форме их высказал украинский писатель первой половины XVII в. Захарий Копыстенский, полемизируя с польско-католическими авторами: «Иоанн, царь московский, две орде татарский, Казань и Астрахань, взял и под свою моц подбил. А другая часть Яфето-Роского поколенья, з Малой России выходячи, а не за порогах живучии казаки, татары и места турецкии на мори чолном воюют». Таким образом, для Копыстенского россы — единый народ, хотя и разделенный границами, народ, история которого начинается с Киевского государства.

В следующих трех главах Б. Д. Греков говорит о сельском хозяйстве и его технике в древней Руси и об общественных отношениях в Киевской Руси. Основной вывод автора сводится к признанию за земледелием господствующего значения в хозяйстве Киевской Руси. В доказательство этого он приводит множество фактов, привлекая показания не только письменных, но и археологических и лингвистических памятников. Можно признать, что Б. Д. Грекову удалось доказать свой тезис. Хотя письменные свидетельства, приводимые им, относятся в большинстве случаев только к XI—XIII вв., но о роли земледелия в Киевской Руси и в более раннюю эпоху наглядно свидетельствуют памятники материальной культуры и языка.

К доводам Б. Д. Грекова можно прибавить еще целый ряд доказательств. Так, словарные данные дают немало подтверждений его теории о крупном значении земледелия в Киевской Руси уже в IX—X веках. В памятниках XI в., например в переводе Студийского устава и в летописи, находим названия различных сортов хлеба, выпекавшихся в древней Руси: коврига, пирог («даються пирози мнихом»), коровай и т. д. Переводчик Студийского устава легко находил в русском языке слова, соответствующие греческим терминам. Следовательно, изделия из хлеба давно были распространены на Руси и задолго до XI в. носили местные названия. При этом уже в XI в. был известен кислый хлеб, делавшийся на закваске («квас на сътроение хлебом»). В послании митрополита Никифора к Владимиру Мономаху перечисляются даже все составные части теста: «есть бо мука аки тело, а квас (закваска) аки душа, а соль аки ум, вода же аки дух живой». Богатство терминов, связанных с приготовлением пищи из земледельческих продуктов, в русских памятниках XI в. говорит за то, что земледелие не было чем-то новым не только в XI в., но и в более ранние века. На это же указывает мифология древних русских. Можно отрицать, что «святые Илья, Егорий и Никола превратились в покровителей сельскохозяйственных работ и помощников земледельца» (стр. 31) тотчас же после принятия христианства, как это пишет Б. Д. Греков, но нельзя отрицать того, что «овин», в котором сушился хлеб, существовал уже в языческие времена. Так, церковные писатели XI—XII вв. ополчают-

ся на современников за то, что они ходят молиться под овин своим прежним языческим богам. Нельзя же сказать, что этот обычай сложился только в XI в., в эпоху христианства. В тех же памятниках находим указание на людей, «аже се роду и рожанице краютъ хлебы и сиры и мед». Языческий обычай резать хлеб и сыр в жертву роду сложился задолго до крещения Руси, по крайней мере, в IX—X веках. И можно согласиться с автором, что «десятилетиями такие процессы не измеряются. Тут необходимы столетия» (стр. 45).

Б. Д. Греков очень рельефно рисует перед нами землевладение и землевладельцев древней Руси, использовав почти весь известный письменный материал, относящийся к этому вопросу. Совершенно новы и свежи замечания об уставе Святослава Ольговича, а также анализ «Правды Ярославичей» (глава 5-я).

Однако, доказывая господство земледелия в древней Руси, автор впадает в некоторую крайность. Рыболовство, бортничество и отчасти даже скотоводство заслоняются образом пахаря. Правда, и сам акад. Греков замечает, что он вовсе не отрицает полностью большого значения в хозяйстве древней Руси охоты, рыболовства и бортничества, но в своем изложении он отводит им только незначительное место. Свои выводы в этом отношении акад. Греков строит главным образом на материалах раскопок, поэтому не случайно он кладет в основу своих выводов «памятники материального производства» (стр. 34). Против этого нельзя было бы ничего возразить, если бы у нас были надежно обоснованные археологические выводы. К сожалению, как раз этого мы не имеем. Так, ссылаясь на известное исследование о радимичах Б. А. Рыбакова, автор рецензируемой книги пишет: «Охота (у радимичей.— *М. Т.*) составляет едва заметное занятие, которое не оставило в курганных раскопках никаких следов» (стр. 27). Между тем о стране радимичей мы имеем такой отзыв летописца: «А родимичи и вятичи и север один обычай имяху: живяху в лесех, яко же и всякий зверь, ядуще все нечисто». Летописец (с чем согласен и Б. Д. Греков) имел в виду какие-то конкретные факты: под «нечистой» же пищей церковные памятники XI—XII вв. понимают мясо мелких лесных зверей. Лесная сторона по Сожу еще долго была богата зверем. Этим-то и объясняется то обстоятельство, что, по словам самого акад. Грекова, мозырский наместник даже в XVI в. собирал с населения «по лисице с каждого дыма». Лисиц можно было собирать только там, где они водились и где за ними охотились. Такие дани давно исчезли в других областях, бедных пушным зверем. Выводы, сделанные на основании раскопок Б. А. Рыбакова, только говорят о необходимости дальнейших археологических исследований; тогда, может быть, будут найдены и более «заметные» следы охотничьего промысла в областях по Сожу.

Ряд памятников XI—XII вв. говорит о том, что удельный вес скотоводства, рыболовства, охоты и бортничества в древней Руси даже в XI—XII вв. был несравненно выше чем в последующее время. В грамотах XII в. постоянно упоминаются «и лес, и борти, и ловища» (грамота Всеволода Юрьеву монастырю на Терпужский погост и т. д.). Пожни и тони, борти, ловища рыбные и гоголиные занимали большое место не только в хозяйстве XI—XII вв., но и в более позднее время, между тем Б. Д. Греков говорит об этих отраслях хозяйства только мельком.

Вместе с тем несколько теряется общая историческая перспектива развития хозяйства древней Руси. Так, акад. Греков довольно подробно говорит о переложной или залежной системе земледелия на юге Руси. Следовало бы указать границы возможности такого залежного земледелия. Акад. Греков почему-то считает, что в Южной Руси было мало леса и даже совсем не было его (стр. 39). Однако это мнение опровергается данными физической географии, из которых видно, что только небольшая часть Киевской земли к югу от Киева была богата черноземом. Большая часть территорий, входивших в состав Киевской Руси, имела не чернозем, а подзолистые и оподзоленные почвы, черноземные же степи в основном принадлежали кочевникам. По данным прилагаемой к книге Б. Д. Грекова карты, Киевская Русь почти целиком, за исключением территории к югу от Киева, была занята полосою лесов. Связь между границами леса и степи и границами Киевского государства с кочевниками замечена историками уже давно. Об этом подробно говорит в своей исторической географии М. К. Любавский. За исключением окраин Киевской Руси, все остальные русские земли находились в лесных массивах.

Из примеров, приведенных самим автором, становится совершенно ясным, что в истории Киевской Руси заметна ощутительная разница в хозяйственном отношении между периодом IX—X вв. и периодом XI—XII веков. Несомненно, что в IX—X вв. скотоводство, охота, рыболовство и бортничество были значительно больше распространены чем в XI—XII веках. Ведь не случайно же летопись упоминает о дани «по черной куне с дыма» в IX—X веках. Дань мехами была так распространена, что названия «куна», «векша» и «веверица» стали терминами, обозначающими денежные единицы. «Скора (меха), и воск, и мед, и челядь», бывшие главными товарами при Святославе, в XI—XII вв. имеют уже меньшее значение, конечно, не потому, что на них сократился спрос, а потому, что в хозяйстве Киевской Руси к этому времени произошли большие перемены в сторону дальнейшего развития земледелия.

Сдвиги в хозяйстве Киевской Руси нашли свое отражение и в эволюции дани и пошлин. У нас сохранился список предметов, получаемых вирником в XI веке. Этот список, или «покон вирный», внесенный в краткую редакцию «Русской Правды», имеет ссылку на Ярослава («то ти урок Ярославль»). В нем перечислены продукты земледелия, скотоводства и рыболовства, а

поборы исчислены в деньгах. Тем более интересны ссылки летописи на дань мехами, которая взималась с населения в IX—X веках. Выводы Б. Д. Грекова значительно выиграли бы в полноте и объективности, если бы он дал бо́льшую периодизацию в развитии хозяйства Киевской Руси и не отбрасывал бы свидетельств о видной роли наряду с земледелием других отраслей хозяйства. От этого тезис о господствующем значении земледелия в Киевской Руси, так блестяще обоснованный Б. Д. Грековым, не только ничего не проиграл бы, но выиграл бы в своей убедительности.

В главе 5-й, самой обширной по своим размерам, акад. Греков рассматривает общественные отношения в Киевской Руси. Прежде всего выясняется вопрос о челяди и рабах. Как видно из самых подзаголовков, автор различает термин «челядь» от термина «рабы». По его мнению, «термин «Правды Русской» «челядь» обнимает собой разновидности барской дворни, вышедшей из патриархальной familia» (стр. 107). Надо думать, что Б. Д. Греков прав, отказываясь понимать под термином «челядь» только рабов. Во всяком случае, в XII—XIII вв. под словом «челядь», несомненно, понималась «прежде всего... та часть зависимого от землевладельца населения, которая непосредственно работает на землевладельца» (стр. 103). В будущем издании книги акад. Грекова желательно было бы более подробно рассмотреть вопрос о роли рабов в производстве.

Автор последовательно рассматривает все категории сельского населения Киевской Руси (рядовичи, закупы, вдачи, смерды, изгои). Выводы акад. Грекова интересны и обоснованы рядом доказательств. Так, в отличие от других авторов Б. Д. Греков признает закупов людьми, зависимыми от феодалов (стр. 125).

Неудачным мне кажется объяснение термина «вдач». Автор сам считает, что «термин «вдач» не может считаться точно установленным» (стр. 124). К этому следует добавить, что этот термин является плодом недоразумения. В Троицком списке первоначально читалось: «а в дачѣ не холоп»,— и только позже ѣ было переправлено на ь. В других списках того же Троицкого вида «Русской Правды» также читается: «а в дачѣ». Слово «в дачѣ» читаем и в древнейшем Синодальном списке конца XIII в., а также и в других древних списках. И только в позднем Карамзинском виде списков «Русской Правды» читается: «а вдачь не холоп». Добавлю к этому, что исследователи заимствований эстонского языка у русского считают, что от слова «дача» произошло эстонское «tats» — натуральная повинность [1]. Поэтому термин «вдач» лучше было бы выбросить из научного употребления как искусственный.

«Придаток» Б. Д. Греков правильно считает ссудой путем выдачи хлеба и денег с условием отработки. Однако он не обратил внимания на один важный текст, помещенный в Новгородской 1-й летописи под 1228 годом. После рассказа о ссоре псковичей с Ярославом Всеволодовичем говорится: «а тех, кто имал придатък у Ярослава, выгнаша ис Пльскова: «поидите по князи своемь, нам есте не братья». Едва ли Ярослав Всеволодович привлекал людей на работу выдачей «придатка» ввиде хлеба. Может быть, под «придатком» следует понимать выдачу денег или оружия, ставившую человека в феодальную зависимость от князя или боярина на определенный срок.

Новым и безусловно заслуживающим внимания является объяснение Б. Д. Грековым термина «прощенники» (стр. 149), под которыми он понимает людей, оставшихся под властью церкви после внезапного выздоровления. Действительно, слово «прощенник» легче всего производится от термина «прощение», постоянно встречающегося в церковных памятниках для обозначения чудесного исцеления. В категории людей, выздоровление которых обычно приписывалось чуду, и на западе Европы были люди, находившиеся под церковной защитой. Такая категория должна была существовать и на Руси среди церковных людей. Вообще глава, рассматривающая общественные группы населения Киевской Руси, в книге Грекова чрезвычайно богата ценными выводами.

В главе 6-й Б. Д. Греков изучает «важнейшие черты политического строя Киевской Руси». Он признает киевский период нашей истории государственным (стр. 163). На стр. 164—165 Б. Д. Греков полемизирует со своими оппонентами — Н. Л. Рубинштейном и С. В. Бахрушиным. К сожалению, полемическая часть этой главы остается для читателя не вполне ясной. В частности в предисловии к лекциям Преснякова, на которое делает ссылку автор, полемизируя с оппонентами, Н. Л. Рубинштейн не отказывается от термина «Киевское государство», а только говорит о критике Пресняковым «упрощенных трактовок Киевской Руси IX—X веков, как развитого единого государства» [2]. Против этой формулировки едва ли мог бы возразить и сам акад. Греков. Ведь и Б. Д. Греков говорит о том, что в Киевской Руси было единство, «хотя и относительное».

Было бы правильнее рассмотреть более тщательно взгляды своих оппонентов, один из которых к тому же дал довольно развернутое изложение своих взглядов [3]. Желательно было бы внести в вопрос о политическом единстве Киевской Руси бо́льшую ясность.

В конце книги акад. Грекова помещен «Краткий очерк политической истории Киевского государства». Но это название не покрывает содержания очерка, в который входят и главы о древнейших судьбах народов Кавказа и Средней Азии. «Краткий очерк» очень богат содержанием и во

---

[1] «Временник Эстляндской губернии», стр. 73. Ревель. 1894.

[2] Пресняков А. Лекции по русской истории. Т. I, стр. 11. М. 1938.

[3] Бахрушин С. «Держава Рюриковичей». «Вестник древней истории». Т. II. М. 1938.

многом дополняет наши знания о политической жизни Киевского государства. Но вследствие крайней сжатости текста (весь очерк занимает 74 страницы) изложение носит характер конспекта, правда, интересного и богатого новыми данными.

Более подробно излагается история самого Киевского государства, но изложение попрежнему остается крайне сжатым. Между тем Б. Д. Греков объясняет некоторые исторические факты в явном разрыве с принятой традицией. Так, вопрос о происхождении славян разрешается Б. Д. Грековым следующим образом: «Греки называли скифами не какой-либо один народ, а все народы, жившие в южной и срединной частях нашей страны, те народы, которые путем длительных взаимных связей дали в итоге известный нам народ — славянский» (стр. 210). Едва ли такое объяснение удовлетворит читателя, особенно, если вспомнить о работах А. А. Шахматова с их глубоким историческим и лингвистическим анализом всех источников, говорящих о древнейшей судьбе славян. Кстати, следовало бы сказать хоть несколько слов о теории Шахматова [1].

Не будем останавливаться на ряде других спорных положений, выдвинутых в труде акад. Грекова. Остановимся только на вопросе о «триумвирате». Дело, конечно, не в том, что термин «триумвиры» плохо идет сыновьям Ярослава, а в том, какое значение этому термину придает Б. Д. Греков. Вначале он не настаивает на необходимости этого термина (стр. 261), далее уже прямо заявляет, что «нет ни малейшего основания сомневаться в наличии триумвирата на Руси в 60-х и начале 70-х годов XI в.» (стр. 262). Вот против этого термина и надо возражать, ибо что же общего, например, между Святославом Ярославичем и Марком Антонием? Если уж сравнивать правление Ярославичей с другими историческими явлениями, то на память приходит раздел империи Карла Великого между сыновьями Людовика Благочестивого.

Мы подошли к концу нашей несколько разросшейся рецензии. Но книга акад. Грекова заслуживает такого подробного рассмотрения. Перед нами результат работы большого ученого и глубокого знатока Киевской Руси. Богатство содержания и глубина выводов — основные особенности книги Б. Д. Грекова. Не случайно эта книга сделалась настольным пособием для всех, изучающих историю Киевской Руси. Основная линия, защищаемая акад. Грековым и, на наш взгляд, доказанная автором,—признание громадного значения Киевского государства в истории СССР,— несомненно, правильна. Также правильна и бóльшая часть выводов, сделанных акад. Грековым. Отдельные разногласия его с другими историками только показывают, что изучение Киевской Руси далеко не закончено и многое предстоит еще сделать. Так, сам акад. Греков считает недочетом своей книги отсутствие специальной статьи об организации военного дела в Киевской Руси. Но признание спорности некоторых вопросов в работе Б. Д. Грекова, как и констатирование некоторых пробелов в его книге, ни в какой мере не снижает ценности и значения его труда. «Киевская Русь» Б. Д. Грекова—ценная и полезная книга, расширяющая наши познания в истории Киевской Руси и способствующая движению вперед советской исторической науки.

В заключение несколько слов о технике издания книги. В ней встречается большое количество опечаток, совершенно не покрываемое стыдливым листиком «Опечатки» в конце книги.

М. Тихомиров

[1] См. Шахматов А. «Введение в курс истории русского языка».

ГУСЛИСТЫЙ К. Нариси з історії України. Випуск II. Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIV ст. по 1569 р.). Київ. 1939. Видавництво Академії наук УРСР.

Тов. Гуслистый известен в советской исторической науке своими работами по истории Украины. В 1932 г. им выпущен сборник ценных материалов «Повстання селян в селі Турбаях (1789—1793)» с ценным историко-археографическим введением, в котором тов. Гуслистый, выяснив значение опубликованных документов для истории крестьянских движений на Украине в XVIII в., на основе марксистско-ленинской методологии подверг критике работу А. Я. Ефименко о том же восстании, расценивавшуюся буржуазными историками (Багалей) как образцовое исследование. Тов. Гуслистый подверг критике либерально-народнический подход А. Я. Ефименко к изучению крестьянских движений и вместе с тем показал, что вследствие ограниченности своей идеологии А. Я. Ефименко не могла использовать полностью и объективно находившийся в ее распоряжении научный архивный материал. Это обстоятельство и побудило тов. Гуслистого подготовить к печати вышеупомянутые материалы.

В 1933 г. тов. Гуслистый выпустил исследование «З історії классової боротьби в степовий Україні в 60—70 рр. XVIII ст.», написанное на основе архивного материала; в 1939 г. он опубликовал также ценное исследование «Коліївщина в творах Т. Шевченко», в котором много новых данных о борьбе крестьян с панами в 1768 г., а также подвергнута объективной научной критике оценка гайдамацких движений в трудах таких буржуазных исследователей как Скальковский и др.

Вместе с тем тов. Гуслистый, выяснив источники «Гайдамаков» Т. Шевченко, показал, что «Гайдамаки» имеют не только большую художественную, но и значительную историческую ценность благодаря

(Любавского) и дал привилеям более широкое толкование.

Очень важен вопрос о восстаниях в Белоруссии, на Украине и Жмуди в начале княжения Казимира. Они заслуживают тщательного анализа. Нельзя восстание «черных людей» в Смоленске (1440) свести к захвату власти Юрием Лингвеньевичем Мстиславским. Возможно, что Смоленск находился в какой-то связи с Полоцком и Витебском, но сомневаюсь, чтобы тов. Гуслистый мог подтвердить это источниками. Следовало бы упомянуть, что после подавления феодальных движений Полоцкая, Витебская, Смоленская и Жмудская земли и Подляшье получили подтвердительные областные привилеи. Тов. Гуслистый в общем дал правильную оценку привилея 2 мая 1447 г., но чем конкретно он ослаблял великокняжескую власть, на это в «Нарисах» нельзя получить ответа (стр. 102). Между тем отказ от сбора «серебщины» был основным ударом по великокняжеской власти.

Очень интересны соображения тов. Гуслистого о политической диктатуре магнатства и об избираемости великокняжеской власти, но ему не удалось выяснить, почему власть великого князя литовского оказалась ограниченной и избираемой, а власть московского князя наследственной и неограниченной. Это очень важная научная проблема, мимо которой пройти нельзя. Думаю, вопреки тов. Гуслистому, что польское влияние в этом отношении было минимальным. Не следует забывать о полной финансовой зависимости великого князя от своих магнатов.

Очень хорош отдел об «Экономическом развитии и закрепощении крестьян в первой половине XVI столетия». Но нужно бы отметить, что аграрная реформа 1557 г. хотя и ликвидировала сельскую общину, но вместе с тем охватывала лишь господарские староства на Волыни. Следовало бы также отметить, что введение аграрной реформы 1557 г. сопровождалось проверкой прав на землю.

Очень ценные данные приведены тов. Гуслистым о классовой борьбе на Украине во второй половине XVI века. Достаточно подробна глава о начале казачества, зарождение которого тов. Гуслистый ставит в связь с усилением феодально-крепостнического угнетения. Установлением шляхетской демократии в великом княжестве Литовском, захватом Польшей Украины на Люблинском сейме заканчивается ценная работа тов. Гуслистого.

Книга тов. Гуслистого очень стройна по своей архитектонике. Отдельные разделы и подразделения пропорциональны их значимости в истории Украины. Разделы не перегружены фактическим материалом, и в них нельзя отыскать положений, не оправданных конкретным материалом. Факты взяты основные, наиболее яркие, без которых не может быть понято то или другое историческое явление. Экономической, социальной и культурной истории отдано в книге много внимания.

Общая концепция истории Украины до 1569 г. правильна. «Нариси» представляют собой первый опыт изложения истории Украины в XIV—XVI вв. на основе марксистско-ленинской методологии, почему работу тов. Гуслистого следует признать ценным научным вкладом в историю Украины.

В. Пичета

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

СЕРГЕЕВ В. История древней Греции. Соцэкгиз. М. 1939. 399 стр. 6 р. 25 к.

Несмотря на выход нескольких новых руководств по древней истории, недостаток в хороших учебниках в этой области все еще ощущается. «Нам нужен учебник, отвечающий современным требованиям. Он должен быть на уровне современной науки и вполне доступен учащимся по своему языку» [1].

Хороший учебник истории для вузов должен отвечать по крайней мере следующим требованиям: 1) он должен быть идеологически выдержан, должен знакомить читателя с марксистским пониманием исторического процесса; 2) он должен давать строго проверенный фактический материал и мотивированные выводы; 3) он должен содержать не только известный запас фактических сведений, но и характеристику сущности научных проблем, состояния источников, дающих материал для их разрешения, способы их решения; изложение должно быть свободно от догматизма и включать некоторые элементы истории науки; 4) автор должен не только изложить господствующие взгляды, но и критически разобраться в них, дать до известной степени оригинальную концепцию исторического процесса на данном отрезке времени; 5) учебник должен быть правильно построен: последовательность изложения и распределение материала должны быть хорошо продуманы; 6) он должен осведомлять читателя о материале, которым тот может воспользоваться, чтобы проверить утверждения автора или расширить свои знания по интересующему его вопросу; учебник должен быть снабжен библиографией, картами, планами, иллюстрациями и пр.; 7) наконец, учебник не может быть слишком кратким, так как в этом случае он не охватит нужного материала, но и не чересчур обширным, так как тогда он будет затруднять студента излишними подробностями; 8) изложение должно быть доступным, ярким, живым, образным, оно должно заинтересовать и увлекать читателя.

Эти положения следует учесть и при оценке нового учебника проф. В. С. Сергеева по истории древней Греции. Книга содержит следующие основные разделы (по-

[1] В. М. Молотов «О высшей школе». Речь на Первом всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая 1938 года.

мимо введения и главы о природных условиях Греции): I. «Эгейский мир и гомеровская Греция». II. «Ранняя Греция». III. «Классическая Греция». IV. «Эллинизм». Спорным в этой периодизации является отнесение гомеровской Греции к Криту и Микенам. Автор характеризует гомеровскую Грецию как эпоху разложения рода и образования классов, и в соответствии с этим ее следовало бы рассматривать в разделе «Ранняя Греция». Впрочем, следует учесть трудность трактовки гомеровского вопроса и в особенности трудность надлежащим образом использовать материал древнегреческих поэм. Последняя трудность вызывается разновременностью происхождения их составных частей, соединением в одном поразительном художественном синтезе черточек различных эпох, областей и разной социальной среды, в частности в поэмах Гомера, несомненно, имеются элементы микенской эпохи. Все это отчасти объясняет непоследовательность проф. Сергеева в делении истории Греции на периоды.

История древней Греции изучена неравномерно, и значение отдельных разделов ее в общем курсе истории древнего мира неодинаково. В лекциях излагается обычно главным образом история ранней и классической эпохи. Историю эпохи эллинизма трудно изложить столь же подробно ввиду ее большой сложности и неразработанности многих вопросов. Однако она представляет выдающийся научный интерес, и в общем курсе истории древней Греции должны быть освещены ее основные моменты. В этом отношении работа проф. Сергеева не страдает односторонностью и чрезмерной краткостью: истории эпохи эллинизма автор отвел 5 глав (из 20). После краткого очерка завоеваний Александра Македонского в главе XVI дается подробная характеристика социально-экономического и политического строя эллинистического Египта, в последующих говорится о монархии Селевкидов, о Македонии и Греции в эллинистическую эпоху, а в заключение дан очерк эллинистической культуры (гл. XX). Излишне сжатым представляется изложение борьбы диадохов (в гл. XVI, стр. 303—304) и вообще политической истории эллинистических государств в III—II вв. до н. э. Разумеется, в учебнике общего характера невозможно дать подробности необыкновенно запутанной борьбы, которая последовала после смерти Александра Македонского и привела к распадению македонской державы, но все же хотя бы главные этапы этой борьбы (образование царства Антигона, осада Родоса и т. д.) следовало отметить. Наряду с этим автор уделяет достаточное внимание вопросам культурного развития древней Греции: в каждом из разделов учебника имеется соответствующий обзор.

Отметим одну особенность в изложении автора. В главе V (стр. 85) говорится: «История классической Греции, главным образом, и сосредоточивается на истории Спарты и Афин, тем более что эта история полнее всего представлена в дошедшей до нас традиции». Афины и Спарта в V в. до н. э. являются главными греческими государствами, стоящими во главе двух могущественных союзов. Но этого обстоятельства не следует преувеличивать: историю Греции нельзя и в классическую эпоху свести лишь к истории Спарты и Афин. Больше внимания следовало уделить и другим греческим государствам. Например Беотии с ее своеобразной «конституцией», Фессалии при Ясоне и т. д. Принятый в книге способ изложения содействует стройности последнего, но до известной степени нарушает историческую перспективу.

Автор излагает историю древней Греции, согласно учению марксизма-ленинизма об античном обществе, как историю рабовладельческого общества, в котором основными классами являлись классы рабов и рабовладельцев. В учебнике сопоставлены главные факты из истории ожесточенной классовой борьбы, происходившей в этом обществе в процессе его исторического развития. Подробно освещен вопрос о рабовладении в главе X «Экономика Греции классического периода». Удачной была идея дать специальную главу, посвященную «Восстаниям рабов и бедноты» (глава написана А. В. Мишулиным). В ней тщательно использованы соответствующие данные источников, но автор, стремясь к возможной полноте этого использования, не всегда включает в свое изложение критически проверенный материал. Ведь далеко не одинаковой исторической ценностью и достоверностью обладают, например, сведения, которые мы находим у Фукидида и, с другой стороны, сообщения Афинея о восстании Дримака.

Притом, нам кажется, следовало бы точнее различать борьбу рабов с рабовладельцами и борьбу внутри класса рабовладельцев. Иначе у читателя может получиться не вполне правильное представление о развитии и особенностях классовой борьбы в Греции. Это замечание относится к стр. 272 и следующей, где использованы высказывания Платона, Аристотеля или известная надпись на надгробном памятнике Критию, в которых говорится не о борьбе рабов и рабовладельцев, а о столкновениях и ненависти демократов и аристократов, богатых и бедных. Неточной является также ссылка на Фукидида (стр. 277) по поводу «известного выступления рабов в Сиракузах под руководством некоего Сосистрата». У Фукидида об этом выступлении рабов нет ни слова, а лишь приводится речь Гермократа. О Сосистрате упоминает лишь Полиен.

Помимо главы о «Восстаниях рабов и бедноты» и во всех остальных частях книги уделено достаточное внимание вопросам о классовом расслоении древнегреческого общества, о положении и выступлениях рабов, о социальных движениях в греческих полисах.

Автор в своем изложении знакомит читателя с некоторыми основными проблемами истории древней Греции. Однако это изложение отличается все же слишком догматическим характером. Это обусловливается тем, что часто не дается мотиви-

ровки тех или иных, иногда очень важных для понимания данного материала утверждений, или же автор приводит различные взгляды по данному вопросу, оставляя нерешенным, какой из них является более правильным. Так например, говоря о разрушении Кносского дворца (стр. 16—17), автор указывает, что одни ученые эту катастрофу объясняют стихийным бедствием — землетрясением, — другие ставят в связь с общими переменами, имевшими тогда (около середины XVIII в. до н. э.) место в восточном Средиземье и в странах древнего Востока, третьи причиной культурного кризиса считают революцию. Какое из этих объяснений более правдоподобно, остается неизвестным. Условным, конечно, является хронологическое определение начала эллинистического периода, но все же и по этому вопросу недостаточно было привести различные мнения без указания, какое из них более правильно по мнению автора и чем это может быть мотивировано (стр. 306). В главе IV, говоря о колонизации VIII—VI вв. до н. э., автор правильно указывает на множественность факторов этой колонизации, а именно на разложение родовых отношений, обезземеление свободных, рост населения и производительных сил, развитие рабовладения, обмена и торговли, усиление имущественного неравенства, обострение классовой борьбы. При таком перечислении у читателя всегда останется вопрос: что здесь является основным? Точно так же для объяснения персидской экспансии (стр. 127) названы самые различные причины: желание приобретения новых земель с целью увеличения поступлений в царскую казну и создания новых должностей, желание поднять престиж великого царя, открыть новые рынки и т. д., жажда подвигов и славы, толкавшие царя и его родственников на всякие авантюры. И в этом перечислении отсутствует достаточная определенность. Читатель, естественно, например, может думать, что жажда славы — это главное, так как и в дальнейшем изложении автор неоднократно подчеркивает этот момент: «С целью... приобрести громкую и, как казалось, легко достижимую славу Дарий в 512 г. предпринял поход на скифов» (ср. стр. 127). «Успехи Мегабаза во Фракии и Македонии толкали честолюбивого (разрядка моя.—*К. З.*) царя на путь дальнейшего продвижения в глубь Греции» (стр. 128).

При рассмотрении критской культуры автор говорит, что характеристика социально-политического строя на Крите исследователями дается различная. Однако мы не находим более или менее обстоятельного изложения содержания различных теорий или их критики, но лишь утверждение: «Ни с одной из подобных установок согласиться нельзя» (стр. 26). Так же догматически построена глава о Микенах (гл. II). Вопросы о царстве Ахийява (у автора «Ахайява») и о падении Трои изложены так, как будто мы имеем дело с вполне установленными, не возбуждающими сомнения историческими фактами. Между тем еще до настоящего времени ведутся горячие споры о царстве Ахийява, о возможности отождествления его с царством ахейцев, о его локализации, о том, где была расположена гомеровская Троя, и проч. Нельзя согласиться также с утверждением на стр. 44: «Из «Илиады» и «Одиссеи» мы можем извлечь указания на то, что в конце XII в. (?) микенский царь (Агамемнон) предпринял генеральный поход на Трою»... и т. д. Автор без дальнейших разъяснений говорит об Агамемноне, Приаме и т. д. как о достоверных исторических личностях, не приводя достаточных оснований. В подтверждение приводятся лишь отрывки из поэм.

Если сложные проблемы иногда представляются как решенные, то, когда ставится научная проблема, не всегда можно согласиться с самой ее постановкой. Так, например, обстоит дело с гомеровским вопросом (гл. III). Известно, насколько сложен этот вопрос и какой интересной главой в истории науки он является. Автор намечает историю гомеровского вопроса и свой взгляд на него. Однако многое здесь вызывает возражения. Из унитариев почему-то названы лишь Шиллер и Ф. Ф. Соколов. Точно так же из представителей теории «коллективистов» указаны лишь Вольф и Лахман, а теории зерна — Герман. Новейшее развитие гомеровского вопроса во второй половине XIX в. и в XX в. не принято во внимание. Не использованы и не упомянуты такие работы по Гомеру, как многочисленные труды V. Berard, Murray, Allan, Nielsson, Drerup и др. Нельзя также, нам кажется, свести сущность гомеровского вопроса к противоположности «коллективистов» и унитариев, «стоявших за единую художественную композицию эпоса и историчность личности Гомера». Важно было бы выявить историческое значение гомеровского вопроса: проблему влияния восточных культур, вопрос об отношении к Криту и т. д.

Другим примером спорной и недостаточно широкой постановки проблемы может служить трактовка эллинизма. Характеристика социально-политического строя эпохи эллинизма дана слишком суммарно. Здесь особенно нужно было бы дать четкий обзор постановки проблемы в историографии, учитывая ее значение и сложность. Между тем автор лишь называет несколько имен, не соблюдая исторической последовательности и не показывая обусловленности тех или иных теорий. Так, названы Нейман, Кэрст, потом почему-то—Дройзен и Ростовцев. Между прочим, искажение исторической действительности у последнего объясняется не тем, что он игнорирует социально-экономическую базу (стр. 306), а его крайней модернизацией и политической направленностью его построений. Труд полусвободных производителей в эллинистическую эпоху следовало бы пояснить скорее не примером римских колонов, а указанием на древневосточные отношения, так как в результате синтеза этих отношений и греческих сложился социально-экономический строй эллинистических государств. Автор устанавливает как отличительные признаки эллинистической культуры синкретизм,

космополитизм, индивидуализм и преобладание естественно-математических и технических дисциплин над гуманитарными (стр. 348). Термины эти повторяются в дальнейшем изложении, но недостаточно раскрывается их содержание (см. например стр. 355 сл.).

Очень важно было бы при рассмотрении отдельных вопросов выяснять специфические черты данных явлений греческой истории, отличающие их от соответствующих явлений истории Рима или древнего Востока. В книге проф. Сергеева мы это не всегда встречаем в должной мере. Отмечая, например, процесс обезземеления мелких землевладельцев и скупки земель спекулянтами в Греции IV в. до н. э., автор не приводит никаких конкретных данных о крупном землевладении, не указывает на его характерные для Греции черты (см. Jardé. Les céréales dans l'antiquité).

Для того, чтобы в руководстве не чувствовалось догматизма, совершенно необходимо, чтобы автор знакомил читателя с состоянием источников, сам критически использовал их и охарактеризовал хотя бы по некоторым общим вопросам разработку проблем истории Греции в новой литературе. Мы видели, что последнее иногда сделано в недостаточной мере. Автор, несомненно, знаком во многих случаях с современными трудами в данной области, однако отражается это знакомство в изложении в чересчур общей и беглой форме.

Больше возражений вызывает метод использования источников. В учебнике для вузов по истории той или иной страны, по нашему мнению, необходима характеристика материала, которым располагает современный исследователь; изложение истории древней Греции должно быть соединено хотя бы с сжатыми данными по источниковедению. Эти данные очень неполны, к сожалению, в рецензируемом труде. Если по крито-микенской и гомеровской эпохам приведены хотя и разрозненные и недостаточные сведения об особенностях источников, то по следующим разделам и главам книги часто не сделано и этого. Так, например, нет никаких указаний на источники по истории древней Спарты, греко-персидских войн, пентеконтаэтии, по теме о культурном развитии в классическую эпоху и пр. Правда, общая характеристика труда Геродота есть, но помещена она в главе о культуре, оторвана от изложения греко-персидских войн и хотя дает известное представление о Геродоте, но совершенно недостаточна в смысле критического подхода к его труду как основному источнику по истории эпохи. Ознакомление читателя с состоянием источников по истории эллинизма сводится к нескольким замечаниям о богатстве Египта папирусами. По поводу источников, говорящих об Александре Македонском, автор замечает: «Первоисточником, из которого бралась большая часть рассказов об Александре, служило описание жизни и деятельности Александра, составленное его полководцем Птолемеем. На основании Птолемея, а также Клитарха составлены сочинения позднейших, дошедших до нас историков — Арриана (II в. н. э.) и Курция (I в. н. э.)» (стр. 302). Формулировка не совсем правильная и недостаточная: кроме Птолемея очень важную роль сыграла работа Аристобула, а Арриан главным образом использовал Птолемея и Аристобула, а не Клитарха. Важно было хотя бы наметить произведения, дававшие сравнительно достоверный фактический материал и разрабатывавшие его главным образом с военно-исторической и географической точек зрения (Птолемей, Аристобул), и значительно менее ценные с фактической стороны работы, дававшие риторическую обработку материала об Александре (Клитарх, Онесикрит и др.).

Еще важнее другое обстоятельство: самый метод использования существующего материала автором учебника; этот метод во многих случаях не может не вызвать решительных возражений. Отношение к источникам недостаточно критическое. Автор обладает уменьем подобрать яркую цитату, характерный штрих в произведении античного автора, но при этом нередко использует малодостоверный или анекдотический материал. Между тем важно было бы именно в общем курсе прививать учащимся навыки критического отношения к источникам, вводить их постепенно, так сказать, в исследовательскую лабораторию. Между тем в пределах одного источника часто берется не самое существенное, а более яркое в литературном или психологическом отношении. Так, например, из Плутарха в описании битвы при Гавгамелах взят отрывок (стр. 296), где говорится о появлении Александра вблизи Дария и бегстве персов, тогда как важнее было бы разобраться в общей обстановке сражения и в вопросе о причинах поражения персидского войска. Крайне преувеличенной является картина разложения армии Александра при возвращении из похода в Индию (стр. 298). Основой этих преувеличений служат произведения риторического направления, ведущие начало от Клитарха.

Автор неоднократно использует сведения из «Афинской политики» Аристотеля, например о Писистрате (стр. 109 сл.), о Кимоне и Перикле (стр. 147 сл.), но нигде не дает обстоятельной характеристики этого материала.

Разбирая вопрос о причинах Пелопоннесской войны, автор приводит суждение Фукидида и замечает: «Объяснение греческого историка глубокомысленно, но слишком лаконично и вследствие этого требует некоторых дополнений» (стр. 183). Но ведь дело не в лаконизме Фукидида, а в том, понимал ли он причины войны в общем так же, как и мы: только в последнем случае можно говорить о необходимости «некоторых дополнений». В рамках рецензии невозможно останавливаться подробно на этом вопросе. Заметим только, что у античного историка выступают на первый план психологические моменты: страх лакедемонян, их зависть к возросшему могуществу афинян — вот основная причина войны[1].

[1] Фукидид, I, 23, 88 и т. д.

Так же, как и в других случаях, мы постоянно встречаем у Фукидида указания на надежду, сила которой сказывается при безвыходности положения, способность предвидения будущего, трусость, кичливость и т. д.

Все эти частные черты связаны с характерным для Фукидида представлением о «человеческой природе», остающейся неизменной. Таким образом, речь должна идти не о дополнениях к суждению Фукидида, а о характеристике его своеобразного исторического мировоззрения.

Данные источников, например того же Фукидида, иногда используются автором неточно. Так, приведя отрывок из речи коринфян, автор далее говорит: «На сторону коринфян стали влиятельные эфоры, и под их воздействием апелла громким криком высказалась против Афин» (стр. 186). Но коринфяне произнесли свою речь на собрании союзников в Лакедемоне, поэтому апелла здесь не при чем. В изложении автора перепутаны два собрания: собрание союзников и позднейший созыв апеллы [1], притом как раз апелла на этот раз голосовала окончательно не криком, а разделением голосующих на две части. К постановлению апеллы присоединился и другой конгресс лакедемонских союзников, собравшийся не на Коринфском перешейке, как указывает автор, а в Спарте. Вышеприведенные слова коринфян, по Фукидиду, были произнесены на этом последнем собрании, а не на первом, как изложено в учебнике [2].

Нельзя также безоговорочно применять определенные высказывания античных авторов данного периода для характеристики другого времени. Например известные слова оратора Демада об Афинах, которые «похожи на старушку, тихонько потягивающую свою микстурку и легонько бродящую, шлепая туфлями», приложены к Афинам конца V в. до н. э. (стр. 207). Но Демад жил в середине IV в., когда упадок великодержавной политики Афин сказался еще сильнее. Некоторые произведения, имеющие большое значение как исторический источник, например «О доходах», слишком мало использованы. В общем, нам кажется, автору следовало бы обратить больше внимания на вопрос об использовании источников.

С фактической стороны изложение автора в настоящем труде улучшено по сравнению с «Историей древней Греции» издания 1934 года. Однако несмотря на большую работу, проведенную автором и редакцией в этом отношении, в тексте остался ряд ошибок и неточностей, которые следует исправить, а также пробелов, которые нужно заполнить при следующем издании.

Напрасно, например, основание города Фурий характеризуется как проникновение афинян на Адриатическое море (стр. 156); Фурии находились в глубине Тарентского залива. В битве при Сиботских островах афиняне помогли не коринфянам (стр. 185), а керкирянам. Город Амфиполь находился не при истоках (стр. 143), а при устье р. Стримона. Дионисий, тиран Сиракуз, не вел с карфагенянами войны за южную часть Италии, как это утверждается на стр. 268. «Теория исчерпаний» принадлежит не Эвклиду (стр. 351), а Эвдоксу. Нельзя сказать, что, «к сожалению, из сочинений Феофраста по ботанике, зоологии и минералогии сохранились лишь небольшие отрывки» (стр. 352), так как до нас дошли два обширных трактата Феофраста по ботанике. После расправы афинян с отпавшими митиленянами на конфискованной земле не было посажено три тысячи афинских клерухов (стр. 192): было образовано 2700 участков клерухов, а 300 участков посвящено богам. Послы, отправленные Дарием в Афины, были брошены не в колодезь, а в βάραθρον (расщелину, пропасть). Неправильно описаны события в Македонии после смерти Филиппа II (стр. 291): «На сторону восставших перешла часть войск» (?) и т. д. Нельзя говорить о подавлении восстаний в Афинах и в Фивах (стр. 292), так как до восстания дело дошло только в Фивах и т. д.

Имеется также много неточностей. Среди областей Средней Греции была не одна Локрида (стр. 7), а несколько. Из изложения на стр. 294 читатель может сделать выводы, что персидский царь принимал участие в битве при Гранике. Автор говорит (стр. 296) о походе Александра Македонского из Экбатан в Парфию и Бактрию через пустыню, а потом уже о смерти Дария. На самом деле Дарий был убит раньше похода македонян в Бактрию. Бесс был пойман не «после долгих усилий» (там же), а захвачен Птолемеем сравнительно легко (ср. долгую борьбу с Спитаменом). Нельзя сказать, что спартанский царь Архидам с о т р я д о м гоплитов вторгся в Аттику (стр. 187), так как Архидам вторгался в Аттику со всем союзным войском. Автор сообщает, что «спартанцы разрушили ее (город Платею) до основания, умертвив при этом двести платейцев и 25 афинян» (стр. 192). Однако Платея была разрушена лишь через год после взятия ее и казни платейцев и афинян. В источниках нет никаких указаний на опасение восстания рабов в тылу афинского войска при Марафоне в 490 г.: Павсаний (X, 202; I, 32, 3) говорит лишь о том, что в войске были и рабы. Участки клерухов в эллинистическом Египте бывали большего размера, чем указано в учебнике (стр. 312) — от 5 до 20 арур. Чересчур категорична формулировка, характеризующая процесс социального развития Спарты: «обедневшие свободные сливались вместе с рабами и вольноотпущенными в о д н у м а с с у (разрядка моя.— *К. З.*) «опустившихся» и недовольных» (стр. 345).

Наконец, следует отметить и некоторые пробелы. Нет ничего о Спитамене, вожде иранцев в их длительной и упорной борьбе за свободу и независимость против македонян. В характеристике положения в Греции в 480 г. до н. э. не указано на разрозненность греков, которая сказалась и в этот момент. Следовало бы упомянуть также о договорах Афин и Македонии в конце V в., пояснить, какие условия облегчи-

[1] Ср. Ф у к и д и д, I, 79—88.

[2] См. Ф у к и д и д, I, 68 сл.; 87; 124.

ли покорение Вавилонии, Египта и других областей македонянами и пр.

Учебник В. С. Сергеева по своему объему не затруднит учащихся: он содержит около 370 страниц текста (со многими иллюстрациями), написан очень живо и иногда даже увлекательно, читается и усваивается легко. В этом отношении новая работа не отличается от прежних работ проф. Сергеева, например «Очерков по истории древнего Рима», и будет, несомненно, интересовать читателей. Автор умеет ясно изложить сложный вопрос, расчленить его на части, четко воспринимаемые читателем, привести характерную, запоминающуюся цитату из античного писателя.

Достоинства литературного изложения автора позволяют читателю ожидать, что в книге он встретит удачные характеристики отдельных личностей, живых людей древней Греции. Действительно, некоторые из исторических деятелей очерчены ярко, например Солон, немногими, но запоминающимися чертами. Однако и здесь более углубленное изучение источников дало бы возможность автору добиться большего успеха. Суждения его о деятелях представляются иногда слишком субъективными. Так, едва ли можно признать Никия «способным» человеком. Во всяком случае это суждение не мотивировано в тексте. Важнее то, что, рисуя того или иного политического деятеля, автор не дает почувствовать историческую перспективу, недостаточно показывает условия и обстановку его деятельности. Так, например, внезапно появляется перед читателем Филипп II. Автор ничего не говорит о личности Филиппа и мало — о быстром, но все же постепенном росте его могущества. Также чересчур кратка и обща характеристика Александра Македонского: «Александр обладал большим умом, силой воли и целеустремленностью» (стр. 292).

Работа проф. Сергеева иллюстрирована большим количеством репродукций античных памятников искусства и техники. Подбор иллюстраций очень удачен. Помимо известных классических изображений даны некоторые новые интересные снимки («Реконструкция Приэны», «Арсенал в Пергаме» и др). Главу «Экономика Греции в классическую эпоху» можно и следовало бы иллюстрировать более обильно. Хронологические таблицы и указатель облегчают пользование книгой. К учебнику приложено также девять карт на отдельных листах. Карты в общем охватывают основные моменты в истории древней Греции и хорошо помогают ориентироваться в содержании книги. Нужно пожелать, чтобы хотя бы одна — две из этих карт представили рельеф Греции (например общая карта Греции и карта греко-персидских войн), так как без наглядного знакомства с устройством поверхности Греции многие особенности в истории этой страны останутся непонятными. Карты составлены очень тщательно. Лишь на карте Греции («Древняя Греция») пропущены некоторые исторически важные города (Эретрия на острове Эвбее, Илион, Абидос, Кизик).

Крупным пробелом является полное отсутствие библиографических указаний. В рецензируемом труде особенно важен был бы список работ по истории Греции на русском языке и хотя бы основных руководств на иностранных языках.

Возвращаясь к вопросу о требованиях, которые следует предъявить автору учебника для вузов по той или иной отрасли исторического знания, мы должны будем признать, что эти требования отчасти выполнены автором новой работы по истории древней Греции. Учебник проф. Сергеева намечает в общем правильное понимание истории древнегреческого общества, сообщает достаточный фактический материал, знакомит со многими проблемами истории Греции. Книга написана живо и интересно, в ней выдержана пропорциональность отдельных частей и последовательность изложения.

Однако наряду с этими достоинствами необходимо отметить и слабые стороны, снижающие общий уровень работы: недостаток оригинального взгляда на отдельные проблемы, недочеты в самой постановке вопросов, фактические ошибки и неточности, некритический подход к материалу, недостаточность мотивировки взглядов автора, известного рода эклектизм, отсутствие должной характеристики источников и отчасти историографии, наконец, полное отсутствие библиографии предмета.

Несмотря на эти недостатки книга В. Сергеева в настоящем виде может быть с пользой применена на исторических факультетах при изучении истории древней Греции.

К. Зельин.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

«American Foreign Policy». Formulation and Practice. Select Readings compiled by Wilson Leon Godshall. Ann Arbor Michigann. 1937. XXIX + 553 p.

Американская внешняя политика. Теория и практика. Избранные документы, собранные Вильсоном Л. Годшал.

Профессор политических наук Пенсильванского государственного колледжа Вильсон Л. Годшал проделал интересный опыт составления учебного пособия для курса дипломатической истории США, читаемого в высших учебных заведениях Соединенных штатов Америки. Основываясь как на своем долгом преподавательском опыте, так и на опыте ряда других преподавателей истории и политических наук американских университетов, Годшал пришел к выводу, что существующие в США пособия по истории внешней политики США не дают студентам нужных знаний. Очень часто в университетах и не читают даже соответ-

ли покорение Вавилонии, Египта и других областей македонянами и пр.

Учебник В. С. Сергеева по своему объему не затруднит учащихся: он содержит около 370 страниц текста (со многими иллюстрациями), написан очень живо и иногда даже увлекательно, читается и усваивается легко. В этом отношении новая работа не отличается от прежних работ проф. Сергеева, например «Очерков по истории древнего Рима», и будет, несомненно, интересовать читателей. Автор умеет ясно изложить сложный вопрос, расчленить его на части, четко воспринимаемые читателем, привести характерную, запоминающуюся цитату из античного писателя.

Достоинства литературного изложения автора позволяют читателю ожидать, что в книге он встретит удачные характеристики отдельных личностей, живых людей древней Греции. Действительно, некоторые из исторических деятелей очерчены ярко, например Солон, немногими, но запоминающимися чертами. Однако и здесь более углубленное изучение источников дало бы возможность автору добиться большего успеха. Суждения его о деятелях представляются иногда слишком субъективными. Так, едва ли можно признать Никия «способным» человеком. Во всяком случае это суждение не мотивировано в тексте. Важнее то, что, рисуя того или иного политического деятеля, автор не дает почувствовать историческую перспективу, недостаточно показывает условия и обстановку его деятельности. Так, например, внезапно появляется перед читателем Филипп II. Автор ничего не говорит о личности Филиппа и мало — о быстром, но все же постепенном росте его могущества. Также чересчур кратка и обща характеристика Александра Македонского: «Александр обладал большим умом, силой воли и целеустремленностью» (стр. 292).

Работа проф. Сергеева иллюстрирована большим количеством репродукций античных памятников искусства и техники. Подбор иллюстраций очень удачен. Помимо известных классических изображений даны некоторые новые интересные снимки («Реконструкция Приэны», «Арсенал в Пергаме» и др). Главу «Экономика Греции в классическую эпоху» можно и следовало бы иллюстрировать более обильно. Хронологические таблицы и указатель облегчают пользование книгой. К учебнику приложено также девять карт на отдельных листах. Карты в общем охватывают основные моменты в истории древней Греции и хорошо помогают ориентироваться в содержании книги. Нужно пожелать, чтобы хотя бы одна — две из этих карт представили рельеф Греции (например общая карта Греции и карта греко-персидских войн), так как без наглядного знакомства с устройством поверхности Греции многие особенности в истории этой страны останутся непонятными. Карты составлены очень тщательно. Лишь на карте Греции («Древняя Греция») пропущены некоторые исторически важные города (Эретрия на острове Эвбее, Илион, Абидос, Кизик).

Крупным пробелом является полное отсутствие библиографических указаний. В рецензируемом труде особенно важен был бы список работ по истории Греции на русском языке и хотя бы основных руководств на иностранных языках.

Возвращаясь к вопросу о требованиях, которые следует предъявить автору учебника для вузов по той или иной отрасли исторического знания, мы должны будем признать, что эти требования отчасти выполнены автором новой работы по истории древней Греции. Учебник проф. Сергеева намечает в общем правильное понимание истории древнегреческого общества, сообщает достаточный фактический материал, знакомит со многими проблемами истории Греции. Книга написана живо и интересно, в ней выдержана пропорциональность отдельных частей и последовательность изложения.

Однако наряду с этими достоинствами необходимо отметить и слабые стороны, снижающие общий уровень работы: недостаток оригинального взгляда на отдельные проблемы, недочеты в самой постановке вопросов, фактические ошибки и неточности, некритический подход к материалу, недостаточность мотивировки взглядов автора, известного рода эклектизм, отсутствие должной характеристики источников и отчасти историографии, наконец, полное отсутствие библиографии предмета.

Несмотря на эти недостатки книга В. Сергеева в настоящем виде может быть с пользой применена на исторических факультетах при изучении истории древней Греции.

К. Зельин.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

«American Foreign Policy». Formulation and Practice. Select Readings compiled by Wilson Leon Godshall. Ann Arbor Michigann. 1937. XXIX + 553 p.

Американская внешняя политика. Теория и практика. Избранные документы, собранные Вильсоном Л. Годшал.

Профессор политических наук Пенсильванского государственного колледжа Вильсон Л. Годшал проделал интересный опыт составления учебного пособия для курса дипломатической истории США, читаемого в высших учебных заведениях Соединенных штатов Америки. Основываясь как на своем долгом преподавательском опыте, так и на опыте ряда других преподавателей истории и политических наук американских университетов, Годшал пришел к выводу, что существующие в США пособия по истории внешней политики США не дают студентам нужных знаний. Очень часто в университетах и не читают даже соответ-

ствующих специальных курсов, и студенты вынуждены ограничиваться при изучении этого предмета общими курсами истории, в которых совершенно недостаточно освещены вопросы международного порядка; для лучшего же усвоения предмета приходится знакомиться с основной документацией и при этом черпать ее из множества различных источников, что, конечно, крайне осложняет работу. Годшал решил издать для учебных целей сборник основных документов по дипломатической истории США в одном компактном томе, который заключал бы в себе все основные документы, необходимые для получения отчетливого представления о принципах внешней политики США и о применении их на практике. Плодом его работы и явился рецензируемый сборник, который содержит документацию по внешней политике США от объявления независимости Североамериканских штатов до 1936 года.

Материал в сборнике расположен применительно к курсам, читаемым в американских университетах, но для справочных целей в сборнике дан хронологический указатель документов. Из всей массы политических и дипломатических документов Годшал отобрал наиболее показательные и при этом стремился не перегружать сборник материалом.

Документы в сборнике систематизированы по следующим разделам: Установление независимости и проведение границ; Нейтралитет; Доктрина признания; Изоляция; Доктрина Монроэ; Канал между двумя океанами; Карибская политика; Панамериканизм; Дальний Восток и Тихий океан; Мирное разрешение международных конфликтов; Разоружение и торговля оружием; Тенденция к сотрудничеству с Европой и другие политические вопросы. Во введении к каждому разделу составитель сборника коротко рассказывает, как правительство США разрешало политические проблемы, освещаемые приводимыми в данном разделе документами. В отдельных случаях, когда та или иная проблема претерпевала несколько этапов своего развития, соответствующий раздел делится на несколько подразделов, сопровождаемых каждый комментариями составителя.

Что касается самых документов, то это в большинстве случаев дипломатическая переписка США с другими правительствами, выступления президентов США и статс-секретарей по иностранным делам, инструкции дипломатическим представителям, а также переписка Государственного департамента США со своими представителями заграницей. Попадаются в сборнике также и иностранные дипломатические документы.

В предисловии к сборнику составитель очень уместно указывает преподавателям и учащимся, что, пользуясь содержащимися в сборнике документами, они должны всегда помнить, что «государственные бумаги часто содержат аргументацию..., которая ни в какой мере не представляет действительных взглядов правительства, от имени которого она дается». Подчеркнув необходимость критического подхода к документам, сам составитель в то же время при подборе материала не сумел соблюсти необходимой объективности.

Годшал не решился со всей ясностью выявить подоплеку внешней политики США и опрокинуть некоторые официальные представления о принципах и практике американской дипломатии, так как подобная работа, несомненно, подверглась бы остракизму в американских университетах. Повидимому, составитель сборника и не чувствовал в этом никакой потребности. Возьмем для примера вопрос о проведении Панамского канала, которому посвящен в сборнике проф. Годшала целый раздел. Всем известно, что США организовали «восстание» в Колумбии после отказа правительства последней ратифицировать навязанный США договор о канале. В результате этого «восстания» из Колумбии выделилась «независимая» республика Панама, принявшая все американские предложения. В числе документов, помещенных в сборнике, найдем письмо президента США Теодора Рузвельта редактору «American Review of Reviews» Шоу от 10 октября 1903 года, в котором Рузвельт пишет: «Я отбросил предложение, сделанное мне... вызвать отпадение Панамы. Какие-либо иные правительства могут это делать, однако США не могут прибегать к подобным средствам, чтобы вызвать сецессию. Я откровенно скажу вам, частным образом, что я был бы рад, если бы Панама стала независимым государством, но сказать это публично было бы равносильно призыву к восстанию, поэтому я сделать этого не могу». Этим полунамеком исчерпывается вся документация об участии США в перевороте.

Преподавателям и учащимся предоставляется самим разбираться в том, что же, в конце концов, определяло политику Соединенных штатов в колумбийско-панамском вопросе: официальная ли теория президента Соединенных штатов или же личные симпатии мистера Теодора Рузвельта. Между тем существуют официальные распоряжения американскому адмиралу направиться к колумбийским берегам и помешать высадке правительством Колумбии войск в пределах 50 миль от Панамы, а также такой документ, как письмо панамо-французского прожектера и дипломата Бюно-Варилла президенту Панамы Амадору от 17 октября 1903 г., в котором он пишет, что через 48 часов после провозглашения нового правительства американские военные силы явятся на подмогу. Характерно, что весь соответствующий подраздел составитель сборника дает под умилительным заголовком: «Устранение затруднений»!

К числу фигур умолчания, допускаемых составителем сборника, следует отнести также непомещение документации о Вашингтонской конференции 1922 г. по вопросу о невмешательстве в дела Китая, документов об интервенции в Сибири и т. д.

В обширном разделе «Доктрина Монроэ» — одном из наиболее полных разделов сборника — автор не считает нужным выделить период, когда доктрина о невмеша-

тельстве в американские дела со стороны европейских держав превратилась в доктрину вмешательства США в дела американских республик (начало 900-х годов XIX века).

С другой стороны в сборнике помещено много лишних документов или таких, которые следовало бы дать только в кратких выдержках. Так, не было никакой необходимости давать с такой полнотой документы о франко-американских переговорах 1797—1798 гг., в частности документы, в которых подробно описываются попытки Талейрана получить взятку от американских уполномоченных, занимающие 19 страниц текста. Совершенно излишен документ, содержащий список американских фирм, торгующих оружием и подлежащих регистрации; текст же соответствующего американского предложения на конференции по разоружению достаточно было бы привести в основных извлечениях. Можно было бы указать и еще много таких примеров.

Тем не менее опыт, проделанный проф. Годшалом, заслуживает всяческого внимания, и его можно было бы с большой пользой для преподавания истории перенести и на советскую почву. Занятие историческими дисциплинами приняло в последние годы особый размах в СССР. Указания, данные товарищами Сталиным, Кировым и Ждановым о преподавании новой истории и истории СССР, вскрытие ошибок Покровского и его «школы», выход «Краткого курса истории ВКП(б)» заставляют нашу историческую науку особо серьезно и вдумчиво отнестись к преподаванию истории в наших вузах. Преподавание в вузах поставлено на научно-исследовательской базе. Преподаватели и студенты не могут ограничиться и никогда не ограничиваются одними общими курсами истории. Им постоянно приходится обращаться к первоисточникам или монографиям и сборникам, в которых приводятся источники. По истории внешних сношений нашей страны, особенно за период новой истории, имеется несколько изданий документов, но все они с учебной точки зрения обладают значительными недостатками как в отношении расположения материала, так и вследствие их громоздкости. Надо прямо сказать, что трудно приходится лектору и преподавателю, не говоря уже о студенте, когда он подбирает для своего курса иллюстративно-документальный материал. Издание избранных документов по истории внешних отношений за XIX и начало XX века значительно облегчило бы дело преподавания истории народов СССР и всеобщей истории в вузах. Само собой разумеется, что такой труд должен носить коллективный характер и пройти редакцию наших виднейших историков.

Г. Залкинд

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Antonius George *«The Arab Awakening»*. Philadelphia. 1939.

Антониус Дж. *«Пробуждение арабов»*.

Автор ограничивается изложением истории национального движения арабов и анализом этого движения в двух странах переднего Востока — Сирии и Ливане. Однако его попутные замечания о других районах Ближнего Востока, например Палестине, свидетельствуют о глубоком, почти исчерпывающем изучении всей проблемы в целом. Автор, родившийся в Ливане, получивший образование в Англии и служивший в администрации Палестины, сочувствует национальному движению арабов, хотя не скрывает и его слабостей. В книге имеется еще нигде не опубликованный материал (переписка Гусейн — Мак-Магон, Декларация семи и др.).

Armstrong H. Fish *«When there is no peace?»* New-York. 1939.

Армстронг Гамильтон Фиш *«Если нет мира?»*

Автор книги, известный американский публицист и политический деятель, редактор журнала «Foreign Affairs», излагает события международной жизни за 1938 год. В книге дана почти исчерпывающая история майского и сентябрьского кризисов, завершившихся мюнхенским совещанием. В книге помещен ряд документов — переписка Чехословакии с Англией и Францией и др.

Auchmuty James J. *«The United States Government and Latin American Independence 1810—1830»*. London. 1937.

Аукмюти Дж. *«Правительство США и независимость латиноамериканских республик. 1810—1830 годы»*.

Автор описывает историю создания республик Латинской Америки и политику США в отношении этих республик; особенно подробно автор останавливается на истории и значении «доктрины Монроэ». В качестве основного материала для своей работы автор использовал издание «Дипломатической корреспонденции США» относительно независимости Латинской Америки.

Carroll E. M. *«Germany and the Great Powers 1866—1914»*. A study in public opinion and foreign policy. New-York. 1938. XV + 852 p.

Кэррол Е. М. *«Германия и великие державы в 1866—1914 годах»*. Очерк общественного мнения и внешней политики.

После краткого вступления, посвященного периоду 1866—1871 гг., автор подробно разбирает внешнюю политику Бисмарка и ее зависимость от «общественного мнения», под которым автор понимает высказывания печати. Автор подробно анализирует положение печати в кайзеровской Германии, ее вес и влияние.

Churchill W. S. *«While England slept»*. A survey of World Affairs 1932—1938. New-York. 1938. XII + 404 p.

Черчилль У. *«Пока Англия спала»*. Обзор международных событий 1932—1938 годов.

В книге собраны речи Черчилля за указанный в заглавии период; в этих речах, посвященных главным образом вопросам вооружений, Черчилль критикует внешнюю политику правительства и медлительные темпы английских вооружений.

Klerck E. S. *«History of the Netherlands East India»*. Rotterdam. 1938. 2 volumes. XII + 448 p.; V + + 661 p.

Клерк *«История Нидерландской Ост-Индии»*.

Автор, отставной подполковник голландской армии, в предисловии подчеркивает, что он выпускает этот труд на английском языке со специальной целью — рассеять заграницей предубеждения насчет неспособности Голландии управлять своими колониями. Первый том содержит историю голландских колоний на Дальнем Востоке вплоть до прекращения деятельности голландской Остиндской компании. Во втором томе изложение доводится до последнего времени. Ко второму тому приложена тетрадь хорошо сделанных карт.

Gelber L. M. *«The Rise of Anglo-American Friendship»*. A Study in world politics, 1898—1906. London. 1938. 292 p.

Джелбер Л. М. *«Развитие англо-американской дружбы»*. Очерк мировой политики 1898—1906 годов.

Автор, канадский профессор, изучая отношения между обеими странами во время международных политических кризисов, склонен преуменьшать противоречия между Англией и США; он утверждает, что «нить дружбы» ни разу не разрывалась между ними. Автор использовал для своей работы очень большой материал. Однако нельзя не отметить, что материал этот односторонний и состоит почти исключительно из дипломатических документов, главным образом из дипломатической переписки.

Giddens P. H. *«The Birth of the Oil Industry»*. New-York. 1938. XXXIX + 216 p.

Джидденс *«Рождение нефтяной промышленности»*.

Автор излагает историю нефтедобывающей промышленности в США с 1849 по 1869 г., ограничиваясь районом Аллеган. После краткого введения, в котором рассказывается об использовании нефти абофигенами американского материка — индейцами, а затем белыми поселенцами, автор переходит к первым успешным опытам бурения в 1859 году. Изложение заканчивается на 1870 г., когда начинается процесс концентрации и централизации нефтяной промышленности, связанный с именем Рокфеллера. Автором дана картина первоначальной борьбы за участки, описаны сцены бешеной конкуренции и т. д. В книге использованы в большом количестве первоисточники — не опубликованные нигде материалы, документы из местных архивов и т. д.

«American History told by Contemporaries». Hart Alb. B. edit. Vol. V. *«Twentieth Century United States 1900—1929»*. New-York. 1938.

«История Америки в рассказах современников». Под редакцией А. Харта. Т. V. *«США в XX веке»*.

Это издание, начатое в 1897 г., задумано как сборник материалов для изучающих историю США. Настоящим томом издание заканчивается. Материал состоит из статей, взятых из текущих журналов соответствующего периода, на самые различные темы: экономика, транспорт, финансы, международные отношения, правительство, наука, искусство и т. д. Часть X (главы XXX—XXXIII) посвящена империалистической войне 1914—1918 гг.; часть XI — послевоенным проблемам США.

Helmreich E. C. *«The Diplomacy of the Balkan Wars 1912—1913»*. Harvard. 1939. XIV + 523 p.

Гельмрейх *«Дипломатия балканских войн 1912—1913 годов»*.

Автор начинает анализ балканских проблем с 1904 г. — даты сербо-болгарского соглашения. Для своей книги он использовал громадное количество литературы, обследовал военные архивы Вены и т. д.

Mc Cartney M. H. H. and Cremona P. «Italy's Foreign and *Colonial Policy. 1914—1937»*. New-York. 1938. VII + 353 p.

Мак Картни и Кремона *«Внешняя и колониальная политика Италии. 1914—1937»*.

Авторы поставили своей целью, как они пишут в предисловии, «объяснить основные мотивы, выдающиеся черты и наиболее устойчивые тенденции итальянской внешней политики». Основная цель людей, правящих последние годы Италией, по мнению авторов, — завоевать Италии неоспоримое превосходство в Средиземном море. Так как это возможно лишь за счет Англии и против нее, то отсюда неизбежность англо-итальянской войны, к которой Италия всеми силами готовится.

Mathews F. J. *«Egypt and the Formation of the Anglo-french Entente of 1904»*. Pensylvania. 1939. VIII + 141 p.

Мэтьюз Ф. Дж. *«Египет и создание англо-французской Антанты. 1904»*.

Автор рассматривает предпосылки, историю и последствия апрельского договора 1904 г. между Англией и Францией. Он дает краткий анализ английской политики в Египте и французской политики в Марокко.

Priestley Herbert *«France Overseas»*. A study of Modern Imperialism. New-York — London. 1938. 463 p.

Пристли Г. *«Заморская Франция»*. Очерк современного империализма.

Автор излагает историю создания французской колониальной империи, беря за исходный момент период реставрации после

падения Наполеона, и доводит свое изложение до наших дней. Основное внимание уделено XIX веку. Каждая колония трактуется отдельно, от начала завоевания до нашего времени.

Roberts M. *«The Whig party 1807—1812»*. London. 1939. VIII + 453 p.

Робертс М. *«Партия вигов 1807—1812»*.

Автор изучает последние годы войны с Наполеоном и в политике вигов этого периода ищет причин дальнейшего распада этой партии. Книга снабжена большим научным аппаратом.

Rudin H. R. *«The Germans in the Cameroons. 1884—1914»*. A case study in modern imperialism. New-Haven. 1938.

Рудин Г. *«Немцы в Камеруне. 1884—1914»*. Пример из истории современного империализма.

Автор, строго держась указанных хронологических и территориальных рамок, последовательно описывает все стороны германской колонизационной политики в Камеруне. Противник всякой колониальной системы, автор утверждает, что известные отрицательные стороны германского управления в Камеруне типичны для господства всякой империалистической державы в колониях.

Shuhsi Hsü *«The War Conduct of the Japanese»*. Shanghai — Hong-Kong — Singapore. 1938.

Шуси Сю *«Как японцы ведут войну»*.

Книга принадлежит к серии, издаваемой Советом международных отношений, научной организацией, имеющей свое местопребывание в Ханькоу. Автор описывает методы, какими японцы ведут войну, жестокости и бесчинства японской военщины. Изложение опирается на большое число документов и свидетельских показаний.

Sontag Raymond J. *«Germany and England — background of conflict. 1848—1894»*. New-York — London. 1938. XIV + 362 p.

Зонтаг Р. *«Германия и Англия — подоплека конфликта. 1848 — 1894 гг.»*

Автор исследует дипломатические отношения между Германией и Англией во второй половине XIX века. Экономику этих стран автор игнорирует и концентрирует внимание на различии германской и английской концепций внешней политики. В книге собрано много подробностей дипломатической истории Европы этого периода.

«Foundation of British foreign policy from Pitt (1732) to Salisbury (1902), or Documents old and new». Edit. Temperley Harold and Penson L. Cambridge. 1938. XXX + 573 p.

«Основы британской внешней политики от Питта до Сольсбери». Документы. Под редакцией Темперлея и Пенсона.

Составители тома взяли на себя задачу — подобрать наиболее важные внешнеполитические документы, стремясь подчеркнуть последовательность идей, руководивших политикой Англии. В книге большой научный аппарат и очень подробная и ценная библиография.

«English witnesses of the French Revolution». Edit. J. M. Thompson. Oxford. 1938. 267 p.

«Английские очевидцы французской революции». Под редакцией Томпсона.

Автор помещает разнообразный материал, использованный до сих пор лишь частично, как например записки Юнга, письма лорда Дорсет, Джона Мура, Пэна и др. Материал разбит на четыре части: пролог (период до 1789 г.), Конституанта, Легислатива, Конвент. Изложение доведено до 1796 года.

Tyler J. E. *«The Struggle for Imperial Unity (1868—1895)»*. London. 1938.

Тайлер *«Борьба за единство империи (1868—1895)»*.

Автор, подходя к истории создания Британской империи в связи с внутренней политикой Англии, намечает в этой истории несколько этапов. Первым этапом он считает период с 1868 г. — даты создания королевского колониального общества — до 1895 г., когда на сцену выступил в качестве министра колоний Дж. Чемберлен. Истории этого первого этапа автор и посвящает свою книгу, прослеживая развитие имперского принципа и связь этого развития с событиями политической истории Англии.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВО ВЛАДИМИРЕ И БОГОЛЮБОВЕ

Едва ли можно преувеличить историческое значение территории Волго-Окского междуречья, где сложилась сильнейшая ветвь русского народа, где возникло Владимиро-Суздальское княжество, перенявшее от Киева — «матери городов русских» — роль центра древней Руси. История владимирского княжения XI—XIII вв. теснейшим образом связана с последующими судьбами выраставшей в национальный центр Москвы.

Оценки историками Владимиро-Суздальского княжества весьма разнообразны и противоречивы, в особенности в связи с тем, что одни из них занимались главным образом вопросами его политического строя, тогда как другие — вопросами культуры в широком смысле. Расхождения между историками в этих оценках связаны и с общей оценкой ими русского исторического процесса в его соотношении с развитием средневековой Европы и Востока; причем едва ли можно найти более противоположные точки зрения чем взгляды Н. П. Павлова-Сильванского, теснейшим образом сближавшего русский и европейский феодализм [1], и концепция Г. В. Плеханова, сопоставлявшего «общественный быт» древней Руси с бытом «восточных деспотий». Плеханов подчеркивал, что именно переход в XII в. исторической жизни с днепровского юга на северовосток содействовал усилению, выражаясь словами В. О. Ключевского, «европейских недочетов в русской исторической жизни» и ускоренному «сближению русского общественного быта и строя с бытом и строем великих восточных деспотий» [2]. Основная причина этого, по Плеханову, состояла в слабости развития ремесла и городских центров на северовостоке; «инертность, — писал он, — народного хозяйства неизбежно вела за собой политическую инертность городского населения. Пушкин был прав. Наши города не были тем, чем были западно-европейские городские общины» [3]. Нетрудно усмотреть точки соприкосновения этого построения с известным положением М. Н. Покровского о «разложении городской Руси» и сложении Руси «деревенской» [4].

Подобные социологизаторские построения могли возникнуть лишь при полном невнимании к конкретным историческим данным и при полном забвении вещественных памятников прошлого. Уже А. Е. Пресняков на основании изучения памятников владимирского зодчества выставил диаметрально-противоположное утверждение. Он писал: «Значительное развитие каменного церковного строительства, а тем более выработка оригинального и художественно-содержательного стиля возможны только в стране с развитой городской жизнью, богатой материальными средствами, развитием местного ремесла и вообще своей местной культурой» [5].

Археологические раскопки двух важнейших городских центров Суздальщины XII века — Боголюбова и Владимира — в 1934—1938 годах принесли новые данные, позволяющие развить и углубить эти положения. В частности речь идет о боголюбовском замке князя Андрея и о всеволодовских укреплениях владимирского детинца; первый дает возможность более конкретно осознать европейский облик владимирской феодальной культуры XII в., второй — увидеть ее ремесленную городскую почву.

Постройка Боголюбова-города не отмечена среднерусскими летописями; только в южной летописи — Ипатьевской — рассказывается об этом в агиографического характера жизнеописании князя Андрея: «Создал же бяшеть собе город камен именем Боголюбый толь далече, яко же Вышегород от Кыева так же и Боголюбый от Володимеря» [6]. Самое сопоставление Боголюбова с Вышгородом и указание, что князь построил город «собе», свидетельствуют об особом значении последнего. Постройка князем города на берегу р. Клязьмы, при устье р. Нерли, ставила под контроль водный путь от Суздаля к Волжскому низу. Стратегическое и политическое значение этого нового центра для борьбы князя с местной боярской знатью было, очевидно, очень велико. После разгрома сначала рязанскими князьями, а затем татарами Боголюбов-город сходит с исторической сцены, уступая место Боголюбову-монастырю. От древних зданий в Боголюбове уцелел лишь незначительный участок — белокаменная лестничная башня с переходом на хоры собора; сам дворцовый собор был перестроен в XVIII в.; от укреплений города сохранилась лишь северная линия земляных валов [7].

---

[1] Павлов-Сильванский Н. «Феодализм в удельной Руси». Спб. 1910.

[2] Плеханов Г. «История русской общественной мысли». Введение. Соч. Т. XX, стр. 57.

[3] Там же, стр. 89.

[4] Покровский М. Н. «Русская история с древнейших времен». Т. I, стр. 93. 1933.

[5] Пресняков А. «Образование великорусского государства», стр. 35. 1918.

[6] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II, стр. 580. 2-е изд.

[7] Доброхотов В. «Древний Боголюбов-город». М. 1852.

Известия летописи о каменных укреплениях боголюбовского замка многими авторами подвергались сомнению. Однако археологические разведки 1934 г. подтвердили летописные данные: на южном склоне высот, на которых расположен город, были обнаружены остатки белокаменной кладки по всей видимости одной из башен замка.

Последующие археологические работы сосредоточены были на исследовании самого дворцового комплекса. Его сохранившаяся часть позволяла догадываться, что это — лишь звено более сложного целого. Лестничная башня, называемая в источниках «сенями» и «восходным столпом», служила входом во «второй этаж» — на хоры собора, — куда имели доступ только князь, его приближенные, послы, гости. В летописи читаем: «Иногда бо аче и гость приходил из Царягорода и от иних стран изь Рускои земли и аче Латинин и до всего хрестьянства и до всее погани и рече (князь): вьведе и вь церковь и на полати (хоры) да видять истиньное хрестьянство и крестятся и Болгаре и Жидове и вся погань видивше славу божию и украшение церковьное» [1]. Однако лестничная башня служила не только парадным входом на хоры: в ее втором этаже имелась дверь, выводившая на переход ко дворцу. Единственная попытка реконструировать этот переход была сделана архитектором Потаповым. В согласии с установившейся со времен Соловьева характеристикой Руси как отсталой и «деревянной» Потапов в своей реконструкции связал каменную башню бедной деревянной висячей галерейкой с деревянным же двухэтажным бревенчатым «дворцом» [2].

Раскопки 1937 г. на участке этого перехода раскрыли иную картину: оказывается, переход во дворец также был монументальным белокаменным сооружением, в нижней части его прорезали две арки для пешеходов и для проезда; верхняя часть этого сооружения и была, собственно, переходом. Фасады этого сооружения были украшены рельефами, отдельные детали окованы золоченой медью, поверхности арок расписаны орнаментальной фреской, была допущена в декорации и круглая скульптура, столь отрицательно оценивавшаяся византийской церковью. Площадь дворцового двора была нивелирована и выстлана хорошо пригнанными белокаменными плитами, были устроены тесаные из камня водостоки.

Собор, таким образом, был связан каменными переходами с дворцом, на переходы вела парадная лестница в башне. С южной стороны собора были найдены следы второго перехода, очевидно, связывавшего дворец через хоры собора с каменной башней на южном склоне замкового холма. На дворцовой площади, перед западным порталом собора, окованным золоченой медью, возвышалась изящная постройка: восьмиколонный круглый кивории над белокаменной водосвятной чашей (остатки этой постройки открыты раскопками 1937 года).

Поиски остатков самого дворца дали отрицательные результаты: в начале XIX в. вся площадь, где помещался дворец, была занята огромным зданием монастырских келий, и все остатки дворца были уничтожены. Однако ряд данных позволяет утверждать, что и дворец князя Андрея был также белокаменным, и что его художественный облик, несомненно, соответствовал сохранившейся и открытой раскопками части переходов с лестничной башней.

Дворцовый комплекс в своей парадной части представлял, следовательно, начиная с северной стороны, следующую совокупность каменных зданий: дворец, переход к башне, лестничная башня-сени, переход на хоры собора, собор, переход к замковой южной башне, самая башня. О масштабах комплекса дает представление его общее протяжение, равное примерно 85—90 метрам. Вся эта совокупность богато украшенных зданий живописно располагалась по изгибу высокого клязьменского берега, с которого открывались широкие просторы пойм и лесов, прорезанные течением рек Нерли и Клязьмы.

Для суждения о внутреннем убранстве зданий прекрасный материал дали раскопки дворцового собора, являвшегося центральным звеном всего ансамбля. Это было изысканно оформленное сооружение: круглые колонны с резными капителями поддерживали хоры и своды собора, стены были покрыты фресковой росписью. Пол собора был выстлан плитами красной меди, сверкавшей подобно золоту. Полы хор и переходов строители выстлали цветной майоликовой плиткой. В обработке алтарной белокаменной преграды была применена вызолоченная медь. Дополняя данные раскопок сообщением летописца об изобилии в соборе драгоценной утвари и тканей, мы сможем составить представление об исключительном богатстве и художественности внутренней отделки собора и всего дворцового комплекса.

Этот дворцовый комплекс древней Руси XII в. не был исключительным явлением: в Ипатьевской летописи рассказывается о дворце галицкого князя Владимира с такой же сложной системой переходов, связывавших дворец, собор и лестничную башню-сени [3]. В Галицкой же Руси церковное строительство развивалось в очень близких к владимирским формах, и в XIII в. мы находим там ряд архитектурных памятников, весьма схожих с владимирскими по обилию резьбы и другим художественным приемам [4], в частности к галицкому городу Холму относится упоминание о привозе пз Угорской земли «чуд-

[1] ПСРЛ. Т. II, стр. 591.

[2] Потапов А. «Очерк древнерусского гражданского зодчества». «Древности» Московского археологического общества. Т. XIX. Вып. 1-й.

[3] ПСРЛ. Т. II, стр 462.

[4] Szaraniewicz I. «Trzy opisi histor. starod grodu Halicza». Lwow. 1883.

ной водосвятной чаши из багряного мрамора (вероятно красного песчаника) с резанными по краю змеиными головами». Эта чаша является прямой аналогией водосвятной чаше с киворием в Боголюбове [1].

Сопоставляя боголюбовский и галицкий княжеские замки с бургами и замками того времени в западноевропейских странах, можно сделать один общий вывод: это явления равного художественного качества и масштаба. Боголюбовский комплекс может с успехом выдержать сравнение с замками, например, средней Германии, связанными в той или иной степени со строительством времени Фридриха Барбароссы (Гослар, Эгер, Гельнхаузен, Вимпфен, Вартбург и др.) [2] Наиболее близок к боголюбовскому комплексу по своему плановому решению замок Данквардероде в Брунсвейге [3]. В замках везде мы находим сочетание пфальца с дворцовой двойной капеллой, связанной иногда переходом со вторым этажом дворца. Нужды и потребности феодальных владетелей как в области Рейна и Эльбы, так и в области Клязьмы и Днестра выдвигали перед архитектурой одинаковые задачи. Однако при некоторой общности замысла, масштабов и художественных деталей романских и русских замков последние, как показывает боголюбовский комплекс, имеют и совершенно своеобразные черты: такова, например, особая композиция дворцового храма, прототипы которой находим в киевском строительстве Мономахэ (Берестово), таково особое включение в ансамбль башен. Наименование последних «сенями» указывает, что исходным пунктом для этих своеобразных особенностей русского замкового ансамбля была русская деревянная жилая архитектура. Типичное для последней сочетание парадной приемной части, связанной при этом сенями с жилой половиной, а также особое внимание к украшению «сеней» вышкой и т. п. [4] находят параллель в боголюбовском замке с его дворцом, сенями и парадной половиной — хорами собора.

Возникает вопрос, кто были строители боголюбовского замка, какова была здесь роль русских мастеров художественного ремесла и строительного искусства?

Летопись говорит о князе Андрее, что «приведе ему бог из всех земель мастеры» [5]. Самый факт привлечения иностранных мастеров разных специальностей для какого-либо крупного строительства типичен для средневековой Европы: церковь Варфоломея в Падерборне строили греки, здания Шильдского монастыря в Вестфалии — галльские мастера, на постройку собора в Шпейере были приглашены мастера соседних стран; Монтекассинское аббатство обстраивали мастера из Амальфи, Ломбардии, Византии и т. п. [6]. Приведенная выше цитата о посещении Боголюбова иноземцами показывает, каков был круг этих «всех земель» — Византия и латинский Запад, если не считать в числе «иних стран» саму Южную Русь и соседних болгар. Напряженные церковно-политические отношения князя Андрея с византийским патриархом [7] едва ли способствовали усилению художественных и культурных связей с Византией. Версия В. Н. Татищева о присылке мастеров к Андрею от Фридриха Барбароссы, не вызвавшая сомнений у С. М. Соловьева [8] и лишь позднее возбудившая критику Д. Н. Бережкова [9], получает в свете новых археологических открытий в Боголюбове значительное подкрепление. Видевший владимирские и боголюбовские постройки в XV веке миланский архитектор Аристотель Фиораванти, работавший по обстройке царственной Москвы, признал, что владимирские постройки «неких наших мастеров дело» [10].

Какова же была роль романских мастеров в строительстве князя Андрея? Пришли ли они на «пустое место» или встретились с мощной своеобразной местной культурой? Характер боголюбовского замка показывает, что перед романскими зодчими были поставлены те же задачи, которые выдвигала и действительность Западной Европы. Этим объясняется, почему именно романские мастера были наиболее подходящими для строительства времени князя Андрея. Но эти требования были настолько своеобразны и зрелы, что романским зодчим пришлось резко отступить от привычных приемов. Они оказались в положении технических исполнителей местных художественных замыслов подобно позднейшим итальянцам XV века в Москве. Поэтому владимирские памятники середины XII в., в создании которых приняли участие иноземцы, являются памятниками высокого русского искусства.

При князе Андрее в сравнительно короткий период — в 8 лет — был построен не один боголюбовский замок, но и ряд дру-

---

[1] ПСРЛ. Т. II, стр. 845—846.

[2] Simon Karl «Studien zum romanischen Wohnbau in Deutschland», «Studien zur deutschen Kunstgeschichte». H. 36. Strassburg. 1902.

[3] Essenwein A. «Kriegsbaukunst». Durm's Handbuch der Architektur». T. II, B. IV, H. 1, S. 5, 59—69. Darmstadt. 1889.

[4] Забелин И. «Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве», стр. 67. М. 1900.

[5] ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись под 1160 годом.

[6] Springer A. «Die Künstlermönche...» «Mitteilung der k. k. Zentralkommission», S. 45—46. Wien. 1862.

[7] Приселков М. «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.», стр. 395—399 и след. Спб. 1913.

[8] Татищев В. «История российская». Т. III, стр. 127 и 487; Соловьев С. «История России». Т. I, стр. 716. Изд. «Общ. польза».

[9] Бережков Д. «О храмах Владимиро-Суздальского княжества», стр. 119 и след. Владимир. 1903.

[10] ПСРЛ, Т. I, стр. 199.

гих сложных по художественной форме зданий и кроме того возведена линия укреплений вокруг Владимира общим протяжением около 4 километров. По произведенным расчетам, только на ломку, теску и резьбу камня для церкви Покрова на реке Нерли, постройки меньшего масштаба чем один дворцовый собор в Боголюбове, нужно было затратить около 7 тыс. (приблизительно) человекодней[1]. Для боголюбовского дворца на те же работы потребовалось рабочей силы примерно в 4 раза больше, т. е. около 28 тысяч человекодней. Это дает примерное представление о количестве рабочей силы, понадобившейся князю Андрею для строительства. С Запада, конечно, могла придти лишь небольшая группа мастеров-строителей (характерна здесь ставшая фольклорной цифра — 12 мастеров)[2]. Это была, конечно, только руководящая группа мастеров разных строительных специальностей. Значит, не только вся масса рабочей силы была местной, но, повидимому, и для руководства строительством привлекались местные русские кадры. Факт осуществления огромной по тем временам строительной программы Золотых ворот во Владимире уже целиком русскими зодчими (1164)[3] показывает, что романские мастера встретились у нас с высокоразвитым ремесленно-городским населением, и не случайно владимирцы в 70-х годах XII в. получают прозвище «каменщиков»[4]. Новая романская техника кладки и конструкций была чрезвычайно быстро освоена русскими мастерами, и уже преемник Андрея Всеволод III «не искал мастеров от немец», а обходился при помощи своих русских мастеров. Принадлежащая В. Н. Татищеву легенда о «болгарских мастерах», якобы строивших в Суздальщине в начале XIII в.[5], лишена основания.

До сих пор мы говорили только о зодчестве в тесном смысле слова, но, кроме мастеров для работы над камнем, в строительстве требовались еще металлисты, керамисты, ювелиры и т. п.; все они в основном были местные жители. Медные листы кровли Успенского собора во Владимире, относящиеся ко времени Всеволода III, имеют марки русских мастеров[6]; нет ничего невероятного в том, что тяжелые плиты медных полов дворцового собора в Боголюбове отлиты русскими металлистами. Специальным технологическим изучением бесконечно разнообразных по технике, формам, расцветкам и орнаменту поливных плиток для полов была вскрыта довольно детально картина их производства на месте, местными гончарами[7].

Мы привели только наиболее яркие факты, количество которых можно было бы умножить. Однако, кажется, и их достаточно, чтобы показать действительный уровень феодальной культуры городов северовосточной Руси, едва ли позволяющий теперь говорить об «отсталости» древней Руси. В XI—XII вв. по своему культурному развитию она была на уровне Западной Европы. На развитом городском ремесле и связанной с ним торговле базировалась политическая роль посада — двойника западного бюргерства. На союз с посадом опирался князь Андрей в своей борьбе с усиливавшимся феодальным хаосом, пытаясь обуздать его средствами своей почти абсолютистской власти. В Галицко-Волынской земле, во многом сходной с Владимирским княжеством, также было богато развито городское ремесло. Вспомним, как в Холм к Даниилу Галицкому стекалось разнородное население «и мастере всяции бежаху ис татар»; «и бе жизнь, — замечает летописец,— и наполниша дворы окрест града»[8]. Сильнейшей базой культуры передовых феодальных центров древней Руси являлось развитое городское ремесло.

Следовательно, утверждение Плеханова о слабости развития городского ремесла и городских центров на северовостоке, послужившее основанием для «сближения» древней Руси с великими «восточными деспотиями», в действительности никакой почвы под собой не имеет. Вопреки М. Н. Покровскому никакого «процесса» «разложения городской Руси» в XII в. не наблюдается, и поэтому и татарский разгром не «заканчивал» этот несуществующий «процесс», а лишь на некоторое время подавил городскую жизнь, вскоре вновь проявившую себя в восстаниях против татар в городах северовосточной Руси.

Вернемся, однако, к владимирскому посаду XII века. Уже князь Андрей, как бы подчеркивая его значение, наряду с княжеской частью города обнес валом и посад, где были поставлены выводившие на дорогу к боголюбовскому замку Серебряные ворота. «Мизинние люди» города Владимира были крупной силой в борьбе княжеской власти с феодалами. К концу княжения князя Андрея политические отношения были очень напряженными. Заговор боярства против князя в 1175 г. перерастает в широкое восстание недовольного княжеской внутренней политикой городского населения. Посад города Владимира ярко проявляет себя и в условиях междукняжия, после гибели князя Андрея. Всеволод III,

[1] Расчет произведен архитектором Н. Н. Устиновым при консультации проф. Н. Б. Бакланова и проф. А. Т. Матвеева.

[2] См., например, предание о 12 братьях-строителях Печерского монастыря в Патерике; Потанин Г. «Сказка с 12 персонажами. (...) 12 учеников». «Этнографическое обозрение» за 1903 год № 1; Springer А. Цит. соч., стр. 47.

[3] Карамзин Н. «История государства российского». Т. III, стр. 21. Изд. Эйнерлинга. Мнение Карамзина оправдывается анализом летописных данных.

[4] См. Лаврентьевская летопись под 1175 годом.

[5] Татищев В. «История российская». Т. III, стр. 456.

[6] Владимирский музей ГИМ.

[7] Технологическое изучение плиток произведено было сотрудником Института истории материальной культуры В. А. Александровским.

[8] ПСРЛ. Т. II, стр. 843.

допустивший в 1177 г. колебания в отношении побежденных вождей рязанской рати, в результате сталкивается с восстанием владимирских бояр и купцов. Смутные летописные известия о пожаре 1185 г. во Владимире заставляют предположить наличие в этом году какого-то брожения в городе[1]. В свете этих событий становится понятным, почему были устроены укрепления княжеского детинца в городе Владимире в 1194—1196 годах. Летопись сообщает лишь о закладке детинца и упоминает церковь Иоакима и Анны над воротами детинца[2]. Относительно места стены детинца высказывались различные предположения, и точно оно не было определено[3]. Раскопками 1936—1937 гг. было установлено, что эти укрепления детинца шли параллельно южной стене среднего города, около которой тогда рядом с соборами находились княжеский и епископский дворы. Таким образом укрепления детинца защищали дома феодальных хозяев столицы — князя и епископа. Самый характер укреплений, выявленный раскопками, оказался в значительной мере неожиданным — эта замкнутая стена, обращенная к городскому населению, оказалась целиком каменной. Центральные ворота детинца представляли собой уменьшенную копию Золотых ворот, защищавших город от нападений внешнего врага. К воротам детинца с обеих сторон примыкали сложенные из белого камня и туфа стены, смыкавшиеся с городскими валами.

Обстоятельства, предшествовавшие возникновению детинца, и его характер с исчерпывающей ясностью показывают, насколько значителен был политический вес владимирского посада, насколько противоречит исторической действительности плехановское утверждение о «политической инертности городского населения» на северовостоке древней Руси.

Н. Воронин

Первая известная греческая азбука очкового письма и глаголический алфавит

Вопрос о происхождении глаголического письма как один из вопросов истории славянской культуры представляет глубокий научный интерес.

В настоящей заметке мы не выдвигаем никакой новой теории, но просто останавливаемся на некоторых фактах, заставляющих сделать вполне определенные выводы.

Глаголица по своему графическому типу принадлежит к так называемому очковому письму, т. е. своеобразному письму с петельками, хорошо известному в арабских, еврейских и греческих средневековых рукописях. Но хотя это и вполне очевидно, тем не менее никто до сих пор не попытался сопоставить глаголицу с очковым письмом. Это странное упущение объясняется тем, что очковое письмо до сих пор не было изучено. Единственная работа по этому вопросу, вышедшая в 1930 г., Winckler «Siegel und Charaktere in der Muhammedanischen Zauberei» исследует, собственно, не очковое письмо, а только семь особых знаков, известных, по мнению Винклера, исключительно в арабской письменности.

В настоящее время в издании A. Delatte. Catalogus codd. astrol. graec. X (1924), стр. 87 сл. (см. также Catal. codd. astrol. graec. XII (1936), стр. 41, рукопись № 5, листы 25—27) опубликован очковый алфавит, который, несомненно, происходит от греческого письма и хорошо читается.

Усмотрел ли издатель в опубликованных им знаках греческие буквы, остается неизвестным; во всяком случае он нигде этого не высказывает. Тем не менее вполне очевидно, если произвести надлежащее сопоставление с греческими буквами, что мы имеем перед собой первую читаемую по-гречески очковую азбуку.

Засвидетельствована она, правда, в поздних рукописях XVI и XVIII вв., но восходит по крайней мере к X в., что доказывают как раз те семь знаков, в которых Винклер увидел и тетраграмму, и α, и ω, и имя Христа, и которые на деле всего только греческие буквы, написанные стилем очкового алфавита. Чтение этих знаков дает слово σφμαγη, т. е. σφραγίσ — печать.

Опубликование читаемого греческого очкового алфавита, и притом восходящего к X в., дает возможность сопоставить его с глаголицей. Оказывается, что многие из глаголических букв вполне тождественны с очковыми.

Таким образом, нами найден тот греческий алфавит, разновидности и древние прототипы которого породили глаголическое письмо.

Настоящей заметкой мы хотели предупредить исследователей глаголицы, что вопрос о происхождении этого письма следует трактовать теперь иначе и что правильнее других в свое время высказывался по этому вопросу Григорович, хотя и он не приводил в доказательство своей мысли соответствующих данных. Очковые алфавиты, сопоставление их с глаголическими буквами и разбор семи знаков Винклера будут даны в подготовленной нами, по поручению Института истории Академии наук СССР, работе по истории византийского книжного письма.

М. Шангин.

---

[1] См. мою статью «Владимиро-Суздальская земля в X—XIII вв.». «Проблемы истории докапиталистических обществ» за 1935 г. № 5—6, стр. 228—229.

[2] Лаврентьевская летопись под 1194 и 1196 годами.

[3] Бунин А. «К исторической топографии г. Владимира на Клязьме». «Труды Владимирской ученой архивной комиссии». Т. II.

допустивший в 1177 г. колебания в отношении побежденных вождей рязанской рати, в результате сталкивается с восстанием владимирских бояр и купцов. Смутные летописные известия о пожаре 1185 г. во Владимире заставляют предположить наличие в этом году какого-то брожения в городе[1]. В свете этих событий становится понятным, почему были устроены укрепления княжеского детинца в городе Владимире в 1194—1196 годах. Летопись сообщает лишь о закладке детинца и упоминает церковь Иоакима и Анны над воротами детинца[2]. Относительно места стены детинца высказывались различные предположения, и точно оно не было определено[3]. Раскопками 1936—1937 гг. было установлено, что эти укрепления детинца шли параллельно южной стене среднего города, около которой тогда рядом с соборами находились княжеский и епископский дворы. Таким образом укрепления детинца защищали дома феодальных хозяев столицы — князя и епископа. Самый характер укреплений, выявленный раскопками, оказался в значительной мере неожиданным — эта замкнутая стена, обращенная к городскому населению, оказалась целиком каменной. Центральные ворота детинца представляли собой уменьшенную копию Золотых ворот, защищавших город от нападений внешнего врага. К воротам детинца с обеих сторон примыкали сложенные из белого камня и туфа стены, смыкавшиеся с городскими валами.

Обстоятельства, предшествовавшие возникновению детинца, и его характер с исчерпывающей ясностью показывают, насколько значителен был политический вес владимирского посада, насколько противоречит исторической действительности плехановское утверждение о «политической инертности городского населения» на северо-востоке древней Руси.

Н. Воронин

Первая известная греческая азбука очкового письма и глаголический алфавит

Вопрос о происхождении глаголического письма как один из вопросов истории славянской культуры представляет глубокий научный интерес.

В настоящей заметке мы не выдвигаем никакой новой теории, но просто останавливаемся на некоторых фактах, заставляющих сделать вполне определенные выводы.

Глаголица по своему графическому типу принадлежит к так называемому очковому письму, т. е. своеобразному письму с петельками, хорошо известному в арабских, еврейских и греческих средневековых рукописях. Но хотя это и вполне очевидно, тем не менее никто до сих пор не попытался сопоставить глаголицу с очковым письмом. Это странное упущение объясняется тем, что очковое письмо до сих пор не было изучено. Единственная работа по этому вопросу, вышедшая в 1930 г., W i n c k l e r «Siegel und Charaktere in der Muhammedanischen Zauberei» исследует, собственно, не очковое письмо, а только семь особых знаков, известных, по мнению Винклера, исключительно в арабской письменности.

В настоящее время в издании A. Delatte. Catalogus codd. astrol. graec. X (1924), стр. 87 сл. (см. также Catal. codd. astrol. graec. XII (1936), стр. 41, рукопись № 5, листы 25—27) опубликован очковый алфавит, который, несомненно, происходит от греческого письма и хорошо читается.

Усмотрел ли издатель в опубликованных им знаках греческие буквы, остается неизвестным; во всяком случае он нигде этого не высказывает. Тем не менее вполне очевидно, если произвести надлежащее сопоставление с греческими буквами, что мы имеем перед собой первую читаемую по-гречески очковую азбуку.

Засвидетельствована она, правда, в поздних рукописях XVI и XVIII вв., но восходит по крайней мере к X в., что доказывают как раз те семь знаков, в которых Винклер увидел и тетраграмму, и α, и ω, и имя Христа, и которые на деле всего только греческие буквы, написанные стилем очкового алфавита. Чтение этих знаков дает слово σφμαγη, т. е. σφραγίσ — печать.

Опубликование читаемого греческого очкового алфавита, и притом восходящего к X в., дает возможность сопоставить его с глаголицей. Оказывается, что многие из глаголических букв вполне тождественны с очковыми.

Таким образом, нами найден тот греческий алфавит, разновидности и древние прототипы которого породили глаголическое письмо.

Настоящей заметкой мы хотели предупредить исследователей глаголицы, что вопрос о происхождении этого письма следует трактовать теперь иначе и что правильнее других в свое время высказывался по этому вопросу Григорович, хотя и он не приводил в доказательство своей мысли соответствующих данных. Очковые алфавиты, сопоставление их с глаголическими буквами и разбор семи знаков Винклера будут даны в подготовленной нами, по поручению Института истории Академии наук СССР, работе по истории византийского книжного письма.

М. Шангин.

---

[1] См. мою статью «Владимиро-Суздальская земля в X—XIII вв.». «Проблемы истории докапиталистических обществ» за 1935 г. № 5—6, стр. 228—229.

[2] Лаврентьевская летопись под 1194 и 1196 годами.

[3] Б у н и н А. «К исторической топографии г. Владимира на Клязьме». «Труды Владимирской ученой архивной комиссии». Т. II.

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Научная сессия Института истории Украины Академии наук УССР, посвященная истории Западной Украины.

26—28 ноября 1939 г. в Киеве состоялась научная сессия Института истории Украины Академии наук УССР.

В работе сессии принимали участие и представители Института истории Академии наук СССР: члены-корреспонденты Академии наук СССР проф. С. В. Бахрушин и проф. В. И. Пичета; профессора и научные сотрудники: В. И. Лебедев, Д. Р. Нееддлы, А. А. Савич, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров.

В работе сессии принял также участие заместитель председателя Верховного Совета УССР, действительный член Академии наук УССР, писатель-орденоносец А. Е. Корнейчук.

Сессию открыл директор Института истории Украины Академии наук УССР орденоносец С. Н. Белоусов.

Свое вступительное слово тов. Белоусов посвятил важнейшим событиям последних месяцев — освобождению Красной Армией народов Западной Украины и Западной Белоруссии от гнета шляхетско-буржуазной Польши. Тов. Белоусов кратко рассказал о многовековой борьбе, которую вел украинский народ против своего извечного врага — польской шляхты. Закончил он указанием задач, которые ставит перед советскими историками воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии с единокровными им народами Советского Союза, а также задач настоящей сессии.

На вечернем заседании 26 ноября член-корреспондент Академии наук УССР проф. С. В. Юшков сделал доклад «Социально-политическое устройство Галицко-Волынского княжества».

В своем докладе проф. Юшков остановился на особенностях развития феодализма в Галицко-Волынском княжестве. По мнению докладчика, одним из наиболее характерных моментов в истории Галиции было то, что процесс разложения родоплеменных отношений и развития феодализма начался здесь раньше чем в других землях Киевской Руси и дальнейшее развитие феодализма проходило более интенсивно, что объясняется тесными экономическими связями Галиции с Западной Европой. Основным типом феодального владения в Галиции была боярская сеньерия. Что же касается княжеского домена, то он начал развиваться значительно позднее — только в XII в., когда боярство уже успело захватить в свои руки лучшие земли края. Боярство в Галиции достигло исключительной силы и значения: оно было консолидировано и объединено как ни в какой другой земле Киевской Руси.

В прениях по докладу проф. С. В. Юшкова выступили профессора Бахрушин, Пичета и Савич. Отмечая достоинства доклада проф. Юшкова, они все же не соглашались с ним в вопросе о княжеском домене и его роли в истории власти князей.

Следующим был доклад проф. М. Н. Тихомирова «О новом академическом издании «Русской правды».

Докладчик ознакомил присутствующих с планом подготовки нового трехтомного академического издания «Русской правды», выпускаемого Академией наук СССР. 1-й том включает в себя текст «Русской правды», 2-й—посвящен комментариям, в 3-й—входят фототипии текстов.

Утреннее заседание 27 ноября открылось докладом старшего научного сотрудника Института истории Украины Академии наук УССР, кандидата исторических наук К. Г. Гуслистого на тему «Борьба Западной Украины против панской Польши в XIV—XVII вв. (до 1648 года)».

В своем докладе тов. Гуслистый кратко остановился на первых попытках польских и венгерских феодалов захватить западноукраинские земли в X—XIV веках. Затем он осветил историю захвата Польшей Галиции в XIV в. и наступления Польши на Украину в XV—XVI веках. Невыносимый гнет польской шляхты вызвал ряд восстаний украинского народа против польско-шляхетских оккупантов. Стремясь освободиться от панского гнета, западноукраинские крестьяне и городские жители бежали на Брацлавщину и Поднепровье, где становились казаками. В конце XVI в. здесь вспыхнули первые крупные казацко-крестьянские восстания, охватившие также часть Западной Украины (преимущественно Волынь) и Белоруссии. Одновременно происходила борьба и на идеологическом фронте. Видная роль в этой борьбе принадлежала братствам, особенно братству Львовскому.

После подавления восстаний 1590-х годов шляхетская Польша и католическая церковь усилили наступление на Украину. Большую роль в этом наступлении сыграла церковная уния, провозглашенная в Бресте в 1596 году. Осуществить унию польскому правительству и католической церкви помогла часть украинской и белорусской феодальной светской и церковной православной верхушки.

Борьба украинского народа против польских панов продолжалась и возрастала. В

1630—1638 гг. на Украине вспыхнула новая волна крупных казацко-крестьянских восстаний (1630, 1635, 1637, 1638). Ареной их было Поднепровье, ставшее в этот период плацдармом украинского народа в освободительной борьбе против шляхетской Польши. Эти восстания находили отклик и в Западной Украине. Население Западной Украины продолжало бежать на Поднепровье и присоединялось к повстанцам.

Польские паны жестоко подавляли эти восстания. Но украинский народ упорно продолжал борьбу за свое освобождение. Все сильнее становилось его стремление к объединению с братским русским народом.

Затем заслушан был доклад старшего научного сотрудника Института истории Академии наук УССР проф. Н. Н. Петровского «Западная Украина в освободительной войне украинского народа против гнета шляхетской Польши (1648—1654)».

Докладчик дает оценку освободительной войны 1648—1654 гг. как общенародной освободительной войны; он подчеркивает, что в этой войне украинский народ боролся не только против гнета шляхетской Польши, но и за объединение с единокровным русским народом. Богдана Хмельницкого, возглавившего украинский народ и в освободительной войне и в борьбе за присоединение Украины к России, докладчик характеризует как прогрессивного деятеля своего времени, как представителя лучшей части казацкой старшины, талантливого полководца, администратора, деятеля, который в процессе освободительной войны выковался в непримиримого врага шляхетской Польши.

На ряде примеров и фактов из истории Западной Украины во второй половине XVII—XVIII вв. докладчик рисует тяжелое положение населения Западной Украины под гнетом шляхетской Польши и доказывает, что присоединение Украины к царской России в 1654 г. в конкретных исторических условиях того времени было, несомненно, наименьшим злом для Украины.

По докладам тов. Гуслистого и проф. Петровского в прениях выступили профессора В. И. Пичета, А. А. Савич, академик А. Е. Корнейчук. Все они отметили важность заслушанных докладов для изучения истории Западной Украины и, в частности, истории освободительной войны.

На вечернем заседании 27 ноября был заслушан доклад старшего научного сотрудника Института истории Академии наук СССР проф. А. А. Савича на тему «Брестская уния 1596 года».

В своем докладе проф. Савич осветил роль польского правительства и высшего православного духовенства в деле подготовки и проведения унии.

Тов. Савич подчеркнул насильственные методы проведения унии — этого орудия польского правительства для уничтожения связи украинского и белорусского народов с братским русским народом и для ополячения украинцев и белоруссов.

В прениях по докладу проф. Савича приняли участие профессора С. Б. Бахрушин, Н. Н. Петровский и К. Г. Гуслистый. Выступавшие отметили значение религиозной борьбы украинского и белорусского народов против польско-шляхетского гнета, так как борьба против унии была одним из тех лозунгов, которые объединяли украинцев и белоруссов в борьбе против гнета шляхетской Речи Посполитой.

На вечернем заседании 28 ноября был заслушан доклад старшего научного сотрудника Института истории Украины, кандидата исторических наук Ф. А. Ястребова «Западная Украина во второй половине XIX века».

Докладчик остановился на последствиях революции 1848—1849 гг. в Австро-Венгрии и Западной Украине. Несмотря на поражение революции все же был положен конец преобладанию феодально-крепостнической системы; в стране начал развиваться капитализм, государственная же власть осталась в руках реакционных феодальных сил, причем Западная Украина попрежнему находилась под жестоким австрийско-польским гнетом.

Организованный в Галиции в 1861 г. сейм стал послушным орудием в руках польской шляхты, захватившей в нем подавляющее большинство мест. Проведенная австрийским правительством крестьянская реформа переложила на плечи крестьян всю тяжесть выкупной операции. На протяжении второй половины XIX в. в Галиции шел процесс диференциации крестьянства, процесс быстрого дробления крестьянских хозяйств, обнищания и пролетаризации основной массы крестьянства. В то же время усиливалась и концентрация помещичьей собственности. Промышленность в этот период развивалась слабо и носила полуремесленный характер; медленно шло и развитие пролетариата. Австрия превратила Западную Украину в свою внутреннюю колонию, в рынок сбыта для своей капиталистической промышленности. 1850-е годы и первая половина 1860-х годов были периодом полного господства победившей реакции в Австро-Венгрии, периодом застоя в культурном развитии Западной Украины. Одной из сил, поддерживавших австро-польский гнет на Западной Украине, была униатская церковь.

Начиная с 1860-х годов, особенно после поражения Австро-Венгрии в войне с Пруссией, австро-венгерское правительство было вынуждено изменить свою внутреннюю политику в сторону некоторого ослабления национального гнета, но это почти не коснулось Западной Украины. В это время на Западной Украине растет, хотя и медленно, рабочий класс, который начинает борьбу против капиталистического гнета; растут также выступления крестьян против помещиков и борьба против австро-польского засилия, к этой борьбе примкнула и часть украинской интеллигенции, так называемые «народовцы».

Огромную роль в оформлении национального самосознания и его революционизирования сыграли проникавшие на Западную Украину произведения Т. Г. Шевченко. Крупная заслуга в этом отношении при-

надлежит и другому великому украинскому писателю, революционеру-демократу, Ивану Франко, который вел революционную пропаганду среди галицких рабочих и выступил также с рядом ярких литературных произведений из жизни украинских трудящихся на Западной Украине.

К концу XIX в. на Западной Украине в связи с развитием капитализма и усилением классовой борьбы появляются политические партии. В 1890 г. левые «народовцы» образуют радикальную партию народнического типа, переродившуюся в 1899 г. в буржуазную национал-демократическую партию; возникает социал-демократическая партия. С 1870-х годов борьба украинского народа на Западной Украине за свое социальное и национальное освобождение принимает все более резкий и напряженный характер: начинаются забастовки рабочих, крестьянские выступления.

Под влиянием революции 1905 г. в России народное движение охватывает Австро-Венгрию и вынуждает австрийское правительство ввести в стране всеобщее избирательное право. Борьба украинского народа против австро-польского гнета не прекращается до падения австрийской монархии в 1918 г., когда в истории Западной Украины начался новый этап.

Последним был заслушан доклад члена-корреспондента Академии наук СССР проф. В. И. Пичеты «Некоторые проблемы изучения истории Западной Белоруссии». В своем докладе проф. Пичета подчеркнул, что история украинского и белорусского народов на протяжении ряда веков взаимно переплеталась, особенно в той великой национально-освободительной борьбе, которую вел украинский народ против панской Польши. Такая тесная связь истории русского, белорусского и украинского народов выдвигает перед нашими историками ряд проблем прошлой истории Украины, требующих разработки. К числу таких проблем проф. Пичета относит в первую очередь вопрос о политике польской шляхты в отношении к Белоруссии в XVI в., когда, по Люблинской унии, польская шляхта захватила основную массу украинских земель. По мнению докладчика, вопрос о братствах и их роли в истории Белоруссии и Украины заново должен быть рассмотрен и изучен. Но особое значение для изучения истории Белоруссии и Украины имеет, по мнению докладчика, вопрос об образовании белорусской и украинской народности. По этому вопросу нет еще марксистских монографий, и он должен стать в самое ближайшее время предметом тщательного изучения наших историков.

В своей заключительной речи тов. Белоусов подвел краткие итоги работы, проведенной сессией, и высказал уверенность, что научные связи между Институтом истории Академии наук СССР и Институтом истории Украины Академии наук УССР в дальнейшем будут все крепнуть и развиваться на пользу советской исторической науке.

Участники сессии вынесли пожелание, чтобы в 1940 г. очередная сессия Института истории Украины Академии наук УССР состоялась во Львове. Эта сессия должна быть проведена совместными силами историков Института истории Академии наук СССР и Института истории Украины Академии наук УССР.

Н. Петровский

Научно-исследовательская работа исторического факультета Педагогического института им. М. И. Калинина в г. Калинине

Исторический факультет Педагогического института им. М. И. Калинина существует уже не первый десяток лет. За это время он дал не только несколько выпусков преподавателей истории, но и ряд молодых научных работников, проходящих или уже закончивших аспирантуру.

Факультет имеет 2 кафедры, объединяющие коллектив научных работников в 16 человек. Коллектив проводит углубленную научно-исследовательскую работу в форме экспедиций, научных экскурсий, разработки ряда вопросов; параллельно идет индивидуальная научная работа над отдельными темами.

В 1938—1939 гг. каждая кафедра выполнила следующую работу: кафедра истории СССР в октябре 1938 г. в порядке осуществления пятилетнего плана археологических работ провела две экспедиции. Первая экспедиция — в город Торопец, в которой участвовали проф. А. Н. Вершинский, археолог Н. П. Милонов и два студента, установила наличие на территории Торопца двух древних городов и добыла ценные материалы, характеризующие ремесленное производство и сельское хозяйство XI—XII веков. Мощные культурные слои (до 3 метров толщиной) городища Кривит, бывшего центром города XI—XII вв., содержали предметы кузнечного, гончарного и других производств. Сохранились, частью в обугленном виде, зерна ячменя, пшеницы, ржи, головки хмеля. Хорошая сохранность дерева позволила установить характер и технику построек XI—XII веков. Второе городище, бывшее укреплением торопецкого кремля с XIV по XVII в., дает прекрасное представление о том, как строились земляные валы кремля. Очень интересны подстилающие слои городища Кривит. Они содержали кремневые орудия, по форме близко подходящие к поздненеолитическим и фатьяновским типам каменных поделок.

Полный отчет экспедиции будет опубликован в одном из очередных выпусков «Ученых записок» Педагогического института.

30 мая и 8—10 июля 1939 г. под руководством проф. Вершинского была проведена вторая историко-археологическая экспедиция—к устью р. Тьмы. В экспедиции

участвовало до 55 студентов и научных работников. Была произведена топографическая съемка 73 курганов, расположенных на берегу Волги, близ устья р. Тьмы, вскрыто 5 курганов, где были найдены керамика, украшения, монеты XI—XII веков. Наиболее значительным результатом экспедиции было открытие не замеченного предшествующими исследователями селища Дьяковской культуры V—VI веков нашей эры. В его слоях были обнаружены керамика, кремневые орудия и фигурка лошади, сделанная из кремня. Часть курганов насыпана непосредственно на слое Дьяковской культуры. Это обстоятельство говорит о преемственности культур, о связи славянской культуры кривичей с более ранними культурами.

Сотрудники кафедры и студенты коллективно составляют археологическую карту Калининской области. Эта капитальная работа рассчитана не на один год. Уже выполнен черновой набросок карты и установлено 1200 точек — местонахождений памятников материальной культуры.

О первых итогах работы — коллективной и индивидуальной — кафедра истории СССР сделала отчет на организованной 8 мая 1939 г. научной конференции. В работах ее приняло участие студенчество, представители общественных организаций и научных учреждений Академии наук СССР.

Проф. А. Н. Вершинский в своем докладе «Проблема изучения культуры кривичей в связи с вопросом образования великорусской народности», используя материалы экспедиций кафедры, лингвистические данные, географическую номенклатуру, дал новые убедительные доказательства ошибочности взглядов Ключевского и Покровского, принижавших роль славян в процессе формирования русской народности.

Кандидат исторических наук Н. П. Милонов сделал доклад о результатах раскопок в Торопце.

Доцент М. А. Розум в докладе «Тверские либералы в реформе 1861 г.» охарактеризовал виднейших представителей тверских либералов и основные течения среди дворянства Тверской губ. в связи с подготовкой к реформе 1861 года.

Члены кафедры истории СССР выполнили следующие индивидуальные работы: проф. А. Н. Вершинский написал для издаваемого Институтом истории Академии наук многотомника по истории СССР статью «Верхневолжские карелы в первой и во второй половине XIX в.»; подготовил работу «К истории развития феодальных отношений в Верхнем Поволжье. — Памятники раннего феодализма на р. Медведице» для «Ученых записок» Педагогического института; написал выпущенные отдельной книжкой Калининским областным издательством исторические очерки «Города Калининской области»; опубликовал исторический очерк «Тверь — Калинин» в журнале «Наша родина» Доцент М. А. Розум закончил диссертацию «Тверские либералы в реформах 1860-х годов». И. о. доцента Н. П. Милонов написал для «Ученых записок» Института статью «Курганы и селища по р. Медведице»; ассистент А. С. Макаров работает над темой «Столыпинская реформа в Тверской губернии»; ст. лаборант З Г. Карпенко подготовила статью «Работные люди Российско-американской компании» для «Ученых записок» Института, работает над темой «Переселение в Сибирь с 1861 по 1917 г.».

Научные работники кафедры всеобщей истории выполнили следующую работу. Проф. А. С. Башкиров в основном закончил диссертацию на тему «История антисейсмических сооружений в древнем мире». Доцент Д. И. Панкратов подготовил для печати работу «Восстание союза Башмака». Движение крестьян в югозападной Германии, известное под именем движения Башмака, почти не отражено в нашей исторической литературе, между тем это движение имело огромное влияние на возникновение великой крестьянской войны 1525 года. В работе Д. И. Панкратова дается критика буржуазных историков, которые, фальсифицируя исторический материал, извращают крестьянское движение средних веков. Отдельные главы из этой работы войдут в «Ученые записки» Института. И. о. доцента П. М. Травин работал над диссертацией на тему «Национальный вопрос в Австрии в середине XIX в.»; и. о. доцента В. Н. Тарасов подготовил для «Ученых записок» статью «Речение Ипувера как источник».

Члены кафедры всеобщей истории приготовили также ряд докладов к научной сессии Института, посвященной 150-летию французской революции.

В заключение следует отметить участие студентов в научной работе Института. Одни участвовали в экспедициях кафедры истории СССР, другие — в составлении археологической карты Калининской области. Работали студенческие кружки по изучению древней истории, истории средних веков и истории СССР. Во время летних каникул 4 студента были командированы на работу в музеи Калининской области.

Однако вовлечение студенчества в научно-исследовательскую работу пока нельзя признать достаточным. Большее привлечение студентов к участию в научно-исследовательской работе, пробуждение большего интереса к ней среди широких слоев студенчества — такова задача кафедр исторического факультета на будущее время.

З. Карпенко

Научная библиотека Казанского университета

По количеству книжных богатств научная библиотека Казанского университета занимает третье место в Союзе. Библиотека эта организована 135 лет тому назад при вновь открытом тогда Казанском университете, основным фондом для нее по-

служила большая библиотека «светлейшего» князя Г. А. Потемкина, завещавшего ее в свое время казанской гимназии. Теперь в библиотеке больше 2 млн. томов. Исторический раздел библиотеки необычайно богат и разнообразен: в нем насчитывается около 30 тыс. томов, причем имеются уникумы, пользующиеся известностью даже за пределами Советского Союза. В библиотеке имеются в подлинниках документы Великой буржуазной французской революции 1789 г., есть много книг, напечатанных при Петре I, книги, печатанные русским первопечатником Иваном Федоровым, Острожская библия 1581 г., «Книга царств» в издании Скорины в Праге 1518 г.; есть редчайшие западноевропейские рукописи, а также вызывающие восторг читателей «эльзевиры» и «альдины». Имеются в нескольких комплектах все наиболее выдающиеся представители исторической науки, начиная от древних — Геродота, Фукидида, Плутарха — и кончая Фюстель де Куланжем, Токвилем, Тьером, Тьерри, Тэном. Хорошо представлена русская историческая наука: есть сочинения Голикова, Татищева, Карамзина, Соловьева, Кавелина, Сергеевича, Щапова (в свое время был профессором в Казани). Представлены редчайшие документы по истории восстаний Степана Разина и Емельяна Пугачева, а также по эпохе татарского завоевания. Богато представлен раздел «Средние века» и, в частности, Ренессанс. Имеется значительный фонд по истории искусств Западной Европы, Востока всех эпох и России Редчайшие гравюры, справочники, путеводители по музеям, монументальные труды Вазари, Винкельмана и некоторых других выдающихся искусствоведов украшают полки научной библиотеки Татреспублики.

В Институте истории Академии наук СССР

В Институте истории Академии наук 15 декабря текущего года под председательством акад. В. П. Волгина состоялось очередное заседание бюро Главной редакции «Всемирной истории». На обсуждение была поставлена глава о крито-микенском обществе и культуре, представленная для III тома «Всемирной истории» проф. Богаевским под заглавием «Население материковой и островной Греции на различных этапах развития первобытно-общинного строя в Восточном Средиземноморье». В заседании, кроме членов бюро, принял участие ряд специалистов по истории первобытного общества и древнего мира: проф. Никольский, Ранович, Зельин, Толстов, Блаватский.

Основная мысль проф. Богаевского состоит в том, что крито-микенское общество и культура представляют более раннюю стадию развития по сравнению с гомеровской Грецией, а поэтому на Крите должны были существовать более примитивные отношения чем в гомеровской Греции. Автор подбирает и интерпретирует археологический материал, исходя из этой предвзятой идеи, старается доказать, что крито-микенское общество было родовым, доклассовым обществом. Но богатый и сложный материал археологических памятников крито-микенской эпохи, особенно новейшие археологические открытия, обнаруживает неправильность этой идеи проф. Богаевского Развитая, существовавшая уже в течение веков письменность, наличие обширного административного аппарата (писцов), сложная система хозяйственного учета (тысячи табличек), наличие городских центров, оживленные торговые и культурные сношения с Египтом, высокоразвитые искусство и техника и многое другое говорят о высоком уровне развития крито-микенского общества. Подходя со своей искусственно созданной схемой к материалу, проф. Богаевский частью игнорирует его, частью интерпретирует так, чтобы это подходило к схеме.

Для подкрепления своей концепции проф. Богаевский использует относящиеся к другим вопросам высказывания Маркса и Энгельса, ибо, как известно, Маркс и Энгельс не знали о крито-микенской культуре (она была открыта после их смерти). Использование цитат, да еще такое, не может, конечно, заменить тщательного изучения источников и документов, которого требует подлинная марксистская историческая наука.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ В декабре 1938 г. в Бенаресе (Британская Индия) состоялась конференция, посвященная политическим наукам. В работах конференции приняли участие индийские ученые, занимающиеся историческими, экономическими и политическими науками. Вынесено решение — созывать эти конференции ежегодно. Решено также приступить к изданию квартального журнала под названием «Indian Journal of political science». Редактором журнала назначен профессор Аллахабадского университета — Бени Бразад. Журнал этот наряду с подробной информацией о научных конференциях будет печатать общие статьи, посвященные вопросам индийской конституции и политическим проблемам Дальнего и Ближнего Востока и Индии.

◆ Неожиданная находка сделана в Южном Ливане, в Решат: пастух случайно наткнулся на небольшой железный ящик, спрятанный в одной из расселин, в камнях. Свою находку пастух передал местным властям. Содержимое ящика оказалось чрезвычайно ценным: оно состоит из золотых монет и вещей. Среди них имеется 29 монет с надписью «Нет бога, кроме бога, Магомет пророк его» с датой 112 г. хиджры (734 г. н э.). На других монетах имеются христианские изображения (Иисус). Надписи на монетах и других вещах сделаны по-арабски и еврейски («Correspondance d'Orient». 1939).

SOMMAIRE:

J. Staline. La social-démocratie, comment entend-elle la question nationale? — J. Staline. La classe des prolétaires et le parti des prolétaires. — Sidorove A. Le commencement de la première révolution bourgeoise et democratique en Russie. ARTICLES: Tchernomordik S. Staline et la collectivisation. — Zakharove S. L'Angleterre pendant la première guerre impérialiste (1917—1918). — Nayda S. Le procès ges 52 matelots de la flotte Baltique. — INFORMATIONS: Porchneve B. Que représentait «le tiers-état» en France du XVII-e siècle? — Halpérine A. Revue des relations internationales à l'Extrême Orient (1918—1929). — Mirochevsky W. Catherine II et Francisco Miranda (sur la question des connexions internationales des séparatistes hispano-américains au XVIII-e siècle. — CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE: ARTICLES CRITIQUES ET REVUES. — COMPTES-RENDUS. — NOTES BIBLIOGRAPHIQUES. NOTES HISTORIQUES. CHRONIQUE.

CONTENTS:

J. Stalin. How the social-democratic party conceives the national question? — J. Stalin. The class of the proletarians and the party of proletarians. — Sidorov A. The beginning of the bourgeois-democratic revolution in Russia. ARTICLES: Tchernomordik S. Stalin and the collectivization. — Zakharov S. England during the first imperialistic war (1917—1918). — Nayda S. The process of 52 sailors of the Baltic fleet. INFORMATIONS: Porshnev B. What did represent «the third estate» in France of the XVII century? — Halperin A. Review of international relations in the Far East (1918—1929). — Miroshevsky W. Catherine II and Francisco Miranda (on the question of the international connections of the spanish-american separatists in the XVIII century). CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY: CRITICISMS AND REVIEWS. — REVIEWS OF BOOKS. — BIBLIOGRAPHICAL NOTES. HISTORICAL NOTES. CHRONICLE.

INHALT:

J. Stalin. Wie fasst die Sozial-demokratie die nationale Frage auf? J. Stalin. Die Klasse der Proletarier und die Proletarierpartei. — Sidorow A. Der Beginn der ersten bürgerlich-demokratischen Revolution in Russland. ARTIKEL: Tschernomordik S. Stalin und die Kollektivierung. — Zacharow S. England wärend des ersten imperialistischen Krieges (1917—1918). — Naida S. Der Prozess der 52 Matrosen der Baltischen Flotte. MITTEILUNGEN: Porschnew B. Was stellte «der dritte Stand» in Frankreich des XVII Jahrhunderts vor. — Halperin A. Uebersicht der internationalen Beziehungen im Fernen Osten (1918—1929). — Miroschewsky W. Katharina II und Francisco Miranda (zur Frage über die internationalen Verbindungen der spanisch-amerikanischen Separatisten im XVIII Jahrhundert). KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE: KRITISCHE ABHANDLUNGEN UND UEBERSICHTEN. — BÜCHERBESPRECHUNGEN. — BIBLIOGRAPHISCHE NOTIZEN. HISTORISCHE NOTIZEN. CHRONIK.